

АКАДЕМИК ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БЕЛЯЕВ

Книга воспоминаний

Ответственные редакторы:

академик В.К.Шумный,

д.б.н. П.М.Бородин,

д.б.н. А.Л.Маркель,

к.б.н. С.В.Аргутинская

Новосибирск 2002

Оглавление

Предисловие	4
<i>Аргутинская С.В.</i> Дима	6
<i>Васина-Попова Е.Т.</i> Полвека дружбы	91
<i>Шумный В.К.</i> Сверяем поступки по своим учителям	105
<i>Трут Л.Н.</i> Долгая жизнь идеи	113
<i>Салганик Р.И.</i> Преданность генетике	119
<i>Кикнадзе И.И.</i> Учитель жив в своих учениках	123
<i>Иванова Л.И.</i> Синтез наук.....	135
<i>Попова Н.К.</i> Что определяет поведение?	139
<i>Ратнер В.А.</i> Нить научной преемственности	143
<i>Корочкин Л.И.</i> Возвысить свой голос в защиту науки.....	155
<i>Драгавцев В.А.</i> Забота о человечестве	163
<i>Клочков Д.В.</i> Свет – это жизнь.....	176
<i>Рувинский А.О.</i> Незабываемая генетика	181
<i>Бородин П.М.</i> Понять человека	191
<i>Колчанов Н.А.</i> Суха теория, мой друг	209
<i>Родин С.Н.</i> Увидеть за частным общее	216
<i>Сандахчиев Л.С.</i> Безграничная готовность помочь.....	223
<i>Будашкина Е.Б.</i> Так называемая общественная работа	226
<i>Чекуров В.М.</i> Устойчивость к вымерзанию	230
<i>Филатов А.П.</i> Служить Отечеству.....	246
<i>Волков Б.Н.</i> Фронтовое братство.....	251
<i>Коган А.С.</i> Не умирай, пока живешь!	260
<i>Ибрагимова З.М.</i> Планка личной ответственности	270
<i>Данилин Ю.В.</i> Не смей дописывать за академика.....	278
Штрихи к портрету.....	287
<i>Лаврентьев М.А.</i>	287
<i>Марчук Г.И.</i>	292

<i>Иванов В.И.</i>	295
<i>Полянский Ю.И.</i>	297
<i>Скандалиос Дж.</i>	298
<i>Маркерт К.</i>	299
<i>Цильке Р.А.</i>	300
<i>Дымишц Г.М.</i>	303
<i>Черный И.В.</i>	306
<i>Сидорова К.К.</i>	308
Три письма о ДК	311
<i>Воронина Е.Н.</i>	311
<i>Берсимбаев Р.И.</i>	314
<i>Мэннинг Обри</i>	317
<i>Д.К.Беляев. Письма к П.Ф.Рокицкому</i>	321
<i>Д.К.Беляев. «Я верю в добрые начала человека...»</i>	340
Приложения	
Основные даты жизни и деятельности Д.К.Беляева	344

Предисловие Дорогой читатель!

Книга, представленная Вашему вниманию, посвящена памяти выдающегося человека, ученого-генетика Дмитрия Константиновича Беляева и составлена из воспоминаний его друзей и соратников. Ясно, что академик Д.К.Беляев не родился ни академиком, ни директором крупнейшего в мире Института цитологии и генетики. Долгий и тернистый путь довелось пройти ему до той вершины, с которой времени уже не удастся столкнуть его в небытие. И вот о жизни Дмитрия Константиновича Беляева, о своей жизни, прожитой рядом с ним, вспоминают совершенно разные люди. И воспоминания совершенно разные по языку, по стилю, по описываемым событиям, по объему, наконец. Но все они объединены одним – они посвящены Дмитрию Константиновичу Беляеву, оставившему памятный след в жизни этих людей. И этой памятью они дорожат и хотят сохранить ее и донести до всех, кому дороги и интересны события, происшедшие в жизни нашей страны, нашей науки, наших современников в недавно закончившемся и, пожалуй, одном из самых драматичных в истории человечества XX веке. Летопись века складывается из летописей жизни людей, проживших в нем, и одним из них был герой этой книги Дмитрий Константинович Беляев.

В очерках, коротких рассказах и просто заметках, вошедших в эту книгу, отражены разные стороны личности Дмитрия Константиновича, разные периоды его жизни. Но все эти воспоминания окрашены чувством непосредственного восприятия, ощущением близкого и живого общения, согреты теплотой искренних человеческих чувств и переживаний, благодаря чему личность Дмитрия Константиновича как будто оживает на страницах этой книги и читатель становится как бы причастным к общению с ним. Именно в этом особенность данной книги, которая делает ее отличной от других вышедших ранее и посвященных Д.К.Беляеву изданий. Конечно, Д.К.Беляев с бытовой точки зрения был обыкновенным человеком, полностью разделившим судьбу своего народа и своего поколения, человеком, которому ничто человеческое не было чуждо. Но..., и вот здесь начинается самое интересное и загадочное: каким образом обыкновенные человеческие черты и качества порождают то, что делает этого человека необыкновенным, в данном случае выдающимся ученым, каким был Дмитрий Константинович Беляев? Как это происходит, игра ли случая, или предначертанность

или счастливое совпадение того и другого? «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?». Сейчас трудно вспомнить, по какому поводу и когда Дмитрий Константинович повторил эти пронзительные пушкинские стихи, но очень хорошо запомнилась оглушительная пауза, которая за этим последовала. (Вообще, надо заметить, что Д.К.Беляев был потрясающим мастером расстановки пауз, которые значили в его речи не меньше, чем слова, и, уж во всяком случае, придавали словам иногда совершенно новый, подчас неясный смысл, смысл недосказанного, но угадываемого). Наверное, жизнь становится ненапрасным и неслучайным даром, если человек угадывает, «зачем» она ему дана. Очевидно, Дмитрий Константинович угадал свое предназначение, предназначение истинного ученого, не просто собирателя фактов, а провидца и первооткрывателя неувиденных до него закономерностей. Он был, по выражению Ганса Селье, гештальт-биологом – творцом нового в биологии. Он был первым, кто сформулировал положение о значении отбора по регуляторным системам в формировании изменчивости, о роли стресса в биологической эволюции, о латентной скрытой генетической изменчивости, которая мобилизуется в критических ситуациях, в условиях стресса. «Генетика – это наука о наследственности и (пауза)... изменчивости», – так любил говорить Дмитрий Константинович. Изменчивость и наследственность – два основных свойства жизни, благодаря которым осуществляется эволюция, и если законы наследственности в значительной мере описаны, то законы изменчивости ждут своего часа. И Д.К.Беляев – один из первооткрывателей этих законов.

Вот этот дар провидения и делает личность Д.К.Беляева необыкновенной, он проглядывает через все его личностные характеристики, направляет его поведение, его настроение и мысли. Эта незаметная на первый взгляд, но очень существенная отличительная черта и делает человека необыкновенным и интересным во всех его проявлениях. Она, как магнитом, привлекает к нему других людей и как бы поляризует его окружение. Поэтому мы считаем, что книга воспоминаний о Дмитрие Константиновиче Беляеве может заинтересовать и взволновать всех, кто хотел бы больше узнать о судьбах ученых-генетиков в нашей стране, о творческом развитии генетической науки, о новосибирском Академгородке, о нашей жизни в нем и вне его и о самом Дмитрие Константиновиче Беляеве.

С.В.Аргутинская

Дима

Жена Д.К.Беляева, кандидат биологических наук, с 1959 по 1981 гг. – старший научный сотрудник лаборатории молекулярной генетики ИЦиГ

Детство

Небольшое село Протасово в Костромской губернии, чудесная среднерусская природа, широкие поля, перелески, красивая церковь, небольшой пруд посреди села, деревянный домик школы в соседнем селе – эти картины детства глубоко врезались в память и манили к себе, а все «дела да дела», лишь через 40 лет, в 1973 г. Д.К.Беляеву удалось побывать на родине. Домов осталось вдвое меньше, кресты чуть покосились, но это была родина. Он с увлечением фотографировал село и церковь. Он шагал вдоль двора, узнавал и не узнавал родные места. Пытался представить, где стоял дом – он не сохранился, где была яблоня, на которую он забирался мальчонкой, где был малинник. Все его трогало, волновало. Нужно было видеть лицо Дмитрия в родных краях, сосредоточенное и одухотворенное. Мне удалось уловить это выражение для снимка.

ДК оставил запись для Нерехтинского музея в родных местах: «Я родился в селе Протасово 17 июля 1917 года. Мой отец Константин Павлович был священником и вместе с моей матерью они прожили в селе Протасово 30 лет. Я жил с родителями до 1927 года, учился в Хомутовской школе в соседнем селе. Я вспоминаю своих учителей с благодарностью и большим уважением, так же, как и всех протасовских крестьян, которые очень хорошо относились к нашей семье». Мать Евстолия Александровна была любимицей в селе. К кому идти за советом, лекарством, помощью? – к матушке. И шли, и находили то, что искали. Доброжелательная, энергичная, работающая – она справлялась и с небольшим крестьянским хозяйством, и с тремя детьми. Здесь, в Протасово, прошло его раннее детство. Здесь со старшим братом Николаем, который был старше его на 18 лет, ловили бабочек. Для брата это

была работа – готовил экспонаты для учебных пособий, а парнишке – забава. Запомнились поездки «в ночное» с деревенскими сверстниками, купание коней, ночи у костра. Он научился косить и делал это умело и красиво. Будучи уже в Сибири, он однажды организовал всех ученых мужей института на покос сена для экспериментальных животных.

Дима рано увлекся чтением. Чтение вслух вечерами, особенно зимними, было в традициях семьи. У родителей была большая, редкая для деревни библиотека, а на чердаке хранились подшивки старых журналов и газет. Дмитрий забирался туда и читал подшивки «Нивы» и других старых изданий. ДК хорошо знал и любил русскую литературу.

У него на всю жизнь сохранилось трогательное, светлое воспоминание о своей первой учительнице Марии Владимировне Коншиной. Как он радовался, когда узнал во время своего приезда в Протасово, что она жива и недавно побывала в старой школе. А здание школы он узнал по сохранившемуся на стене знаку: «Русское страховое общество». Сосредоточенно осматривал школу, вспоминал, как они, ученики с первого по четвертый классы, сидели в одной комнате и могли решать задания не только свои, но и для старших классов. «Она учила нас читать и писать, – позже вспоминал ДК свою учительницу в одном из интервью, – но главное, что она сумела нам передать, – это чувство ответственности. Это важнейшее начало в любой человеческой деятельности, и ему, как я убедился, следует учить всю жизнь».

Он очень любил и почитал своих родителей. Дети через всю жизнь пронесли чувство глубочайшего уважения и любви к родителям, сохраняя сердечные отношения между собой. Священников в те времена не очень-то жаловали. Пришлось отцу ДК и в тюрьме посидеть, правда, недолго. Не от хорошей жизни десятилетнего мальчика родители отправили продолжать учебу в Москву, в семью старшего брата. Матери нелегко было отпускать от себя младшего сына в таком раннем возрасте.

Итак, деревенский парнишка, расставшийся с отчим домом, после второго класса очутился в Москве, в известной арбатской школе, бывшей «Хвостовской» гимназии, основанной просветителем В.М.Хвостовым. Представьте себе его, деревенского паренька, по-волжски окающего, среди столичных школьников. Он вспоминал, как он впервые увидел роскошно одетую, как тогда ему показалось,

учительницу немецкого языка, которую весь класс приветствовал хором: «Guten morgen, Альма Юльевна». Он не понял ни одного слова. А свое достоинство пришлось отстаивать не только кулаками, но и упорным трудом. Вскоре он освоил и мудреный немецкий язык, и другие предметы, даже опередил учеников, смотревших на него поначалу с превосходством. Дмитрию повезло со школой: она славилась своими гуманистическими традициями и высокообразованными учителями, заложила в нем прекрасный фундамент знаний, на всю жизнь определила дружбу с некоторыми одноклассниками. Уже будучи зрелым ученым, ДК часто возвращался мыслями к школьным годам, особенно в беседах с дочерью В.М.Хвостова Верой Вениаминовной Хвостовой, замечательным генетиком и преданным другом ДК.

Судьба старшего брата

В Москве Дмитрий жил в семье своего старшего брата, замечательного генетика Николая Константиновича Беляева, который работал в то время в лаборатории С.С.Четверикова в Институте экспериментальной биологии, директором института был Н.К.Кольцов. Лаборатория вошла в историю как одна из первых и сильнейших генетических школ, давшая старт плеяде блестящих ученых-генетиков, гордости нашей науки. Вместе с Н.К.Беляевым в ней работали Б.Л.Астауров, Е.И.Балкашина, П.Ф.Рокицкий, С.М.Гершензон, Д.Д.Ромашов, В.В.Сахаров, Н.В.Тимофеев-Ресовский и его супруга Елена Александровна. Энергичные, увлеченные наукой, готовые и к длительным экспериментам, и к веселым выдумкам, особенно во время летних экспедиций, молодые ученые создавали удивительно творческую и дружескую атмосферу. Дмитрий был свидетелем Четвериковских чайных сред, знаменитых семинаров – СООРов (что значило совместное орание). К работе этих семинаров Сергей Сергеевич относился очень серьезно. ДК вспоминал, что участником семинара можно было стать лишь при рекомендации двух «действительных» членов. Дискуссии были неограниченными, весьма серьезными, сопровождалась чаем и печеньем, проводились они в семьях поочередно. И что самое важное, эти встречи заставляли всех постоянно учиться. Перед семинарами его участники получали задание реферировать статьи независимо от языка, на котором они были

опубликованы, и представлять на семинарах всю доступную литературу по интересующей проблеме, не ограничиваясь одной статьей или журналом. При этом предоставлялась полная свобода в высказывании собственной точки зрения.

Николай Беляев был несколько старше и серьезнее своих коллег. В своих воспоминаниях о Н.К.Беляеве Б.Л.Астауров и другие писали, что он был одним из наших наиболее одаренных генетиков, демагогически обвинен во вредительском применении формально генетических методов во время работы в Грузии и разделил судьбу Н.И.Вавилова, Г.Д.Карпеченко, Г.А.Левитского и других. За короткую (1899–1937 гг.), рано оборвавшуюся в период необоснованных репрессий жизнь талантливый ученый Н.К.Беляев сделал поразительно много. Приход Николая Константиновича в шелководство оказал определяющее влияние на все генетико-селекционные достижения и реформы в шелководстве. Он обладал недюжинными организаторскими способностями и оставил заметный след в истории отечественной генетики и шелководства. Его исследования по расшифровке физиологических механизмов онтогенеза, лежащих в основе фенотипической изменчивости признаков, работы по кариосистематике и коррелятивной изменчивости, а также эволюционно-генетические выводы сохранили свое значение в течение нескольких десятилетий развития науки.

Пример жизни старшего брата, беседы с ним, летние экспедиции на опытную станцию института, доступность биологической литературы способствовали раннему пробуждению у Дмитрия интереса к биологии. Он не отрываясь прочел книгу Э.Вильсона о клетке и рассказывал, как его буквально поразили картины клеточного деления, которые он впервые увидел в детстве в книжке Р.Гольдшмидта «Аскарида»: «И книжечка-то маленькая», – как бы сам удивляясь, говорил ДК, – а так оказалось интересно». Много позже нам посчастливилось увидеть эти картины в непрерывном процессе в кинофильме А.Байера, показанном Б.Л.Астауровым в конспиративной обстановке уже в период гонения на генетику.

К сожалению, тесное общение с братом прервалось в конце 1928 года, когда Н.К.Беляев по совету Н.К.Кольцова уехал работать в Ташкент, где он успешно организовал исследовательские работы по шелководству. А прославленная лаборатория в 1929–1932 гг. постепенно расформировалась вследствие давления

извне. Вскоре в Ташкент переехал и Б.Л.Астауров, а через некоторое время Николаю Константиновичу было поручено заново организовать производство и научные исследования по шелководству в Закавказье. Он основал сеть из нескольких станций, подготовил докторскую диссертацию, которую ему так и не удалось защитить, но которая послужила основой для дальнейших исследований по генетике шелкопряда.

Судьба всей семьи брата трагична. Перед самым арестом в 1937 году Николай Константинович был в Москве по делам. Ему все советовали не возвращаться в Тбилиси, там уже шли аресты ученых. Он вернулся, был арестован, вслед за ним такая же участь постигла его жену Нину Петровну, талантливую художницу. Их двенадцатилетний сын остался один, позже соседи вызвали сестру Нины Петровны. Во время обыска, конфискации имущества и книг следователь, пожалев напуганного мальчика, дал ему одну из книг, сказав при этом: «Возьми на память об отце». Ведь он только что видел отца живым и здоровым и вот – «на память». Николай Константинович был расстрелян по решению «тройки» 10 ноября 1937 года, а родным на многочисленные запросы отвечали, что он осужден на 18 лет без права переписки. Мама Николая Константиновича Евстолия Александровна искала его жену по тюрьмам, ведь переписка не разрешалась. Она, собрав посылку, ездила в разные тюрьмы, чтобы ее передать, и если посылку брали, значит, осужденный в этой тюрьме. Она побывала в нескольких городах, и всюду ей возвращали эту посылку, и наконец, посчастливилось, взяли. Так удалось узнать, в какой тюрьме находилась Нина, и продолжали посылать ей посылки. Во время войны она была в тюрьме недалеко от г. Бийска. Нина считала, что выжила благодаря помощи родных и тому, что заставляла себя есть ту баланду, которую им выдавали.

Несколько раз Евстолия Александровна писала письма Сталину, последнее мы писали. Пришел ответ точно такой же, как и прежде: «Ваш сын осужден на 18 лет без права переписки». Правду мы узнали только в 1956 году из документа по реабилитации. Дмитрий Константинович ездил в Тбилиси, хотел побольше узнать о своем брате, встречался с его коллегами. Тяжелая была поездка, но удалось узнать немного, только в 1970-е годы он смог познакомиться с делом Николая Константиновича.

Единственный сын Николая Андрей пропал без вести во время войны.

Жизнь в Москве

После отъезда брата в Ташкент Митя жил в большой семье сестры Ольги. Сестра, обремененная семьей, малыми детьми, билась изо всех сил, При этом сохраняла доброжелательную и спокойную атмосферу в семье. Митя еще год ездил через всю Москву в полюбившуюся школу на Арбате, а потом стал учиться в фабрично-заводской семилетке. Здесь для подростка были уже другие «университеты», он сам рано пошел работать токарем на вагоноремонтный завод с красивым названием «Мосжержез». Дмитрию пришлось пережить резкие жизненные перемены. Вспоминая эти годы, он иногда сам удивлялся, что не свернул с правильного пути. Все эти перемены в его жизни только закалили его характер.

Студенческие годы

Дмитрий не терял интереса к биологии, однако университет ему, сыну священника, несмотря на отсутствие конкурса в то время был недоступен по социальному происхождению – так это тогда называлось. Он сам решил поехать учиться в Ивановский сельскохозяйственный институт.

Судьба каждого человека во многом зависит от его учителей. ДК сам впоследствии стал учителем для многих. (В последующем в своем повествовании я буду называть Диму ДК, так, как называли его многие окружающие. В нашем семейном обиходе всю жизнь были совсем другие обращения, более ласковые). Ему повезло с преподавателями, обучение в институте проводилось на широкой общебиологической основе, преподавали московские профессора, курсы вели замечательные ученые, сами увлеченные наукой и способные увлечь студентов. ДК с благодарностью вспоминал рано ушедшего из жизни профессора биологии Д.А.Ласточкина, а с профессорами Б.Н.Васиным и А.И.Паниным он на всю жизнь сохранил сердечные дружеские отношения. Это им он обязан выбором любимой специальности – генетики.

Однажды, будучи уже студентом, Дмитрий получил письмо от отца. Перечислив нехитрые деревенские новости, Константин Павлович закончил письмо неприятным

известием: «обложили священника таким налогом, что нет возможности заплатить, а не заплатишь – в кутузку посадят». Просил помощи. Какие студенческие доходы? Вот и решил Дмитрий разгружать по ночам вагоны. И товарищи нашлись на эту работу среди своего же брата-студента. Разгружали ночами вагоны с углем, а утром – на занятия. Так он помогал семье. Его однокашники пишут, что их изумляла его работоспособность, он отработав ночь на разгрузке, не отдохнув, садился за книги и занимался. Эта способность очень помогла ему на фронте, когда приходилось работать в штабе армии целые дни и ночи без сна.

Бывший его однокурсник Н.Белоносков вспоминает: «Дима выгодно отличался от нас по воспитанию, общей культуре, по теоретической подготовке и широте кругозора. Всегда уравновешенный, он казался старше своих лет и нашел понимание и уважение, как среди «юнцов», так и среди ребят с жизненным и трудовым опытом. В друзья выбирал людей, в которых чувствовал самостоятельность мышления и поведения. Он учился отлично, с интересом, быстрее других умел находить нужную специальную литературу, любил поработать в читальном зале межвузовской библиотеки. И благодаря прекрасным способностям и собранности, хорошей памяти он учился легко, без особого напряжения. Уже со студенческих времен его отличала способность четко формулировать сущность проблемы и задачи, в этом он был великим мастером. Причем, это не были заученные фразы из учебника, а результат рассуждения, размышления, сопровождавшийся несколькими примерами из учебника или специальной литературы. Большинство студентов уже с 1-го курса участвовало в работе научных кружков, организованных при кафедрах. Дмитрий работал в зоологическом кружке, а затем в кружке по физиологии, а с 3-го курса он увлекся проблемами генетики и разведения, готовил доклады и уже тогда реферировал статьи на немецком языке, чем удивлял остальных студентов. Ставили эксперименты на дрозофилах, изучали закономерности наследования, интересовались путями создания новых пород и линий».

Все это заложило основу для дальнейшей научной работы, а производственная практика на опытной станции и в колхозе позволила ознакомиться с селекционной работой на стаде овец романовской породы, с племенным стадом ярославского крупного рогатого скота, с организацией труда в сельском хозяйстве и ведением

племенного учета. Колхозное начальство, однако, плохо понимало, зачем к ним приехали студенты и не знало что делать с ними. Безделье было Дмитрию не по душе, и они с товарищем настояли, чтобы их направили в другой колхоз. Везде Дмитрий проявлял инициативу: организовал ночную пастьбу скота, приготовление ацидофильного молока для телят, чтобы те не болели. Не гнушался он и грязной работы с вилами или лопатой. Довелось ему однажды и самого председателя выгонять со скотного двора, когда тот явился туда пьяным. Потом тот же председатель пригласил Дмитрия на вторую практику, теперь уже в должности специалиста, зав. фермой или зоотехника.

Вероятно, вследствие социального происхождения, наложившего отпечаток на его убеждения, он никогда не был членом пионерской организации, комсомола и даже, пройдя всю войну, не вступил в коммунистическую партию. Однако его общительность, отзывчивость и чуткость располагала к нему людей, и он всегда был в центре внимания, имел много друзей, с его мнением считались. На время студенческих каникул Дмитрий уезжал в Москву к сестре и там посещал научные конференции в ВАСХНИЛ и Тимирязевской академии. Ему посчастливилось слушать доклады академика Е.Ф.Лискуна, Д.А.Кисловского и других. На производственной практике на конном Госплемзаводе он познакомился с особенностями селекционной работы в коневодстве, с разными породами лошадей. Впоследствии, во время войны, когда ему пришлось служить короткое время в кавалерии, он не был новичком. Таким образом, практика как в овцеводческом хозяйстве, так и на конном Госплемзаводе утвердила его представление о важности и увлекательности генетики и селекции. И тут советы его учителей, профессоров Б.Н.Васина и А.И.Панина попали на благодатную почву. Он решил заниматься наукой.

Работа в лаборатории пушного звероводства

Окончив с отличием Ивановский сельскохозяйственный институт, ДК стал работать лаборантом в Центральной научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства, в которой его учитель профессор Б.Н.Васин заведовал отделом селекции и разведения. Первая квартира, вернее крохотная комната в бараке, которую

выделили ДК, была такой, что, лежа на постели он головой доставал одну стену, а ногами упирался в противоположную. Вспоминая, он шутил, что для туалета она показалась слишком большой, а для ванной маловата, вот ему ее и дали.

В своей первой научной работе Дмитрий Константинович изучал влияние отбора на интенсивность серебристости окраски меха у серебристо-черных лисиц – признак, определяющийся несколькими показателями: шириной серебристого кольца остевого волоса, площадью, занятой серебристым волосом, и, наконец, чистотой его окраса. ДК увлекал сам процесс генетического анализа, разложение полигенных признаков на составляющие и изучение согласованной изменчивости признаков. Материал для своих исследований он собирал в подмосковных звероводческих хозяйствах, ездил в Тобольский зверосовхоз, где в порядке шефства руководил всей селекционной работой большого хозяйства. Подготовил кандидатскую диссертацию и монографию по генетике пушных зверей.

Были семья, интересная работа, новые друзья, дружный молодой коллектив, хорошая библиотека, много радужных планов. Война все нарушила.

Военные годы

Нельзя сказать, что война оказалась для него неожиданной. Он, привыкший аналитически мыслить, чувствовал ее приближение: «Все к тому вело». Когда началась война, он был в Тобольском зверосовхозе, сразу решил возвращаться домой. Ехал долго: сначала на перекладных от совхоза до станции. А железные дороги уже работали по законам военного времени. На каждой станции ему пришлось быть свидетелем людского горя: проводы на войну, слезы, прощания – всеобщая мобилизация – шли и шли составы на Запад, на фронт.

Приехал и сразу пошел в военкомат. Профессор Б.Н.Васин уговаривал его повременить: «У Вас важная интересная работа, подождите, когда позовут». Нет, пошел сам, в августе 1941 года его призвали рядовым, а подготовки военной никакой. Быстро научили обращению с пулеметом и отправили на передовую, на Калининский фронт, на подступах к Москве. Боевое крещение получил уже по дороге на фронт –

их эшелон попал под сильную бомбежку, вагоны горели, солдаты рассыпались по канавам, а немецкие самолеты шли на бреющем полете один за другим.

Запомнился тяжелый переход с полной выкладкой под дождем. Колонна хлюпала по раскисшей дороге с утра до позднего вечера. В виде довольствия выдали по пачке пшенной каши и горохового супа. Таких пачки он раньше не видел никогда, кашу съел, а суп спрятал в противогаз, чтобы показать дома, настолько сильна была вера в то, что война скоро кончится. Наконец, привал в каком-то сарае. Все лежали вповалку на цементном полу, промокшие, уставшие. ДК удивлялся потом, что никто не заболел. Утром встретил приятеля с «гражданки», и когда при построении командир скомандовал: «Химики есть? Шаг вперед!» – они сделали этот шаг.

В тяжелых оборонительных боях их полк понес большие потери. Оставшихся в живых отправили в запасной полк на переформирование. Маленькая передышка, военная учеба, и в 1942 году ему было присвоено первое командирское отличие – три кубика в петлице. В запасном полку он пробыл 3 месяца. Обрадовался, когда в 1942 году из запасного полка его направили в боевую дивизию начальником химической службы 358-й стрелковой дивизии 4-й Ударной армии Калининского фронта. Там его встретили сурово: молодой и по званию не подходит, старший лейтенант, а должность для подполковника. «Ты посмотри, кого мне присылают, – сказал генерал начальнику политотдела, – как я с ними воевать буду?». Но вскоре он оценил ДК, подружился с ним и не хотел отпускать в другую часть.

В обязанности ДК входила разведывательная и оперативная работа, сверка карт с фактическим боевым охранением и расположением огневых позиций. Чуть ли не в первый день такой проверки он попал на минное поле, не обозначенное на картах, хорошо еще, что уже рассвело и он мог рассмотреть минные рогатки. Запомнился тяжелый бой за высоту 250-0, как она числилась на оперативных картах. Фашисты, засевшие на ней, очень досаждали нашим позициям, оттуда все просматривалось и простреливалось – узловая позиция. В упорных боях не удавалось овладеть ею. Дмитрий предложил решение использовать при атаке дымовую завесу. Бой был тяжелый, командир был ранен, и Дмитрий принял командование батальоном. Только к вечеру ценой больших потерь ворвались в окопы врага. А наутро приказ: «Отойти!», – не обеспечен тыл. Обидно было и больно. В этом бою он был контужен

и ранен в ногу. По приказу командира дивизии ДК оставили в дивизионном медсанбате, отлежался и опять в бой.

В самом начале войны ДК пришлось побывать в труднейших ситуациях: с боями отходили на новые рубежи, быстрым марш-броском уходили от угрозы окружения, долго держали оборону под г. Осташковом. Дмитрий не любил про это рассказывать, только по ночам его преследовали кошмары войны: кричал во сне.

Однажды отбили у немцев небольшую деревню Ильинское и на окраине этой деревни обнаружили сожженный сарай с обгоревшими расстрелянными мирными жителями: стариками, женщинами, детьми.

Каждый, кто пережил войну, помнит приказ № 227, его читали перед строем. ДК часто возвращался памятью к этому приказу: «Ни шагу назад!». Отступать дальше – это значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину.

Наступил перелом в войне. После Сталинградской битвы в 1943 году по всему фронту начались наступательные операции наших войск. ДК пришлось участвовать в наступательных боях: тяжелые бои под Велижем, знаменитый Невельский прорыв, Торопецко-Холмская операция, ожесточенные бои с большими потерями под Полоцком и Витебском, взятие Двинска. И наконец, в результате хитроумного обманного маневра форсировали Западную Двину. За разработку этой операции капитан Беляев получил орден Отечественной войны 2-й степени – это был второй полученный им орден. Первый боевой орден – Красной Звезды – ДК получил в январе 1944 года за то, что их соединение в ноябре 1943 г. не только обнаружило батарею 16-ствольных минометов нового немецкого оружия, но и захватило несколько артиллерийских установок.

Часть службы ДК провел строевым командиром, совмещая должность начальника химической службы дивизии и начальника штаба полка. И это ему казалось лучшим применением его сил и способностей, но в 1943 году, когда начались наступательные операции наших войск, возникло опасение, что фашисты решатся применять химическое оружие. Пришла жесткая директива: собрать по местам весь комсостав химической службы. Тогда-то капитана Беляева из дивизии направили в химотдел штаба армии. Его организаторские и деловые качества не остались незамеченными, и он был назначен заместителем начальника химических

войск 4-й Ударной армии по оперативно-разведывательной работе. Здесь было легче, так как штаб армии не всегда находился в зоне боевых действий, но и много труднее, так как три четверти времени, как рассказывал ДК, оперативные работники находились в войсках, но не в своей хорошо знакомой дивизии, а в разных соединениях с мало знакомой оперативной обстановкой, с большим объемом информации, с незнакомым командным составом.

ДК вспоминал с большим уважением начальника химических войск армии генерала А.В.Бабушкина, человека неистощимых сил и энергии. Он сам много работал и весь офицерский состав заставлял работать с огромным напряжением сил. В штабе сформировалась дружная команда, в основном кадровые офицеры, они пронесли крепкую дружбу через всю жизнь. Фронтовые друзья очень ценили ДК. «Не имея военного образования, он быстро приобрел качества, свойственные кадровому офицеру, свободно ориентировался в оперативной обстановке и после ее анализа предлагал наиболее целесообразные решения», – пишет полковник М.А.Вилинов. Другой его однополчанин Е.А.Троицкий вспоминает: «... Он отличался четкостью при отработке боевых операций, не избегал ответственных решений, а в случае неудачи брал ответственность на себя, не перекладывая вину на подчиненных». Так он поступал всю жизнь, даже в самых сложных ситуациях.

С фронта Дмитрий Константинович писал жене Вере хорошие письма, когда выпадала свободная минутка. Отдельные отрывки из этих писем она разрешила включить в эту книгу.

«16.05.42 г. Был в отъезде по делам службы. Сейчас у меня обстановка изменилась. Я уже не на фронте (не на передовых линиях), а в тылу, хотя сравнительно и ближнем (их часть была на переформировании после тяжелых боев. – Примеч. ред.). Начинаю скучать или, во всяком случае, чувствую себя не в своей тарелке без условий фронтовой жизни, там было совершенно иное. Теперь я хорошо понимаю, что человек может привыкнуть к любым условиям, даже к самым тяжелым условиям жизни фронта, в частности и к тем, которые пришлось испытать мне, особенно во время перерыва моих писем. Не писал я (и не мог писать) не только тебе, но и всем, с кем удавалось поддерживать переписку, в силу сложившихся условий. Если бы ты могла хотя бы представить себе то, что я видел и пережил сам за это

время. Если нам удастся когда-нибудь увидиться, я расскажу тебе, сейчас же описать хотя бы часть виденного – невозможно. Сколько времени я пробуду в таком положении, как сейчас, сказать невозможно. Но нужно все-таки думать, что недолго. Сейчас приближается время решающих боев, и ясно, что в тылу сейчас сидеть некогда».

В письме от июня 1944 года он пишет, что условия постоянного напряжения за горячей постоянной заботой и бесчисленными делами способны исключить, если не все, то многие личные, моральные и душевные качества человека. В отделе он бывает редко, преимущественно на ВПУ (Военно-политическом управлении. – Примеч. автора) и в частях.

«Зато с каким удовольствием слушал я сегодня концерт наш самодеятельный, примитивный, но такой чудесный. Концерт, конечно, построен на фронтовой тематике и поэтому доступен и понятен фронтовикам. И именно поэтому у меня вновь, в который уже раз возникает чувство контраста, оторванности от всего прежнего прекрасного, но теперь уже далекого и пережитого. И возникает чувство сомнения: не придется ли, если посчастливится, донести свою голову до конца войны, не придется ли вернуться непонятым и, может быть, смешным. Во всяком случае, мне бы очень хотелось, конечно, побывать в отпуске, посмотреть на людей, на жизнь, побыть с тобой, с сыном, посмотреть на него».

Ему очень хотелось поехать в отпуск: «Очень обидно, что все наши уже по несколько раз бывали в отпуске, а я уже третий год высидиваю безвыездно. Сейчас, однако, такая возможность совершенно исключается, и если возникнет, так только значительно позднее», – писал он 15 июля 1944 года. «Теперь, конечно, я и сам уж не прошу никуда, так как это немыслимо и просто непозволительно. У нас теперь идут постоянные бои, все время такая спешка и такое движение, что опять временами исключается даже возможность где-нибудь приткнуться и написать письмо. Скоро, видимо, войдем в прибалтийские республики, в отделе не был очень давно, то в разъездах, то на ВПУ сижу, а затем опять уеду в части.

Относительно вызова меня ЦНИЛом (о возможности чего писала ему жена. – Примеч. ред.), это вряд ли возможно и осуществимо, а кроме того (я и раньше

говорил об этом), я и сам не пойду туда до окончания войны. Вот побывал бы я там – с удовольствием, а совсем туда работать идти – сейчас еще рано».

В 1944 году во время Витебской операции ДК был еще раз тяжело ранен – прямым попаданием снаряда был разрушен блиндаж, в котором был штаб. Опять медсанбат, но в тыл не отправили по просьбе его начальника-генерала.

Судьба берегла его: «Мина упала рядом в снег и шипит, – мелькнуло, – моя, – не разорвалась. А в другой раз шальной пулей сразило на месте капитана, а я только что там стоял, проверял пулемет». Однажды после трудного перехода остановились в деревне на ночевку, в избе народу много, и Дмитрий забрался на печку, пригрелся, уснул. «Просыпаюсь, а в избе никого, выскочил на улицу, деревни нет, одни трубы торчат, а изба, где я спал, целехонька. Оказалось, был сильный артобстрел, все выбежали и попрятались по канавам. «Что же вы, говорю, такие-сякие, меня одного оставили?» – «Не могли добудиться, товарищ капитан».

«И еще, – вспоминал ДК, – в самом конце войны, в Прибалтике это было. Получаю я приказ уточнить расположение немцев. Поехали вдвоем с водителем, развилка». – «Куда дальше, товарищ капитан?» – «Давай налево, – говорю. – Едем дальше и видим: у сарая, метрах в 50, немцы, а впереди, через открытый участок, лесок. Немцы открыли стрельбу, а у меня в планшете карты. Я пистолет на колени, гранату наготове и кричу водителю: «Гони в лес!». Так под обстрелом и проскочили до леса. А сослуживец мой, подполковник Новоселов, с таким же заданием был отправлен, да вот на развилке он направо свернул. Так и осталась его могила на той дороге».

Но, конечно, были и другие моменты. «Однажды, – вспоминал ДК, – еду я на бричке, лето, день солнечный, неподалеку бабы в поле работают. «Вот бы мне такого голубоглазенького на печку!» – кричит одна, а другие хохочут. Так и уехал я на бричке. А в другой раз в Белоруссии попал под горячую руку одному генералу. Дорога – настил через болото в одну колею, через определенные промежутки разъезд. Еду я по этой дороге на машине, сзади гудки: «Уступи дорогу!». А куда уступишь – кругом болото. Дальше едем, а он все гудит и гудит – видно, начальник едет. Так оно и вышло, на разъезде из машины выскакивает генерал, размахивает пистолетом: «Почему не уступил дорогу? Я тебя расстреляю», – кричит. «Как прикажете, товарищ

генерал», – говорю. «Ладно, – говорит, вернешься в часть, доложи командиру, пусть наложит взыскание!». – Приехал, доложил, но командир рукой махнул».

Войну ДК закончил в Прибалтике, где мощная Курляндская группировка фашистов оказывала ожесточенное сопротивление. На 8-е мая была разработана наступательная операция наших войск. Майор Беляев, как он сам вспоминал, к началу операции был на наблюдательном пункте командующего вместе со своим начальником, ждали время «Ч» – начала наступления. Вот-вот начнется артподготовка, и вдруг генерала вызвали к командующему. Артиллерия, к удивлению, молчит. Только через 2 часа вернулся генерал, веселый и «под шафе»: «Кончилась война!». С наблюдательного пункта просматривалась передовая немцев. Каково же было ликование, когда мы увидели, как начал белеть весь передний край противника: замелькали белые полотнища, кто носовой платок, кто газету, кто портянку насадил на палку, весь передний край в белом. Дух захватывало от этой картины. Незабываемый момент – все выскочили из блиндажей, повыскакивали наши ребята из окопов, началось бурное веселье. Долгожданная победа, о которой мечтали, к которой шли четыре суровых, невыносимо тяжелых года, за которую отдали 20 миллионов жизней наших людей, наступила майским утром 1945 года.

Сорок годовщин этого светлого дня было даровано судьбой отметить кавалеру трех орденов майору запаса Д.К.Беляеву. Всегда в праздник Великой Победы он шел в первом ряду колонны ветеранов. Он уже был смертельно болен, когда в день 40-летия Победы он вошел в конференц-зал своего института – Института цитологии и генетики, все встали и приветствовали его аплодисментами.

Война оставила тяжелые отметины на здоровье ветеранов (ДК был дважды ранен и контужен). Она заставила их рано повзрослеть, научила их четкости и ответственности. ДК разделил судьбу поколения, а это было, как он сказал в последнем выступлении, посвященном 40-летию Великой Победы, «действительно, испытание всех физических и духовных сил народа». Для ДК чувство причастности к военным, к армии было свято. Это проявилось в верности фронтовой дружбе, в глубоком интересе и знании истории Великой Отечественной войны, готовности к общению и шефской помощи военной молодежи и, особенно, в бережном отношении к ветеранам войны.

Среди многих своих обязанностей пост председателя Совета ветеранов войны Сибирского отделения АН СССР и всего Советского района г. Новосибирска он считал особенно ответственным. «Они внесли личный вклад в ту Великую Победу, которой мы все пользуемся, – говорил ДК, – и заслуживают глубокого уважения. Память о войне – совесть народа». Он прилагал немало усилий, чтобы облегчить условия жизни бывших фронтовиков: разбирал жалобы, помогал инвалидам, добивался выделения для них квартир, организовывал лечение. Проявление снобизма или невнимания к ветеранам вызывало его возмущение, а когда удавалось помочь фронтовику – это была большая радость, и такую радость ему посчастливилось испытать не раз. А мне до сих пор приходится встречать фронтовиков, вспомиравших ДК со слезами благодарности.

После войны

После окончания войны дивизию, в которой служил ДК, передислоцировали в Алма-Ату. После непролазной грязи фронтовых дорог, весенней распутицы, землянок, блиндажей, постоянного напряжения, подстерегающей опасности вчерашние фронтовики очутились летом в красивом белом мирном городе, окруженном живописными горами со снежными вершинами. Вокруг цветущие сады, яркая зелень, жизнерадостные девушки, театры, парки, танцы. В служебных комнатах штаба все углы завалены арбузами, знаменитыми алма-атинскими яблоками. У ДК глаза теплели, когда он вспоминал о том лете в Алма-Ате.

Он побывал в Казахской Академии наук, там усиленно приглашали его остаться поработать. Да только с военной службы его не торопились отпускать. Лишь в конце 1945 года по телеграмме-запросу министра внешней торговли А.И.Микояна старший помощник начальника химотдела штаба степного военного округа по боевой подготовке майор Д.К.Беляев был демобилизован. Минвнешторг собирал кадры, требовался решительный подъем клеточного пушного звероводства, продукция которого давала валюту стране.

После возвращения из армии в родную лабораторию Д.К.Беляев увлеченно окунулся в работу по генетике и селекции пушных зверей. Звероводство было особой

отраслью в ряду сельхозпроизводств. В ней сложились особые отношения между наукой и практикой: в самые ответственные периоды ученые работали непосредственно в хозяйствах, неформально откликались на просьбы практиков о помощи и строили тематику исследований в зависимости от нужд производства. В свою очередь практики охотно шли навстречу при организации экспериментальных работ и внедрении научных достижений.

Общими усилиями ученых и практиков и благодаря продуманной стратегии развития, которую проводил в жизнь разумный, хорошо знающий производство начальник Главзверовода Минвнешторга СССР В.А.Афанасьев, послевоенное звероводство развивалось быстрыми темпами. Было достигнуто 1000-кратное увеличение выпуска пушной продукции.

Коллектив ЦНИЛ пушного звероводства был небольшой – около 20 научных сотрудников – молодой, творческий, в основном дружный. Большинство сотрудников – бывшие фронтовики – специалисты по селекции и разведению, ветеринарии, кормлению пушных зверей и пантовых оленей (панты тоже были среди объектов особого внимания Внешторга). Ученые советы проходили бурно, критиковали, невзирая на лица, энергично, однако дружбу не теряли. Летом выходили косить сено, по выходным старались все вместе выехать на природу, посещали музеи, заповедники, ходили друг к другу в гости, благо все жили в одном поселке. Одновременно с научной работой Д.К.Беляев вел курс генетики пушных зверей в Московском пушно-меховом институте (бывший зоотехнический), где заведующим кафедрой генетики был профессор П.Ф.Рокицкий. Лекции и семинары ДК были настолько интересны, что привлекали студентов с разных курсов и с разных факультетов.

Познакомились мы с ним очень просто: работали в одной лаборатории. В самом начале своей работы в лаборатории я просматривала довоенные фотографии, лежащие на столах под стеклами в библиотеке. Среди них мое внимание привлек снимок молодого сотрудника с умным и красивым лицом. Так, промелькнуло, но только эта фотография и запомнилась. Сотрудницы обменивались новостями, иногда упоминали имя Беляева, что, мол, возвращается в лабораторию, а вернется к семье

или нет – неизвестно, война их разлучила. Я выслушивала разные истории и не подозревала, что вскоре все это коснется меня очень близко.

ДК пришел в лабораторию в военной форме, говорил что-то важное о планах, новых работах. Он нравился подружке, а я, оказывается, понравилась ему.

Задиристая, смешливая, кокетливая, бывшая сталинская стипендиатка, любимица профессоров, я не встречала еще на своем пути большой любви, хоть и была помолвлена. Он сразу покорила меня своими умными речами, жизненной силой, уверенностью и красотой.

Я отчаянно сопротивлялась возникающему чувству, старалась не думать о нем, и чем больше я прикладывала усилий, тем глубже становилась моя любовь, тем труднее мне было с ней бороться. При этом даже мелочи имели значение. Помню, как мы всей лабораторией ходили на предвыборное собрание в соседнее село. ДК попросили выступить. Прежде чем забраться на грузовик, он доверил мне свой портфель – именно меня выбрал. Говорил он замечательно, совсем покорила меня. Мы ездили домой на одном трамвае, могли бесконечно беседовать, я доверяла ему, а он рассказывал мне о своей жизни, о войне. На первое свидание он буквально выманил меня, сказав по телефону, что у него два билета в кино. Я не решалась пойти, но не хотела и его огорчать, билеты тогда доставать было очень трудно. Я оформляла рисунки для его диссертации, помогала ему, чем могла.

ДК жил у сестры. Потом ему дали комнату в Раисино, приехала жена с сыном Сашей, но вскоре уехала в совхоз, а затем в Институт звероводства и кролиководства на станцию Удельную. Не ладилась у них жизнь, но и я не решалась разделить с ним судьбу, хотя духовно мы были очень близки.

В первую годовщину Великой Победы мы смотрели салют на Красной площади среди ликующих людей, танцевали на Моховой, гуляли по Тверской. Однажды во время наших прогулок мы увидели объявление о защите Диминой диссертации в газете «Вечерняя Москва», висевшей на стенде у Кировских ворот. Только мы попытались заполучить этот кусочек из газеты, как человек невысокого роста в штатском отозвал Диму в сторону, показал красную книжечку. Пришлось дважды объяснять, почему мы посягали на целостность газеты. Все-таки мы успели выцарапать это объявление, оно до сих пор хранится у меня.

Счастливым было время! Мне было интересно с ним, сопереживали разные события, говорили о литературе, истории, читали наизусть стихи. Однажды я попала впросак со своей страстью к стихам. На празднике по случаю защиты своей диссертации ДК читал К. Симонова «Над темным носом нашей субмарины взошла Венеры странная звезда». Как сейчас помню, он сидит напротив, я с интересом и волнением его слушаю, и вдруг без всякой задней мысли я опережаю его, восклицая последнюю строчку, стараясь показать свое знание поэта: «Я не звезда, я удержу тебя!» – «Удержите, конечно». Тут только я поняла, что я наделала, спохватилась, быстро собралась домой. Все всполошились: «Не уходите, не уходите!». – «Нет, нет, я ухожу». Когда проходила мимо Димы, он незаметно для других ухватил мою руку и не пускает. Меня уговаривают, а я чувствую, как мою руку удерживает крепкая Димины рука. Нет, все равно ушла.

Слова оказались пророческими: удержала, удержала красивого, умного, доброго, любимого своей преданностью, большой любовью, заботой; берегла от болезней и тревог, от огорчений и волнений, а вот от смерти не уберегла, хоть и очень старалась.

В июне 1946 года Д.К.Беляев защитил диссертацию: «Изменчивость и наследование серебристости меха серебристо-черных лисиц» на соискание ученой степени кандидата биологических наук. Фактический материал был собран еще до войны, оставалась интерпретация фактов, литературная обработка. Это была первая работа по дифференцированному анализу изменчивости серебристости меха у лисиц в процессе селекции. Анализ зависимости этого полигенного признака от изменчивости составляющих элементов, характера наследования признаков, коррелятивные связи с плодовитостью и другими признаками – все это явилось существенным вкладом в теорию отбора и позволило дать рекомендации для применения на практике. Уже в этой своей ранней работе Д.К.Беляев обратил внимание на изменения в проявлении признаков в процессе селекции, в проявлении ранее известных мутаций в новой генотипической среде. Это было подтверждением и углублением дарвиновского тезиса о творческой роли отбора, к изучению которого ДК неоднократно возвращался. Помнится, что в рецензии одного из оппонентов, проф. Б.И.Васина, содержались, помимо похвальных оценок работы, существенные вопросы, над которыми надо было основательно подумать, а ДК получил их только в

день защиты. Все обошлось благополучно. Эта работа в последующем дала жизнь будущим кандидатским диссертациям.

Вскоре Д.К.Беляев был назначен заведующим отделом разведения во Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства и пантового оленеводства. Он начал селекцию по улучшению меха серебристо-черных лисиц в хозяйствах Эстонии, завершил начатую еще перед войной и сдал в печать монографию «Основы генетики и селекции пушных зверей», заинтересовался генетикой окраски у норок. В начале 1948 года в журнале «Каракулеводство и звероводство» был опубликован перевод статьи из зарубежного журнала по генетике норок, и даже резкая критика, которой эта работа подвергалась после сессии ВАСХНИЛ, не помешала ей служить основной рекомендацией селекционерам, когда в стране начали осваивать цветное норководство.

Но генетику и генетиков ожидало новое испытание – августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года, произошел инспирированный Сталиным и Лысенко разгром классической генетики, перевернувший жизнь многих людей.

Сессия ВАСХНИЛ 1948 года

В 1930-е годы в генетической науке страны обозначились серьезные противоречия. Они проявлялись в виде дискуссий между истинными генетиками и приверженцами Т.Д.Лысенко, в которых вынуждены были принимать участие Н.И.Вавилов, А.С.Серебровский, Н.К.Кольцов и другие выдающиеся советские генетики. Лысенко противопоставлял свои представления о наследовании приобретенных признаков менделевской теории и продолжал нападки на Н.И.Вавилова; в 1939 году дискуссия под эгидой журнала «Под знаменем марксизма» уже приобрела политическую окраску.

В феврале 1948 года в Московском университете под руководством И.И.Шмальгаузена прошла конференция по проблемам дарвинизма. ДК очень хотел принять участие в ней, но ему нужно было ехать в Эстонию, где он проводил эксперименты по селекции лисиц. Он поручил мне тщательно конспектировать все доклады. Так мне посчастливилось познакомиться с последними достижениями в

генетической науке и узнать наших ученых-генетиков. Они собрались в Московском университете – молодые, веселые, дружественно настроенные, а главное, гордые возможностью обменяться результатами и утвердить победное шествие генетики. Там были С.И.Алиханян, Я.Л.Глембоцкий, Н.П.Дубинин, Н.Н.Соколов, Б.Н.Сидоров. Профессор Б.М.Завадовский уже своим видом создавал спокойную, уравновешенную атмосферу, Б.Н.Васин рассказал о селекции гиссарских овец, наш профессор П.Ф.Рокицкий уделил внимание статистическим методам в генетике. Именно там Н.П.Дубинин докладывал результаты исследований популяции дрозофил в Воронеже, до основания разрушенном во время войны. Дубинин показал, что разрушение города привело к замещению «городских» рас дрозофил «сельскими».

До августа 1948 года дискуссия шла в околонучной плоскости. В защиту генетики и с критикой Лысенко выступил в «Правде» Ю.Жданов, если не ошибаюсь, он был ответственный по науке в ЦК КПСС. Казалось, положение науки генетики постепенно утверждается, ничто не предвещало грозы.

Помню августовское утро 1948 года. Из лаборатории в дом, где была приемная директора и бухгалтерия, вела узкая дорожка. Я иду по этой дорожке, навстречу ДК бледный, суровый, глаза жесткие, страдальческие, в руке газета, вся скрученная в трубку, а руки нервно крутят и крутят газету. «Что случилось?» – «Прочти!», – развернул газету, смотрю: «Сессия ВАСХНИЛ», через всю полосу – доклад Лысенко. ДК понял – это было началом разгрома генетики.

Т.Д.Лысенко выступил с жесточайшей критикой генетики, с рядом безграмотных положений о самозарождении видов, о наследовании благоприобретенных признаков, о вегетативной гибридизации и др. Сессия длилась несколько дней, все горячо обсуждали доклад, выступления. Сначала генетики и не только генетики пытались выступить в защиту науки. И.И.Шмальгаузен, С.И.Алиханян, И.А.Раппопорт, П.М.Жуковский, В.С.Немчинов, прерываемые недоброжелательными репликами, пытались объяснить положения генетики.

Я сначала не поняла всей серьезности ситуации и даже что-то высказала о практической пользе работ Лысенко. Скорее это было не по убеждению, а из желания поспорить. И получила жесткий отпор ДК. Это была наша первая серьезная размолвка. Я даже испугалась, я никогда не видела его таким. Непримируемость была

в нем: «Близкий человек не разделяет моих взглядов». Конечно, я разделяла его взгляды, целиком была на стороне генетиков и возмущалась характером и существом проведения сессии, но мне потом стоило большого труда восстановить нашу дружбу, длившуюся уже более двух лет.

Сессия заканчивалась, и как тяжело было читать в газетах, что во время последнего заседания на трибуну выходили крупные ученые и признавались, что они заблуждались. Это были люди, которые день или два назад высказывали совершенно противоположные взгляды. Ясно было, что они признавали свои «ошибки» по принуждению. А тот, кто не смирился, должен был расстаться с партбилетом, научной работой.

Вслед за этим началась настоящая расправа над наукой и генетиками, началась пора заседаний, проработок и раскаяний. Ученый мир разделился на «мракобесов» и «праведников». ДК особенно возмущала карикатура Бориса Ефимова в «Огоньке»: «Вейсманисты-морганисты – мухолобы-человеконенавистники»: лохматый человечек с огромной лупой и муха. Каждый день приносил новости: тот-то раскаялся, того-то сняли с работы, начались спекуляции о самозарождении видов, клеток и прочих чудесах. В то время, например, происхождение кукушки трактовалось как зарождение от мелких птах. Профессор Б.А.Мантейфель явился к Т.Д.Лысенко на прием в бывший особняк князя Юсупова (здание ВАСХНИЛ) и в ходе беседы как вещественное доказательство из-за пазухи вытащил кукушку и объявил, что она с яйцом. Лысенко рассвирепел и выгнал профессора вместе с кукушкой.

Дело принимало крутой оборот. Газеты, радио, журналы, парткомы, начальство – все было против генетики и генетиков. ДК не скрывал своего возмущения происходящим, называя лысенковщину бандитизмом в науке. Сначала он находил сочувствующих, но очень скоро их число резко поубавилось. В коридоре ВНИЛЗО появилась стенгазета с рисунком: ДК летит с парашютом и приписка: «Спуститесь на землю!».

Был назначен расширенный ученый совет лаборатории с участием начальника и специалистов Главзверовода. Пригласили профессоров с кафедры звероводства Московского зоотехнического института. ДК все продумал и подготовил своих

сотрудников. Главной ударной силой нападающих были профессор Павел Александрович Петряев и Елена Дмитриевна Ильина – профессор кафедры звероводства. Обсуждались результаты августовской сессии ВАСХНИЛ и критически оценивались работы «местных морганистов-менделистов во главе с Д.К.Беляевым». Попытка опорочить их и заставить каяться (как это делалось повсеместно) не удалась благодаря смелым действиям коллектива отдела. Так, например, Л.Г.Уткин обезоружил П.А.Петряева тем, что нарочито восторженно отозвался о его генетических разработках. Павлу Александровичу ничего не оставалось делать, как самому оправдываться, а не нападать. А с Е.Д.Ильиной, выступившей с критикой, у ДК надолго испортились отношения. Выступление ДК, популярно объяснившего необходимость знания генетических законов при разведении зверей, особенно с появлением новых мутаций, если окончательно не убедило, то, во всяком случае, предотвратило ожидавшийся разгром.

«Проработка» продолжалась несколько часов, я на ней не была, в этот день вернулась из командировки из Мурманска с Кольского зверосовхоза. Позвонила в лабораторию и узнала, что происходит, тут же поехала к Диме домой, он жил с мамой. В этот трудный для него момент, когда он оказался в беде, все мои сомнения и раздумья остались позади, я поняла, что нужна ему и решила соединить с ним свою судьбу.

Как я потом говорила в интервью: «Я выходила замуж не за академика, не за профессора, а за опального ученого».

Никакой свадьбы не было. Как-то я обмолвилась, что через две недели супруги уже надоедают друг другу. Он потом на протяжении многих лет спрашивал меня со смешком: «Ну, как, я тебе еще не надоел?». Он отлично знал ответ, он не мог надоест, всегда яркий, умный, сильный, заботливый и ласковый.

Тогда в 1948 году ДК не отказался от своих убеждений. Его сняли с заведования отделом, в трудовой книжке и сейчас можно разобрать замазанную запись: «Снять с работы за менделизм-морганизм. Оставить в должности старшего научного сотрудника». Спихнулись, зачеркнули и написали: «Назначить на должность старшего научного сотрудника отдела селекции и разведения». Вдвое сократили зарплату, сотрудников перевели в другие отделы, лишили помощников.

Могли и вовсе с работы снять, как это делали в то время, если бы не поддержка начальника Главка Виталия Аристарховича Афанасьева, умного, знающего специалиста, в прошлом практика-производственника, понимавшего значение генетики. Под свою ответственность он рекомендовал оставить ДК в лаборатории. Помог также и директор ЦНИЛ, бывший фронтовик В.И.Веселов. Они рисковали, конечно. Только что профессора Г.И.Азимова сняли с должности заведующего редакцией журнала «Каракулеводство и звероводство» за статью ДК по генетике норок. Спасительным фактором послужило то, что мы были в подчинении Наркомвнешторга, а это была отдельная организация со своими законами и своим наркомом А.И.Микояном.

Тогда же ДК был отстранен от преподавательской деятельности в Московском зоотехническом институте, из редакции вернули его рукопись монографии «Основы генетики и селекции пушных зверей». В решительности и смелости ему не откажешь. Из принципа, а может быть из-за озорства он затеял с издательством тяжбу, несмотря на все предупреждения, время-то было опасное. «Еще хуже накажут», но и на этот раз «формальный» (как тогда ругательно называли) генетик формально был прав, и ему оплатили положенную часть гонорара.

Все больше и больше чувствовалось отчуждение, холодок вокруг, но ДК как будто не замечал этого, работал себе, высоко держал голову, а я переживала, остро чувствовала перемену в отношениях окружающих.

Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская рассказывала, что когда она стала замечать, что ее избегали и перестали здороваться, она решила первой переходить на другую сторону улицы при виде таких знакомых.

Очень хорошо запомнился эпизод, казалось бы, малозначащий, а в то же время показательный. Как-то мы с Димой вышли из университета на Моховой из большой зоологической аудитории после заседания МОИП с профессором С.Н.Боголюбским, он ранее преподавал у нас анатомию и биологию. Мы шли по улице Горького, я с его сотрудницей впереди, а они с Димой чуть поотстали и вели спокойную беседу. И помню, как я была благодарна этому пожилому человеку за его дружеский тон, понимание и уважение к ДК, мы почти отвыкли от этого в тот жесткий период. Сильной поддержкой для ДК тогда была возникшая дружба с Н.Н.Соколовым и

Б.Н.Сидоровым. Они приезжали к нам в Раисино (теперь метро Щелковская) вместе с Г.Г.Тиняковым, делились своими проблемами, планировали, куда поехать, где и кем работать.

Они очень уговаривали поехать работать в Якутский филиал АН. Дима склонялся на их уговоры, а мне его мама говорила: «Одного не отпускай, поезжай с ним». А мы ждали ребенка. С работы пока не гнали, правда, денег все время не хватало, госзаем вычитали, как и с прежней большой зарплаты.

Семья наша всегда была большой. В первые годы с нами жил старший сын ДК Саша, смысленный ласковый мальчик, его мать готовила диссертацию и часто бывала в командировках. Мы жили с Диминой мамой Евстолией Александровной дружно, она была мудрой женщиной, ненавязчиво учила меня житейскому опыту.

Было послевоенное голодное время, жили бедно, но дружно, любили гостей. Занимали половину финского домика в 20 м² – роскошная по тому времени квартира, рядом сад, огород. У нас было натуральное хозяйство: картошка, фрукты, овощи – свои на весь год. Держали кур, гусей. Я с удовольствием занималась огородом и сохранила это пристрастие на всю жизнь, а Дима делал эти дела с большой неохотой и только при крайней необходимости, говорил, что досыта наработался в детстве.

Дополнительной статьей дохода, особенно после 1948 г., была подготовка рефератов, статей для реферативного журнала. ДК готовил их ночами. Сочетал приятное с полезным – узнавал самую раннюю информацию по специальности. Тридцатилетний Дима говорил, что стареет, потому что постоянно нет денег. Помню, мы купили валенки сыну Коле на гонорар за статью.

Бабушка в сентябре 1948 года собиралась поехать на юг, она любила путешествовать, но после сессии пошли слухи один хуже другого, ей нашептывали: «Из квартиры-то выгонят, с работы уволят». И как впоследствии выяснилось, недалеко были эти слухи от истины. Так и не удалось бабушке побывать в доме отдыха. В нашей семье сложились свои традиции, круг друзей, ритм жизни, далекий от рекомендуемого программой «Здоровье», трудились много.

Создавшаяся после 1948 года обстановка, волна проработок, принуждение к отказу от своих убеждений и раскаянию, снятие с работы и невольная изоляция способствовали объединению генетиков. В то время ДК нашел своих настоящих

друзей и единомышленников. Это были Борис Львович Астауров, глубокое уважение к которому перешло в искреннюю дружбу, Николай Николаевич Соколов и Борис Николаевич Сидоров, Владимир Владимирович Сахаров, Вера Вениаминовна Хвостова, Петр Фомич Рокицкий, Екатерина Тимофеевна Васина, Леонид Викторович Крушинский. ДК был значительно моложе ветеранов генетики, но он органично вписался в их спаянный невзгодами коллектив, несломленный, готовый к новой борьбе за истину в науке. В 1968 году Б.Л.Астауров писал: «в «потерянном поколении» биологов, формировавшихся как исследователи в трудный для биологии период, генетики такой квалификации и уровня, как Д.К.Беляев, практически нацело отсутствуют. Это был трагический период в биологии, «землетрясением» была охвачена вся биология, и только эпицентр находился в области генетики. Приток молодых сил в генетику был надолго задержан, так как в высших учебных заведениях так же, как и всюду в биологии и медицине, господствовал лысенкоизм».

ДК часто вспоминал то время. Организатором беспрецедентного разгрома науки он считал не Лысенко – тот был инструментом, а Сталина. В своей статье «Корифей науки» Лысенко сам писал, что Сталин редактировал его доклад на августовской сессии и, следовательно, санкционировал разгром генетики. И причину этого ДК видел не только в бесконечно сменяющих друг друга обещаниях Т.Д.Лысенко в корне изменить состояние сельского хозяйства, увеличив его продуктивность в неправдоподобно короткие сроки. ДК говорил, что И.В.Сталин сам был «ламаркистом». В своей ранней работе «Анархизм и социализм» Сталин отдавал предпочтение ламаркизму перед дарвиновской теорией. Таким образом, взгляды Лысенко (в частности, о наследовании благоприобретенных признаков) лишний раз подтверждали правоту «корифея науки».

Пятидесятые годы

В условиях повсеместного активного гонения на генетику ДК продолжал генетические исследования и в 1954 году на основе собственных экспериментальных данных и детально изучив состояние племенного дела в звероводческих хозяйствах, Д.К.Беляев разработал ряд конкретных рекомендаций по интенсификации клеточного

звероводства. Его доклад «О состоянии и перспективах развития пушного звероводства в СССР» на широком межведомственном совещании не только обсуждался специалистами хозяйств, но и послужил определенной вехой в развитии этой отрасли. Под патронажем Наркомвнешторга Главзверовод вскоре стал производить миллионы шкурок пушных зверей ежегодно. И тут уже без генетики никак нельзя было обойтись. Норки разных окрасок с красочными названиями: голубые, сапфир, топаз, бежевые, жемчуг – носители рецессивных аллелей – при скрещивании могли давать неожиданный эффект – проявление стандартной коричневой окраски, а от этих коричневых мам и пап вдруг появлялись цветные щеночки. Без точного знания наследования окраски и аллельных взаимодействий производство не справилось бы с поставленной задачей.

Продолжая изучение генетики пушных зверей, ДК начал работы по анализу фотопериодических механизмов регуляции продуктивности животных. Вместе с Н.Т.Портновой он организовал эксперименты по удлинению фотопериода (по подсвечиванию, как он говорил) для молодых самок соболя. Обычно самки соболя становились половозрелыми на 3-й год жизни, подопытные – на один год раньше, да еще и плодовитость повышалась. В результате проделанных экспериментов были четко показаны регуляционные возможности светового фактора, его действие на перестройку сезонности размножения, процессов линьки и других сезонных функций, например, развития мехового покрова. Позднее, уже в Сибири ДК продолжил и расширил исследования по фотопериоду. Он показал, что, меняя длину светового дня, можно добиться снижения эмбриональной смертности у разных видов животных, преодоления эмбриональной летальности у некоторых мутаций норок. Испытание разных режимов световых воздействий позволило ДК заключить, что свет – это регулятор, способный изменить гормональный статус организма и через гормоны влиять на активность генов. Подводя итоги своих исследований в этой области, он писал: «Генетики и селекционеры животных не имеют в руках таких мощных формообразующих факторов, как радиационные воздействия и химические мутагены, поэтому надо всемерно использовать световой фактор, эффекты которого далеко еще не исчерпаны». Эти представления о связи световых влияний с нейрогормональной системой возникли у ДК еще в пятидесятые годы и были тогда абсолютно новыми.

Нина Трофимовна Портнова – наш большой друг, прекрасный знающий специалист, типичная комсомолка 1930-х годов. Ее тоже не обошли стороной сталинские репрессии. В 1937–1938 гг. после падежа молодняка в Пушкинском зверосовхозе были арестованы научные работники ЦНИЛ и специалисты совхоза, в том числе и ее муж. Тогда же был арестован П.К.Клецкин, заведующий отделом кормления пушных зверей ЦНИЛ. Нине Трофимовне предложили отказаться от мужа или выложить комсомольский билет, она предпочла последнее.

В 1953 году умер Сталин. Страна была в трауре. По Москве ползли слухи, что он увел с собой в могилу 2000 жизней, раздавленных в толкучке на Трубной площади на пути к Колонному залу, где шло прощание. Я тоже пыталась пройти туда, встала в очередь у Курского вокзала, очередь шла по Садовому кольцу до Трубной – это несколько километров. ДК сначала подшучивал надо мной: «Стой-стой!», потом рассердился. А когда мы с его мамой и сестрой поддались общему настроению и при передаче по радио пустили слезу, он сказал нам: «Дуры вы, дуры, умер деспот, душитель науки и людей, а вы ревете».

В середине 1950-х годов в Ленинградском университете кафедрой генетики заведовал Михаил Ефимович Лобашов, и студенты получали неискаженные генетические знания, а в Московском университете преподносилась «мичуринская» биология. Тогда генетики решили, что пора предпринять попытку овладеть кафедрой генетики МГУ. Даже распределили функции и обязанности: А.Р.Жебрак – профессор, заведующий кафедрой, Б.Л.Астауров – второй профессор и доценты Д.К.Беляев и Р.Л.Берг подали документы. Помню, мы ездили к Антону Романовичу в Московский фармацевтический институт, я ждала во дворе института, ДК долго не возвращался. После беседы они вышли в садик, казалось, довольные беседой и друг другом. А из задуманного мероприятия ничего не получилось, и впоследствии ДК вспоминал об этом с юмором. А в то время было не до шуток.

Генетики использовали малейшую возможность популяризации генетики. Вспоминается первая лекция Д.К.Беляева в 1955–1956 гг. в Политехническом музее (это был главный лекторий в Москве). Огромный зал был переполнен. ДК с охапкой шкурок пробрался вперед. Заседание проходило под председательством академика ВАСХНИЛ лысенковца М.А.Ольшанского. Первой была лекция О.Б.Лепешинской о

живом веществе и о пропагандируемой тогда ею пользе содовых ванн. Вторую лекцию читал ДК. Он говорил о важности классических генетических представлений в пушном звероводстве. У слушателей глаза разбегались от разбросанного на столе мехового богатства. Однако чувствовалась настороженность в зале, вопросов было много, в том числе провокационных, недоброжелательных, но интерес был большой. После окончания доклада ДК окружили многочисленные слушатели и дискуссия продолжалась. Еще раз Д.К.Беляев прочел лекцию в Политехническом музее, но уже в более благоприятной обстановке в январе 1958 года. Называлась она «Применение генетических закономерностей в пушном звероводстве». После доклада он, довольный, предстал перед нами в фойе с афишей о лекции в руках. Афиша хранится у меня до сих пор.

Даже небольшие победы воспринимались генетической общественностью с энтузиазмом. Помогали генетикам физики и крупные ученые из других областей науки: И.В.Курчатов, Н.Н.Семенов, А.Ф.Иоффе, Цалкинд, А.А.Ляпунов, В.А.Энгельгардт. В Московском обществе испытателей природы по инициативе академика В.Н.Сукачева тоже начали активно поддерживать генетиков. Было даже объявлено, что намечается создание генетической секции в МОИП. Многие генетики, которые были в Москве, слетелись на заседание, долго ждали открытия в коридорах, оживленно беседовали группками, бодро настроенные. Ждали приезда Сукачева, он не приехал, заболел, но все равно эта встреча осталась в памяти как начало объединения, которое официально произошло позже.

В 1956 году в «Ботаническом журнале» появились статьи Турбина и других авторов с критикой воззрений Т.Д.Лысенко. Помню, как по приглашению ДК к нам в лабораторию приехал Н.Н.Соколов, недавно вернувшийся из Якутии, рассказал о статьях в «Ботаническом журнале» с разоблачением опытов Лысенко. На фоне общей «установки» это звучало обнадеживающе, но было еще далеко до торжества истины. Еще будет статья в «Правде» «Об ошибках Ботанического журнала», еще будут гонения на Институт цитологии и генетики Сибирского отделения.

Вскоре ЦНИЛ стала частью Института пушного звероводства и кролиководства. ДК получил там отдел разведения. Круг интересов ДК был довольно широк. Селекционные эксперименты в зверосовхозе Карьякюла создали группу хорошо

опушенных, крупных, почти голубых лисиц, к сожалению, слишком осветленных. Их использовали для улучшения чистоты окраса меха как племенной материал. Прибыльность отрасли сильно зависела от переменчивой моды. Поэтому ДК рекомендовал иметь в резерве разные по окраске, структуре меха и другим показателям типы животных.

Главные научные интересы ДК были связаны с изучением механизмов, путей и последствий эволюционных преобразований. При отборе по полигенным признакам ДК обратил внимание на сильные коррелированные эффекты на изменчивость по многим, часто напрямую не связанным признакам. В то же время в опытах по фотопериодизму он обнаружил сильнейшее действие смены режима освещения на строго стабилизированные сезонные функции пушных зверей. Обдумывая результаты экспериментов, ДК пришел к пониманию ключевой роли отбора по поведению в процессе одомашнивания животных. Надо сказать, что процесс обдумывания был у него удивительно глубоким, он умел полностью сосредоточиваться на проблеме. Много позже, когда он заинтересуется проблемой стресса, он назовет это состояние самострессируемостью.

ДК предположил, что отбор по поведению, затронув нейрогормональные компоненты фотопериодической регуляции животных, может вызвать реорганизацию сезонных функций животных, в частности изменить моноэстричность, характерную для диких животных, на полиэстричность, отличающую домашних животных. Свою идею о ведущей роли отбора по поведению и роли нейрогормональной регуляции в наследственной перестройке в процессе domestikации ДК изложил в ряде докладов в 1951–1952 гг. Это была чистая идея без экспериментального подтверждения. Помимо того, что она была нова, она была трудна для восприятия.

На заседании производственно-технического совета в Главзверопроме с привлечением ученых его выступление было встречено молчанием непонимания, прозвучало несколько вопросов. ДК еще раз разъяснил свои представления и предложил модель эксперимента. Все-таки решили согласиться на проведение опытов, дали «добро» и даже определили зверосовхоз. После окончания совещания, уходя, я с горечью и почти с вызовом сказала во всеуслышание: «Один Павел Александрович кое-что понял!». Это о П.А.Петряеве – он был выдающейся

личностью, говорили, что он бывший гвардейский офицер царской армии. Он осваивал азы звероводства на практике, отбывая срок на Соловках. Впоследствии он был директором Пушкинского зверосовхоза и какое-то время директором Московского зоопарка. Он воспринял мои слова как комплимент и позже, на заседании МОИП перед научной аудиторией, когда ДК уже более основательно рассказал о своей идее, после обсуждения прислал мне записку: «Ну как, я кое-что понимаю?».

Профессор Ветеринарной академии Григорий Иосифович Азимов во время сдачи мной кандидатского экзамена по физиологии после ответа по билету с пристрастием расспрашивал меня о представлениях ДК и в 1954 году написал в своей книге со ссылкой на Д.К.Беляева: «Нужно полагать, что домашние животные потеряли строгую сезонность размножения... главным образом в связи с изменением их высшей нервной деятельности». Это и было первым упоминанием о работе, которая, развиваясь и расширяясь, продолжается уже около 50 лет.

Сам ДК еще долго не публиковал своих данных, ожидая экспериментального подтверждения теоретическим представлениям.

Большое впечатление на ДК произвела встреча и беседа с академиком Л.А.Орбели. Леон Абгарович сразу оценил суть проблемы, одобрил идею молодого ученого и очень сожалел, что они встретились после Физиологического съезда 1950 года. Для физиологии и медицины этот съезд был тем же, чем сессия ВАСХНИЛ 1948 года для генетики. Тогда этот прославленный ученый, в прошлом руководитель Отделения биологии АН, оказался «не у дел» и не мог оказать помощи. Он поразил ДК своей интеллигентной манерой общения, по окончании встречи подал ему пальто, о чем часто вспоминал ДК, помогая одеваться своим молодым коллегам. ДК вернулся домой, окрыленный надеждой на успех. Так начинались первые шаги апробации идеи, которая полностью увлекла ДК и которая сейчас при углублении и расширении исследований все больше и больше завоевывает умы биологов.

Начался уникальный эксперимент по воспроизведению основных этапов многовекового процесса одомашнивания животных. Отбор на доместикационный тип поведения у серебристо-черных лисиц был начат им с Н.Ф.Сорокиной в Эстонии, а с 1958 г. разработку этой проблемы проводили в Сибирском отделении при активном

творческом участии ныне доктора биологических наук Л.Н.Трут. Подопытных лисиц перевезли в Бийский зверосовхоз, у них были эстонские клички. Удивительно вели себя их потомки: они быстро привыкали к работницам и в общем вольере были дружелюбны не только к людям, но и друг к другу, затевали игры с мячом. Я это фиксировала на киноплёнке. Это было любопытное зрелище. Еще более удивительную историю рассказал недавно финский ученый, который изучал у себя потомков наших лисиц, селекционируемых в течение 40 поколений. Во время раздачи корма эти животные, в отличие от обычных обитателей зверофермы, не бросаются к корму, а ласкаются, виляют хвостами и требуют, чтобы на них обратили внимание. На первый взгляд – это может показаться результатом дрессировки, на самом деле – это эффект отбора.

Экспериментальная и теоретическая разработка этой проблемы позволила ДК сформулировать концепцию дестабилизирующего отбора, которую он впервые изложил в 1968 году в Алма-Ате на Всесоюзном совещании по генетике и селекции новых пород сельскохозяйственных животных. Разработка этой проблемы внесла существенный вклад в теорию эволюции и дала стимул к новым исследованиям, таким как, например, изучение эволюционной роли стресса и генетических основ стрессоустойчивости животных. ДК говорил, что отбор становится дестабилизирующим тогда, когда он затрагивает системы нейроэндокринной регуляции. Тогда-то и наблюдается огромный размах изменчивости. ДК заинтересовался вопросом: «Какую роль сыграл стресс в эволюции человека?». Логическим продолжением его исследований стало изучение проблемы эволюции и биосоциальной природы человека. Он посвятил проблеме дестабилизирующего отбора свой доклад на XIV Международном генетическом конгрессе. За эту работу Академия наук СССР удостоила Д.К.Беляева и Л.Н.Трут премии им. академика Н.И.Вавилова. А сам ДК иногда говорил: «Это я хорошо придумал!».

В 1957 году мы ездили в Одессу, там жил мой отец, у ДК разыгрался радикулит, ему надо было полечиться, а тут попутчики случились замечательные, жена и дочь Б.Л.Астаурова – две Наташи. Мы очень славно отдохнули там с сыном Колей. Помню, как приехавший позже Борис Львович с удовлетворением и едва скрываемой радостью, с гордостью сказал, что удалось заручиться согласием журнала «Техника-

молодежи» на опубликование генетических статей. И действительно, в двух номерах журнала (№ 5, 6) за 1957 год были помещены коротенькие даже не статьи, а заметки, но зато каких авторов: Б.Л.Астаурова, С.И.Алиханяна, Н.П.Дубинина, Е.Т.Васиной, Н.В.Тимофеева-Ресовского, Д.К.Беляева, А.Р.Жебрака, И.Л.Кнуньянца, А.А.Ляпунова и других генетиков. Наконец-то, после почти 10-летнего перерыва в широкой печати появились публикации по генетике.

Жизненно необходимо было показать практическое значение ошельмованной науки, и статья Д.К.Беляева «Как используются генетические принципы в разведении норок» внесла определенную лепту в общую генетическую копилку. В Московском обществе испытателей природы (МОИП) под руководством В.Н.Сукачева начали активно поддерживать генетиков и способствовали их объединению. В 1956 году при Институте биофизики АН организовали лабораторию радиационной генетики под руководством Н.П.Дубинина.

Создание института в Сибири

В 1957 году в Сибирском отделении Академии наук СССР решено было создать Институт цитологии и генетики (ИЦиГ). Организация института была поручена тогда члену-корреспонденту АН СССР Н.П.Дубинину, который приглашал работать в новый институт ученых-генетиков, разбросанных по всей стране. Организация Института цитологии и генетики проходила в сложных, порой драматических условиях. Ученые-генетики устремились в Сибирь из Москвы, Ленинграда, Киева, Горького и из других городов СССР. Представители прославленных генетических школ приехали, естественно, без учеников, в отличие от ученых других институтов. Они зачислялись на работу еще в Москве и затем уезжали в Новосибирск. Ветераны-генетики включились в формирование института. Они приглашали выпускников ведущих вузов страны, многие приезжали сами, привлеченные запретной наукой, энергичные, талантливые, не испугавшиеся Сибири.

Д.К.Беляев без колебаний принял предложение организовать отдел генетики животных. Его так же, как и других генетиков, привлекала возможность более свободно заниматься генетическими исследованиями. У него было много интересных

планов. Хотя к тому времени он руководил отделом разведения в НИИ пушного звероводства и кролиководства и масштаб исследований был довольно широк, все-таки ощущался прессинг на генетические работы. В 1958 году ДК прочно, до конца своей жизни, связал свою судьбу с Академгородком, ставшим вскоре всемирно известным научным центром.

В феврале 1958 года ДК был зачислен в ИЦиГ и в мае 1958 года уехал в Новосибирск и писал нам письма, как все хорошо складывается: все институты Сибирского отделения пока размещены в одном здании (ул. Советская, 20, над астрономом), интересные люди, много лабораторий. Мы договорились, что мне придется немного изменить профиль работы, чтобы не быть в одной лаборатории с ДК, но сам характер исследований (биохимические эксперименты) был мне близок. Понравилась ему и квартира с отоплением и горячей водой, она сильно отличалась от нашего финского домика. Знакомство ДК с организаторами Сибирского отделения академиками М.А.Лаврентьевым, С.А.Христиановичем и С.Л.Соболевым внушило ему уверенность в успехе. Он приехал радостно-воодушевленным после встречи с ними. Впервые в стране, а может быть и в мире, был организован научный центр, состоящий из комплекса институтов разного профиля для разработки совместных программ, приглашались видные ученые со своими школами, планировалось широкомасштабное строительство городка. Особое внимание уделяли подготовке кадров: были созданы физико-математическая школа, куда по конкурсу отбирали лучших учеников со всей Сибири, и университет, в котором преподавали ведущие ученые институтов, а студенты вовлекались в научный процесс на ранних этапах обучения.

«Оргкомитет» лаборатории животных базировался у нас в Раисино. К нам домой приезжали Г.А.Стакан, Ю.О.Раушенбах с дочкой, только что окончившей школу, красивой девушкой с толстой косой, В.И.Евсиков, Л.Н.Трут и Т.Бондаренко – выпускники МГУ. Выпытывали у ДК: «Чем будем заниматься, какие идеи и какие задачи?» – и уезжали с надеждой. Побывала у нас и Л.П.Зверева, моя приятельница еще по институту. Помню, как мы сидели у открытой печки с колеблющимися язычками пламени, и она рассказывала, как закончила второй вуз в Саратове, а теперь хочет ехать в Сибирь.

Нашему Коле тогда было 9 лет, он ходил в школу. Она была в Измайлово – 2 км от дома. Родители школьников нашего поселка осенью прорывали канавы для отвода воды от тропинки, по которой дети через поле ходили в школу. В результате этих работ в сырости и холоде ДК сильно простудился, да еще и радикулит обострился. Младшему сыну Мише еще года не было, я защитила диссертацию, воспользовалась декретными отпусками, а то все некогда было, все моталась по зверосовхозам то на Кольский полуостров, то в Архангельск, то на Украину, то в Латвию – всюду там у меня шли опыты.

Незадолго до моей защиты кандидатской диссертации мы готовились к переезду. Я сильно простудилась. Отзыв от оппонента я получила за 2 дня до защиты. Помню, я писала ответ на рецензию, лежа в постели с температурой 39. В день защиты проснулась, температура 38,5. Дима мне сказал: «Не подавай вида, что ты больна, узнают – отменят защиту». Так мы и поехали, до Ветакадемии путь не близок, в автобусе я дремала. Дима несколько раз меня подбадривал: «Держись!». Я и держалась, даже, говорят, улыбалась иногда, бодренько отвечала на вопросы. Кто-то даже сказал, что диссертация заслуживает докторской степени, на что мне Дима советовал отказаться: в ВАКе не пропустят – не будет ни докторской, ни кандидатской. После защиты меня поздравил профессор П.А.Мантейфель, любимый профессор охотоведов Пушно-мехового института. Самое удивительное, что весь этот стресс на меня так подействовал, что вечером я была здорова.

Мы капитально готовились к переезду в Сибирь, покупали мебель, тогда все это было не просто, я отмечалась в многомесячных очередях. Нет-нет да и возникало сомнение, дадут ли работать институту, ведь в стране господствовал лысенкоизм.

Перед новым 1959 годом ДК приехал из Новосибирска. Помню, как отправляли контейнер с вещами, книгами, и даже ведро яблочного варенья уехало в Новосибирск. Мы счастливые, полные надежд поехали покупать елочные игрушки – такое милое занятие их выбирать – настроение было очень хорошее. А на следующий день вышла статья в «Правде» «Об ошибках “Ботанического журнала”» – лысенковское направление берет реванш. Ранее в «Ботаническом журнале» было напечатано несколько статей с критикой опытов и идей Лысенко. Однако ДК, по своему обыкновению, не поддавался унынию, наоборот, трудности всегда мобилизовывали его,

он готов был бороться. К этому времени он уже был назначен исполняющим обязанности заместителя директора института, а поскольку Н.П.Дубинин оставался в Москве, ДК фактически вел всю работу по становлению института, уже работали научные семинары, поступало оборудование. 1 января 1959 года ДК вылетел в Новосибирск.

Выступление «Правды» было воспринято как руководство к действию, силы реакции вновь оживились. В январе 1959 года в институт из центра нагрянула комиссия с большими полномочиями под руководством академика ВАСХНИЛ М.А.Ольшанского. Намерения были определенные: или перепрофилировать, или вовсе закрыть институт. Ходили по лабораториям, а весь институт размещался тогда в четырех комнатах с бухгалтерией в коридоре и машинисткой на лестничной площадке. Всюду встречали определенный «идеалистический» подход к науке – так они оценивали генетику. Явно недовольные члены комиссии пришли к М.А.Лаврентьеву. Положение было критическим, «направление исследований института методологически ошибочно, следует пересмотреть состав ученого совета, чтобы это направление не влияло на дальнейший ход науки», – таковы были заключения. Н.П.Дубинин и Д.К.Беляев заняли твердую позицию. Михаил Алексеевич держит дискуссию под контролем, и тут звонит телефон. Михаил Алексеевич берет трубку и говорит: «Да, да, комиссия сейчас у меня», – пауза. – Да, мы тоже так считаем, нужно развивать все направления», – и кладет трубку. – «Вам все ясно, товарищи?» – спрашивает он у растерянной комиссии. Всем было все ясно, комиссия уехала ни с чем. А потом, когда Михаила Алексеевича спрашивали, откуда все-таки был звонок, он только смеялся. Но и после отъезда комиссии положение института оставалось неопределенным. Сложность была в том, что Н.С.Хрущев поддерживал Лысенко. Дочь Н.С.Хрущева Рада Никитична, биолог по образованию, в это трудное время проявляла участие и интерес к институту. Помню, она приходила к нам в лабораторию, расспрашивала о работе, ДК навсегда сохранил с ее семьей самые добрые отношения, мы бывали у них в гостях. Но тогда Н.С.Хрущев был непреклонен. М.А.Лаврентьев писал в своих воспоминаниях, что уже через неделю после отъезда комиссии Ольшанского ему сообщили, что Хрущев сильно сердит и

собирается менять руководство СО АН, а также разбираться с Институтом цитологии и генетики.

Помню, как осенью 1959 года встречали Н.С.Хрущева, возвращавшегося из Китая. Мобилизовали всех научных сотрудников собраться в Академгородке у вновь построенного, единственного в то время здания Института гидродинамики. Ехали из города: далеко, дорога еще не была построена, рытвины, ухабы. Сентябрьский день, огромная толпа встречающих волнами переливалась из стороны в сторону, стояли тесно. Ждали долго, но вот волнение пошло по рядам – едут. Быстро прошел Н.С.Хрущев, не взглянув на собравшихся, за ним кучка сопровождающих, никакого внимания на нас. Продолжаем стоять, но вот выходит представитель обкома и обращается к нам со словами: «Вы зачем сюда пришли в рабочее время? Немедленно по рабочим местам!». Вот тебе раз, было распоряжение, нам сказали, чтобы мы собрались и приехали в Академгородок на митинг, в том числе и на грузовых машинах добирались, стояли, ждали. Ясно было, сердитый приехал. Нагоняй он, конечно, устроил, и основной удар пришелся на Институт цитологии и генетики и на Н.П.Дубинина.

За этим последовала вынужденная отставка Николая Петровича с поста директора. На должность и.о. директора Дубинин рекомендовал ДК, бывшего в то время его заместителем. Лысенко тогда предлагал директора из «мичуринцев», и Н.С.Хрущев настаивал на этом. Михаил Алексеевич и в этом случае отстоял институт. ДК противился отставке Николая Петровича, но, будучи его заместителем и всеми силами желая сохранить профиль института в тот критический для генетики период, он не считал для себя возможным отказаться от поста директора. Он, да и мы все провожали Н.П.Дубинина с большим огорчением. Собрались у него в квартире, прощались, сочувствовали. Не думали мы тогда, что Николай Петрович выбросит институт из своей души, перестанет интересоваться его работами и будет относиться к нему, как к чему-то вообще не существующему в стране, в науке, в генетике, а действия НП по отношению к ДК можно назвать несправедливыми, если не сказать больше.

Во главе института

Перед ДК стояла серьезная задача – не только сохранить институт в крайне усложнившихся условиях, но и обеспечить развитие только что зародившегося очага классической генетики. В 42 года ДК принял на себя ответственность за научный коллектив, за уровень его исследований, за соотношение фундаментальных и прикладных, а также за формирование новых направлений и решение практических задач. Позже М.А.Лаврентьев скажет: «Не было бы счастья, да несчастье помогло. ДК стал великолепным директором института». Между тем для института вновь наступили тяжелые времена. Фактически он оказался на полулегальном положении. Статьи сотрудников института не печатали, первая публикация ДК о работах института появилась лишь в «Вечернем Новосибирске» в 1961 году. Но вскоре ряд работ были представлены на межвузовской конференции, которая прошла в Ленинградском университете на кафедре М.Е.Лобашева.

А на институт продолжалось давление. ДК очень рассердился, узнав, что по лабораториям ходит комиссия из парткома президиума СО АН с анкетой с таким, например, вопросом: «Как Ваши исследования перекликаются или соотносятся с идеями Н.П.Дубинина», беседовали с заведующими лабораториями и ведущими сотрудниками. Не знаю, как отвечали заведующие, помнится, никто не отрекался от НП. В институте организовали открытое партсобрание, чтобы дать отрицательную оценку направлению института, но все сотрудники высказались в поддержку генетики. Самое трудное положение было у Юрия Петровича Мирюты – он был секретарем парторганизации. Я с волнением ждала его выступления, но он напустил в своей речи такого тумана, закончил стихотворением, которое свидетельствовало о трудностях и загадочностях жизни, но никак уж не о поддержке Лысенко.

Институт работал с подъемом. Необходимо было доказать практическую пользу генетики, эффективность ее в биологии, сельском хозяйстве, медицине. Мы вели исследования на передовых рубежах науки: смелые решения, приборы, литература, реактивы – все было самое лучшее. Организовывали экспериментальные поля, завозили животных. В частном домике на одной из улиц Новосибирска устроили виварий. В Бийском зверосовхозе ИЦиГ выделили экспериментальную ферму.

Доходило до курьезов. Заместитель директора института по хозяйственной части ждал всего от «этих» ученых, и когда по телефону его спросили: «Львов заказывали?» – а ему уже привозили лисиц, мышей, белых крыс. – «Нет, – закричал он в трубку, – мне их некуда девать!». А это был всего лишь вопрос телефонистки из города Львова о заказе междугороднего разговора.

Работа кипела, вокруг генетиков старшего поколения концентрировалась молодежь. В 1961 году в НГУ на факультете естественных наук была организована кафедра общей биологии, возглавил кафедру ДК и просил Ию Ивановну Кикнадзе быть там его заместителем. Сразу же было определено, что вопреки существовавшей официальной системы подготовки биологов необходимо готовить биологов-генетиков. Это, конечно, создавало определенные трудности, но они преодолевались при согласовании разработок программ и направлений в процессе обсуждений с сотрудниками и деканом факультета В.В.Воеводским, ярким ученым и замечательным человеком. Как, например, прочитать курс классической генетики и избежать при этом нареканий или даже запрета? Как полнее оценить знания абитуриентов при огромном конкурсе? А желающих учиться на этом факультете было много. Пошли на неординарные меры, решили принимать экзамены не по биологии, а по физике и математике как предметам, более ярко выявляющим способность к логическому мышлению. Знания по биологии определяли в процессе собеседований, которые старались проводить интересно и с выдумкой.

Уже с 1961 года, т.е. за четыре года до легализации генетики, биологов начали готовить на современном уровне, рано привлекая студентов к научной работе. Студентам 3-го курса ДК начал читать генетику. Так же, как и раньше в Москве, его лекции вызывали огромный интерес. Позднее ДК передал курс Ю.Я.Керкису – профессору кафедры. ДК руководил работой кафедры.

Одновременно в институте организовали «генетический ликбез», все приходили послушать лекции генетиков по генетике, статистике, цитологии, молекулярной биологии. В младшие научные сотрудники переводили только после сдачи кандидатского экзамена по генетике высококомпетентной комиссии и отработки генетического практикума.

ДК считал, что очень важно приглашать для чтения лекций ведущих ученых из столиц и из соседних институтов. Иногда лекции организовывали для студентов, и сотрудники присоединялись к слушателям. Так, например, мы посетили замечательный цикл лекций по общей биологии Ю.И.Полянского. Нам посчастливилось послушать воспоминания о Н.И.Вавилове его сотрудников Ф.Х.Бахтеева и В.Б.Енкена, лекцию И.Е.Тамма об открытии генетического кода. Он сам был вдохновлен этой победой молекулярной биологии и, радуясь, делился с аудиторией. Н.В.Тимофеев-Ресовский рассказал в трех лекциях об организации животного мира начиная от молекулярного уровня до биогеоценозов. Лекции А.С.Спирина, В.П.Эфроимсона, К.Маркерта, А.Мак-Ларен и других ученых расширяли кругозор и давали пищу для размышлений.

В 1961 году институт переселился в Академгородок. Поскольку у нас еще не было своего здания, институт размещался в пяти местах, мы пользовались гостеприимством других институтов, а растениеводческие лаборатории разместились в квартирах. В числе первых институтов создающегося Академгородка значился Институт цитологии и генетики. Согласно генеральному плану выбрано было место на будущем главном проспекте. Среди леса наметили площадку, вырыли котлован. «Дело сдвинулось», – радовался ДК. Но не тут-то было. Когда начались нападки на институт, комиссии, когда устранили директора-организатора и институт перевели фактически на нелегальное положение, пошел слух, что предназначавшаяся нашему институту строительная площадка передана Институту катализа.

Во время посещения Академгородка в 1961 году президентом АН СССР академиком М.В.Келдышем состоялось общее собрание тогда еще немногочисленного Сибирского отделения АН СССР. Происходило это в Институте геологии. Выступил М.В.Келдыш, затем Михаил Алексеевич Лаврентьев, члены президиума, академики. Вдруг, смотрю, на трибуне стоит ДК. Нужна была отчаянная смелость, чтобы выступить на таком ответственном заседании молодому директору – кандидату наук, но за ним стоял институт, законспирированный и обездоленный. Совсем недавно уже готовый фундамент здания института, предназначавшегося ИЦиГ, был все-таки отдан Институту катализа.

ДК начал сразу с дела, обратившись к М.В.Келдышу и назвав его просто президентом. (Я думаю, что ДК решил не рисковать, запутавшись в сложном имени и отчестве, оно было для него новым, это позже он оперировал им запросто, встречаясь и дружески разговаривая с Мстиславом Всеволодовичем, относился к нему с большим уважением, очень точно умел копировать его голос и манеру говорить). Выступление ДК звучало довольно агрессивно: «Не идет дело, не строят институт, нужно помочь!». Рассказал вкратце, чем заняты сотрудники и что дает институт. Ему очень не хотелось огорчать Михаила Алексеевича, он отлично понимал, что «деду» неприятным будет это выступление. Действительно, Михаил Алексеевич рассердился, к счастью, ненадолго. Но это обращение к президенту было необходимым, поскольку не было другой возможности сдвинуть дело. И это помогло. Михаил Алексеевич сам в критические моменты поступал решительно.

И действительно, вскоре начали рыть котлован, и на дощечке перед ним было написано: «Строительство Института цитологии и генетики». И вот объявлен день закладки здания. Все было торжественно, собрались все сотрудники, настроение было праздничное, подготовили капсулу с обращением к последующим поколениям ученых, замуровали в коробке из-под изотопов в правый передний угол будущего здания. День был чудесный, солнечный, все радовались, улыбались друг другу. Потом повели нас вниз в котлован, стали мы в линейку около какой-то конструкции, ждем торжественного момента, сердце замирает. И вдруг что-то хлопнуло, открылась нижняя крышка у машины и на дно котлована полился первый раствор, ур-ра...! Хлопка шампанского не было слышно, но он был. ДК поздравил всех. И потом во время всего строительства он очень ревностно следил, как завершался первый цикл – цокольный этаж, как росли стены и перегородки, как выкладывали лестницы. Помню, как, возвращаясь из командировки, по дороге домой он увлекал нас на стройку, ходил, смотрел насколько продвинулось дело, все интересовало его, хотелось скорее собрать коллектив под одной крышей.

Наконец, строительство закончено, мобилизуются лаборатории для уборки, все стараемся сделать как можно лучше: моем, скребем, таскаем мусор, дружно беремся за любую работу. Последние встречи со строителями, ДК с комиссией все проверяют, стараются не упустить чего-нибудь важного, проверяют тяги, коммуникации,

распределяют помещения по лабораториям. Административное крыло, большая библиотека, конференц-зал, большие холлы, аспирантская, столовая – все предусмотрено, стандартный проект. И вот команда: «Переезжаем!». Поехали на машинах столы и шкафы, центрифуги и другие большие приборы. Со всех концов городка из разных институтов потекли сотрудники, нагруженные приборами, коробками, бумагами. ДК дал команду переезжать без торжественных слов, разрезания ленточки явочным порядком. Переехали, быстренько навели порядок. Все было чистое, новое, все блестело, холодные комнаты–морозильники, мастерские, склад. И только после этого ДК доложил об этом М.А.Лаврентьеву, опасался, что опять отнимут здание. Михаил Алексеевич сначала удивился, а потом сказал: «Правильно!». Тут же, рядом строился хорошо оборудованный виварий, а чуть позже построили теплицы, и засверкали огни, ночью кажущиеся голубым дневным светом. Празднуем новоселье. В конференц-зале накрыли столы, собрались празднично одетые счастливые сотрудники, ДК веселый, открытый, улыбки, смех, все друг друга поздравляют, С новосельем!. Когда все расселись по местам, наступила очередь самодеятельности, пошли злободневные частушки. Дмитрию Константиновичу преподнесли огромный торт, исполненный в виде ключа, он поздравил всех сотрудников и каждому достался кусочек этого «ключа». Много было радости. Это случилось на 6-й год существования института. ДК был счастлив.

Так мы зажили в своем доме – институте. Но этим дело не кончилось, ДК решил участвовать в строительстве здания для биохимии, а когда это было осуществлено и лаборатория молекулярной генетики переехала в то здание, у ДК возникла задумка построить корпус, примыкающий к основному зданию института. Это было осуществлено уже после его кончины.

Во всех своих делах ДК чувствовал поддержку М.А.Лаврентьева. У ДК было к МА особое чувство – в нем было и преклонение перед его великим талантом организатора, и восхищение его неординарными поступками, его могучей нравственной силой, смелыми принципиальными решениями. При воспоминании о Михаиле Алексеевиче лицо ДК озарялось доброй улыбкой, он называл его «великий дед». ДК говорил: «Михаил Алексеевич Лаврентьев был великим сыном нашей Родины, потому что на все, что связано с наукой: народное хозяйство, систему

образования, задачи прогресса – он умел смотреть сквозь призму будущего. Он, как никто другой, мог в любой сложной проблеме увидеть ее корень, ее фундамент, ее перспективу и выбрать для решения именно фундаментальные вопросы. Он обладал исключительным природным даром проникнуть в сущность проблемы и обнажить ее для собеседника любого уровня, для любой аудитории, сформулировать задачу четко и просто. И второе, что очень важно, это, конечно, его громадная гражданская смелость. Он был революционером по натуре. Мог перед кем угодно в любой обстановке отстаивать идею, если считал ее правильной государственной идеей. Михаил Алексеевич взял на себя громадную ответственность за организацию института, которым я руковожу вот уже более 20 лет (фактически руководил 25 лет. – Примеч. авт.) – Института цитологии и генетики. Ведь то были трудные для генетики времена, генетику тогда называли «буржуазной наукой» и всякие другие подобные слова в ее адрес тогда еще легко произносились. Михаил Алексеевич относился к нам совершенно определенно, требуя от нас лишь одного, чтобы институт действительно занимался серьезными исследованиями. Михаил Алексеевич сыграл огромную роль в возрождении генетики в нашей стране и мы этого никогда не забудем, мы – биологи, и генетики прежде всего. Это его заслуга перед всем отечественным естествознанием, потому что современное естествознание без генетики немыслимо. Лаврентьев был лишен всякого формализма, всякой напыщенности. Не было более доступного человека, чем Михаил Алексеевич. Он одинаково разговаривал и с академиком, и со студентом, и с лаборантом. Говорил он необыкновенно простым, ясным, ярким русским языком без малейшего наукообразия и терминологических «примесей». Это делало его речь очень увлекательной и понятной для всех. Мы знали, что к Лаврентьеву можно обратиться в любой момент. Помню, например, такой случай. Сын одного из сотрудников нашего института тяжело заболел. Жизнь ребенка оказалась под угрозой. Нужно было срочно вызвать консультанта из Москвы. Требовалось разрешение министра здравоохранения. Я поднял Михаила Алексеевича около часа ночи по телефону с просьбой обратиться к министру. Помог он немедленно. Было сделано все, что нужно».

А его поездка в Китай для встречи с Н.С.Хрущевым, собиравшимся на обратном пути заехать в Новосибирск и произвести перестройку СО АН с ликвидацией

«Цитологии и генетики» и возможной сменой руководства Сибирского отделения!? Никита Сергеевич был сердит на Михаила Алексеевича за поддержку института во время работы комиссии. Понадобилась настойчивость и изобретательность Михаила Алексеевича, чтобы предотвратить или хотя бы уменьшить риск «перестройки».

В 1961 году ко времени очередного приезда Н.С.Хрущева подготовили выставку СО АН. Экспонаты достижений нашего института тащили со всех концов городка, где квартировали наши лаборатории: мощные снопы кукурузы, пшеницы, высокопродуктивные триплоиды сахарной свеклы, ценные медпрепараты. М.А.Лаврентьев, проверяя готовность выставки и взглянув на наши экспонаты, распорядился: «Всех, всех биологов в отдельную комнату, – и, сопровождая слова выразительным жестом, удовлетворенно произнес: Отделили церковь от государства!».

«А где у вас менделисты-морганисты?» – спросил Никита Сергеевич во время осмотра выставки.

«Я же математик, кто их разберет!» – сказал Михаил Алексеевич.

На это Никита Сергеевич отреагировал шуткой: «Был такой случай. По Грузинской дороге шел хохол, его остановили яро спорившие грузин и осетин и потребовали: «Рассуди нас, что на небе – месяц или луна?». Хохол взглянул на одного – у него за поясом кинжал, на другого – тоже кинжал. Подумал и говорит: «А я ж не тутошний». Общий хохот.

«Прятали» и самого Беляева. В первом сборнике 1962 года «Новосибирский научный центр» есть фотография Н.С.Хрущева среди ученых Новосибирского научного центра – живая история первых лет. Сердце радуется смотреть на них всех, там есть все, еще живые, молодые, настоящие и будущие академики, члены-корреспонденты, директора и ведущие ученые. Нет Д.К.Беляева, он отделен, спрятан. ДК понимал, что это вынужденные меры и был благодарен Михаилу Алексеевичу.

Однажды Михаил Алексеевич вызвал ДК к себе. ДК очень хорошо подражал М.А.Лаврентьеву, говорил отрывисто с ударением, а в некоторых моментах с похахатыванием: «Тут мне письмо пришло, просят отпустить Вас в Москву работать. Как Вы на это смотрите?». – «Михаил Алексеевич, может быть Вас я не устраиваю»,

– отвечал ДК. – Что касается меня, то Вы меня вполне устраиваете, и я хочу продолжать с Вами работать». – «Ха, ха, ха, я тоже так думаю, так и отвечу».

Как радовался ДК, когда ему удалось показать Михаилу Алексеевичу и всему президиуму экспериментальное хозяйство, звероферму. Было очень холодно, а гости ходили и смотрели: создано крепкое хозяйство с уникальным поголовьем зверей, племенным стадом молочного скота с удоями 5 тыс. литров в год, со вновь созданным типом гибридных свиней и мини-свиней, пригодных для медицинских экспериментов.

Мы ходили в гости к Лаврентьевым, бывали в их «избушке». Вера Евгеньевна рассказывала, что она помогла Михаилу Алексеевичу оценить значение генетики, «просветила». Она сама получила биологическое образование, а ее мама В.М. Данчакова была известным профессором биологии и какое-то время работала в лаборатории Моргана. Отдавая дань памяти Михаилу Алексеевичу, «создателю «сибирского чуда», выдающемуся ученому, горячему патриоту отчизны, человеку-легенде», ДК в своей речи назвал его **«создателем новой философии и новой идеологии организации науки»**.

В 1961 году в ИЦиГ прошла первая научно-отчетная сессия. Сессии, ставшие традиционными, всегда были большим событием в жизни института. ДК относился к ним очень ответственно. «Это очень важная форма научной работы, – обращался он к собравшимся в зале, – и относиться к ней нужно ответственно». И в обычные времена бодрый и подтянутый, в эти периоды он весь мобилизовывался, концентрировался и проводил сессии на большом подъеме. Он глубоко вникал в суть докладов каждой лаборатории: «Минуточку, минуточку, – прерывал он докладчика, – я хочу понять», и следовали такие вопросы, которые проникали в самое существо работы, как бы далека она ни была от его собственных интересов. Иногда он вставал и прогуливался в простенке между экраном и столом – зрело выступление – анализ всех работ с оценкой перспективы. Заключение всегда были очень существенными, он давал полный анализ работ, просматривающиеся выводы и дальнейшее направление, часто предлагал новые пути развития исследований. Все слушали внимательно, а я – затаив дыхание.

В период становления института он приглашал к обсуждению виднейших генетиков и ученых других специальностей. В разные годы в дискуссиях участвовали Б.Л.Астауров, П.Ф.Рокицкий, Н.В.Тимофеев-Ресовский, Б.Н.Сидоров, Н.Н.Соколов, А.А.Прокофьева-Бельговская, Е.Т.Васина, В.В.Воеводский, Я.Л.Глембоцкий, Н.Н.Карташова, Д.Г.Кнорре, А.Н.Купцов, М.Е.Лобашев, А.А.Ляпунов, А.А.Любищев, Ю.М.Оленов, Б.Е.Писарев, Е.Э.Погосянц и другие яркие ученые, имена которых вошли навечно в историю науки, многие из них были большими друзьями ДК.

В.В.Хвостова первое время приезжала в институт как гостя, но вскоре, в 1966 году, совсем перешла в ИЦиГ, став очень уважаемым сотрудником, лектором и, благодаря своей общительности и благожелательности, большим другом многих молодых и солидных ученых. Она испытывала добрые дружеские чувства к ДК и он отвечал ей тем же.

Тон в дискуссиях задавали широко эрудированные ветераны института. Первый вопрос всегда задавал Ю.Я.Керкис. Вопросы у него были «на кончике доклада выступавшего». Дискуссии бывали жаркими. Припоминается случай, когда при обсуждении трое выдающихся ученых – В.В.Воеводский, Н.В.Тимофеев-Ресовский и А.А.Ляпунов – одновременно оказались у доски и убежденно выкладывали друг другу и аудитории свои аргументы: гремел Николай Владимирович, чуть с усмешкой жестикулировал Владислав Владиславович, а Алексей Андреевич апеллировал к математической логике. Каждый удалился, довольный собой. С самого начала ДК дал импульс широкой, свободной и принципиальной дискуссии. До позднего вечера сотрудники оставались на сессиях, волновали только закрывающиеся вечером детские садики. Молодые семьи тогда преобладали в городке.

Вовлекал ДК и молодежь в обсуждение: поднимет повыше голову (зал замирает на мгновение), выберет и удовлетворенно назовет фамилию. Так он приучал молодых сотрудников к размышлениям и не давал возможности замыкаться в кругу собственных исследований. Радовался хорошим мыслям и следил, чтобы обсуждения были свободными и деловыми.

Запомнился мне случай и ДК, поразивший меня на одной из последних сессий. Отчитывалась лаборатория молекулярной генетики. Молодой сотрудник рассказывал о самых последних результатах новой работы, недавно начатой в лаборатории.

«Подожди, подожди, я хочу понять!» – слышится голос ДК, он повернулся к доске. Я обратилась к соседке, биохимику из этой группы, Е.А.Васюниной с неммым вопросом, она кивнула, докладчик ошибся. ДК уловил нелогичность в сложном материале по адресным модификациям ДНК, небольшое несоответствие. Он обладал огромной интуицией.

На ученых советах, сессиях, в трудные моменты казалось, что все знают, как надо сказать и надо сделать, но побаиваются, а в то же время очень надеются, что ДК не пропустит, заметит, сделает поправку, сделает как надо, по справедливости. Он так и поступал.

В 1972 году ДК стал академиком. Нужно сказать, что М.А.Лаврентьев очень хотел, чтобы ДК избрали академиком. В члены-корреспонденты выдвигали московские генетики, ДК даже не ездил в Москву на выборы. А в академики его представляли 2 раза, и оба раза его не пропускали Т.Д.Лысенко со своими единомышленниками, и самое интересное, что к ним присоединился Н.П.Дубинин. В третий раз во время очередных выборов ДК отказался выдвигать свою кандидатуру и уехал в командировку. Михаил Алексеевич обычно держал ход подготовки к выборам под жестким контролем, вот тут ему пригодилось его умение, как говорили, рассчитывать на 10 ходов вперед. Он относился к подготовке к выборам чрезвычайно серьезно. Когда он узнал, что ДК не подал документы, в последний день подачи документов он вызвал к себе В.К.Шумного, сказал, что именно нужно немедленно предпринять, ходил по кабинету и говорил. Потом вдруг остановился и спросил: «Вам все ясно?» – «Да, Михаил Алексеевич, все ясно». «Так чего же ты стоишь?» – прогремел Михаил Алексеевич.

Михаил Михайлович Лаврентьев рассказывал, как проходили эти выборы. Одна из традиционных процедур при обсуждении кандидатов – чаепитие у президента. Президент приглашает членов специализированного отделения, выслушивает их мнение о кандидатах, высказывается сам. Михаил Алексеевич узнал, что некоторые члены Отделения общей биологии настроены против Беляева. В качестве формального аргумента ссылались на то, что он не имеет ученой степени доктора наук. Михаил Алексеевич пришел на чаепитие. Когда М.В.Келдыш (президент АН СССР) предоставил ему слово, Михаил Алексеевич охарактеризовал ВАК как

реакционную организацию. Келдыш предложил не говорить о вопросах, не относящихся к обсуждению кандидатур на выборах. Михаил Алексеевич ответил: «Я выступаю, а ты помолчи». Замечу, что Келдыш был учеником Михаила Алексеевича и его близким другом, они были на «ты». «Да, Беляев не имеет степени доктора наук. Но академиками, не имеющими этой степени, были избраны Королев и Туполев, которые являются гордостью советской науки». На голосовании в Отделении Беляев был избран академиком. Весь институт торжественно и весело отметил это событие. Мы устроили грандиозный прием, были речи и танцы, песни, стихи и каламбуры.

ДК пользовался авторитетом в мировой науке. Ему было сделано почетное предложение написать статью о доместикации растений и животных для всемирно известной энциклопедии «Британика». Статья была написана в соавторстве с В.В.Хвостовой..

Его труды и труды его сотрудников цитируются и подвергаются анализу в зарубежной литературе и в настоящее время. Он был членом ряда зарубежных академий, награжден почетными иностранными орденами, в частности высшим болгарским орденом Кирилла и Мефодия и золотой медалью Чехословакии «За заслуги перед наукой и человечеством».

Я вспоминаю, как проходила церемония приема ДК в академики Испанской ветеринарной академии. Это был торжественный ритуал. Члены академии должны были быть во фраках. ДК предложили взять фрак напрокат, ему это предложение очень не понравилось – костюм с чужого плеча. Все-таки мы попытались найти прокат, но, на наше счастье, в выходные дни эти заведения были закрыты, и ДК обрадовался, сказал: «Буду в своем костюме». Узнав это, академики солидарно пришли в обычных костюмах и один академик пошутил, что так даже лучше, а то они все, как тараканы, в своих фраках. Свою речь перед собранием академиков он начал со слов благодарности, которые произнес по-испански.

Роль Д.К.Беляева в возрождении генетики в стране

Судьба Дмитрия Константиновича Беляева сложилась так, что он оказался в центре важнейших для страны событий: возрождения поруганной науки генетики,

претерпевшей гонения в течение нескольких лет, а также организации и становления Сибирского отделения Академии наук, не говоря уже о войне, когда он разделил судьбу народа, пробыв на фронте 4 года. «Солдат войны, науки и труда» – так называл Д.К.Беляева последователь и нынешний директор Института цитологии и генетики СО АН СССР академик В.К.Шумный.

Важнейшие события в волнующем процессе возрождения генетики в той или иной степени связаны с именем Дмитрия Константиновича. Генетики, обреченные на молчание после августовской сессии, пытались использовать малейшую возможность для популяризации науки. Еще до Пленума ЦК КПСС 1964 года ДК с группой выдающихся генетиков страны участвовал в первых после августовской сессии публикациях по генетике и прочел две лекции по разведению пушных зверей в Политехническом музее. Через месяц после пленума 1964 года, когда можно было надеяться на признание генетики, в «Правде» была напечатана статья Д.К.Беляева с четкими рекомендациями по восстановлению разгромленной науки в стране. Теперь эти задачи кажутся естественными и обычными, а тогда они представлялись первоочередными и далеко не простыми. Речь шла, в частности, об изменении учебных программ по генетике в вузах, о создании общества генетиков и селекционеров, о научном журнале по генетике, об укомплектовании селекционных учреждений специалистами, владеющими генетической теорией. ДК был очень рад, когда увидел эту статью напечатанной, это был хороший признак изменения отношения к генетике: газета «Правда» – правительственный орган. Ведущие генетики страны энергично взялись за организационные вопросы, может быть, даже в ущерб своей научной работе. Интерес к генетике среди научной общественности был очень велик.

В начале 1965 года ДК для ученых всего Академгородка прочел лекцию «О некоторых философских вопросах генетики». Интерес к генетике, подчеркнул ДК в докладе, определяется исключительным интересом к биологии и естествознанию вообще. Рассмотрев материальные основы наследственности, ДК не мог обойти вопроса о догматических представлениях Т.Д.Лысенко и его последователей на процессы наследования признаков и роли внешней среды на наследственность и изменчивость. Заканчивая доклад, ДК сказал о значении морально-этического

поведения ученых, о верности служения науке.

В 1965 году ученым-генетикам удалось основать свой печатный орган – научный журнал «Генетика». Первым главным редактором был академик ВАСХНИЛ П.М.Жуковский, заместителями – С.И.Алиханян и Д.К.Беляев. ДК с самого начала держал твердую линию сохранения высокого теоретического уровня журнала и тесной связи с селекционерами. Установление союза генетиков и селекционеров как основы плодотворного развития науки считали важнейшей задачей лидеры советской генетики академики Н.И.Вавилов и Б.Л.Астауров. Этому принципу в полной мере следовал Д.К.Беляев.

В 1966 году усилиями инициативной группы генетиков под руководством академика Б.Л.Астаурова было создано Всесоюзное общество генетиков и селекционеров. Позже к большой радости ученых удалось добиться присвоения обществу имени академика Н.И.Вавилова. Учредительный пленум ВОГиС был проведен в апреле 1967 года в Можинке под Москвой. Это было первое после длительного перерыва собрание генетиков. Присутствовали 30 замечательных ученых, многие из которых прошли нелегкие испытания, сохранив жизненный оптимизм и верность науке. Борис Львович Астауров был избран президентом общества, вице-президентами выбрали С.И.Алиханяна, Д.К.Беляева, В.Д.Тимакова и Н.В.Цицина.

Перед руководством ВОГиС встала серьезная задача: организовать генетиков союзных республик и крупных городов и областей. ДК побывал в Казахстане, Таджикистане и Узбекистане, помогая объединить местных генетиков. Было запланировано проведение Второго съезда ВОГиС. Первый съезд был проведен Н.И.Вавиловым в январе 1929 года. В работе съезда участвовал и брат ДК Николай Константинович Беляев.

С марта 1968 года ДК стал бессменным председателем Научного совета по проблемам генетики и селекции при Президиуме Академии наук СССР. Это была большая работа, требовавшая решения многих и разных вопросов: от подготовки генетических форумов до согласования тематики работы отдельных институтов, от постановки общесоюзных программ, до помощи в решении судьбы отдельных ученых. Сложность состояла в том, что работы и заботы концентрировались в

Москве, а ДК был в Новосибирске. Хорошо, что в Проблемном совете сложился дружный работоспособный коллектив. Заместитель, ученый секретарь Проблемного совета и большой наш друг Е.Т.Васина, а также Л.А.Суйкова, Э.А.Оганова работали на совесть. А ДК не жалел сил, не давал покоя сотрудникам и не останавливался перед необходимостью потревожить высшие инстанции.

ДК часто приходилось приезжать в столицу, и в этих случаях телефон в гостинице не умолкал, постоянно ему надо было куда-то ехать, что-то решать. Частыми гостями были московские генетики, деловые встречи заканчивались дружескими беседами.

«Особенностью стиля работы Д.К.Беляева, – вспоминала Е.Т.Васина, – был коллективизм. Он всегда ратовал за коллегиальность при обсуждении сложных вопросов, организовывал живое обсуждение, и в результате выработанные решения удовлетворяли большинство присутствующих. При этом он проявлял необычайную работоспособность, настойчивость, терпение и такт, и только это и могло обеспечить успешное завершение работ с участием крупных ученых разных специальностей из разных институтов и ведомств». Как эти стороны характера помогли ДК при организации и подготовке Международного генетического конгресса в Москве!

В 1969 году, т.е. через 5 лет после легализации генетики, в Академии наук было решено заслушать генетиков на заседании Президиума. Это была веха в ходе возрождения генетики в стране, от решения Президиума зависело дальнейшее развитие науки. Основной доклад «О состоянии и дальнейшем развитии генетики в СССР» был у председателя Проблемного совета члена-корреспондента АН Д.К.Беляева. Я очень волновалась, самая высокая научная аудитория, знаменитые академики, ведущие генетики из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева. Все приехали, встречаются, радостно здороваются. ДК бодрый, серьезный. Председательствует президент Академии наук академик М.В.Келдыш. Предстоит обсудить планы, надежды и трудности. Свой доклад ДК начал с краткого обзора состояния генетики вообще в мире, успехов молекулярной генетики; он отметил, что стала развиваться генетика человека, и подчеркнул, что развитие молекулярной генетики – это одно из самых актуальных направлений мировой генетики. Интенсивно развиваются такие сулящие крупные практические успехи направления,

как генетика растений и генетика животных. ДК рассказал, что удалось сделать нашим ученым-генетикам за истекшие 5 лет. Генетические исследования ведутся в 25 институтах Академии наук и в союзных республиках, почти в 40 институтах Министерства сельского хозяйства СССР, ВАСХНИЛ и некоторых университетах. Генетика растений – одно из самых развитых направлений, и в этой области отмечены успехи. Пока небольшое число лабораторий занято проблемами молекулярной генетики, успешно работают в немногих институтах с генетикой микроорганизмов. Генетико-селекционные работы по животным ведутся во многих отраслевых институтах, но разработкой теории генетики и селекции занимаются лишь две-три лаборатории (фотопериодизм). ДК отметил успешные разработки П.П.Лукьяненко, М.И.Хаджинова, Б.Л.Астаурова, П.К.Шкварникова, В.В.Хвостовой, И.А.Рапопорта, В.В.Сахарова, А.Н.Луткова. «Общий баланс состояния генетики можно считать положительным, – говорил ДК, – учитывая теоретические и практические результаты за последние 5 лет. ... Однако в силу понятных причин положение генетики в стране оставляет желать лучшего, – подчеркнул он, – учитывая потенциальные возможности и задачи, которые ей предстоит решить».

На кафедре величественного конференц-зала Академии наук сменяли друг друга ведущие генетики страны, выступали четко, ярко, смело. Генетике микроорганизмов посвятил свое выступление С.И.Алиханян. И.А.Рапопорт, получивший интересные результаты по химическому мутагенезу с выходом в практику, предложил создать условия для направлений исследований, где советскими генетиками могут быть сделаны новые открытия. Выступали Н.И.Шапиро, Я.Л.Глембоцкий, В.В.Хвостова, А.А.Прокофьева-Бельговская, А.А.Малиновский и др. Б.Л.Астауров подчеркнул: «То, что проделано нашей генетикой за последние годы, не только удовлетворительно, но даже поразительно при том составе кадров, которое мы имели к началу этого периода». Вопрос с кадрами стоял очень остро. «Ихтиозаврами» он назвал старшее поколение генетиков, их оставалось мало, наших легендарных ветеранов, и они были немолоды. Он опасался, что генетической науке грозит вымирание. Необходимо было срочно готовить кадры генетиков. К счастью, Борис Львович ошибался, вскоре в науку пришло новое талантливое молодое поколение, возвращенное университетами и усилиями ветеранов генетики. Выступления членов президиума были в основном

доброжелательные, очень хорошо отозвался об Институте цитологии и генетики академик М.М.Шемякин, который предложил институту не только развивать генетические исследования у себя, но и способствовать их развитию в других местах.

Подводя итоги, президент академик М.В.Келдыш поддержал предложения ДК и других генетиков, выступавших в прениях. Было принято постановление о материальном обеспечении главных направлений генетики, о подготовке кадров, о целевой аспирантуре, о повышении уровня преподавания генетики и о создании новых учебников. Это была окончательная победа генетики в стране. Доклад был напечатан в «Вестнике Академии наук», и Дима подарил мне отпечаток с надписью: «Милой Светочке, помощнику, вдохновителю и азартному болельщику от докладчика. 21.4.71.». Это меня очень растрогало.

Неизменно ДК оказывался в центре всесоюзных и международных форумов генетиков. Особенно волнующим был 2-й съезд ВОГиС имени Н.И.Вавилова, проведенный в 1972 году в Москве. Съезд воспринимался как триумф возрожденной науки: праздничная, дружеская и в то же время деловая обстановка. К этому времени были организованы отделения в некоторых союзных республиках, областях и городах. Генетики старшего поколения были уже не одиноки, много молодых ученых представили свои работы. Была большая делегация из нашего института, мы встречали их на вокзале, почти целый вагон занимали наши сотрудники, веселыми группками выскакивали на перрон. ИЦиГ был представлен в ряде симпозиальных и секционных докладов. Борис Львович Астауров выступил с блестящим докладом по истории и проблемам генетики и, конечно, остановился на наиболее близкой ему теме по биологии индивидуального развития. ДК подготовил доклад по дестабилизирующему отбору. Было очень оживленно в кулуарах. Встречались старые друзья и коллеги из разных городов, обменивались информацией, заряжались новыми идеями, заводили новых друзей и знакомых. Много докладов было из лаборатории ДК: и по генетике норки – В.И.Евсикова, и по особенностям поведения зверей – Л.Н.Трут, и по фотопериодизму – Д.В.Ключкова.

Во время Третьего съезда ВОГиС ДК простудился, болел, какое-то время не мог выходить, а предстояли большие сложности по формированию Президиума ВОГиС, ему приходилось больному преодолевать сопротивление руководства ВОГиС. Доклад

его «Генетико-эволюционные аспекты психоэмоционального стресса» был запланирован, как обычно, на последнее пленарное заседание. Он впервые привлек внимание биологов к стрессу как фактору эволюции. Сама по себе тема была интересной, и он докладывал лишь по тезисам с большим подъемом, увлекая аудиторию. Посыпались предложения, в частности от Н.П.Бехтеревой, повторить доклад в медицинской аудитории, заявки от прессы. ДК так понравился слушателям, что вечером во время банкета он был награжден стихийно возникшими аплодисментами. Он даже не понял сначала: «Что это было?».

Конгрессы и съезды, всесоюзные совещания, заседания президиума ВОГиС и Проблемного совета, собрания Сибирского отделения или президиума АН – он относился к этой работе очень серьезно, и на очередном научном форуме выступал по проблеме, которую считал наиболее важной в этот период. Так на IV съезде ВОГиС в 1982 году в Кишиневе, когда обозначился ряд новых направлений в генетике и особенно остро встала проблема продовольствия, он в докладе «Проблемы развития генетики» постарался сконцентрировать внимание на главных задачах теоретической и прикладной генетики. Он подчеркнул, что в арсенале науки есть много способов решения этих задач: «Сама жизнь бросает вызов как генетической теории управления формообразованием организмов, так и практике всей нашей генетико-селекционной работы».

Еще острее Д.К.Беляев поставил вопрос о роли генетики в решении продовольственной программы в стране на специальной сессии Общего собрания АН СССР в декабре 1984 года. Примечательно, что в основном докладе по продовольственной программе академик Ю.А.Овчинников, приводя примеры успешных работ разных институтов, разных министерств и ведомств, ни разу не упомянул об Институте цитологии и генетики, хотя к тому времени это был крупнейший генетический центр. Дмитрия Константиновича заранее попросили выступить в прениях. Его выступление вызвало отклик у многих слушателей, к нему подходили и говорили об этом. Он подчеркнул важность роста производительности труда первичных сельхозколлективов, и что эта проблема требует внимания не только экономистов, но и социологов и даже специалистов в области социальной психологии. Он не постеснялся сказать о пьянстве в деревне. Он говорил о

необходимости развивать весь фронт генетики и комплекс общебиологических наук. Возможности генетики, если судить по рекордным урожаям и производительности животных в других странах, очень велики, и ее задачи состоят в создании высокопродуктивных зимостойких сортов озимых зерновых культур и в повышении продуктивности животных. Он рассказал, как решаются эти задачи в ИЦиГ, в частности о создании нескольких экспериментальных номеров озимых пшениц и как организуется экспериментальная база в Горном Алтае, где собран перспективный генофонд для проведения опытов по гибридизации животных, а также закладываются эксперименты по доместикации диких животных.

Это было его последнее выступление перед Общим собранием Академии наук. Яркое воспоминание, оставшееся после Общего собрания: ДК сидел недалеко от Андрея Дмитриевича Сахарова и был свидетелем, как тому препятствовали выступить на собрании. ДК обратил внимание (как он впоследствии рассказывал), что у Андрея Дмитриевича были «детские глаза» и что человек с такими глазами не мог делать зла. ДК не подписывал письма ученых против А.Д.Сахарова и возмущался, когда создавалась ситуация, что рабочие металлургического завода подписывали петицию против академика Сахарова.

ДК не жалел ни сил, ни времени на увековечение памяти классиков советской генетики, на популяризацию их идей и установление их вклада в науку. Это была многообразная деятельность: переиздание научных трудов, редактирование биографических справочников, статей и книг, консультирование научных кинофильмов. В те времена в условиях жесткой цензуры это была чрезвычайно трудная работа.

В 1980 году под его редакцией вышел сборник биографических очерков «Выдающиеся советские генетики». В него были включены и биографии неоправданно репрессированных и подвергавшихся гонениям наших замечательных ученых Г.А.Левитского, Г.Д.Карпеченко, С.Г.Левита. Он активно содействовал восстановлению доброго имени «великого генетика, ботаника и биолога» Николая Ивановича Вавилова, рассказывая молодежи о мужестве, научном вкладе и огромном влиянии личности Николая Ивановича на многие поколения генетиков. «На костер пойдем, гореть будем, а от убеждений своих не откажемся» – этот девиз Николаю

Ивановичу пришлось доказывать всей своей жизнью. Без слез нельзя читать письмо Николая Ивановича к Берии (1941 г.) из тюрьмы (мне давала его Екатерина Тимофеевна Васина). Как истинный патриот он писал, тревожась не за себя, а за Родину, что готов положить все силы, чтобы помочь стране. Ему было обещано ходатайство об отмене смертного приговора и предоставление полной возможности научной работы. Но через три часа после разговора об этом, во время паники в Москве в связи с эвакуацией, его отправили в Саратовскую тюрьму, в город, где он работал в юности. И как больно было узнать впоследствии, что его родные жили в то время в Саратове, совсем недалеко от тюрьмы, а он погиб от пневмонии и голода. Телепередача с участием ДК о Николае Ивановиче в 1974 году так и не была допущена в эфир, много позже о ней писала журналист З.Ибрагимова.

В 1973 году мы побывали в Саратове, встречались с саратовскими генетиками. ДК прочел в университете лекцию, мы побывали на генетической селекционной станции.

Мы с болью узнали подробности гибели Николая Ивановича, с большой группой генетиков были на кладбище, отдали дань памяти этому выдающемуся ученому, возложили цветы к недавно установленному памятнику Н.И.Вавилову. ДК произнес трогательную речь. Так тяжело было близко прикоснуться к трагической судьбе большого ученого, прекрасного человека. Вспомнили брата ДК, преданного науке, без вины погибшего. Еще раз ДК ездил в Саратов проводить чтения, посвященные 90-летию со дня рождения Н.И.Вавилова, там он познакомился с сыном Николая Ивановича, Юрием Николаевичем. В комиссии по научному наследию он вместе с И.А.Рапопортом и С.Р.Микулинским способствовал изданию материалов, связанных с именем нашего гениального соотечественника, был ответственным редактором воспоминаний о Н.И.Вавилове Фатиха Хафизовича Бахтеева. Фильм «Звезда Вавилова» (автор С.С.Дяченко, научный консультант Д.К.Беляев) и телепередача П.М.Бородина «Собрание сочинений природы» с рассказом ДК о Николае Ивановиче Вавилове с большим удовлетворением были приняты генетической общественностью. Все это делалось до 1985 года – переломного периода в нашей стране.

ДК всячески способствовал изданию трудов академика Б.Л.Астаурова и сам подготовил ряд статей и докладов, посвященных жизненному пути и научной деятельности этого талантливому ученого и замечательного человека. У ДК и Бориса Львовича были дружеские и доверительные отношения. Они возникли как следствие сотрудничества старшего брата ДК Николая Константиновича с Борисом Львовичем еще в четвериковской лаборатории. Особенно укрепились их отношения после сессии 1948 года. Они встречались как старые знакомые на МОИП, и глубокое уважение скоро перешло в искреннюю преданную дружбу. Мы бывали у них дома в маленькой квартирке (там-то мы и увидели впервые фильм Байера о клеточном делении) и потом, когда Борису Львовичу выделили роскошную по тем временам квартиру в академическом доме. Это была дружная, высокоинтеллигентная семья с хорошими традициями, преданностью труду. Гостеприимный дом, чувство юмора, беседы о судьбах генетики. Несколько раз Борис Львович приезжал в Академгородок на научные отчетные сессии, был на Всесоюзном симпозиуме по клеточному ядру, проходившем в нашем институте. Четверо советских генетиков – Б.Л.Астауров, С.И.Алиханян, Н.П.Дубинин и Д.К.Беляев – были приглашены Американской генетической ассоциацией на симпозиум в Стэнфордский университет с последующим посещением ряда университетов и лабораторий США. В поездке ДК лишний раз убедился в глубокой порядочности и доброжелательности Б.Л.Астаурова.

Борис Львович вместе с З.С.Никоро, В.А.Струнниковым и В.П.Эфроимсоном написали большую статью о Николае Константиновиче Беляеве, опубликованную в издательстве «Наука» в сборнике «Из истории биологии», вып. 5.

Когда генетика Ж.Медведева принудительно отправили в психиатрическую больницу (за книгу о Т.Д.Лысенко), Б.Л.Астауров с вице-президентом АН Н.Н.Семеновым ездили выручать его оттуда.

Недрузи Бориса Львовича не дремали, и когда один из сотрудников Института биологии развития остался за границей, нападки на Бориса Львовича усилились, и он почувствовал себя одиноким, изолированным в Москве, сдало сердце. Помню, мы с ДК навестили его в академической больнице, это была незабываемая встреча. Было лето 1973 года, мы отправлялись на конгресс в США. Мы гуляли по больничному садику, тут подошел и обратился к Борису Львовичу незнакомый мне ученый: «Вы не

читали, что написал о Вас Николай Петрович?». Незадолго до этого в издательстве «Политиздат» вышла книга Н.П.Дубинина «Вечное движение», которая, надо отметить, была встречена большинством генетиков, мягко говоря, с неодобрением. Борис Львович, гордо приподняв голову, ответил: «Я не читал и, признаться, желания не имею». Он знал, что ничего хорошего о нем Николай Петрович не напишет. Борис Львович был избран на прошлом конгрессе членом исполнительного комитета Международной генетической федерации, он был вице-президентом XII МГК в Токио, а теперь болезнь не позволила ему поехать в США на XIII МГК. Он пошел проводить нас. Когда мы расставались, обменивались бодрыми пожеланиями, он ушел от нас, не оглядываясь, мы с грустью смотрели ему вслед. Больше я его не видела. Через год Бориса Львовича не стало. Во время похорон ДК произнес проникновенное прощальное слово, и мне говорили впоследствии, что эта речь позволила многим лучше понять ДК.

Трудно переоценить роль Б.Л.Астаурова в возрождении биологической науки, он был объединяющим центром и признанным авторитетом среди генетиков всей страны, единодушное избрание его президентом ВОГиС служит тому доказательством. Ученый и интеллигент, он хотел заниматься наукой, а вынужден был решать массу организационных вопросов, да еще выдерживать несправедливые нападки «доброжелателей». Такая же судьба была и у ДК, он принял на себя ответственность за генетику в стране и за всю биологию Сибири, понимал, что должен был ее нести, и нес многие годы. Академик В.А.Струнников писал мне, что он смог осознать сложность и трудность жизни Б.Л.Астаурова и Д.К.Беляева лишь тогда, когда ему самому пришлось взять на себя ответственность за дальнейшее развитие генетики.

Особое чувство глубокого уважения и признательности было у ДК к академику В.А.Энгельгардту за поддержку генетики. Владимир Александрович проявил мужество, доброту и самоотверженность, помогая А.А.Баеву, бывшему в заключении. Мы встречались с Владимиром Александровичем и его супругой Милицей Николаевной в академическом санатории «Узкое». Владимир Александрович отличался высокой интеллигентностью и деликатностью, они с ДК могли подолгу беседовать. Еще до сибирского периода жизни мы были в МГУ на его лекции о роли

АТФ. Вспоминается его посещение Академгородка. ДК рассказывал ему об институте, о своих работах, знакомил с сотрудниками. Узнав, что опыты по доместикации на лисицах ведет уже более 20 лет Л.Н.Трут, приехавшая из Москвы, Владимир Александрович взглянул на молодое лицо Людмилы Николаевны и заметил: «Что, Вы ее в пеленках привезли сюда?».

Владимир Александрович руководил крупным научным проектом «Ревертаза» с участием многих научных институтов, в том числе нашего ИЦиГ (Р.И.Салганик, А.Г.Ромашенко) и Института органической химии СО АН (Д.Г.Кнорре). Первую публикацию о синтезе гена, напечатанную в «Докладах АН» в 1973 году, Владимир Александрович прислал ДК, сопроводив надписью: «Д.К.Беляеву с дружеским приветом. В.Энгельгардт».

Международные генетические конгрессы

Д.К.Беляев был участником пяти международных конгрессов, и если на XI МГК в 1963 году в Гааге они вместе с М.А.Арсеньевой представляли классическую генетику страны, находившуюся в то время на нелегальном положении, а остальные члены делегации были лысенковцами, то на своем последнем XV МГК в Нью-Дели в 1983 г. он представлял всю Международную федерацию генетиков как ее президент.

Каждый конгресс оставил яркие воспоминания: и как они с Милицей Альфредовной Арсеньевой, в противовес основной делегации, голосовали за избрание Б.Л.Астаурова в состав руководства Международной федерации генетиков (и Борис Львович был избран), пришлось, правда, по приезде давать объяснение «на ковре», но совесть осталась чистой; и как ДК радовался, что на XII МГК в Токио в 1968 г. поехала с докладами большая группа генетиков из ИЦиГ. На этом конгрессе он познакомился с несколькими знаменитыми генетиками: Т.Г.Добржанским, Э.Мак-Ларен, М.Лернером, Х.Кихарой и др. Поездка была омрачена событиями в Чехословакии. ДК вспоминал, как к нему приходил чешский ученый Й.Матоушек и сквозь слезы спрашивал: «Зачем ввели танки?». ДК, сам расстроенный, как мог его успокаивал. Они надолго сохранили дружеские отношения.

В 1973 году состоялся XIII МГК в Беркли. От нашей страны ехала большая группа делегатов и научных туристов с докладами: Н.В.Турбин, А.Н.Андреев, Д.К.Беляев, Ф.М.Мухамедгалиев, Г.Ф.Привалов, И.И.Кикнадзе, И.А.Захаров, А.А.Рухкян, О.Я.Прийлин, А.И.Корочкин, В.К.Шумный, Б.В.Конюхов, М.А.Арсеньева, Ю.Ф.Богданов, Н.П.Бочков, М.Е.Вартанян.

В первый же день Т.Г.Добржанский пригласил нас на обед, и я в первый раз в жизни и, наверное, в последний пробовала живых устриц, которых надо было парализовать лимонным соком.

На конгрессе мы держались очень дружно, всей группой ходили на доклады наших коллег. Доклад ДК был на заключительном заседании.

Важным моментом работы нашей делегации было заседание исполнительного комитета Международной федерации, на нем выбирали страну, которая должна будет проводить следующий конгресс. Безусловно, проведение конгресса связано со многими трудностями, но это престижно для страны и дает возможность шире представить отечественные научные исследования. Итак, наши представители в исполнительном комитете были настроены решительно, не менее решительными были канадцы, они демонстрировали фото прекрасного зала для заседаний, обещали разные экскурсии. Но исполнительный комитет МГФ склонился в сторону СССР из уважения к памяти Н.И.Вавилова и чтобы поддержать возрождающуюся науку.

На конгрессах, совещаниях ДК знакомился с интересными учеными, потом приглашал их в институт и сам получал приглашения. Советская делегация организовала прием. ДК был очень огорчен, что на прием не разрешили пригласить Добржанского. После официального приема, на котором было много гостей, мы пригласили более близких друзей к себе в номер, и в непринужденной обстановке встретились ученые с разных концов мира: Х.Бёме, О.Густафсон, М.Грин, Х.Штуббе, Э.Люис, Дж.Мак Кей, А.Д.Соколов. Многих из них мы встретили позже, на XIV МГК в Москве.

Генеральный секретарь Международного генетического конгресса

Важность проведения Международного генетического конгресса в Москве состояла не только в том, что страна получала возможность широко представить работы возрожденной науки на всемирном форуме, но и в том, что такой конгресс готовил в 1937 году Н.И.Вавилов, однако в СССР он не состоялся. Нужно признать, что и XIV конгресс в определенный момент был на грани срыва или переноса в другую страну, и только благодаря невероятным усилиям оргкомитета удалось избежать этой критической ситуации.

Вот некоторые выдержки из моего дневника.

17 июля 1978 года – день рождения Димы, мы отмечали его заранее, потому что в этот день выезжали в Москву для организации конгресса. Подготовка к нему в институте проводилась уже давно. Дима – генеральный секретарь конгресса, на его ответственности – обеспечение программы пленарных, симпозиальных и секционных заседаний. Нужно было выбрать из генетиков всего мира наиболее выдающихся, интересно работающих ученых, пригласить ученых из развивающихся стран, охватить все разделы генетики, все спланировать и главное, обеспечить нормальный ход этого грандиозного форума. Вели интенсивную переписку, рассылали информацию, планировали программы, весь институт включился в эту работу, и ДК организовывал ее. Диму еле-еле отпустили врачи: ИБС, стенокардия, ЭКГ плохая, начальник медслужбы сказал лечащему доктору, чтобы сушила сухари за то, что отпускает, а Дима-то настоятельно требовал, хоть неделю назад только вышел с больничного.

Итак, мы летим, знаем, что все будет трудно и сложно: иностранцы, особенно американские ученые шлют отказы от участия в конгрессе. Даже, казалось бы, такие надежные друзья, как Люис, который раньше был нашим гостем в Новосибирске, а мы были у него в Лос-Анджелесе, прислал письмо, уверяя в дружеском расположении, отказался приехать по политическим мотивам, а ведь предполагалось, что он выступит на пленуме чуть ли не в первый день. Отказался Кроу, которому предложили быть гостем Академии и вице-президентом конгресса от США. Их мотив

– протест против суда над учеными С.А.Ковалевым и Ю.Ф.Орловым. Мы не имели такой информации, а они были в курсе событий, происходящих у нас в стране.

В первый же день в нашей временной маленькой квартирке заседает штаб: Беляев, Бочков, Вартанян, Инге-Вечтомов. Главной проблемой становится необычная для организаторов любого другого конгресса задача формирования новой программы. Нужно уговорить издательство отложить сроки печатания и сдачи программ и срочно готовить замены докладов отказавшихся иностранцев и комплектовать новую программу. Работа срочная и очень ответственная, у Николая Павловича «волосы дыбом встали», Сергей Георгиевич засучил рукава, ДК еще улыбается, а Марат Енокович уткнулся в бумаги, так я их и зафиксировала на снимке. Каждое утро начиналось с получения сводки, сколько отказов.

19 июля 1978 года, т.е. за месяц до начала конгресса, пришло письмо из США от Перкинса, одного из руководителей Международной генетической федерации, он от имени 6 американских ученых писал, что невзирая на отказ многих американских генетиков участвовать в работе XIV МКГ по политическим мотивам, эти ученые согласны приехать на конгресс, учитывая важность международных научных связей, однако при условии, что всем без исключения израильским генетикам, подавшим заявки для участия в конгрессе, будут выданы визы до 31 июля. Были получены телеграммы – ультиматумы аналогичного содержания еще от ряда крупнейших американских генетиков, которые были приглашены в качестве гостей АН СССР и докладчиков на пленарных и симпозиальных заседаниях.

Вот в такой обстановке жесткого контроля власти и ненаучных страстей шла подготовка к конгрессу. Все это надо было преодолевать: менять программу, хлопотать о визах, получать всевозможные разрешения, добывать средства на приглашение ведущих зарубежных ученых и помощь ученым развивающихся стран, на издание трудов и тезисов. Недаром в эти дни генерального секретаря можно было встретить и у президента АН, и у ученого секретаря АН, и в ЦК КПСС, в иностранном отделе и даже в комитете госбезопасности. В одном из последних номеров «Science», вышедшем перед конгрессом, реакция американского генетического общества была выражена в статье «Генетики бойкотируют московский конгресс». В статье говорилось о том, что президент Национальной Академии наук

США (НАН) выразил публичный протест приговору правозащитнику Ю.Орлову советским судом, и делегация физиков от НАН отменила поездку на симпозиум в Россию. «...Теперь, – говорилось далее в статье, – члены американского генетического общества, подтверждая обязательство перед Международным советом научных союзов о свободе международных научных встреч от политической деятельности, оставляют за каждым ученым право самому решать, ехать ли на конгресс. При этом было решено симпатизировать тем генетикам, которые из протеста не будут участвовать в XIV МГК в Москве». И в статье были названы видные американские генетики, отказавшиеся приехать на конгресс. Эта статья была написана на основании заявления совета директоров Американского генетического общества.

Оглядываясь назад, убеждаешься, какое непонимание царило на Западе в представлении об условиях и возможностях работы советских ученых (прямая противоположность теперешнему состоянию науки: тогда ученые имели почти неограниченные возможности для работы, развития и воплощения своих идей, но не могли сопротивляться противоправным действиям или были ограничены в проявлении свободолюбия). Теперь же наоборот, они могут организовывать митинги протеста, проявлять свое несогласие с действиями властных структур, но их материальное существование ограничено до крайности, и организация научных исследований терпит большие трудности.

Нам предлагали предъявить ультиматум правительству, а пока предъявляли ультиматум нам: «Поставим вопрос об отмене XIV МГК».

31 июля. Сегодня наступил кульминационный момент, который Дима предсказывал. Ждал его, опасался и все-таки, мне кажется, сам не верил, что он может наступить, хоть пугал им и президента и ЦК.

Сегодня получили телеграмму от Р.Райли – секретаря Международной генетической федерации. В связи с тем, что не всем израильским генетикам выдали визы, он собирается обратиться к членам международной генетической федерации с предложением об отмене 14 МГК. Эта телеграмма – ультиматум. Дима и Марат Енокович Вартанян, как шахматисты, продумывают варианты. Если федерация решится отменить или, как говорят, денонсировать конгресс, т.е. не дать ему номер,

что тогда? Проводить или не проводить? Где проводить и когда, кто приедет, и как осуществить программу пленумов, симпозиумов и секций. На каждом заседании только 2 доклада советских ученых и где проводить первое заседание? Планировалось в Кремлевском дворце, а теперь?

Интересно, что израильтян, желающих приехать на конгресс, все прибавляется, дадут ли им визы, и главное, получить их надо сегодня, так как завтра начнет работать машина по денонсированию. Столько сил вложено. И вот ... пожалуйста, получайте! Дима поехал к Ю.А.Овчинникову, продумывали разные варианты, Юрий Анатольевич повторял, что Исполнительный комитет МГФ не имеет права не признавать конгресс, но при попытках ДК представить, что будет, если они это проведут, уходил от обсуждения, а в конце сказал, что жизнь нелегкая. Зато решились, наконец, сами выступить с ответом совету директоров, который, как было сказано, по совету Госдепартамента рекомендует ученым воздержаться от поездки в СССР и будет относиться с симпатией к отказавшимся от поездки. Сами толкуют, что научные контакты должны быть свободны от политики, а в то же время делают такие заявления.

14.8. Утром приехали новосибирцы. В оргкомитете еще 2 отказа, послали ответную телеграмму Райли с благодарностью за обещание продолжать содействовать конгрессу. После всех бесчисленных звонков, когда весь дом уже спит, Дима сочиняет выступление, еще нужен текст для «выхода в эфир» на радио.

15.8–16.8. С утра было совещание оргкомитета, мы сидели с Виктором Георгиевичем Колпаковым, он сердился, почему все бестолково, – видно, говорит, что делать никто ничего не хочет, занимаются своими делами и ведут себя так, как будто еще целая неделя впереди на подготовку.

17.8. Утром Дима поехал на «вертушку» договариваться о выступлении Коломина из Моссовета – не дозвонился – тот проводил совещание. Я была на дамском комитете – распределяли дежурства ответственных и переводчиков. Потом мы поехали в ресторан «Националь» на встречу с четой Райли, Николай Павлович изъявил желание к нам присоединиться. Беседа была содержательной. Ральф Райли сказал, что он с несколькими генетиками, в частности со знаменитой Шарлоттой Ауэрбах, послал письмо в «Nature» о том, что они решили участвовать в конгрессе,

так как считают важным обмен информацией и идеями между учеными разных стран, включая Советский Союз. Они считают, что политика не должна влиять на свободу личных контактов ученых. Однако их участие в конгрессе в СССР не должно быть истолковано как одобрение политики Советского правительства в ограничении прав некоторых граждан. «Несмотря на сожаление о некоторых действиях советской администрации, наше уважение по отношению ко многим советским ученым и по отношению к свободе общения в науке стимулирует нас настаивать на включении нас в работу Генетического конгресса, который, мы надеемся, будет успешный». Профессор Райли предупредил нас также, что он имеет две телеграммы от Американского и Израильского генетических обществ, которые требуют специально рассмотреть этот инцидент на собрании представителей МГФ.

В субботу и воскресенье выверяли программы заседаний с учетом приехавших докладчиков. Чем только Диме не приходилось заниматься в эти предконгрессные дни помимо главной задачи – реформирования программы: распределением обязанностей и ответственности, контактами с Международной генетической федерацией, организацией приема делегатов, финансированием приглашения ведущих зарубежных ученых и помощи ученым развивающихся стран, организацией издания трудов и тезисов, обеспечением транспортом и помещением, визами, экскурсиями, туристскими поездками, гостиницами, контактами с прессой. А в конце надо было написать введение и заключение, закрыть Вавиловскую сессию и, конечно, прочесть доклад на заключительном пленарном заседании.

21.8. ОТКРЫТИЕ КОНГРЕССА.

Торжественный день. Мы поехали в 8.45, ночью спали плохо, не засыпалось после трудного дня часов до 3, а может быть, и позже. Утром в 8 часов звонок – корреспондент из «Комсомолки», Дима обещал ему материал о конгрессе. Проехали в Кремль через Троицкие ворота, в зал не пускают, встретили новосибирцев, звонок, открыли дверь, все бросились в зал, дежурные дамы держали первые 10 рядов, раскинув руки. Когда почти все утихомирились, дежурные потеряли бдительность и постепенно в зал начали просачиваться наши, а иностранцы появились позже и им предупредительно уступали места. В общем все обошлось благополучно. Ждем президиум. Наконец появились, минут на 15 позже, впереди Юрий Анатольевич

Овчинников, потом В.А.Котельников – временный президент АН, он шел медленно, у него болят ноги, поэтому получилось очень важно. Мой сосед Александр Иванович Панин говорит: «Вон идет самый красивый», – это о Диме.

Открыл конгресс Юрий Анатольевич, потом приветствие Совета министров, за ним О.Френкель – произнес речь бодро так, затем В.А.Котельников, от Моссовета Бирюков, Н.П.Бочков от ВОГиС. Все торжественно, празднично. Перед этим мы все дрожали, волновались, как все получится, даже водителю Александру Васильевичу передалось наше напряжение и он, когда мы выходили из машины, сказал: «Ни пуха, ни пера» и получил в ответ «К черту». А сам нарядился как на праздник.

А потом мы при полном параде отправились на прием.

Сначала стояли у бархатного каната, перед нами великолепный зал с роскошно накрытыми столами, цветы, люстры, а нас не пускают. Это Алиханян распорядился, а то, мол, все съедят. Наконец колокол, приглашение к столу, толпа хлынула волной, быстро заполнила столы, красиво расставленные. Мы с Энн, ее дочкой, супругами Райли, Николаем Павловичем Бочковым с Дианой Николаевной, его супругой, прошли вперед. Дима пошел к О.Френкелю и президенту конгресса, Н.В.Цицину – он произнес первый тост. Что тут началось: стук тарелок, шум голосов, звон стаканов. К нам подошел улыбающийся В.А.Энгельгардт. Началось общее движение. К Диме подходила масса народа: индусы, Я.Тазима мне признался, что мы, мол, любим Вашего мужа, супруги Маркерты вспоминали визит к нам в Академгородок, Дима сердечно благодарил их за приезд на конгресс, Александр Дмитриевич Соколов – американец русского происхождения с женой радовались, что они в России, мы познакомились с ними в Беркли и были рады встретить их снова в Москве. Было много интересных встреч. Дима от меня скрылся, много у него тут было знакомых. Я ходила по залу и фотографировала, получилось много удачных снимков, Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского в том числе. С Рудольфом Иосифовичем Салгаником мы поговорили о работе, договорились что-то интересное сделать, оба были радостные и пришли к выводу, что иногда неплохо встречаться в праздничной обстановке.

22.8. Пошла рабочая неделя конгресса. Все идет хорошо, симпозиумы идут, сделаны замены. Дима все время повторяет, словно сам себя успокаивает: «Ну, теперь покатилося. Главное, начало сделано, а теперь само покатится».

24.8. Утром в 204-й комнате встретила чету Маркертов. Клемент хотел видеть Диму, имеет серьезный разговор. Он заключался в предложении считать доклад ДК – Кеевской лекцией. Вильгельмина Кей – учительница Сьюэла Райта, существует фонд ее имени, до сих пор традиционно на конгрессах читали такие доклады, и поручались они только американским ученым. Сам К.Маркерт – знаменитый ученый, академик, первооткрыватель изозимов, руководитель комитета Американской генетической ассоциации – организации генетиков, которая не поддерживала бойкот Конгресса. С Димой у них сложились дружеские отношения, он участвовал в войне в Испании и был там ранен. Он сказал, что при обсуждении этого предложения не все были согласны, некоторые возражали, однако большинство его поддержало. Дима поблагодарил за честь, но сказал, что должен подумать. Это «подумать» заключалось в бесчисленных консультациях и согласованиях в ЦК, с Овчинниковым, даже с КГБ. Дима совещался с Еленой Дмитриевной, Маратом Еноковичем и «Фантомасом». «Фантомасом» прозвали генерала КГБ, который был приставлен к конгрессу. Он, кстати, неоднократно помогал в некоторых организационных вопросах. Елена Дмитриевна приветствовала предложение Клемента, это, говорит, можно дать в прессу, что одна организация генетиков бойкотирует конгресс, а другая – даже приглашает прочесть традиционную лекцию. Дима позвонил Овчинникову, тот сначала стал жестко говорить, что за человек предлагает, может быть, это случайное дело. Дима сказал: «Это не случайный человек». Тогда Юрий Анатольевич сказал: «Если не будет соответствующей бумаги, Вы не будете читать этой лекции, у нас так не делается». Дима ответил, что он и звонит, чтобы посоветоваться. Елена Дмитриевна согласовала в ЦК, Маркерт написал отношение, в котором подчеркнул, что этот шаг служит на пользу сотрудничеству между учеными США и СССР. Эта каша варилась до дня Диминого доклада: «Как бы не пришлось еще деньги возвращать!». И кто такая Кей и не была ли она расисткой или миллионершей? Из ЦК сказали: «Пусть дуют по повестке!». Разрешили.

26.8. Заседание Совета представителей – высшего органа Международной генетической федерации – исполнительный комитет. Все с волнением ждали этого момента – «круглый» стол с «острыми углами». Действительно, стол квадратный в Димином кабинете. Сидят: советская делегация – Д.К.Беляев, Н.В.Турбин, М.С.Гиляров, Н.В.Бочков и наша переводчица Лебежкина, напротив американская делегация, от Японии – Я.Тазима, из Кении – Олембо. Ж.Лежен – из Франции, О.Френкель – президент МГФ из Австралии, Р.Райли – секретарь МГФ из Великобритании.

Открыл заседание О.Френкель – действующий президент и казначей. Всех поприветствовал и предложил почтить память профессора Брауна – бывшего президента. Он приезжал к нам в институт окончательно договориться о проведении XIV МГК, очень доброжелательный, славный человек, мне приходилось встречаться с ним во время XIII МГК в Беркли. Доклад секретаря МГФ проф. Р.Райли прошел без осложнений, дальше – научное обсуждение. По окончании доклада проф. Р.Райли сказал, что у него две телеграммы, выражающие протест конгрессу, с предложением обсудить создавшуюся ситуацию на собрании представителей МГФ; телеграммы от американского генетического общества и от ученых Израиля. Стали обсуждать вопрос о визах, представитель из США предложил очень суровую резолюцию: осудить, выразить протест и в дальнейшем не проводить конгрессы в СССР до изменения обстановки. Дима напомнил, что на американский конгресс некоторые советские генетики получили визы только в конце конгресса. Френкель отпарировал: «Не будем обращаться к прошлому». Выступила ученая из Израиля. Положение становилось критическим. Представитель Канады посетовал, что американская резолюция приводит советских ученых в *embarrassment* (затруднительное и смущенное, лучше не скажешь) положение, а они хорошо поработали, хорошо организовали конгресс. Французский генетик Лежен предложил принять другую резолюцию. Обстановка накалилась, и Френкель объявил перерыв. В перерыве Дима с нашими учеными составил резолюцию, в которой выражалось сожаление, что не все генетики смогли посетить конгресс, и поручалось исполкому поработать, чтобы этого больше не повторилось. Дима выступил после перерыва с резолюцией, близкой резолюции Лежена, и со своими аргументами. Он сказал, что мы тоже сожалеем, что

причины этого многообразны, и упомянул, что причина отсутствия вице-президента Кордейро изложена в его письме, бразильские власти задержали не только его, но и других генетиков. Однако переубедить оппонентов было очень трудно, но очень нужно. Лежен сказал, что видит рациональное зерно в нашей резолюции и предложил вместе поработать. Что и было сделано. Быстро согласовали резолюцию, приемлемую для нас и устраивающую оппонентов. Лежен выручил, поддержал нас. В окончательном варианте резолюция гласила: «Мы, совет представителей Международной генетической федерации, констатируем, что некоторые генетики не имели возможности участвовать в XIV МГК, проходившем в Москве. Мы требуем, чтобы были предприняты меры, чтобы все желающие участвовать в будущих конгрессах получали свои визы вовремя». Выстраданная резолюция без слов «осудить», «выразить протест» и «не проводить конгрессов в СССР до изменения обстановки».

Затем выбирали страну для проведения следующего конгресса. Голосовали тайно – большинство за Индию. Стали выбирать членов исполкома. В результате: Д.К.Беляев – президент, Р.Райли – постпрезидент, О.Френкель – секретарь, Перкинс – казначей.

Диму все поздравляли, в кабинете у него собрались друзья, довольные результатами. Можно сказать, что один из трудных моментов конгресса остался позади, особенно для тех, кто уже сделал свой доклад, а Диме предстоит еще трудная задача – доклад и до него всего 3 дня. Подготовить нужно за один день, так как нужно отдать на перевод для синхронистов.

30.8. Накануне мы легли спать в 3 часа ночи, Дима удовлетворенно говорит: «Как покати́лся ком, так и покати́лся, не развалился». Чувствует большую ответственность за конгресс. Утром слушали доклады по молекулярной биологии на пленарном заседании, председательствовал академик А.А.Баев. Послушали К.Маркерта, он показал интересный фильм с манипуляциями на клетках по энуклеации клеток и переносу ядер. Второй доклад Хенинга из ФРГ, который вначале выразил обеспокоенность нарушением прав человека в СССР, однако это не должно препятствовать международному сотрудничеству ученых, говорил он. Тема доклада: «Функциональные единицы хромосомы». Чувствовалось его недружелюбное

отношение к советским ученым; о работах Ии Ивановны он не упомянул, а относительно данных Жимулева и Беляевой сказал, что это похоже на артефакты.

В это время Дима проводил пресс-конференцию уже в новой роли – президента МГФ, представителей прессы было много, он рассказал об итогах Конгресса. Затем провел заседание нового исполнительного комитета. Долго уточняли процедуру закрытия конгресса, утверждали какие-то резолюции, место проведения следующего конгресса, систему международных консультативных оргкомитетов.

Наконец-то заседание закончилось, время 1.40, а в 2.00 – начало заключительного пленарного заседания в Кремлевском дворце. Когда садились в машину, Дима заметил, что Райли и Френкель пошли в другую сторону к главному входу, поехали туда, чтобы помочь им найти свои машины. Подъезжаем, видим Райли, я бегом к нему: «Где Френкель?» – «Он в клубной части». Видим, что опаздываем, Райли уехал, к нам подсел Владимир Павлович («Фантомас» из КГБ). Команда: «Езжай на красный свет!». Вижу Виктор, шофер, весь напрягся, покраснел, хохол торчит. Потом говорил: «Еду, а нога дрожит». «Держи левую дорожку, покажем документ милиционеру, он передаст по цепочке». Показал документ, милиционер махнул – проезжайте, но, похоже, по цепи не передал и каждому милиционеру мы демонстрировали красную книжку, подъехали к Кремлю – уже 2 часа. «Езжай в ворота» (не в те, в которые положено). – Виктор совсем посерьезнел, а Владимир Павлович ему: «Жми!», Дима тоже: «Жми!». Помахали книжечкой, милиционер на вышке махнул: «Проезжайте». Все напряглись, Диме надо в президиум, быстро доехали до Кремлевского дворца, бегом по лестницам. Вхожу в зал, заседание уже идет, Хаджинов докладывает. Самое интересное – Френкель и Райли спокойно сидят в президиуме! На какой свет они ехали? Дима важно прошел в первый ряд президиума, по-видимому, предварительно заказав себе чай, так как только ему одному периодически чай подавали. Он не терял самообладания даже в экстремальных ситуациях.

Зал был очень красив, большой хороший портрет Николая Ивановича Вавилова мягко подсвечивался. Заседание было посвящено вавиловскому наследию. Выступил Ф.Х.Бахтеев – ученик Николая Ивановича. Харланд – генетик из Венгрии – закончил свой доклад призывом увеличивать, собирать и сохранять генофонды. «Современная

тематика измельчала, пошла по частностям, где те крупные проблемы, решение и развитие которых завещал нам наш общий учитель Н.И.Вавилов?» – закончил докладчик. Во время перерыва Дима поблагодарил Харланда за его доклад.

Наконец объявили доклад Димы, прочел он его очень хорошо, на подъеме, вокруг кафедры толпились корреспонденты, я одновременно с докладом слушала перевод. Заканчивая доклад, ДК подчеркнул, что дестабилизирующий эффект отбора в условиях все возрастающих стрессирующих факторов может привести к разнообразным последствиям изменчивости и формированию новых векторов отбора. «Диалектика бытия состоит во взаимно противоречивом единстве добра и зла, и эту простую истину мы должны видеть, пытаясь оценить перспективы жизни на нашей прекрасной планете», – заключил он. Выступил К.Маркерт с предложением от американской генетической ассоциации считать этот доклад XV Кеевской лекцией. Впервые иностранный ученый стал обладателем этой премии. Дима поблагодарил генетическую ассоциацию и ее председателя К.Маркерта и сказал, что рассматривает это предложение как стремление к международному сотрудничеству ученых, без которого невозможен прогресс науки и самой жизни.

Затем следовала заключительная часть, на трибуну выходили ученые разных стран, благодарили за хорошую организацию конгресса, мне запомнилась супруга Р.Райли и представительница из Шри-Ланки. Дима, закрывая заседание, сказал, что конгресс собрал 3,5 тыс. ученых из 60 стран мира, работало 25 симпозиумов и 32 секции, сделано 1300 докладов.

Оргкомитет много поработал, ДК поблагодарил всех: перечислил разные организации; Академии наук, министерства, университеты, разные комиссии. Сказал, что мы все служим интереснейшей и благороднейшей науке – генетике, которая играет и должна играть решающую роль в жизнеобеспечении человечества. Напомнил, что форум генетиков собрался под девизом «Человечество и его процветание».

Он говорил очень хорошо, вдохновенно, теперь уже не нужно было строго придерживаться текста. Многие были растроганы до слез.

Наш прием иностранных друзей прошел очень хорошо, красивый номер, вкусная еда и взаимопонимание.

Московский конгресс, по мнению многих генетиков, прошел очень успешно: деловая обстановка, программа, дружеские беседы, предупредительность членов оргкомитета и роскошный прием в Кремлевском Дворце создали обстановку взаимного доверия. Конечно, не обошлось без сложностей и тревог, но, как любил говорить ДК, в «сухом остатке» было важное для мировой генетики и нашей страны событие.

XV МГК в Дели

На XIV МГК в 1978 году ДК был избран президентом Международной генетической федерации, так что на последнем в своей жизни генетическом конгрессе он представлял генетическое сообщество всего мира.

Мы летели в Дели большой группой, только из нашего института было пятеро ученых. Привезли нас в огромный отель, в нем же проходил и конгресс. Большой конференц-зал, помещения для проведения симпозиумов, здание было построено специально для проведения конгрессов, съездов, крупных совещаний, очень удобно. Все делегации разместились в одном этом здании, и мы могли контактировать с друзьями из разных стран (в любое удобное время).

При открытии конгресса ДК был в президиуме, ждали Индиру Ганди. Вдруг зал заволновался и замолк: она шла в сопровождении нескольких человек вдоль прохода. Ей представили ДК, и он с большим почтением пожал ей руку. Ему предстояло выступить с приветствием конгрессу, я очень волновалась, а он справился прекрасно. В своей речи Индира Ганди сказала, что генетики и сама наука обладают большой силой, эта наука может принести человечеству неоценимую пользу и должна служить, не принося вреда. В президиуме кроме ДК был Б.П.Пал – президент конгресса, В.Л.Чопра – генеральный секретарь, председатель конгресса Свамнатан и очень колоритный индус с тюрбаном на голове – представитель правительства. Глубокое впечатление оставила встреча с Индирой Ганди, ДК уже приходилось ранее встречаться с ней, когда он был в Индии по приглашению вместе с членами президиума Академии наук. Он был восхищен энергией, волей и разумом этой выдающейся женщины нашей эпохи. На этот раз ДК в числе немногих генетиков был

приглашен к ней на прием домой. Они прошли по парку в дом, на стенах много фотографий: она в детстве, вдвоем с Джавахарларом Неру, она – девушка-студентка. Индира Ганди каждому пожала руку и затем пригласила к серьезной беседе. Спокойно, вежливо, предоставив каждому гостю высказать свое мнение, глава индийского правительства настойчиво склоняла разговор в нужное и интересное для нее русло. Ей важно было определить, какую практическую пользу может принести наука. В частности, ее волновало, как может генетика помочь накормить Индию и другие голодающие страны. ДК сказал свое слово, и его поддержал кто-то из биохимиков.

На приеме президиума конгресса ДК простудился, поднялась температура, ему надо было лежать, а он ходил на заседания. Как-то в коридоре он встретил Раису Львовну Берг, которая переехала в США. Они дружески беседовали. ДК ей говорил тогда: «Раиса Львовна, оставьте Вы это, не ругайте Родину, не ругайте правительство, что, ваше лучше что ли?». Она стала ругать правительство США. ДК еще не знал и так и не узнал, что она написала о нем самом в своей книге.

Сваминатан и Чопра торжественно вручили ДК почетный знак конгресса. Приехали студенты Делийского университета и просили прочесть доклад у них на кафедре генетики. ДК согласился, хотя был не очень здоров, договорились с ними на определенное время, конечно, они опоздали более чем на час. Поехали, по дороге смотрели во все глаза, направо, налево; красивый город и его центр хранят много исторических памятников. Университетский кампус огромный, мы обратили внимание, что очень много студентов сидят на лужайках, оказывается, это была сидячая забастовка, к которой присоединились и преподаватели. Несмотря на забастовку доклад прошел очень хорошо, ДК докладывал на английском языке, и это была неплохая репетиция перед основным докладом с хорошим обсуждением, хотя вопросы было трудно понимать. Были гости и с других кафедр. Они нас хорошо принимали, потом устроили чай, за чаем продолжалась дискуссия, а потом беседы о жизни.

На следующий день Дима оставался в постели, а я сбегала, послушала два доклада и вернулась. Тут нас ждало очередное приключение, пришли два индийских корреспондента, сначала взяли интервью у ДК а потом сообщили, что в бомбейской

газете должна появиться статья известного американского биохимика Балтимора, который заявил, что у русских готовится биологическое оружие. Мы категорически возражали, пришлось позвонить в Бомбей и просить задержать эту корреспонденцию. В последний день я буквально изловила Балтимора, заговорила с ним, через некоторое время подошел ДК, и мы вместе старались выяснить его позицию и разубедить его относительно биологического оружия. Он сказал, что слышал о разработке токсинов у пчел и даже для убедительности прожужжал, как пчела. Мы расстались почти друзьями.

Свой доклад «Генетика, общество, личность» ДК прочитал на заключительном пленарном заседании. Он говорил о биосоциальной природе человека, о формировании личности, об особенностях эволюции человека, которая, как полагал ДК, соглашаясь в этом с Добржанским, продолжается в силу ряда причин. И в дополнение к мутагенезу важнейшей причиной он считал все большее психоэмоциональное напряжение из-за возрастающей сложности социальной и, следовательно, индивидуальной жизни. Дестабилизирующая функция отбора в этих условиях может возрастать, думал ДК. Уровень психоэмоциональных нагрузок и стресса важен не только для мозга и физиологии индивидуума, но и для генетических процессов. Говорил он о роли гормонов – индукторов активности генов, которые, по его мнению, могли быть материальным связующим звеном между мозгом и генетической системой организма. «Линия мозг-гены практически не исследована, между тем, она существует как реальность», – говорил ДК, – и именно генетика должна ответить на вопрос: не принесет ли все возрастающий в нашей жизни психоэмоциональный стресс непоправимого ущерба генофонду человечества». В своем докладе он остановился также на заботах общечеловеческого значения, стоящих перед генетикой, в частности, – на повышении продовольственного потенциала мира. «Материальные условия мира – основа социального прогресса человечества», но при этом нужно вспомнить Виддеусона, заметившего, что лучше скудный обед, приправленный любовью, чем жирный окорок, нашпигованный ненавистью и злобой. ДК смотрел далеко вперед в своих представлениях и исследованиях, выполненные после его кончины работы подтверждают высказанные им идеи о роли стресса в эволюции. Это было четко показано в 1997 г. на

международной конференции «Современные концепции эволюционной генетики» (г. Новосибирск), посвященной его памяти, в год 80-летия со дня его рождения.

Проблема человека

Изучая вопросы генетики поведения, эволюции, роли психоэмоционального стресса, ДК не мог обойти вниманием вопросы происхождения, поведения и биосоциальной природы человека. Его докладу на XV МГК предшествовали статьи об эволюции гоминид, о социальном и биологическом в человеке, о современной науке и проблемах исследований человека.

ДК принял участие в дискуссии в журнале «Природа» по статье Э.Майра «Человек как биологический вид» («Природа», 1973, № 12, 1974, № 2). Статья стимулировала обсуждение проблем биологии человека и связанных с нею естественнонаучных и философских вопросов. Дискуссия развернулась с участием биологов, антропологов и философов. Анализируя основные положения Майра, ДК соглашался с тем, что развитие свойств и признаков человека является результатом сложного взаимодействия генотипа и условий внешней среды. ДК вслед за Э.Майром подчеркивал несовместимость расистских представлений об интеллектуальной неравноценности разных рас человека с коренными положениями современной теории эволюции. ДК писал: «Все, что мы знаем о закономерностях эволюции человека, решительно говорит против генетических различий высших свойств психики и интеллекта разных рас» («Природа», 1976, № 6). Статья Майра получила, в целом, вполне положительную оценку ряда крупных ученых – биологов и философов, но вызвала вместе с тем резкую критику Н.П.Дубинина в его статье «О философской борьбе в биологии» («Философские науки», 1975, № 6). Дубинин считал, что «духовное содержание человека относится к его надбиологической сфере, которая не записана в генах». Отвечая Н.П.Дубинину, ДК отмечал, что человек не исключен из сферы генетической детерминации, люди не одинаковы в потенциальных возможностях психики и интеллекта. Они различны уже при рождении, поскольку фундаментальные законы наследственности едины для всего живого, включая и человека. «Большой фактический материал, накопленный генетикой человека, –

писал ДК, – свидетельствует о том, что имеется известная доля наследственного разнообразия в психике людей, их интеллекте и социальном поведении. Она-то даже при сходных условиях воспитания создает разнообразие людей в проявлениях их духовной деятельности. Сумма социальных мер воспитания действует не на однородный аморфный материал, а на генетически сложно дифференцированную популяцию людей, что и ведет к уникальности каждого человека». ДК считал, что Дубинин неправомерно абсолютизирует социальную компоненту и нацело сбрасывает со счета генетическую неоднородность людей. Он также указывал в своей статье, что обвинения Э.Майра со стороны Дубинина в реакционности и расизме были необоснованными, а позицию Дубинина, отрицающего популяционный принцип применительно к психическим особенностям человека, считал ошибочной как в биологическом, так и в философско-методологическом плане.

Н.П.Дубинин ответил статьей в журнале «Коммунист». При этом он придал полемике с ДК идеологическую окраску. В ряде случаев, искажая смысл представлений ДК, Дубинин упрекал его в биологизаторстве, евгенических взглядах, реакционности и чуть ли не в расизме. Он не упустил случая приписать евгенические высказывания выдающимся ученым-генетикам, академику Б.Л.Астаурову и профессору В.П.Эфроимсону. Положение осложнилось после выступления секретаря ЦК КПСС К.У.Черненко на июньском пленуме ЦК, который в своем докладе сказал: «Конечно, не наше дело учить ученых, но мы им скажем, что биологизация наследственности – это ошибочное мнение».

И как всегда бывало у нас, мнение партийных лидеров было воспринято как руководство к действию. Последовала редакционная статья в «Коммунисте». Появилась серия статей и писем, авторы которых с партийной принципиальностью, используя цитаты из марксистско-ленинских трудов, критиковали представления о биосоциальной природе человека. Н.П.Дубинин возглавлял этот поток критики. Несмотря на это, ДК опубликовал ряд статей о биосоциальной природе человека и представил доклад «Генетика, общество, личность» на международном генетическом конгрессе. Нужно подчеркнуть, что были и благожелательные оценки статьи ДК. Так, профессор Дмитрий Юрьевич Баянов – директор Дарвиновского музея писал в своем письме ДК: «Ваша статья в «Природе», 1976, № 6 пробудила во мне живой интерес и

одобрение. Всяческой похвалы заслуживает Ваше выступление оппонентом Н.П.Дубинину и в защиту Э.Майра. Это замечательно. Чувствуется, что вопросы научной истины и научной этики для Вас не существуют раздельно». Э.Майр прислал письмо с благодарностью, а В.П.Эфроимсон прямо написал, что ДК поддержал честь советской науки. Леонид Зиновьевич Кайданов, работавший в Санкт-Петербургском университете, писал: «С большим волнением прочитал Вашу мужественную, благородную, мудрую статью в журнале “Природа”». Заведующая сектором философских вопросов биологии Института философии АН СССР д.ф.н. Р.С.Карпинская в ответ на претенциозную, безграмотную статью Г.П.Белоконева положительно отозвалась о работе ДК. При этом она отметила «категорически несовместимый с понятием научной дискуссии стиль критики» в статье Белоконева. Напряженность вокруг этой проблемы сохранялась довольно долго.

Только после кончины ДК, благодаря вмешательству философа академика И.Т.Фролова, справедливость восторжествовала – доклад ДК на конгрессе напечатали в журнале «Коммунист» вместе с его последним интервью «Я верю в доброе начало человека».

Проблемы экологии

Был еще один круг проблем, которые волновали ДК в последние годы, – проблемы экологии. В этом сказалась его удивительная прозорливость и способность заглянуть в будущее. Тогда, 20 лет назад, он серьезнейшим образом поставил вопрос об ухудшающейся экологической обстановке в связи с резкой интенсификацией использования природных ресурсов Сибири, о генетических последствиях этих процессов. В 1980 году на годовичном общем собрании Сибирского отделения АН СССР как координатор биологических исследований по программе «Сибирь» в докладе «Биологические ресурсы Сибири» он говорил: «Экосистема Сибири уже сейчас испытывает напряжение, в целом довольно сильное, а местами чрезвычайно. Если практика хозяйствования не изменится, мы встанем перед фактом необратимых или трудно обратимых изменений жизненной среды человека. Это предопределит непредсказуемые изменения на многие поколения вперед». По мнению ДК, академик

В.И.Вернадский яснее всего понял и оценил масштаб потенциальных воздействий человека на природу. «Будучи сам элементом биосферы, человек обрел безграничные возможности воздействия на нее. И поэтому он должен мыслить в планетном аспекте», – говорил В.И.Вернадский. Говоря о важности организационных и научно-организационных мер по охране природы, о необходимости экологической экспертизы, ДК подчеркивал, что сама жизнь ставит в качестве насущной задачи человечества выработку экологического мировоззрения. ДК говорил, что «сибирские биологи готовы сделать все для сохранения природы, они не могут и не будут спокойно смотреть на гибель лесов, почв, загрязнение рек, исчезновение зверей, птиц, растений и должны сделать все возможное, чтобы такое преступное хозяйствование ушло в прошлое». При президиуме из числа сотрудников ИЦиГ была организована служба экологического мониторинга, ДК способствовал внедрению микробиологического контроля водоемов, примыкающих к Академгородку.

К вопросам экологии он возвращался неоднократно: «Развитие экологического направления – одна из первостепеннейших задач биологии на ближайшее десятилетие». Он говорил о необходимости подготовки кадров экологов и ресурсоведов. Сейчас мы убеждаемся в его правоте: вопросами экологии специально занимается Биологический институт и особо выделена специализация по экологии на биологическом отделении факультета естественных наук в Новосибирском университете.

Забота об увеличении продовольственных ресурсов страны, которых постоянно не хватало, беспокойство за исчезающие виды животных и растений, резкое сокращение аборигенных пород – источников ценнейшего генофонда, побудили ДК всерьез задуматься о создании сибирской «Аскании-Нова». Нужно было организовать хозяйство, где можно было бы проводить эксперименты по доместикации, гибридизации и сохранению генофонда растений и животных. Его вдохновила эта идея, и он решительно начал действовать. Организовали небольшую экспедицию профессионалов по выбору места. Проехали много километров, познакомились со многими хозяйствами Новосибирской области и Алтайского края. Много было интересных встреч и наблюдений. Наиболее перспективным показался совхоз, расположенный в Горном Алтае (поселок Черга). Он привлекал размерами, 80 тыс. га,

с целым спектром климатических и растительных зон, удобными угодьями для скота. Все располагало к широким и разнообразным экспериментам с животными и растениями. Немалое значение, вероятно, имела и красота окружающей природы: склоны гор, протекающая речка и богатейшие леса.

ДК начал активно работать, сам сидел с проектировщиками, устраивал совещания с руководством хозяйства. Завозили животных: зубров – эти животные никогда не жили в Сибири, яков, приспособленных к суровым климатическим условиям, культурный скот (хайланды и джерсей из Великобритании) и аборигенов: серый украинский скот, лошадей и крупный рогатый скот из Якутии, отличавшийся уникальной устойчивостью к экстремальным факторам среды. ДК прекрасно сознавал трудность и сложность этого дела. Но он понимал важность этой работы для будущего Сибири, увлекся сам и старался заинтересовать окружающих, организовывал выездные сессии ученого совета института, Объединенного ученого совета по биологическим наукам, показывал хозяйство членам президиума СО АН.

При нем были заложены участки редких и ценных алтайских растений; появились интересные гибриды между культурными и аборигенными породами скота, отличавшимися неприхотливостью к условиям содержания и высокой мясной продуктивностью; начали завозить лабораторное оборудование. Организовали ферму горных гусей – уларов. Начали работу по одомашниванию выдры. Много было трудностей, но ДК говорил: «Хочешь сделать хорошее дело, нужно, как Михаил Алексеевич, ехать туда и организовывать». В Черге ДК преображался – его идея превращалась в жизнь. Болезнь помешала. За несколько дней до кончины ДК нас навестил Валентин Афанасьевич Коптюг, они говорили о Черге, о внедрении озимых пшениц в Сибири и других планах. Валентин Афанасьевич проникся этой идеей и позже, побывав в институте на ученом совете, напомнил о важности этой работы: «Никому не позволено будет ослабить внимание к Черге», – сказал Валентин Афанасьевич. Он тогда еще не мог предполагать, что ждет науку и производство в последующие 10–15 лет. Разруха не обошла Чергу стороной, остановила так хорошо начатое и такое полезное дело. Остается надеяться, что когда-нибудь найдутся энтузиасты, и сибирская «Аскания Нова» оживет; надеяться, как писала Замира

Ибрагимова: «Не мы, так другие увидят Чергу в расцвете тех ее замечательных качеств, ради которых она создается».

Мысли и начинания ДК нашли продолжение в разработке концепции проекта создания в Горном Алтае биосферной территории по сохранению биоразнообразия животного мира.

Совсем недавно 11 марта 2002 г. в Новосибирском Академгородке состоялась Международная организационная конференция представителей четырех стран: России, Казахстана, Монголии и Китая по созданию в Горном Алтае транснациональной биосферной территории с высоким уровнем биоразнообразия.

Общественная деятельность

Если посмотреть на структуру занятости ДК, огромное число должностей и обязанностей, то трудно представить, как один человек мог осилить все это. И все эти дела требовали его решений, его активности. Справлялся он только за счет четкости, организации личного времени и, конечно, благодаря активности его помощников – профессионалов, которые воспринимали его идеологию.

«Время неумолимо движется», – повторял он. В этом звучало и сожаление, а главное – беспокойство, что не успеваешь сделать все, что нужно, что задумано. Он ценил время, не раз приходилось мне слышать: «Я тебя не жду ни минуты!». Больше всего ему досаждало «рваное время» – когда не было возможности сосредоточиться, когда новые задачи сменяли одна другую, и нужно было принимать разнообразные решения. Люди приходили со своими заботами. Черга требовала много внимания. Постоянно возникали трудности с внедрением, появлялись то одни, то другие препятствия, а задач все прибавлялось. Программа «Сибирь» столкнулась с рядом сложных проблем, и всюду необходимо было его внимание, его решения. И все время возникали новые сложности в простых, казалось бы, делах. И ему приходилось эти сложности разрешать. Он ездил в Москву в Госплан доказывать эффективность применения гибберсиба, внедрение озимых в Сибири нужно было отстаивать в довольно высоких инстанциях. А сколько усилий потребовалось для включения в программу общеобразовательной школы современного учебника «Общая биология»,

редактором которого он был. Этот учебник до сегодняшнего дня выдержал 10 изданий и выпущен в объеме 3.600.000 экземпляров.

И при всем этом пожизненном цейтноте он не жалел времени, чтобы узнать у сотрудника, собеседника «Как жизнь?». Этот вопрос звучал не формально, он действительно знал заботы сотрудников института. Когда в интервью на телевидении ему задали вопрос: «Вы много времени уделяете работам сотрудников института, далеким от Ваших личных научных интересов, в ущерб, может быть, разработке собственной концепции?», ДК ответил, что ему бывает очень радостно, когда с успехом продвигаются работы сотрудников в разных направлениях, когда растет научная активность и научный потенциал, когда институт выходит на передовые рубежи биологической науки, на это не жалко тратить время, хотя, конечно, это сказывается на его собственной работе.

Будучи заместителем председателя президиума СО АН, отвечая с особой ответственностью за биологические науки, он много трудился как руководитель Объединенного ученого совета по биологии. Многим запомнились выездные сессии ученого совета на Байкал и Бурятию, Якутию и Чергу, дружеская доверительная и в то же время деловая обстановка при таких совместных работах. Запомнилась поездка в Якутию по реке Лене. На теплоходе проводили заседания ученого совета, докладывали работы руководители всех сибирских институтов. ДК требовал дисциплины, даже ходила шутка: «Лучше спи на заседании, но приходи без опозданий». На самом деле заседания проходили с большим интересом. По дороге «выплыли» наболевшие вопросы и ученый совет в Якутске прошел оживленно. ДК перед этой поездкой перенес тяжелейшее воспаление легких с угрозой для жизни. Здесь на корабле мы отметили его день рождения (это был праздник всего корабля) последний в его жизни, следующий день рождения был отмечен уже в больнице лишь большим количеством телеграмм.

От одной обязанности он все-таки решил отказаться. В свое время его назначили ответственным за философско-методологические семинары в Сибирском отделении АН. ДК долго уговаривали, главный философ СО АН приходил к нему несколько раз. Так к бесчисленному множеству общественных нагрузок прибавилась еще одна. Он очень веселился, что в СО АН, где было столько партийных философов, его –

беспартийного биолога – назначили на эту должность. Он действительно увлекался философскими проблемами, хорошо знал труды классических философов, неоднократно участвовал с докладами в международных и союзных философских форумах. Философско-методологические семинары в нашем институте проходили интересно. Но вот, когда в очередной раз нужно было провести какое-то мероприятие, ДК просил помощника Людмилу Петровну Кондрину предупредить, что он не будет впредь этим заниматься. Она решила, что ДК погорячился и передумает. Но когда она через неделю спросила, как, мол, ответить: «Я сказал, все! – рубанул рукой. – Что выжидать, все, я сказал». Было ясно, что решение твердое. Я думаю, оно возникло у ДК в связи с безграмотной критикой его представлений о биосоциальной природе человека, которая была напечатана в «Вопросах философии».

Много лет ДК был депутатом Областного совета депутатов, но не только по обязанности, а по душе он помогал людям с получением квартир, выручал больных, организовывал им консультации врачей. Не каждый пригласит к себе пожить, пока он же не выхлопочет квартиру, а ДК шел и на это. Действовал он по принципу: «Можешь, значит, должен». И так бывало: «Должен, значит, можешь». И мог много. Когда я сетовала, видя как он устает, как не хватает времени, ДК отвечал как-то покорно, с оттенком грусти: «Я это могу, а у другого не получится. Трудно, но надо». У него был дар внимания к людям, многим он помог и оказал влияние на судьбы многих людей.

Его высокий интеллект, глубокая порядочность и доброжелательность располагали к нему людей. У него сохранились дружеские отношения с одноклассниками, бывшими студентами, с однополчанами, звероведами, учеными, сотрудниками института. Среди друзей Димы было много выдающихся советских ученых. Жизнь, яркая и многообразная, подарила ему много интересных встреч. Он знакомился с главами правительств и обменивался рукопожатиями с курсантами при выпуске офицеров Военного училища, встречался с космонавтами, артистами, поэтами, журналистами. Знаменитый артист театра им. Вахтангова Юрий Яковлев, послушав выступление ДК на встрече в институте, признался, что хотел бы сыграть такого директора на сцене. А рабочий в Черге, когда прослышал, что ДК приехал в хозяйство, прикатил на тракторе издалека, только чтобы повидать его – так ему

понравился ДК. Алтайцы – рабочие в Черге – просили его с ними сфотографироваться.

Семья

С самого начала в семье был культ Димы в самом лучшем смысле этого слова. Он был центром нашей семьи, признанным добровольно, с радостью и любовью. Его слово, его работа, его друзья, интересы, режим, наконец, его кабинет и его письменный стол – все было свято для нас. Это не исключало, конечно, критику сбоку, или, как мы называли это по примеру семьи Астауровых, – «походов в лес». Дима шутил: «Света не дает мне зазнаться или поверить в свою непогрешимость, она меня «водит в лес». Но когда я слишком увлекалась критикой, он меня охлаждал: «Назначаю тебя директором института». Чаще всего я была «назначенной» министром сельского хозяйства – состояние его давало повод для критики.

У нас постоянно были душевные беседы, мы делились друг с другом, понимали один другого, я жила его заботами, его помыслами, радовалась его удачам и глубоко переживала неудачи.

Дома Дима отдыхал очень мало, больше времени отдавал друзьям и коллегам, минимально необходимое – газетам и телевизору, а главное – работа: читал, писал, готовил доклады, статьи. Жизнь его была полна забот и, как он сам говорил, редких радостных событий, когда придет в голову интересная идея, или получишь интересный результат и не только сам, а сотрудник поделится хорошей работой, или узнаешь о добром поступке.

«Ничто человеческое мне не чуждо», – не раз повторял ДК. Любил жизнь во всем ее многообразии, любил окружение друзей, детей, внуков. Хорошо знал историю, философию, классику, поэзию, много читал наизусть, любил и понимал классическую музыку. Никогда не скрывал, что он сын священника, и был внимателен к родителям.

В партию не вступал, но ратовал за то, чтобы туда шли честные, порядочные люди, не карьеристы.

ДК очень любил поздние вечерние часы, когда все угомонятся, молчит телефон, а он предаётся размышлениям. Думал не только о повседневных, требующих решений, делах, а их было много. Мыслил широко, глобальными категориями: как накормить все увеличивающееся население Земли, а для этого попытаться ввести в культуру новые виды животных и растений; как воспитать человека 21-го века социально ответственным, в уважении к добру; что надо распрощаться с угрозой атомной войны путем усилий всех честных людей планеты; как изменить образование в век компьютеризации. Как в век технизации избежать последствий психоэмоционального стресса. Эти мысли нашли отражение в его последнем интервью, которое звучит как завещание. Оно называлось «Я верю в добрые начала человека». Многие его мысли воплотились уже сейчас: «международная организация по устойчивому развитию», экологическая программа, компьютерная сеть завладела всей землей. В любое дело он вкладывал душу, интеллект, энергию, твердо верил в огромные возможности науки: «У людей нет более могучей и победоносней силы, чем наука», – запись ДК, которую я нашла на краешке старой газеты.

В основном он был поглощен институтом, я говорила порой ревниво: «Тебе надо было жениться на институте». Он любил институт, отдавал ему все свои силы, время, энергию. Он возвращался из института, как правило, после 9 часов вечера, а то и позже. Ему удавалось приласкать уже засыпающих внуков. Он очень любил эти минуты.

Катюша, наша старшая внучка, как только начала что-то понимать, а это произошло очень рано, решила, что дедушка очень много работает, и начала действовать. Она «договорилась» с заведующей своего детского садика, чтобы дедулю приняли дворником или сторожем. Заведующая сделала вид, что согласилась, звонила мне по телефону, а Катюша, когда дедушка пришел поздно вечером и приласкал ее, сонную, прижалась к нему и сквозь сон проговорила: «Дедуля, я договорилась, тебя возьмут!».

Вечерами продолжались деловые беседы с сотрудниками, часто заглядывали на огонек друзья, общительный и открытый ДК иначе не представлял себе домашней жизни, которая была продолжением работы. Здесь, в неофициальной обстановке, обсуждали научные проблемы, решали организационные вопросы. После ухода

гостей, друзей, коллег, поздним вечером он любил попить чайку со всей семьей «в спокойствии душевном», подвести итоги дня. Короткие это были моменты, но очень дорогие для нас всех.

Как-то я прочла в воспоминаниях о К.М.Симонове, что он царил в семье. Невольно напрашивается мысль, что много общего в судьбах этих бывших фронтовиков, в их жизненных позициях, в их преклонении перед солдатом, пренебрежении к своему здоровью и полной отдаче любимой работе. Даже в самом конце своей жизни, в тисках тяжелой болезни, с постоянной кислородной подпиткой, ДК не позволял себе расслабляться, жаловаться. «Надо выкарабкаться», – были его слова и он старался, делал упражнения, прибавлял нагрузку. И все меня спрашивал: «Ты меня любишь?» – «Конечно, люблю, ты мой родненький».

Мне выпало счастьем быть его спутницей около 40 лет, вместе встречать радости и неудачи, растить детей и внуков, быть всегда рядом при трудностях и болезнях, а он встречал их мужественно, одаривая окружающих вниманием, дружбой и верой в торжество истины и справедливости.

Я встречаю в родном институте помощь и доброжелательное отношение, которые воспринимаю с благодарностью и как дань памяти Дмитрию Константиновичу. Коллектив лаборатории эволюционной генетики, которой руководил ДК, стал мне очень близок.

Выражаю благодарность всем редакторам, рецензентам и всем друзьям и коллегам, участвовавшим в создании этой книги.

Е.Т.Васина-Попова

Полвека дружбы

Кандидат биологических наук, заместитель председателя Научного совета по проблемам генетики и селекции при президиуме Академии наук

Это было так давно... более полувека назад. В 1939 г. к Б.Н.Васину пришел приятный молодой человек с запиской нашего однокашника по институту А.И.Панина. В ней было написано: «Борис! Направляю к тебе Диму Беляева, моего ученика. Студентом был он незаурядным. Очень интересуется генетикой. Возьми его к себе. Не пожалеешь!». И Дима Беляев стал сотрудником отдела генетики (заведующий Б.Н.Васин) Центральной лаборатории по звероводству Наркомвнешторга. И с тех пор до последних лет жизни Дмитрия Константиновича (с некоторыми перерывами) счастливая судьба дарила мне возможность делового и дружеского общения с ним. Поэтому мне и захотелось рассказать об этой замечательной личности – ученом и человеке, но только о том, что запомнилось мне особенно четко, – память может и подвести. Я буду говорить только об эпизодах из жизни Дмитрия Константиновича, не вызывающих у меня никакого сомнения.

С первых же бесед с Димой Беляевым Борис Николаевич убедился в его серьезной заинтересованности генетикой и, что удивило, очень хорошими общебиологическими знаниями. Позже Борис Николаевич узнал, что Дима – брат Н.К.Беляева, ученика Н.К.Кольцова, известного генетика, которого мы хорошо знали с 1924 г. Н.К.Беляев был старше Димы на 18 лет и опекал его. Так объяснилась необычайно высокая общебиологическая подготовка молодого специалиста Д.Беляева. Тогда Борис Николаевич и предложил ему выбрать тему для кандидатской диссертации и начать экспериментальные исследования. После размышлений и обсуждений была утверждена довольно трудная тема: «Изменчивость и наследование серебристости у серебристо-черных лисиц». Дима энергично взялся за работу. Он провел многочисленные эксперименты по различным скрещиваниям и отбору по серебристости, очень сложному, но важному для практики признаку, и трудоемкие лабораторные исследования.

Борис Николаевич отмечал необычайные скрупулезность и работоспособность Димы, тягу к специальной и общенаучной как отечественной, так и иностранной литературе.

Война прервала работу Дмитрия Константиновича над диссертацией. В 1941 г. он добровольно ушел солдатом сражаться с вероломно напавшей на Советскую Россию фашистской Германией.

Следующая наша встреча произошла уже во второй половине 1945 г., после победы в Великой Отечественной войне. Д.К.Беляев пришел к нам домой (в Москве на Страстной бульвар, 10) еще в военной форме, возмужавшим, стройным, подтянутым, очень красивым майором Советской Армии. За четыре тяжелейших года войны Дмитрий Константинович прошел нелегкий путь от солдата до майора. По свежим впечатлениям он порассказал нам тогда о трудной фронтовой жизни. Был ранен... и снова на фронт. А сколько очень рискованных ситуаций на фронте было им пережито... Но ... чудом остался жив.

В тот день Дмитрий Константинович пришел к Борису Николаевичу, чтобы посоветоваться и обсудить возможность своей деятельности после демобилизации из армии. В.Н.Васин имел кафедру в Пушно-меховом институте, а в Центральной лаборатории по звероводству по совместительству заведовал отделом генетики. Он предложил Дмитрию Константиновичу вернуться на работу в отдел генетики в качестве заведующего. Назначение Д.К.Беляева на эту должность состоялось, он приступил и к завершению работы над диссертацией. За годы до войны им был накоплен и проанализирован основательный экспериментальный материал. Поэтому Дмитрий Константинович довольно быстро написал диссертацию, а в июне 1946 г. успешно ее защитил.

У меня в домашнем архиве сохранился отзыв Б.Н.Васина о диссертации Д.К.Беляева. В нем отмечается, что Дмитрий Константинович еще тогда, в начале своей научной деятельности, когда ему не было еще и тридцати лет, проявил незаурядные способности к глубокому генетическому анализу экспериментальных данных, а также тяготение к общебиологическим обобщениям. Вот что было написано в отзыве: «Для разрешения поставленных вопросов автор умело привлек общебиологические теории, некоторые из них очень сложны и требуют весьма

основательных биологических познаний (теория эволюции доминирования, теория о стабилизирующем действии отбора, теория о его творческой роли и теория о взаимосвязи признаков)». И, наконец, в заключении: «Все перечисленное дает мне право с уверенностью признать автора работы достойным присуждения ему ученой степени кандидата биологических наук». Каковая и была ему присуждена.

Наконец-то начались мирные дни спокойной работы Дмитрия Константиновича. Тогда в иностранных журналах появились статьи по генетике цветных норок. В наших зверосовхозах таких норок еще не было. Ожидались только цветные норки, закупленные за рубежом. Дмитрий Константинович планировал развернуть исследования по генетике цветных норок в своем отделе генетики в Раисино, и интенсивно к ним готовился. К сожалению, тогда не суждено было им осуществиться. В августе 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ классическая генетика, успешно развивавшаяся у нас в стране, была объявлена лженаукой. Все генетические работы были прекращены, а генетики отстранены от работы. Например, знаменитым приказом министра высшего и среднего образования за № 1210 (август 1948 г.) было уволено множество преподавателей вузов, в их числе оказались и мы с Борисом Николаевичем. Д.К.Беляев был также снят с поста руководителя отделом генетики, который был ликвидирован. А Д.К.Беляеву была предоставлена работа по звероводству, далекая от генетики и селекции. Осенью 1949 г. Борис Николаевич и я были направлены на работу в Сахалинский филиал АН СССР, и наше общение с Д.К.Беляевым прервалось до 1956 г., до возвращения Бориса Николаевича с Сахалина в Москву.

Хорошо помню одну из встреч Д.К.Беляева с Б.Н.Васиным в 1957 г. Пришел к нам взволнованный Дмитрий Константинович. Он получил от Н.П.Дубинина приглашение на работу в Институт генетики Сибирского отделения АН СССР, которое тогда создавалось в Новосибирске по решению правительства. К этому времени Д.К.Беляев накопил интереснейший экспериментальный материал в зверосовхозах по селекции серебристо-черных лисиц по поведению, по их реакции на человека. Дмитрий Константинович не раз рассказывал Борису Николаевичу и мне о своей идее, о замыслах. В свое время он бывал в Колтушах для консультаций у академика Л.А.Орбели, который высоко оценил идею, одобрил план и «благословил»

на их осуществление. И ему очень хотелось успешно начатую работу продолжить в более благоприятных условиях учреждения АН СССР. Предложение Н.П.Дубинина было очень соблазнительным. Однако Дмитрия Константиновича смущал некоторый риск переезда с семьей в Сибирь. Власть тьмы – лысенковщины – была еще очень сильна. Встречались еще случаи увольнения с работы непокаявшихся менделистов-морганистов. Как бы и в Сибири не произошло подобное с генетиками!

Без колебаний Борис Николаевич посоветовал: «Обязательно надо ехать в Сибирь. Какие широкие перспективы осуществления Ваших планов там возможны! А на худой конец такую работу, какую Вы имеете сейчас в Раисино, Вы всегда получите».

Дмитрий Константинович был очень решительным и смелым человеком. И в 1958 г. он перебрался в Сибирь. В 1959 г. он стал директором организованного Института цитологии и генетики (Н.П.Дубинин должен был вернуться в Москву).

О плодотворной деятельности Д.К.Беляева в институте как директора и как руководителя соответствующих лабораторий, создателя новых научных направлений подробно рассказывают его ученики и последователи. Я же хочу рассказать о нескольких своих посещениях ИЦиГ по приглашению ДК на годовые отчетные сессии. Первое из них состоялось в 1960 г. Тогда мы побывали в Новосибирске на первой годичной отчетной сессии института с Б.Н.Васиным и Я.Л.Глембоцким. Институт размещался еще в городе, в разных помещениях. Академгородок только строился. Директор показал нам громадную строительную площадку в прекрасном лесном массиве. Строительство зданий планировалось с учетом максимального сохранения естественных лесных массивов.

На сессии царил деловая атмосфера, энтузиазм коллектива, в основном очень молодого. Да и директору было всего немногим более 40. Появились и зрелые научные работники, например Н.А.Плохинский. Как наиболее близкий мне по теме исследований (по частной генетике), особенно запомнился доклад – план исследований по генетике цветных норок юного В.И.Евсикова. Сообщение было толковым, хорошо аргументированным. На вечерних беседах с Дмитрием Константиновичем продолжалось обсуждение намеченных институтом научных планов, тематики разных направлений, перспектив развития генетики в Сибири.

Серьезный и хорошо обдуманный подход в определении направления научной деятельности института произвел на нас очень благоприятное впечатление. Помню, как Борис Николаевич сказал с удовлетворением: «Сибирская генетика в надежных руках».

Вторая моя поездка в Новосибирск состоялась в 1963 или 1964 г. (точно не помню). Борис Николаевич по состоянию здоровья поехать не смог.

Лаборатории института были размещены в Академгородке, но в разных домах, в отдельных квартирах. Здание для института еще только строилось.

Мне предстояло принять участие в оценке некоторых работ на сессии института. И я подробно ознакомилась с соответствующими отчетами в дружеских беседах с их авторами. Экспериментальным исследованиям по генетике животных уделялось большое внимание. Д.К.Беляев придавал большое значение работам, связанным с практическими задачами как животноводства, так и растениеводства, наряду с большим вниманием к фундаментальным теоретическим проблемам генетики. Настроение сотрудников, деловая атмосфера, обстановка в институте произвели на меня хорошее впечатление. Лаборатории в основном были укомплектованы штатами научных сотрудников. Наряду с молодежью трудились и их руководители, широко известные ученые (А.Н.Лутков, Ю.Я.Керкис, В.В.Хвостова и другие). Было очевидно, что в институте создан работоспособный коллектив высококвалифицированных молодых и руководящих исследователей. А коллективом этим успешно и целеустремленно руководит Д.К.Беляев. Меня поразило, как свободно владеет директор всеми очень разнообразными научными направлениями, представленными в институте. Он был хорошо, во всех деталях, осведомлен обо всех исследованиях, проводимых по конкретным темам во всех лабораториях института. Поэтому оценка отчетов директором была объективной, по-деловому убедительно аргументированной.

В этот приезд я была осенью. Стояла чудесная солнечная погода. В воскресенье Дмитрий Константинович и Светлана Владимировна показали мне Академгородок. Побродили мы по улицам, прогулялись на Обское море. Полюбовались морем, замечательным пляжем. Светлана Владимировна делала киносъемки по пути нашего путешествия по сказочному Академгородку, некоторые из которых я увидела в

следующий свой приезд в институт. А от незабываемых встреч со Светланой Владимировной, Дмитрием Константиновичем и его мамой в их уютном, гостеприимном доме до сих пор тепло на душе. Прием их всегда был радушным и дружелюбным.

Возвратившись в Москву, я с восторгом и подробно рассказывала Борису Николаевичу о чудесной неделе, проведенной в Академгородке: о результатах исследований по разным темам, об интересных беседах с Дмитрием Константиновичем, о встречах с коллегами, о жизни сибирских генетиков.

Борис Николаевич до конца жизни очень интересовался работой Д.К.Беляева и говорил: повезло Сибири с таким руководителем, прекрасным организатором науки и большим перспективным ученым.

Посчастливилось мне побывать в Академгородке в марте 1969 г. Институт цитологии и генетики был уже размещен в прекрасном новом здании. Это был период начала расцвета сибирской генетики. Меня пригласили тогда на Всесоюзную конференцию по генетике и селекции овец, на которой я выступила с докладом по частной генетике и генетическим основам селекции овец. Дмитрий Константинович принимал активное участие во все дни работы конференции и в обсуждениях докладов. Его выступления по принципиальным проблемам вносили оживление и стимулировали участие в дискуссиях специалистов и генетиков. Лаборатории института были свободно размещены и оснащены необходимой аппаратурой. Впервые я увидела электронный микроскоп. Тогда это была еще редкая новинка.

Большое впечатление произвело экспериментальное хозяйство института – детище Дмитрия Константиновича. Там проводились работы по генетике крупного рогатого скота, свиней, овец, норок и серебристо-черных лисиц.

Сложные исследования и эксперименты по генетике норок, проведенные в лаборатории Д.К.Беляева, привели к созданию животных новой расцветки – замечательной жемчужной норки.

Уникальные многолетние эксперименты по селекции серебристо-черных лисиц по поведению позволили Д.К.Беляеву обосновать оригинальную и интереснейшую концепцию о роли дестабилизирующего отбора в эволюционном процессе и при domestikации животных. На звероводческой ферме института я увидела много

серебристо-черных лисиц с поведением и даже с некоторыми внешними признаками собаки.

Эта замечательная работа Дмитрия Константиновича Беляева и Людмилы Николаевны Трут, принимавшей активное и творческое участие в экспериментах, является хорошим примером классической генетической работы. Поэтому, читая курс генетики животных в МГУ с 1966 по 1982 год, я неизменно, широко и успешно использовала фактические материалы этих исследований в своих лекциях. Бесконечно благодарна я была Дмитрию Константиновичу и Людмиле Николаевне, любезно присылавшим мне новые данные: результаты скрещиваний, фотографии, публикации. Со звероводческой фермой меня знакомил сам Дмитрий Константинович. Очень было с ним интересно. Рассказывал он о своих работах с увлечением и страстно, обнаруживая полную осведомленность во всех деталях о ходе и результатах экспериментов с серебристо-черными лисицами, несмотря на большую занятость по руководству институтом и значительную общественную деятельность.

С интересными исследованиями по генетике норок на ферме обстоятельно познакомил меня В.И.Евсиков.

Увидела я и опытных животных на овцеводческой ферме, где Г.А.Стакан проводила первые опыты по созданию новой породы овец.

Гостеприимными, очень дружелюбными и приятными были мои частые встречи по вечерам и в воскресенье со Светланой Владимировной и Дмитрием Константиновичем у них дома в уютной семейной обстановке. Слушали мы Бетховена (любимый композитор Дмитрия Константиновича), Ф.И.Шаляпина. Показывал мне Дмитрий Константинович и свою замечательную библиотеку. С интересом и удовольствием посмотрела кинофильмы и фотографии, сделанные Светланой Владимировной в прошлый мой приезд, и некоторые другие.

Светлана Владимировна делала киносъемки и на нашей конференции. Это ведь было почти 20 лет назад. А сколько накопилось у нее кинофотоматериалов, сделанных за этот период. Они очень ценны для истории института, Сибирского отделения АН СССР, для истории генетики, а также как память о Д.К.Беляеве. Важно и необходимо их систематизировать и сохранить для будущих поколений сибирских ученых.

Очень приятный вечер провели мы с Дмитрием Константиновичем на встрече с молодежью у В.И.Евсикова. Там впервые я услышала замечательные песни Булата Окуджавы. Несмотря на то, что в дни моего пребывания в марте в Академгородке было по-зимнему холодно и пасмурно, у меня осталось самое светлое и теплое впечатление от этой поездки.

Возвратившись в Москву, я подробно, с энтузиазмом рассказывала своим коллегам по руководству МО ВОГиС об Академгородке, о беседах с Д.К.Беляевым и другими генетиками, молодыми и именитыми, о своих впечатлениях о прекрасном, перспективном сибирском Институте цитологии и генетики. А своим студентам МГУ я сообщила о сибирских исследованиях по генетике животных.

Не могу не вспомнить и еще об этом, очень большом, масштабном мероприятии, осуществленном Д.К.Беляевым. Я была свидетелем зарождения у него идеи организации сибирской Аскании. Как-то (в 1970-х годах), вернувшись с конференции из Аскании-Нова, он загорелся идеей создания такого учреждения в Сибири. На большой территории этого региона на глазах исчезают местные породы животных, виды растений. Необходимость сохранения ценного генофонда неоспорима. Идея Д.К.Беляева не была принята однозначно. Скептиков было немало из-за казавшихся непреодолимыми громадных трудностей осуществления этой идеи. Но Дмитрий Константинович не отказался от своих намерений и решительно взялся за создание сибирской Аскании, мобилизовав свой талант научного организатора и ученого с разносторонними интересами. Итак, в Горном Алтае, в Черге, по инициативе и под руководством Д.К.Беляева был создан крупный экспериментальный комплекс Сибирского отделения АН СССР. Основная задача его – сохранение ценного генофонда, одомашнивание и создание новых пород животных.

Более длительное и постоянное деловое общение с Д.К.Беляевым было у меня в период моей деятельности в Научном совете АН СССР по проблемам генетики и селекции, председателем которого был Д.К.Беляев, – в качестве его заместителя с 1969 по 1982 г., а с 1982 г. до конца жизни Дмитрия Константиновича в качестве члена бюро и куратора секции генетики животных.

Как попала я в Проблемный совет? Неожиданно. В 1968 г. мы встретились с Дмитрием Константиновичем в московском Доме ученых. Он сообщил мне, что его

назначили председателем Проблемного совета АН СССР и он обдумывает, кого же пригласить на должность своего заместителя по совету. Через некоторое время он приехал ко мне домой и спросил, не соглашусь ли я стать его заместителем. К тому времени почти три года я активно действовала в МО ВОГиС им. Н.И.Вавилова в качестве ученого секретаря. Я считала, что мало шансов на мое утверждение, но согласилась на попытку. Вскоре при встрече Дмитрий Константинович сообщил мне, что мою кандидатуру поддерживает академик-секретарь Отделения общей биологии Б.Е.Быховский, который знал меня по Таджикскому филиалу АН СССР в эвакуации 1941–1943 гг.

После приема у М.В.Келдыша Дмитрий Константинович известил меня, что моя кандидатура на должность заместителя по совету принята президентом АН СССР. Постановление президиума о составе совета вышло 3 января 1969 г.

Итак, за период с 1969 до конца так неожиданно и безвременно оборвавшейся жизни Д.К.Беляева я часто встречалась с ним в Москве на совместных пленумах Проблемного совета и ЦС ВОГиС им. Н.И.Вавилова, разговаривала по телефону. В лице Дмитрия Константиновича я всегда находила поддержку, надежную опору. Это вселяло уверенность при принятии решений, иногда и по очень трудным вопросам.

Сотрудники совета и я опирались на деятельное участие Д.К.Беляева в обсуждении важных научных проблем, в подготовке ответственных материалов, отчетов. Мы ощущали повседневную помощь Д.К.Беляева. Твердое и благожелательное руководство Проблемным советом обеспечивало принятие принципиальных решений, особенно в сложных ситуациях, каких было немало.

Приезды Дмитрия Константиновича в Москву были для нас праздником. Большинство генетиков и ученых других специальностей всегда ожидали его появления в Москве и добивались встречи с ним.

Многолетнюю, многогранную и плодотворную деятельность Д.К.Беляева в Проблемном совете полностью охарактеризовать невозможно в рамках этой статьи. Позволю себе остановиться только на ярких и важных сторонах.

Главное, что удалось сделать Д.К.Беляеву, особенно на первых этапах деятельности, – это объединить разобщенных тогда по разным причинам генетиков. Д.К.Беляев стал, по существу, лидером советских генетиков. А после XIV

Международного генетического конгресса в 1978 г. Д.К.Беляев был избран генеральным секретарем Международной федерации генетиков.

Дмитрий Константинович Беляев был ученым, руководителем и научным организатором: принципиальным, решительным, смелым и взыскательным. Обладал он и превосходными, столь необходимыми в то время бойцовскими качествами как в защите теоретических позиций генетики и эволюционной теории, так и в поддержке отдельных направлений (частная генетика, генетика соматических клеток и др.). В связи с широким диапазоном научных интересов Дмитрия Константиновича как к генетическим, эволюционным и философским проблемам, так и к теории и практике селекции, круг ученых и специалистов, общавшихся с ним, был очень большим. Особенностью стиля деятельности Д.К.Беляева в Проблемном совете был коллективизм. К подготовке и обсуждению важных генетических документов он приглашал всех творчески работавших генетиков и селекционеров. Приведу два примера.

Составление ответственного доклада президиуму АН СССР «О состоянии генетики в СССР» – в 1970 г., всего через 5 лет после реабилитации генетики в СССР как истинной науки. В составлении и обсуждении на заседании президиума АН СССР этого доклада, зачитанного Д.К.Беляевым, приняли участие все ведущие генетики нашей страны. В постановлении президиума по этому докладу (от 16 апреля 1970 г.) было, например, записано: «Учитывая особое положение (подчеркнуто автором. – Примеч. ред.) генетики в системе биологических дисциплин, считать необходимым материально обеспечить ее опережающее развитие...». А также: «Поручить Научному совету АН СССР по проблемам генетики и селекции усилить помощь генетическим учреждениям союзных республик».

Значительным событием в жизни совета была фундаментальная работа над программой исследований по проблеме: «Генетические основы селекции и создания новых сортов растений и пород животных» как части «программы исследований по важнейшим фундаментальным проблемам АН СССР». Было создано два варианта этой программы: 1) в 1974 г. на период 1976–1990 гг.; 2) в 1979 г. на период 1978–1990 гг.

Вторая часть программы «Генетические основы селекции сельскохозяйственных

животных» создана под руководством и с непосредственным участием Д.К.Беляева. Мне посчастливилось принять участие в этой очень интересной работе. Я была свидетелем очень ответственного и серьезного отношения Дмитрия Константиновича к поручению президиума АН СССР. Ему удалось привлечь к составлению программы многих авторитетных генетиков и селекционеров, в том числе и из Новосибирска. Отложив все важные дела, Д.К.Беляев безвыходно в течение двух недель (в номере академической гостиницы) провел эту большую, кропотливую, очень нужную работу. Поэтапно в создании программы участвовало много ученых из разных институтов, что нередко осложняло дело. Дмитрий Константинович проявил необычайную работоспособность, настойчивость, терпение и такт, что и привело к успешному завершению работы. Эта программа развития экспериментально-теоретического и методического аспектов генетической теории селекции, совершенствования и создания новых пород животных на том этапе послужила руководством к действию генетиков и селекционеров отраслевых институтов, селекционных станций и кафедр вузов. Об этом мне тогда говорили многие научные работники ВАСХНИЛ и сельскохозяйственных вузов.

В 1975–1976 гг. в Научном совете АН СССР по проблемам генетики и селекции ведущими генетиками были составлены проблемные записки по всем генетическим направлениям. Например, по генетике и генетическим основам селекции животных, по генетике поведения, по отдаленной гибридизации и другие. Они были разосланы в соответствующие учебные и научные институты для служебного пользования.

Таким образом, Проблемный совет под руководством Д.К.Беляева оказал тогда большую помощь генетикам и селекционерам в правильной ориентации при проведении исследований в том или ином направлении.

Примечательна широкомасштабная деятельность Д.К.Беляева по организации и проведению многих совместных пленумов Проблемного совета и Центрального совета ВОГиС им. Н.И.Вавилова. Пленумы эти проводились в разных регионах: в Москве, Ленинграде, Киеве, в союзных республиках (Белоруссия, Прибалтика, Казахстан и др.). Дмитрий Константинович был всегда инициатором их планирования. Он же определял научные вопросы для обсуждения и обдумывал программы. Я расскажу о некоторых пленумах, в которых принимала участие.

Тогда еще член-корреспондент Д.К.Беляев сделал очень интересный обзорный доклад о судьбе и развитии генетики в СССР. Было это в Москве в 1967 г. вскоре после возрождения генетики в СССР.

В 1968 г. осенью в Алма-Ате прошел очень оживленно и продуктивно многолюдный пленум Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции совместно с ВАСХНИЛ, Министерств сельского хозяйства СССР и Казахской ССР на тему «Биологические аспекты доместикации животных». На пленум приехали видные ученые из разных городов и республик. Дмитрий Константинович был в центре внимания на всех заседаниях и мероприятиях. Он был мозгом и душой форума.

И именно на этом совещании Д.К.Беляев впервые подробно изложил свою концепцию дестабилизирующего отбора и его роли в эволюционном процессе.

Дмитрий Константинович всегда интересовался результатами практической селекции, новыми породами животных, методами их создания. А в Казахстане было что посмотреть. Какими увлекательными были наши поездки в Казахский институт животноводства (в 60 км от города), в отдаленный овцеводческий колхоз на границе с Китаем, в павильон животноводства выставки народного хозяйства Казахской ССР.

Заинтересованное участие Д.К.Беляева и других ученых гостей в оживленном осмотре животных на фермах, на пастбищах и на выставке, в обсуждении методов и результатов работ казахских ученых по совершенствованию и созданию новых пород способствовало активному развитию этих исследований. Работа пленума была очень интересной и результативной для всех его участников, а также и для руководящих деятелей Казахской ССР.

В 1981 г. в Москве на совместном пленуме Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции, Совета по селекции и гибридизации животных при президиуме ВАСХНИЛ, ВОГиС им. Н.И.Вавилова «Проблемы генетики и селекции животных на промышленных комплексах» обсуждались насущные вопросы технологии племенной работы при индустриализации животноводства. Инициатором и вдохновителем этого пленума также был Д.К.Беляев. В результате обсуждения основных докладов (Д.К.Беляева и Л.К.Эрнста), а также выступлений других ученых было принято постановление, определившее конкретные научные задачи институтов АН СССР и ВАСХНИЛ. Вот, например, некоторые пункты этого постановления.

1. Усилить разработку теории селекции, обратив особое внимание на проблему определения комплексной племенной ценности животных в условиях промышленной технологии.

2. В целях более эффективного использования животных с рекордной продуктивностью расширить исследования по разработке и внедрению в производство методов трансплантации зигот, клонирования и партеногенетического развития.

3. Для использования в селекционном процессе поведенческих характеристик животных необходимо дальнейшее изучение роли поведения и стрессоустойчивости в связи с продуктивностью и воспроизводительной способностью.

Примечателен и совместный пленум Проблемного совета и Центрального совета ВОГиС им. Н.И.Вавилова «Роль генетики и селекции в реализации Продовольственной программы СССР» (март, 1983 г., Москва).

Д.К.Беляев сделал очень интересный доклад «Некоторые проблемы теории селекции». Им была выдвинута и убедительно аргументирована важнейшая проблема необходимости широкого использования генотипа животных с рекордной продуктивностью, позволяющего ускорить процесс селекции. Пленум был плодотворным, с активными дискуссиями по некоторым принципиальным вопросам генетики и селекции как животных, так и растений. В решении пленума особо подчеркивалась необходимость интенсивного внедрения новых генетических методов в практику селекции животных и растений.

Таким образом, начав с частной генетики – изучения серебристости меха, особенностей поведения серебристо-черных лисиц, Д.К.Беляев пришел к крупным теоретическим открытиям: проблеме дестабилизирующего отбора, стресса. Наряду с этим, как показано выше, он живо откликался на животрепещущие проблемы практического животноводства. При этом Дмитрий Константинович неустанно привлекал внимание генетиков к исследованиям на организменном уровне, к проблемам частной генетики. Деятельность Д.К.Беляева в этом направлении напоминает мне работу А.С.Серебровского – своей принципиальностью и глубиной исследований как в экспериментальном, так и в теоретическом плане, а также крупномасштабностью инициативы, участием в обсуждениях и решениях

практических и теоретических проблем селекции животных. С А.С.Серебровским я работала с 1924 г., находясь у истоков зарождения генетики животных. Поэтому с полным основанием могу утверждать, что Д.К.Беляев принял от А.С.Серебровского эстафету по развитию этого направления в современной генетике. Ученики Д.К.Беляева должны продолжить его дело и обеспечить дальнейшее развитие такого важного раздела биологической науки – генетики животных.

Теперь небольшое лирическое отступление. Хорошо помню радостный и приятный вечер у Астауровых 28 ноября 1972 г. Борис Львович позвонил мне и сказал: «Екатерина Тимофеевна, берите такси и срочно приезжайте к нам. Будем отмечать рождение нового молодого академика Д.К.Беляева, только что избранного действительным членом Академии наук СССР». Когда я приехала, там уже были В.А.Струнников и В.П.Эфроимсон. Гостеприимная хозяйка Наталья Сергеевна устроила уютный, по-домашнему теплый прием. От всей души все мы поздравили Дмитрия Константиновича, новоиспеченного академика. Было очень оживленно и весело. По-дружески шутили, остряли. А Дмитрий Константинович – молодой и красивый – с юмором отшучивался. Такой был чудесный вечер!

Самое же памятное – это живой образ Дмитрия Константиновича: яркая творческая личность, волевой, решительный, смелый выдающийся ученый и организатор науки, человек высоких моральных качеств.

Как он был заботлив и внимателен к своей матери, как чтит память об отце и старшем брате! А как он любил и уважал дорогого друга, верную помощницу и советчицу, жену Светлану Владимировну, сыновей, внуков.

Была я свидетелем трогательного отношения Дмитрия Константиновича к своим учителям – А.И.Панину, Б.Н.Васину. Дмитрий Константинович был очень внимателен и к дружному маленькому коллективу сотрудников Научного совета АН СССР по проблемам генетики и селекции, которые всегда ощущали его благожелательное, но твердое руководство и поддержку во всех делах совета.

Молодежи и ученикам Д.К.Беляева я пожелала бы равняться на своего учителя в научной, общественной деятельности и в жизни.

В.К.Шумный

Сверяем поступки по своим учителям

Академик РАН, директор ИЦиГ СО РАН с 1986 г. Сотрудник ИЦиГ с 1958 г.

Пожалуй, два человека оказали сильное влияние на мое мировоззрение, в том числе и научное: Дмитрий Константинович Беляев и Юрий Петрович Мирюта. Первым опальным генетиком, с которым меня свела судьба в Новосибирске, был Юрий Петрович, бывший аспирант Н.И.Вавилова и первый заведующий лабораторией гетерозиса ИЦиГ, где я начинал свою научную работу по проблеме закрепления гетерозиса путем полиплоидизации. Кстати, зачислены в лабораторию гетерозиса мы были одним приказом с З.С.Никоро и первое время сидели за одним столом, я – с микроскопом, она – со счетной машинкой.

Впервые я увидел Д.К.Беляева на экзамене по статистике, который они принимали вместе с И.Д.Романовым, З.С.Никоро и Н.А.Плохинским. Готовила меня к нему З.С.Никоро, но Дмитрий Константинович задавал много каверзных вопросов, задач и поставил мне четверку. Я хорошо запомнил нового заместителя директора по науке и решил, что для разговора с ним нужно основательно подготовиться и уметь парировать его неожиданные вопросы. Вторая наша встреча состоялась осенью 1959 года на полях, где ДК знакомился с работами по гетерозису у кукурузы, полиплоидии у сахарной свеклы, мутагенезу у пшеницы и картофеля. Разговор шел о возможности скорейшего практического применения этих работ, так как над генетикой опять нависали грозные тучи. Впечатления от этих встреч – в институте появился молодой, энергичный, образованный лидер, с ним можно работать.

А в ноябре 1959 года произошли неожиданные события – увольнение Н.П.Дубинина и назначение директором ИЦиГ Д.К.Беляева. Начался тяжелейший пятилетний период борьбы за институт, за его сохранение и выживание. С увольнением Н.П.Дубинина была ликвидирована и строительная площадка института на месте нынешнего Института катализа. Ситуация обострилась до предела. Именно в

этот момент Дмитрий Константинович проявил себя как боец, сильный волевой человек, готовый к борьбе за институт, готовый сплотить вокруг себя единомышленников. Очень важно, что в него поверил, сделал на него ставку, взял под свою защиту М.А.Лаврентьев. Это во многом определило как судьбу самого Дмитрия Константиновича, так и перспективы развития института. И строительная площадка скоро была восстановлена, но уже на другом, нынешнем, месте. Дмитрий Константинович активно взялся за формирование института, привлекая к этому коллег-единомышленников: Б.Л.Астаурова, П.Ф.Рокицкого, В.В.Хвостову, А.А.Прокофьеву-Бельговскую, Н.Н.Соколова, Б.Н.Сидорова и многих других.

В самый критический для института момент – с 1959 по 1964 год – Д.К.Беляев продемонстрировал все лучшие свои качества лидера, человека с огромным чувством ответственности перед наукой, чувством внутренней убежденности в правоте дела. Он никогда не был членом партии, но по его поведению, убежденности, патриотическим качествам он был выше партийных догм в понимании своей миссии служения науке и обществу, отношении к человеку, его заботам и нуждам.

Свою независимость он очень ценил и был в этом отношении щепетилен. Я вспоминаю курьезные случаи, когда Дмитрия Константиновича приглашали на партийные собрания. Он обычно просил проголосовать за возможность его присутствия на партсобрании и только после этого приходил и активно в нем участвовал. Щепетильность Дмитрия Константиновича выразилась и в другом эпизоде, когда один из сотрудников просил его согласия на вступление в КПСС, добавив при этом, что для продвижения по служебной лестнице было бы полезно и самому Дмитрию Константиновичу стать членом партии. Дмитрий Константинович сухо ответил, что это личное дело каждого, и навсегда потерял интерес к этому сотруднику. И в то же время в самые тяжелые для института времена он собрал группу молодых сотрудников и сказал: «Судьба науки и института во многом решается в партийных органах. Для них очень важно мнение партийной организации института, идите в партию и формируйте это мнение». Так стали членами партии В.И.Евсиков, А.Д.Груздев, Е.Д.Будашкина и другие, в том числе и я.

Дмитрий Константинович принадлежал к тому поколению, на долю которого выпало самое тяжелое испытание – война. И он прошел ее от солдата до майора, с

1941 по 1945 год, от начала и до конца. Он не любил рассказывать о деталях фронтовой жизни, ограничиваясь фразой: «Кровавое это дело». Но День 9 Мая он считал самым главным праздником, собирал ветеранов в знаменитой «землянке майора Беляева», обязательно приглашая молодежь. Он очень бережно относился к памяти погибших товарищей, поддерживал ветеранов и пресекал всяческие попытки исказить, принизить роль нашей страны во второй мировой войне.

Несомненно, что веру в себя, целеустремленность, волю к достижению цели, иногда жесткость, особенно в критических ситуациях, Дмитрий Константинович сформировал в значительной степени во фронтовые годы. В нем всегда чувствовалась офицерская жилка, и мне кажется, что если бы он не ушел в науку, то стал бы кадровым офицером и достиг бы и на этом поприще значительных успехов.

Среди специалистов высокотехнологичных производств всегда наблюдается некоторая кастовость, т.е. гордость за принадлежность к ним. Звероводы, как я понял из общения с ними, тоже представляли свою касту, где превыше всего ценился профессионализм. Только к равному себе они обращались по имени, ниже – по имени-отчеству, выше – в зависимости от возраста. Я наблюдал несколько встреч высококлассных звероводов, для которых Дмитрий Константинович был просто Димой, мог быть послан за бутылкой и он покорно шел. В стране таких спецов было немного, их лично знал А.И.Микоян, он курировал пушное звероводство как самую валютодобывающую в то время отрасль. Все они гордились успехами Дмитрия Константиновича в развитии генетики, создании знаменитого института, называли его «наш человек в Академии».

Это отношение к людям по уровню профессионализма Дмитрий Константинович использовал и при формировании Института. Но для него не менее важным было еще одно свойство – порядочность, в которое он вкладывал честное и доброе отношение к товарищам по работе; не завышенная, а лучше заниженная самооценка, отсутствие чрезмерных амбиций. Только взвесив все параметры, он принимал решение – брать в коллектив человека или отказать ему. Очень болезненно переживал ошибки, а они случались.

Почти двадцать лет в силу служебных обязанностей мы общались с Дмитрием Константиновичем, как говорят, в постоянном режиме. Я видел его мгновенья

озарений, удовлетворенности, но вместе с этим и минуты разочарований, огорчений, подавленности.

И больше огорчался он не в силу обстоятельств, с ними он умел справляться, а в силу поступков и поведения коллег по работе. Были разные поступки и поведение, но были и курьезные, которые приводили Дмитрия Константиновича в веселое расположение. Однажды несколько сотрудников без документов попали в вырезатель. Один из них назвался Салгаником Р.И., другой – Приваловым Г.Ф. (в то время бывших заместителями директора по науке). Институт хохотал несколько дней, пока не нашли виновников, которые отделались довольно легко, по определению Дмитрия Константиновича, «за находчивость в стрессовой ситуации». Другой случай, когда на одного сотрудника института в партбюро поступило заявление о его чрезмерной сексуальной активности. На вопрос секретаря партбюро: «Что будем делать?». Дмитрий Константинович долго хохотал, потом помрачнел и сказал: «Да, история повторяется на всех уровнях. Вождь народов в аналогичной ситуации сказал: “Что делать—что делать”. Завидовать будем. Мы к нему в данной ситуации присоединяемся».

Но если дело касалось работы, нарушения принципов взаимоподдержки, договоренностей, просто этики взаимоотношений, то в этих случаях Дмитрий Константинович был бескомпромиссным и непреклонным. Дело доходило до увольнения из института или по мягкому варианту – переводом в другие лаборатории или институты. На примере именно этих случаев создавалось впечатление о Дмитрие Константиновиче как о жестком руководителе. Но случаев этих было мало и на самом деле он не был жестким, а скорее, ранимым и иногда незащищенным. В нем не было диктаторских наклонностей, была твердость и воля в отстаивании своих позиций. Диктаторский режим был для него аморален по духу, так как от него погиб его старший брат, им уважаемый и любимый, один из ярких учеников С.С.Четверикова. Да и сам Дмитрий Константинович натерпелся в то время как сын священника и брат врага народа, вейсманиста-морганиста. Поэтому досужие вымыслы о его приверженности принципам диктаторского правления не выдерживают критики. Значимые люди в советские времена, взявшие на себя ответственность за крупные и важные дела в народном хозяйстве, обороне, науке, характеризовались высочайшей

степенью ответственности, риска, незаурядными организаторскими способностями и волей в преодолении трудностей. В определенные моменты требовалось проявить жесткость и они ее проявляли.

Вспоминаю приезд в Академгородок всеильного министра Средмаша Е.П.Славского. При посещении экспериментального хозяйства он не мог оторвать взгляда от вьетнамской свиньи. Глядел на нее с детским восторгом, восклицая: «Для этого чуда природы готов дворец построить», – чуть не прослезился от умиления. Но уже через час на одном из своих объектов он поставил по стойке «смирно» больших и малых, но бледных начальников, распекая их за срыв графика в таких выражениях, грозил такими карами, что уже невозможно было поверить в его умиление чудом природы и детский восторг. Кстати, после его отъезда быстро восстановили график строительства. По нынешним меркам Е.П.Славский должен был бы обрушиться на нерадивых подчиненных со словами: «Господа, извольте наверстать график». Ответ и результат предсказуем. Да, времена изменились и сегодня наводить порядок гораздо сложнее, нужно строить новую идеологию взаимоотношений.

В самые тяжелые времена, когда дело шло к ликвидации Академии, науки в целом, когда все крушилось и разрушалось, передо мной часто вставал вопрос: «А как в такой ситуации повели бы себя отцы-основатели, что они противопоставили бы лавине разрушения, что они вообще бы делали?». Зная близко многие годы Дмитрия Константиновича, я уверен, что он моментально перестроился бы на боевой режим. По своей натуре он был боец и чувствовал себя в экстремальных ситуациях уверенно, но при полной ясности, кто враг, где опасность. Тут возникает второй вариант: занять круговую оборону, сохранить силы и дожидаться, когда схлынет первая и самая мутная волна.

Я с ужасом вспоминаю конец 1980-х и начало 1990-х годов, когда толпы революционно настроенных мальчиков жаждали крови, крушили и свергали. Кстати, сегодня ни одного из них, которых я знал, нет в России, все в дальнем зарубежье. Перебираю разные варианты поведения наших учителей в этой ситуации и уверен только в одном – они весь свой потенциал бросили бы на сохранение науки. Тактика и методы, наверное, у каждого из них были бы свои. У Дмитрия Константиновича в этом отношении был богатый опыт опального генетика, участника войны и этот опыт

позволял четко определить те общечеловеческие ценности, за которые, как сказал Н.И.Вавилов, можно и на костер идти, но не отказываться от своих убеждений. Не сомневаюсь, что Дмитрий Константинович боролся бы за институт, за Академгородок до конца. Вспоминаю, как в Доме ученых мы принимали М.С.Горбачева, тогда еще Секретаря ЦК по сельскому хозяйству. Рассказывали ему о сортах, новой породе овец. Михаил Сергеевич весело перебивал нас и много рассказывал о своих успехах на Ставрополье. Мне он очень понравился своей простотой в общении, свободной и нестандартной речью, уходом от старорежимных стандартов партийной номенклатуры. Вечером, когда мы сидели с Дмитрием Константиновичем и я восторгался М.С.Горбачевым, он молча слушал, мрачнел, а потом произнес: «Может ты и прав, но меня что-то в нем настораживает. Посмотрим ... посмотрим».

Много позже я понял, что многие из представителей интеллектуальной элиты, к которой принадлежал и Дмитрий Константинович, уже тогда почувствовали опасность великих потрясений. Но это уже пришлось пережить нашему поколению без их поддержки, опыта и мудрости. И единственным утешением для нас было обращение к их памяти, их делам и сверка позиций вопросом: «А как бы в такой ситуации поступили они?». И становилось легче, появлялась уверенность в правоте того, что мы продолжаем их дело – дело созидания, сохранения науки.

Но хотелось бы закончить на более веселой ноте. Наши учителя, мудрецы старшего поколения, любили иногда повеселиться, даже серьезные дела превращались в некую игру. Пик таких игр приходился, как правило, на выборные дела. Объявление вакансий, выдвижения, обсуждения, многоразовые голосования будоражили всю научную общественность. Дмитрий Константинович в 1964 году довольно легко и даже неожиданно для него был избран в члены-корреспонденты АН СССР. Нужно помнить, что 1964 год был годом ухода Н.С.Хрущева и падения Т.Д.Лысенко. Но его сторонники быстро опомнились и дважды провалили Дмитрия Константиновича на выборах в академики. В 1972 году была вакансия, но Дмитрий Константинович решил больше не выдвигаться и уехал в отпуск. Оставался один день до окончания срока выдвижения. Меня вызвал М.А.Лаврентьев. Он грозно начал допрашивать:

–Почему не выдвигаешь Беляева?

–Он не велел перед отъездом.

–Какой расклад в отделении общей биологии, кто будет против?

–Из 9 академиков 4 будут точно против: сам Т.Д.Лысенко и три его сторонника.

М.А.Лаврентьев долго ходил по кабинету, предлагая разные версии, вплоть до анекдотических, потом вдруг стал серьезным и сказал: «Быстро в институт, собирай Совет и выдвигай. Ошибка в том, что мы переоценили их единство. Кто-то должен дрогнуть, я сыграю на этом». И ведь он оказался прав. На этих выборах Дмитрий Константинович был избран и «дрогнул», по его же признанию, Николай Васильевич Цицын, с которым впоследствии у Дмитрия Константиновича сложились хорошие отношения. Сам Дмитрий Константинович относился к выборам в Академию своеобразно. Он всегда говорил: «Если ты к званиям, чинам относишься с некоторым чувством юмора, тогда участвуй в выборах. Если со звериной серьезностью – Боже упаси. Именно поэтому выборы иногда сопровождаются инфарктами, а иногда и хуже».

Как-то в одной компании Дмитрия Константиновича спросили, что его настораживает в людях, особенно когда он подбирает кадры. Он полушутя ответил: «Настораживают ярко-рыжие, абсолютно непьющие и с полным отсутствием чувства юмора».

По своей натуре Дмитрий Константинович был хорошим психологом, иногда проводил неожиданные тесты. Я помню несколько случаев, когда он приглашал сотрудников, делал им неожиданные предложения, явно не по силам, и ждал реакции. Если сотрудник отвечал после раздумья отказом, ответной реакцией Дмитрия Константиновича было одно слово: «Молодец!» Я тоже подвергся такому испытанию дважды, но хватило ума отказаться от казалось бы очень заманчивых предложений. Только потом я узнал, что предложения исходили из довольно высоких инстанций, а Дмитрий Константинович меня на них просто тестировал на наличие здравого смысла и уровня амбиций. Много позже мы вспоминали эти случаи и Дмитрий Константинович мне с юмором живописал, что было бы, если бы я дрогнул или, как он говорил, «дал течь».

О Дмитрие Константиновиче Беляеве можно писать много, но это, оказывается, не легко, так как он был крупной и разносторонней личностью.

Главное я вижу в том, чтобы мы мысленно и постоянно общались со своими учителями, сверяли по ним свои поступки и действия, спрашивали себя перед принятием ответственного решения: «А как бы в данном случае поступили они?». Если это не внешнее выражение, а душевная потребность, тогда мы – их ученики, они – наши учителя и сохранение преемственности поколений, лучших традиций в научном сообществе будет обеспечено. И тогда мы – не Иваны, не помнящие родства.

Л.Н.Трут

Долгая жизнь идеи

Доктор биологических наук, сотрудник лаборатории эволюционной генетики ИЦиГ СО АН с 1958 г.

Я долго не могла начать писать воспоминания о Дмитрие Константиновиче. Оказывается, делать это совсем не просто. Воспоминания всегда связаны с личным эмоциональным восприятием событий и людей, и они в некоторой степени субъективны. Я проработала в лаборатории Д.К.Беляева под его непосредственным руководством 27 лет. Во мне живут самые разные воспоминания и впечатления об этом крупном ученом и многогранном человеке. И очень трудно адекватно изложить их в форме печатного текста.

Мое знакомство и первая беседа с Дмитрием Константиновичем состоялись еще в Москве в период моего окончания МГУ. И в 1958 г. после получения диплома я поехала навстречу своей научной судьбе в организуемый в Новосибирске Академгородок, уже зная, какая научная задача будет стоять передо мной в Институте цитологии и генетики. Задача эта была простой и ясной: превращать такого дикого зверя, каким была тогда разводимая на фермах серебристо-черная лисица, в друга человека и анализировать все возможные последствия этого процесса.

Одно из первых и самых ярких впечатлений произвел на меня стиль общения Дмитрия Константиновича со своими учениками. С самого начала он разговаривал с нами не как с только что приехавшими студентами, а как со своими коллегами, с которыми ему предстояло делать общее дело. Он и впоследствии никогда не поучал нас, просто делился с нами своими представлениями, мыслями, критическими соображениями.

Нестандартность и концептуальность мышления были доминирующими качествами Дмитрия Константиновича как ученого. Эти качества рождали в нем много хороших, оригинальных идей, которые подрывали некоторые устоявшиеся генетические представления и вносили в генетическую науку революционизирующее

начало. Эти оригинальные идеи разделяли всех, кто его знал, на его приверженцев и категоричных оппонентов, которые не могли или не хотели воспринимать его гипотезы. Для многих было проще придерживаться сложившихся и устоявшихся научных представлений. Но Дмитрий Константинович принадлежал к числу тех ученых, чьи научные идеи с годами не теряли своей ценности. Наоборот, чем дальше от нас отодвигается время его жизни и научного творчества, тем больше раскрывается его вклад в нашу науку. Так, например, разрабатывая концепцию дестабилизирующего отбора, Дмитрий Константинович большое значение придавал феномену репрессии–депрессии генетического материала. Я думаю, многие в институте помнят, какой яростной критике со стороны некоторых сотрудников подвергались эти его представления. Это было в 1970-х годах, а в 1990-х о феномене «генетического молчания» говорят и пишут как о всеми признанном феномене, изучают его молекулярно-генетические механизмы и дают ту или иную интерпретацию. Кстати, явление генетической репрессии–дерепрессии описано теперь и на генетических системах пигментации, используя которые обсуждал это явление в свое время Дмитрий Константинович. Гены пигментогенеза всегда вызывали у него серьезный интерес. В те далекие годы мне были непонятны этот интерес и его мысли о том, что гены окраски, в частности, у пушных зверей, вовлекаются в регуляцию различных параметров их приспособленности. Тогда в литературе не было даже намека на то, что эффекты этих генов на окраску меха являются не самыми главными их эффектами, хотя и наиболее очевидными. В настоящее же время функции многих из них идентифицированы и показано, что они принадлежат к элементам регуляторной нейрогормональной системы онтогенеза.

Способность к научному предвидению моего учителя всегда удивляла и продолжает удивлять меня. Он впервые поставил много крупных генетических и общебиологических проблем задолго до того как в мире начали признавать их большую важность. Особая эволюционная роль генетических систем поведения, осуществляющих интеграцию всего онтогенеза, роль стресса как фактора эволюции, формообразовательное значение условий средового фотопериода, при которых протекает онтогенез – все эти проблемы начали экспериментально разрабатываться в нашей лаборатории в самый начальный период ее жизни. В силу своей широкой

эрудиции Дмитрий Константинович проявлял живой интерес к любой генетической и биологической проблеме. Но с наибольшим подъемом он работал над эволюционной концепцией дестабилизирующего отбора, особенно в то время, которое относится к самым истокам этой концепции.

Научный труд, как хорошо известно каждому, занимающемуся таким трудом, сопряжен со многими неудачами. Но все разочарования, связанные с ними, с лихвой компенсируются тем состоянием, в котором находится ученый, когда начинает понимать, что он вышел на что-то новое, что он нашел объяснение тому, что до него не поняли. И вот в таком состоянии находился Дмитрий Константинович, когда он начал понимать, что отбор, векторизованный на свойства поведения, может объяснить многие эволюционные загадки, в том числе и загадки процесса доместикации.

Я ясно помню один из майских дней 1967 года. Дмитрий Константинович вызвал к себе в кабинет меня и В.И.Евсикова, своего ближайшего ученика и тогда сотрудника его лаборатории (теперь директор Института систематики и экологии животных СО РАН). Лицо Дмитрия Константиновича всегда было очень выразительным. На его лице легко можно было прочесть душевную теплоту и холодность, радость и огорчение, уверенность и сомнение. В тот день он находился в состоянии эмоционального и интеллектуального подъема. «Друзья мои, мне кажется, я приблизился к пониманию всего того, что мы наблюдаем в экспериментах по доместикации. Я открыл, – полушутливо-полусерьезно сказал он, – новую форму отбора». И уже серьезно начал излагать свои первые представления о дестабилизирующем отборе. В тот год Дмитрий Константинович много раз со страстностью и убежденностью излагал нам свои гипотетические представления. После того как им было сформулировано основное положение гипотезы о взаимосвязи вектора отбора и изменчивости, начался интересный и активный период накопления данных. Дмитрий Константинович тогда много времени уделял осмысливанию этих данных и обдумыванию дальнейшей экспериментальной проработки своей идеи. Но, к сожалению, основные силы тратились на институт и Сибирское отделение РАН, а также на развитие генетической науки в стране.

Дмитрий Константинович часто говорил нам о том, с каким удовольствием

оставил бы он административные дела ради экспериментальной научной работы. Он очень любил бывать на нашей звероферме, наблюдать за животными, вникать в результаты экспериментов и очень заботился об их методической строгости. Помню, однажды он заехал за А.Рувинским и мной в полночь. В то время мы работали с белой грузинской мутацией у лисиц, гомозиготы по которой гибли в пренатальный период развития. Мы испытывали влияние дополнительной световой экспозиции на жизнеспособность этих гомозигот и содержали беременных матерей в условиях искусственно продленного светового дня. Дмитрия Константиновича заботила методическая строгость эксперимента и неожиданно для нас он ночью решил проверить, как работает реле времени: вовремя ли включается и выключается в шедах дополнительная подсветка. Работая с летальными мутациями (белой грузинской, беломордой и платиновой), мы искали период пренатального развития, когда гомозиготы по этим мутациям гибнут. Дмитрий Константинович иногда сам приезжал на ферму, чтобы убедиться в наличии гибнущих эмбрионов и зафиксировать время их гибели.

Дмитрий Константинович особенно любил бывать на звероферме в июне, когда щенки достигали возраста 2–3 месяцев. Визиты туда были для него настоящей отдушиной от кабинетных дел. Он подолгу ходил по шедам, внимательно всматриваясь в каждого лисенка. От его внимания не ускользало ни малейшее изменение в поведении или фенотипе животных. И каждый раз по-детски радовался, заметив такие изменения. Помню его изумление и восторг, когда он впервые увидел вислоухого лисенка, которому было уже три месяца, а уши у него висели как у щенка собаки, хотя у всех лисят в норме они встают к возрасту 10–14 дней. Не только уши, но и весь фенотип этого лисенка напоминал щенка дворняжки. «А это что еще за чудо?!» – изумленно воскликнул Дмитрий Константинович и все его внимание было поглощено этим чудом. Спустя некоторое время он рассказывал о своих идеях об эволюционной роли поведения на одном из заседаний физиологического общества в Москве, в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии, директором которого был тогда академик П.К.Анохин. Во время доклада Дмитрий Константинович демонстрировал новообразования, возникшие в доместизируемой популяции лисиц, в том числе и вислоухого лисенка. Я была на этом заседании.

После его доклада ко мне подошел мой университетский однокурсник, теперь доктор биологических наук Н.Косицын, работавший в то время у П.К.Анохина, и говорит: «Ну что же ваш директор дурачит аудиторию?». Показывает нам собачьего щенка и выдает его неосведомленным слушателям за лисенка. Он что, думает, ему поверили?». Дмитрий Константинович воспринял эти слова как самую высокую оценку результатов работы. Впоследствии он часто шутил: «Ну, что там говорил тебе твой однокурсник? Дурачили мы, значит, всех?».

Однажды во время его визита на ферму мы принесли в лабораторную комнату двух самых ручных лисиц. Т.Н.Кужутова, которая тогда работала с ними, присела на диван, и они тут же устроились около нее. Конкурируя за ее внимание, лисицы сцепились друг с другом и одна из них рыкнула на другую совсем по-собачьи. «Вы слышали? Вы слышали? – возбудился Дмитрий Константинович, – так рычат только собаки. Я никогда не слышал подобных голосовых реакций от лисиц». С тех пор он постоянно обращал наше внимание на проблему эволюции звуковых сигналов при domestикации.

Мы иногда говорили об условиях самых начальных этапов исторического процесса domestикации, о том, как близок был первобытный человек к природе, близок настолько, что женщины первобытных племен вскармливали грудью одомашниваемых питомцев. Мы понимали, что даже в самой грубой форме невозможно воспроизвести условия ранней domestикации. Но, однако, придавая большое значение взаимодействию специфического генотипа со специфической средой раннего онтогенеза, мы организовали опыт полудомашнего содержания лисят в лабораторном корпусе, где в дневное время постоянно работали сотрудники. Безусловно, эффект такого содержания максимален, если в условиях постоянных контактов с человеком животные находятся с рождения. Поэтому первоначально мы поселили в наш дом двухмесячную очень ручную самочку Пушинку, планируя выращивать в этих условиях ее будущих потомков. Пушинка росла, получая максимальные по времени контакты с человеком, в отличие от своих собратьев, которые проводят всю свою жизнь в клетке. Пришло время стать Пушинке матерью. Мы организовали круглосуточные наблюдения за ней, в соседней комнате устроили ей гнездо для щенения. В ту ночь, когда она ощенилась, дежурила я. Стараясь как можно меньше беспокоить Пушинку с новорожденными щенками, я не

заглядывала в соседнюю комнату. В лабораторном корпусе была тишина, но Пушинка вела себя беспокойно, металась, постоянно убегая от щенков ко мне и снова возвращалась к ним. Я не могла понять причину ее беспокойства. Наконец она приняла решение и через некоторое время начала перетаскивать щенков из гнезда к моим ногам. Я многократно возвращала их обратно в гнездо. Но в конце концов мне пришлось уступить Пушинке, и она, перетаскав всех щенков ко мне, спокойно улеглась с ними у моих ног. На следующий день заглянул на ферму Дмитрий Константинович, очень удивился, что щенки с Пушинкой не на своем месте. Я рассказала ему, как Пушинка всю ночь соединяла меня со щенками и успокоилась только тогда, когда и я, и щенки оказались рядом с ней. Лисицы в норме, как и другие животные, часто проявляют настороженность и даже материнскую агрессию, охраняя и пряча свое потомство. Поэтому такое поведение Пушинки выражало не только полное доверие ручной лисицы к человеку, но и глубокую привязанность к нему. «Мы обязательно когда-нибудь напишем научно-популярную книжечку о всех удивительных явлениях, какие мы наблюдали в нашем уникальном опыте», – сказал тогда Дмитрий Константинович, выслушав мой рассказ. Желание написать такую книжечку в память о Дмитрие Константиновиче у меня сохранилось.

К сожалению, такие его визиты на ферму и дискуссии с ним случались по вполне понятным причинам довольно редко. Но все равно я считаю, что его ученикам, особенно первым, которые пришли в науку в период самого начала создания Академгородка, выпал выигрышный билет. Дмитрий Константинович был человеком активной творческой мысли, часто очень оригинальной. Он никогда не думал стандартно. Он мог в любой сложной проблеме увидеть ее корень. Он никогда не оставался на поверхности фактов. Порой казалось, что та или иная информация не имеет никакого смысла, но он встраивал ее в логическую цепочку с другими фактами, и эта информация начинала приобретать большое значение. Мы пользовались его широким кругозором, его биологической эрудицией и научной интуицией, мы обогащались его интересными мыслями и идеями. Эти идеи будут жить еще долго.

Путь науки долгий – жизнь коротка. А время жизни, дарованное этому человеку, было особенно коротким. Но некоторым утешением может служить то, что оно вполне окупило емкость всего того, что сделано ДК для развития науки.

Р.И.Салганик

Преданность генетике

Академик РАН, сотрудник ИЦиГ с 1957 г.

Очень трудно уложить в несколько страниц воспоминания о человеке, с которым мы провели рядом более 30 лет. Я опасаясь разматывать ленту памяти, которая кажется бесконечной. Чем глубже мы погружаемся в прошлое, тем больше всплывает образов, переживаний, подробностей, которые могут закрыть то главное, что происходило в нашей жизни, то главное, чем был для нас Дмитрий Константинович Беляев. Сотрудники – за глаза, а близкие товарищи и прямо в глаза называли его ДК. В этом не было фамильярности, а скорее, уважение и доверие.

Самой замечательной особенностью ДК была страстная преданность генетике, науке-мученице, подвергавшейся в советское время гонениям и запретам. Мучениками были, конечно, и носители генетических знаний, ученые-генетики, изгнанные из лабораторий, невинно осужденные, томившиеся и погибавшие в тюрьмах и лагерях, уходившие из жизни от безысходности. Так погиб в заключении старший брат ДК, Николай Константинович, по словам людей, знавших его, высокоталантливый ученый, который приобщил ДК к генетике, ввел его в круг блестящих российских ученых. Судьба старшего брата вносила особую страстность, особую преданность в отношении ДК к генетике.

Когда под сильным давлением выдающихся физиков и математиков, создателей сибирского научного центра, Академгородка, академиков Лаврентьева, Соболева, Христиановича и других было дано «высочайшее» согласие Н.С.Хрущева на создание Института цитологии и генетики в Сибири, у генетиков, и в том числе у ДК, не было колебаний, они устремились в Сибирь.

Я впервые встретился с ДК в пропахшем дрозофилиным кормом бараке в Москве на Профсоюзной улице, где размещалась воскресшая из небытия генетическая лаборатория Николая Петровича Дубинина, которому была поручена организация Института генетики в Сибири, создание которого знаменовало

воскрешение научной генетики в стране, где долго царила псевдонаука Лысенко, не признававшего ни хромосом, ни генов, ни ДНК. Барак на Профсоюзной улице стал штабом возрождаемой генетики. Война была свежа в памяти ученых-фронтовиков, и разговор между мужчинами начинался с вопроса о том, где и кем воевал, в каких войсках. Это сразу сблизило меня с ДК, породило взаимное доверие, которое сохранилось на все годы нашей работы в институте, которая нередко напоминала боевые действия. С первых месяцев существования института начались попытки лысенковцев сокрушить в самом зародыше это гнездо «морганистов-менделистов». Так называли нас противники, и это прозвище мы с гордостью носили. За ним были имена великих ученых – основателей генетики. Комиссия за комиссией приезжала из Москвы в институт, чтобы найти идеалистическую крамолу, свидетельства абсолютной бесполезности и бесплодности этой науки. В Новосибирске собирались выдающиеся российские генетики старшего поколения и полная энтузиазма научная молодежь, тайком приобщавшаяся к генетике. Исследования начинались «с колес», в мало приспособленных помещениях, в непривычных для большинства условиях. Однако с первых дней были продолжены прерванные разгромом генетики работы по радиационному и химическому мутагенезу растений, полиплоидии, гетерозису. ДК возглавил и развернул интенсивные работы по генетике животных. Появились первые ощутимые плоды: триплоидная высокосахаристая свекла, полученная А.Н.Лутковым и сотрудниками; прекрасные гибриды кукурузы Ю.Л.Мирюты; гибриды пушных зверей ДК поражали экзотичностью окрасок меха; мне удалось показать высокую противовирусную активность нуклеаз и развернуть серьезное производство этих ферментов для больших клинических испытаний. Это было наше оружие для отражения атак лысенковцев. ДК на посту заместителя директора делал многое для развития и укрепления института. Было замечательное единство, и даже противники наши говорили, что институт стоит как скала. Нас поддерживало Сибирское отделение Академии наук во главе с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым, и когда приехала особая комиссия, чтобы сокрушить эту скалу и покончить с генетикой, у М.А.Лаврентьева хватило смелости, ума и даже хитрости, чтобы отправить ее ни с чем. Однако Н.С.Хрущев под влиянием близких ему по духу, по невежеству и неприязни к генетике лысенковцев потребовал, чтобы Н.П.Дубинина убрали с поста

директора. На Сибирское отделение обрушились санкции за непослушание, срезали финансирование. Н.П.Дубинин вынужден был уйти с поста директора и вернуться в Москву. М.А.Лаврентьев, который успел узнать ДК и проникнуться к нему уважением и доверием, предложил ему возглавить институт. ДК не рвался к власти, но понимал, что он, самый молодой из старшего поколения, должен согласиться ради сохранения института. Тогда он мне, самому старшему из молодого поколения, предложил стать заместителем директора института по науке. Мы оба приехали в Академгородок с единственной целью: реализовать наши научные замыслы, а не делать административную карьеру. Под давлением ДК я вынужден был принять его предложение и оставался на этом посту рядом с ним более 30 лет. Обязательным условием, которое мы оговорили, было сохранение возможности для нас полноценно заниматься наукой. Это условие неуклонно выполнялось все эти годы.

ДК понимал, что для управления большим и сложным коллективом нужна не только твердость, но и гибкость. Он был человеком широкообразованным, не только блестяще знал и преданно любил генетику, но и был незаурядным биологом-эволюционистом. Он любил и знал музыку и живопись. Хорошо знал историю России и особенно военную историю. ДК сохранил глубочайший пиетет к нашей Армии, которая ценой огромных жертв вынесла на своих плечах Отечественную войну 1941–1945 гг. и сыграла решающую роль в победе над фашизмом. Он постоянно находил время для чтения. Мне кажется, что, читая исторические книги от Макиавелли и Клаузевица до Черчиля и Жукова, он интересовался наукой управления людьми и делал какие-то выводы для себя. ДК был твердым (но не жестким) руководителем. Ему импонировала маска суровости, но под этой маской было глубокое сочувствие к людям, стремление помочь попавшим в беду, – что он не раз проявлял в большом институтском коллективе, где неизбежно происходили не только радостные, но и печальные события.

Длительное время институт был единственным местом в стране, где масштабно и интенсивно развивались основные направления генетики. Главной заботой ДК было развитие и укрепление института. Он многое сделал для того, чтобы институт получил международное признание, чтобы выдающиеся ученые из разных стран приезжали в институт и в сибирской «глуши» находили первоклассный научный

центр и современный, интенсивно работающий коллектив ученых, с которыми устанавливались прочные связи.

ДК настороженно относился ко всему, что в институте не было прямо связано с генетикой. Мы были очень разными по характеру людьми: он был ученым одной страсти, одной идеи; я был человеком увлекающимся и, если мною овладевала новая научная идея, я не мог противостоять соблазну проверить справедливость ее. При этом генетика неизбежно соединялась с биохимией и молекулярной биологией. Надо сказать, что оба эти столь разные подходы приносили плоды. Тем не менее он пенял мне, говоря что это не генетика, а надо заниматься генетикой. Однако за этим не следовало попыток воспрепятствовать мне. Я был свободен в своих научных устремлениях. Со своими сотрудниками я занимался молекулярными механизмами мутагенеза, механизмами геномных перестроек. Нам стало ясно, что точечные повреждения ДНК, окислительная или иная модификация отдельных нуклеотидов, если они находятся в противоположащих участках двух нитей ДНК, при репарации приводят к двунитевым разрывам, а далее – к буре рекомбинаций, к эволюционным скачкам. Это очень перекликалось с представлениями ДК о роли стрессов в эволюции. Мне так хотелось рассказать ему об этом. Но увы, уже было поздно: он уходил из жизни и все меньше становился доступным мирским тревогам.

И.И.Кикнадзе

Учитель жив в своих учениках

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1962 г.

Я проработала вместе с Дмитрием Константиновичем Беляевым двадцать семь лет. Но самыми запоминающимися были первые годы организации института. Они были одновременно и самыми трудными, и самыми интересными.

Я приехала в институт зимой 1957 года. Сотрудников института, живших тогда в Новосибирске, было совсем немного. Мы все размещались тогда в одной единственной рабочей комнате на 3-м этаже большого здания по улице Советской, 20, переданного руководством города организуемому Сибирскому отделению АН СССР. Главенствовал в комнате экспансивный Юлий Яковлевич Керкис, бывший тогда ученым секретарем института. Он был завален многочисленными бумагами, быстро сочинял и писал от руки невообразимое количество планов, заявок, разного рода ответов и так далее, рвал бумаги и снова писал. В конце дня обычно начинались поиски потерянных бумаг, искали все и везде, вплоть до мусорной корзинки и, в конце концов, находили. Кроме Юлия Яковлевича в общей комнате размещались зам. директора П.К.Шкварников, д.б.н. И.Д.Романов, кандидаты наук Р.И.Салганик, Ю.П.Мирюта, Н.Б.Христолюбова, И.И.Кикнадзе, сотрудники института Г.М.Роничевская, Ю.М.Рукавишников, М.И.Кулик, А.И.Железова, Е.А.Соломко.

Я привезла из Ленинграда большой цитологический материал по функционированию хромосом и ядрышек в развивающихся половых клетках различных организмов и мне очень хотелось поскорее его обработать. В те годы впервые в иностранной литературе появились визуальные свидетельства перехода одного и того же гена из неактивного состояния в активное на разных стадиях развития, а у меня была возможность развить эту идею на собственном материале. Но условий для цитологической работы в то время в Новосибирске не было никаких, и мы с Юлием Яковлевичем начали их активно создавать. Добыли микроскопы, термостаты, некоторые реактивы. Хочется выразить глубокую, хотя и запоздавшую

благодарность заведующему кафедрой гистологии Новосибирского медицинского института профессору М.М.Субботину и всему коллективу кафедры за то, что они очень помогли нам в то время, предоставляя возможность пользоваться нужными нам приборами и реактивами и выразили искреннюю заинтересованность в знакомстве с новейшими достижениями цитологии и генетики.

В один из обычных дней, заполненных до предела всевозможными научными и организационными проблемами, я получила письмо от Александры Алексеевны Прокофьевой-Бельговской. Она была куратором-организатором отдела физических, химических и цитологических основ наследственности, в котором и планировались все цитологические исследования. Как всегда она мне сообщала очередные новости об интересных московских семинарах, о появившихся статьях и книгах и в заключение она написала, что в Новосибирск вскоре приедет новый сотрудник, заведующий лабораторией генетики животных – Дмитрий Константинович Беляев. По словам Александры Алексеевны, он очень интересный ученый и у него удивительные голубые глаза. Через некоторое время Д.К.Беляев появился в нашей большой рабочей комнате, и все его действительно сразу узнали по голубым глазам. Александра Алексеевна, в свою очередь, рассказала ДК, что в Новосибирске с ней уже активно работают Н.Б.Христолюбова, приехавшая из Москвы, и И.И.Кикнадзе, проехавшая из Ленинграда. Поэтому при знакомстве с находящимися в комнате сотрудниками ДК сказал, что он сразу узнал И.И.Кикнадзе (указав на Н.Б.Христолюбову) и Н.Б.Христолюбову (указав на И.И.Кикнадзе). Впоследствии ДК часто, посмеиваясь, вспоминал этот случай и рассказывал его, когда бывал в хорошем расположении духа.

Мне очень запомнилась совместная поездка с ДК на место будущего строительства Академгородка в феврале 1958 года, организованная Ю.Я.Керкисом вскоре после приезда ДК. Тогда было совсем не просто добраться сюда по ухабистой проселочной дороге. Но даже после утомительной длинной дороги невозможно было не восхититься красотой природы на том месте, где теперь вырос Академгородок. Солнечный снежный морозный день, заиндевелые лесные колки, ровные белоснежные поляны! Только на месте будущего Института гидродинамики виднелась разрытая яма для фундамента.

Эта как бы волшебная картина иногда вспоминается мне, когда я сейчас иду по Академгородку. Думаю, что немногие уже могут присоединиться ко мне в этих воспоминаниях.

Хотя ДК, как и многие сотрудники института в начале его организации, был очень занят подбором сотрудников, обдумыванием научных планов, приобретением оборудования, разработкой планов строительства институтского здания, он с огромным любопытством включался в дискуссии по общим проблемам, в том числе и по проблемам цитогенетики. Ему хотелось знать новейшие данные о структуре хромосом, эволюции кариотипов, сущности мейоза и развитии зародышевых клеток. Особенно ДК привлекли мои интересы к функциональной организации хромосом, благодаря которой осуществляется переход от активного состояния гена к неактивному и наоборот, и в частности обеспечивается дифференциальная активность генов в разных тканях на разных стадиях развития.

Этот интерес был обусловлен развиваемой ДК идеей о глубоком влиянии регулярного отбора по поведению животных на жизненно важные функции организма, в частности такие, как репродуктивная функция. Согласно этой идее одним из важных молекулярно-генетических механизмов такого отбора могло быть наследуемое включение длительно инактивированных генов или, напротив, выключение ранее функционировавших генов. Начатый мной в Новосибирске анализ пуффинга – процесса дифференциального включения и выключения транскрипционной активности генов в онтогенезе – давал возможность обсуждать вероятные молекулярно-цитологические механизмы регуляции генов не только в онтогенезе, но и в эволюции. Позднее на примере тканеспецифических генов у хирономид моим сотрудникам и мне удалось показать, что ДНК одного из тканеспецифических генов (BRa) не способна к транскрипции в большинстве клеток в течение всей жизни организма и лишь в 4 клетках слюнной железы она очень активно транскрибируется и кодирует особый тканеспецифический белок. Оказалось, что у многих видов хирономид ДНК BRa вообще не транскрибируется ни в каких клетках. В данном случае четко выявлялась длительная эволюционно закрепленная инактивация участка хромосомы, которая могла быть снята у отдельных видов и в определенном типе клеток. В те далекие времена полученные нами данные были

внове и хорошо подтверждали идею о дифференциальной активности генов в онтогенезе. ДК всегда с большим вниманием относился к нашим работам и всячески их поддерживал.

Вообще несмотря на большую загруженность организационными делами, первые годы работы в Новосибирске мне запомнились прежде всего огромной увлеченностью научными проблемами, непрерывными бурными дискуссиями как с коллегами-биологами, так и с людьми самых разных специальностей из других институтов Сибирского отделения, ютившихся вместе с нами в здании на ул. Советской, 20.

Наш институт быстро рос и к лету 1958 года из одной комнаты на 3-м этаже переместился на второй этаж, заняв целую вереницу комнат. Появился даже кабинет директора института, а заместитель директора института организовал себе рабочее место прямо в коридоре, недалеко от директорского кабинета. Были уже официально оформлены основные отделы института и лаборатории. Однако тяжелый удар по институту был нанесен осенью 1959 г., когда с поста директора был смещен Николай Петрович Дубинин. Я с тяжелым сердцем вспоминаю тот день, когда мы ждали на квартире Николая Петровича его возвращения со встречи с М.М.Лаврентьевым, где решался вопрос о смещении Николая Петровича. Он вернулся неузнаваемым – пришлось подать заявление об уходе. Руководство институтом перешло к ДК и с тех пор до самой кончины он отдавал всего себя институту.

Нормальное развитие научных исследований в институте сильно осложнялось общей ситуацией в советской биологии. В конце пятидесятых годов еще очень сильны были позиции лысенковцев. Их много было среди новосибирских и особенно томских биологов и от них постоянно исходила злобная критика тех научных направлений, которые развивались в институте. Более того, в институт приезжали многочисленные комиссии разного уровня, в том числе и из Москвы с четко определенной задачей: доказать «пагубность» вейсманистско-морганистских идей в ИЦиГ. Со всем этим постоянно приходилось сражаться ДК и руководству института. Я хорошо запомнила приезд одной из таких комиссий, так как на встречу с членами комиссии приглашались персонально сотрудники института и с ними лично обсуждались направления их работы. Цитологические отчеты оценивал профессор

А.Н.Студицкий, ярый поборник идеи образования клеток из живого вещества, заведующий кафедрой цитологии и гистологии Московского университета. Он с интересом выслушал мои планы и результаты по функциональной организации хромосом, но тут же начал доказывать мне, что хромосомы не могут выполнять генетические функции, так как они не являются постоянными структурами клетки, и что пuffs отражают лишь скопления белков, образующихся в клетке. Сейчас даже трудно представить себе подобное мракобесие.

Учитывая постоянные критические нападки на институт, ДК настойчиво убеждал всех сотрудников писать как можно чаще научно-популярные статьи. Но, к сожалению, в то время их очень трудно было опубликовать, так как в редакциях научных журналов все еще боялись предоставлять слово «вейсманистам-морганистам». В связи с этим очень важным для института оказался приезд в Новосибирск корреспондентов журнала «Наука и жизнь», которые набрались смелости написать о новом генетическом институте. Возглавляла эту команду Лада Никитична Аджубей (Хрущева). Она произвела на всех, кто с ней общался, очень благоприятное впечатление своей доверительной манерой общения, образованностью, мягкой настойчивостью. В это время у меня как раз была сломана нога после одного из воскресных катаний на лыжах и я едва передвигалась. Но ДК считал важным представить корреспондентам все направления института и заставил меня приезжать в институт каждый день, присылая за мной машину. В результате работы с Ладой Никитичной появилась в «Науке и жизни» моя большая статья «Как работает хромосома». Эта статья была очень хорошо воспринята научной общественностью и позволила мне завязать много интересных научных контактов.

Классическая генетика постепенно восстанавливалась у нас в стране и одной из первых конференций, на которой появилась возможность доложить результаты работ этого направления, была «Межвузовская конференция по экспериментальной генетике», намеченная на 31 января–5 февраля 1961 года. Организаторами этой конференции были Михаил Ефимович Лобашев и руководимый им коллектив кафедры генетики Ленинградского университета. С большим энтузиазмом готовились сотрудники ИЦиГ к этой конференции, так как это была первая «массовая» демонстрация научных достижений института для генетической аудитории. Однако

незадолго до начала конференции появились слухи о ее возможной отмене. Надежда на благоприятный исход теплилась до последнего момента. Часть сотрудников уже отправилась в Ленинград на поезде, а часть сотрудников, намеревавшихся лететь самолетом, за день до начала конференции собралась в кабинете ДК и ждала сообщения от М.Е.Лобашева – разрешили или не разрешили проведение конференции. До позднего вечера сидели мы в кабинете ДК в очень мрачном настроении и, наконец, звонок из Ленинграда – конференция отменяется. Этот день был одним из самых грустных дней, так как он показал, как сильны еще сторонники Лысенко.

После 1960 года все больше сотрудников института получали рабочие места и жилье в Академгородке, а комнаты на ул. Советской, 20 постепенно пустели. Начался другой этап в жизни института. Он был не менее трудным. И одним из самых драматических моментов этого периода было неожиданное решение отнять у ИЦиГ уже готовый фундамент строящегося здания института и передать его Институту катализа. Лаборатории ИЦиГ должны были еще несколько лет ютиться на площадях других институтов – кинетики и горения, геологии и геофизики, органической химии и в квартирах первых этажей жилых домов.

Все эти трудности в формировании научного коллектива, научных направлений, защита их от постоянных критических нападков, строительство здания института, установление международных контактов и т.д. ложились прежде всего на плечи ДК, и все мы, сотрудники института, должны быть глубоко благодарны ему за то, что он сохранил институт и превратил его в крупнейший генетический центр нашей страны.

Неоценим вклад ДК в организацию биологического образования в Новосибирском государственном университете, являющемся неотъемлемой частью Сибирского отделения РАН. В период организации биологических кафедр в НГУ, а затем и в период их активной работы ДК попросил меня помочь ему в этом деле, и я выполняла обязанности его заместителя по кафедре цитологии и генетики до самого его ухода.

Необходимо отметить, что в связи с созданием сибирского Института цитологии и генетики у генетиков классической школы, длительное время лишенных возможности работать совсем или работавших не по специальности, впервые

появился шанс вернуться к любимым исследованиям. Однако для нормального развития института и быстрого восстановления классической генетики на новом уровне с широким применением новых цитологических и молекулярных подходов недостаточно было только «ядра» классических генетиков. Жизненно необходимой была организация подготовки молодых научных кадров, совмещающих знание основ классической науки с необычайно быстро развивающейся современной генетикой. Сибирские университеты готовили биологов только общего профиля, в столичных же университетах Москвы и Ленинграда преподавание классической генетики и цитологии было запрещено долгие годы и в них восстанавливались только единичные курсы (часто подпольные) по этим предметам. В то же время в мировой генетике в 1950–1960-е годы произошла настоящая революция: были получены доказательства, что ДНК является веществом наследственности, открыты разные типы РНК как трансляторы генетической информации от ДНК к белкам, расшифрован генетический код, обнаружены клеточные мембраны как основной строительный компонент клеточных органелл, выявлены молекулярно-цитологические основы клеточных органелл и многое другое. На этом фоне мировых достижений и разрухи отечественной генетики необходимо было создать принципиально новый подход к образованию студентов-биологов и в первую очередь студентов-генетиков и цитологов. Сибирское отделение АН представляло для этого наиболее благоприятную почву, благодаря тесному взаимодействию в отделении ученых самых разных специальностей: математиков, физиков, химиков, кибернетиков и др., что было крайне важно для формирования молодых генетиков нового типа. Основным принципом организаторов Сибирского отделения был: «Нет ученых без учеников».

Первый набор студентов-биологов в НГУ был осуществлен в 1961 году. Этому набору предшествовал длительный период оживленных дискуссий по принципам и программам обучения «новых» биологов в НГУ под руководством Д.К.Беляева, который с 1959 года стал и.о. директора ИЦиГ. Первый принцип означал введение интенсивного, а не экстенсивного обучения студентов. Студенты должны были учиться не только накапливать основные научные сведения, но и развивать способность к самостоятельному поиску и анализу знаний. Для этого важно было вести отбор студентов при зачислении в университет по их аналитическим

способностям и затем дать студентам на первых курсах краткие, но глубокие знания по таким специальностям, как математика, физика, химия. Это развивало логическое мышление и умение напрямую общаться в научных исследованиях с представителями точных и смежных наук. Для генетиков «нового времени» такое общение представляло насущную необходимость в связи с бурным развитием молекулярных и компьютерных подходов к изучению биологических явлений.

Следующим условием нового подхода к преподаванию биологии было раннее знакомство студентов с самыми последними достижениями современной науки и раннее вовлечение их в процесс научного эксперимента на самом новейшем оборудовании и в хорошем научном коллективе. Для этого в Сибирском отделении имелись все возможности, так как Новосибирский университет развивался как одна из важнейших составных частей отделения и научным сотрудникам институтов разрешено было преподавать в университете по совместительству и самим разрабатывать оригинальные программы общих и специальных курсов (что было практически невозможно в других университетах), а студенты получали возможность уже с начальных курсов посещать научные лаборатории институтов и непосредственно участвовать в экспериментальной работе этих лабораторий. На последних двух курсах студенты выполняли в институтах дипломные работы, являющиеся частью научных исследований лабораторий.

Итак, осенью 1961 года был произведен первый прием студентов на медико-биологическое отделение факультета естественных наук НГУ. Отделение тогда было представлено только кафедрой общей биологии, которую возглавил Д.К.Беляев. Слух об открытии биологической специальности нового профиля в НГУ быстро распространился по стране, и абитуриенты слетелись на приемные экзамены со всех сторон: из Москвы, Ленинграда, Украины, Грузии, Казахстана, многих городов Сибири. Конкурс составлял более 10 человек на место. В этом конкурсе участвовали и молодые строители Академгородка.

Как уже говорилось выше, согласно принципам новой системы подготовки биологов на двух первых курсах основное время студентов было занято лекциями по математике, физике и химии. Для биологов по этим предметам были разработаны специальные программы лекций и практических занятий. Д.К.Беляев вместе с такими

известными учеными, как В.В.Воеводский, А.А.Ляпунов, С.Т.Беляев и др. уделял обсуждению этих программ очень много внимания. Несомненно, что студентам, склонным к биологии, нелегко давались углубленные занятия точными науками. Но интерес к «новой» биологии и конечно, такие яркие личности, как Сабинин, Р.Солоухин, Бурштейн и др., преподававшие математику и физику, помогали преодолеть возникающие трудности.

Программы биологических дисциплин в НГУ были также существенно переработаны по сравнению с курсами, традиционными для биологических факультетов российских университетов. Д.К.Беляев вместе с В.В.Воеводским, деканом факультета, и Г.С.Кикнадзе, первым заместителем декана, проводили долгие дискуссии с ведущими биологами Сибирского отделения, Москвы и Ленинграда о создании новых программ. Первым биологическим курсом, прослушанным студентами-биологами в НГУ, был курс «Ботаника», разработанный Г.С.Кикнадзе. Это был, по существу, курс введения в биологию. В это время занятия студентов проходили еще в здании бывшей 130-й школы, а часть предметов, в частности зоологические курсы, студенты слушали в Новосибирском сельскохозяйственном институте.

С самого начала организации кафедры под руководством Д.К.Беляева шло постоянное обсуждение оригинальных программ по цитологии и генетике, хотя их преподавание должно было начаться только с конца 2-го курса. В этих обсуждениях принимали активное участие ведущие сотрудники ИЦиГ: П.К.Шкварников, Ю.П.Мирюта, З.С.Никоро, В.В.Хвостова, Р.Л.Берг. Первой из генетических дисциплин была прочитана «Цитология», сопровождавшаяся малым, а затем летним практикумами (И.И.Кикнадзе, Н.Панина). Затем замечательным ученым и выдающимся педагогом из Ленинградского университета Ю.И.Полянским был прочитан блистательный курс «Общая биология». Юрий Иванович с увлечением рассказывал студентам об удивительных достижениях классической генетики и эволюционной теории, о сложных перипетиях этих наук в России и о новых открытиях в клеточной и молекулярной биологии. Эти курсы подготовили начало преподавания «Генетики», которую в начале 3-го курса начал читать Д.К.Беляев. Сейчас трудно себе представить, какой ажиотаж вызывали эти лекции. Зал был

переполнен. На лекции собирались не только студенты, но и научные сотрудники различных институтов Академгородка. Приезжали на лекции также сотрудники медицинского и сельскохозяйственного институтов из Новосибирска. Впервые после долгих лет замалчивания или искаженного представления, генетика вновь становилась достоянием слушателей, которым постоянно внушали, что хромосом не существует вообще и что гены являются выдумкой лжеученых вейсманистов-морганистов. Позднее лекции по генетике читал известный генетик Ю.Я.Керкис.

К чтению лекций по различным областям цитологии и генетики в НГУ привлекались не только сотрудники ИЦиГ, но и ведущие ученые Москвы и Ленинграда, такие, как А.А.Прокофьева-Бельговская, Н.В.Тимофеев-Ресовский, В.П.Эфроимсон, Р.В.Петров и многие, многие другие.

Особое внимание Д.К.Беляев уделял разработке оригинальных программ практикумов и семинаров. Это позволило создать для студентов-биологов нетрадиционную практическую подготовку. Так, после 1-го курса студенты отправлялись на комплексную зоолого-ботаническую практику на Алтай под руководством известного сибирского зоолога С.С.Фолитарека. После 2-го курса предстояла комплексная практика по цитологии и зоологии беспозвоночных (руководители И.И.Кикнадзе и И.В.Стебаев). После 3-го курса студенты несколькими группами разъезжались на селекционно-генетическую практику в крупнейшие селекционно-генетические центры страны (общее руководство практикой осуществлял Д.К.Беляев). На больших практикумах по цитологии и генетике студенты знакомились с самыми современными методами. Много внимания Д.К.Беляев вместе с выдающимся ученым и педагогом В.В.Хвостовой уделяли разработке программы и проведению семинара по эволюционному учению, где студенты должны были знакомиться с первоисточниками классиков генетики и эволюционного учения и обсуждать их в свете новейших достижений.

В 1966 году состоялся первый выпуск студентов кафедры общей биологии. Большинство из студентов осталось работать в ИЦиГ и других институтах Сибирского отделения. В частности, в ИЦиГ первые выпускники кафедры являются сейчас ведущими учеными: проф. Г.М.Дымшиц, проф. И.Ю.Раушенбах, к.б.н. А.Г.Истомина, к.б.н. О.В.Саблина.

В 1968 году была создана самостоятельная кафедра цитологии и генетики НГУ. Д.К.Беляев возглавил эту кафедру. К этому времени на кафедре уже были созданы или создавались такие курсы, как эволюционное учение (Р.Л.Берг, затем Н.Н.Воронцов), биометрия и математическая статистика (З.С.Никоро), теория селекции (В.К.Шумный, Л.А.Васильева), молекулярная генетика (В.А.Ратнер), генетика популяций (В.А.Ратнер, М.Д.Голубовский), генетика поведения (Л.Н.Трут), генетика развития (Л.И.Корочкин). Важным принципом, заложенным Д.К.Беляевым в организацию преподавания на кафедре цитологии и генетики, было разумное сочетание теоретических и прикладных дисциплин. Этот же принцип использовался и при создании спецпрактикумов. Студенты должны были четко представлять организацию селекционно-генетического процесса сельскохозяйственных животных и растений. В частности, на летней селекционно-генетической практике после 3-го курса все студенты кафедры знакомились с процессом селекции в лабораториях института и в подразделениях опытного хозяйства Сибирского отделения.

В связи с новыми веяниями на кафедре создавались новые направления в подготовке студентов. Так, впервые в России на кафедре была создана специальность – математическая биология. В организации данной специальности участвовал замечательный человек и ученый А.А.Ляпунов вместе с В.А.Ратнером. Выпускники этой специальности под руководством В.А.Ратнера составили вскоре основное ядро теоретического отдела ИЦиГ, который играет важную роль в развитии генетической информатики и который получил заслуженную известность во всем мире.

Первый большой университетский курс по иммунологии также был впервые прочтен в стенах НГУ Р.В.Петровым.

Со временем выпускники кафедры цитологии и генетики, обзаведясь знаниями и степенями, начали сами преподавать на кафедре, участвуя в проведении практических занятий, а затем и в чтении лекций: Е.В.Грунтенко (иммунология), А.О.Рувинский (теория эволюции), Л.В.Высоцкая (цитохимия, практикумы по цитологии, клеточная биология), П.М.Бородин (генетика поведения, семинар по эволюции) и многие другие.

Как уже упоминалось выше, основные курсы и практикумы на кафедре вели совместители из ИЦиГ. Это обеспечивало необходимый современный уровень

преподавания. Штатных же сотрудников на кафедре было совсем немного. Все они были выпускниками кафедры и несли на себе огромную нагрузку по обеспечению лекций наглядными пособиями, организации и проведению практикумов, поддержанию лабораторных культур и т.д. При всей этой нагрузке штатные сотрудники кафедры умели создавать уютную и доброжелательную атмосферу для коллег-совместителей и для студентов. Хочется вспомнить каждого из них: А.Г.Истомину, Л.В.Высоцкую, Н.К.Назарову, О.А.Агапову, И.Г.Боровкову, И.Е.Керкис, О.Иванченко, А.Гусаченко.

Всего с 1968 года кафедра цитологии и генетики подготовила более 600 выпускников. В ИЦиГ выпускники кафедры составляют сейчас основу научного коллектива. Многие из них стали кандидатами и докторами наук, заведующими лабораториями и секторами: д.б.н. Г.М.Дымшиц, д.б.н. И.Ю.Раушенбах, д.б.н. Н.Б.Рубцов, д.б.н. Л.А.Першина, д.б.н. И.К.Захаров, д.б.н. Т.И.Аксенович, д.б.н. А.С.Графодатский, д.б.н. Н.Н.Колесников, д.б.н. Д.П.Фурман, к.б.н. Н.С.Жданова, к.б.н. В.А.Соколов и многие другие.

Имя Д.К.Беляева навсегда останется неразрывно связанным как с Институтом цитологии и генетики СО РАН, так и с кафедрой цитологии и генетики Новосибирского государственного университета.

Л.И.Иванова

Синтез наук

Академик, заведующая лабораторией физиологической генетики ИЦиГ СО РАН, сотрудник ИЦиГ с 1971 г.

Впервые я встретила с Дмитрием Константиновичем Беляевым в 1963 году, в сложное время реорганизации медико-биологического отделения ФЕНа. В этот период я начала читать курс физиологии в НГУ и согласилась заменить М.Д.Шмерлинга, которому предложили стать деканом вечернего отделения НГУ, на посту зам. декана ФЕНа (деканом был Владислав Владиславович Воеводский). В один из наших «присутственных» дней он представил меня как своего помощника по биологическому отделению заведующему кафедрой общей биологии тогда еще кандидату биологических наук Д.К.Беляеву. Меня поразили ясный, отливающий синевой, жестковатый, изучающий взгляд Дмитрия Константиновича. В нем ощущалось столько уверенной силы, что я поняла, почему именно ему, еще не получившему высоких академических званий, президиум поручил координацию развития биологии в Сибирском отделении Академии наук. Мне пришлось включиться в сложный разговор Владислава Владиславовича и Дмитрия Константиновича о перепрофилировании медико-биологического отделения, так как Институт патологии кровообращения был выведен из состава СО РАН, и профессор Е.М.Мешалкин, по идее которого было открыто это отделение, перестал его курировать. Позиция Дмитрия Константиновича была предельно ясной – необходимо сформировать новую программу обучения по биологии, сосредоточив основное внимание на современных направлениях генетики, а базовым институтом для выполнения дипломных работ сделать Институт цитологии и генетики. На мою долю выпала сложная задача: уместить новые курсы в жесткую сетку часов, не обделяя при этом математику, физику и цикл химических предметов. Меня тогда крайне удивило доверительное отношение ко мне Дмитрия Константиновича: ведь я была никому не известным молодым доцентом, совершенно не имеющим административно-

организационного опыта, да еще медиком по образованию. Доверие и уважительное отношение Дмитрия Константиновича и Владислава Владиславовича ко многому обязывали, и мне пришлось сосредоточиться и перепрофилировать не только отделение, но и собственное мышление. Первый выпуск наших биологов был для нас праздником. Правда, этот праздник мне запомнился не только радостью достигнутой цели, но и жестким выговором Дмитрия Константиновича (вообще-то справедливым) за превышение полномочий, который заставил меня всплакнуть. Возвращались с банкета большой компанией, при этом я брела чуть в стороне с обиженной физиономией. Дмитрий Константинович подошел, обнял за плечи, предложил «мировую» и вернул мне хорошее настроение. Потом, уже много лет спустя, он вспоминал, как заставил меня поплакать, но на всю жизнь у нас сохранились добрые отношения.

Избрание Дмитрия Константиновича в Академию наук было непростым и далеко не всеми сотрудниками в институте было однозначно одобрено. Скептическое отношение к модели доместикации и теоретическим эволюционным положениям не раз ощущалось при обсуждении экспериментальных материалов. Но в то же время было видно, как быстро Дмитрий Константинович становится авторитетом для генетиков и как прислушиваются к его советам. У него была удивительная способность схватывать самую суть вопроса в докладе и предлагать конструктивное развитие исследований. Во время доклада, даже если это была далекая от его интересов проблема, он «вымучивал» докладчика вводящими вопросами, а потом при подведении итогов высвечивал идею в неожиданно интересном ракурсе.

Физиологии в СО РАН не везло. Институт физиологии просуществовал недолго. Часть лабораторий (отдел экологической физиологии, руководимый профессором А.Д.Слонимом и лаборатории профессоров Е.В.Науменко, М.Г.Колпакова) были переведены в ИЦиГ. Профессор А.Д.Слоним вскоре уехал во Фрунзе, и всем оставшимся физиологам пришлось экологическое направление насыщать эволюционными идеями и генетическими подходами. Дмитрий Константинович был настойчив и стал называть нас «бывшими физиологами, ныне – генетиками». Было нелегко осваивать новую методологию, новый язык, искать что-то свое в море бурно

развивающейся науки. И вот теперь, по прошествии многих лет, когда каждая физиологическая лаборатория сформировала свое оригинальное направление, и наш блок стал неотъемлемой частью ИЦиГ, мы с признательностью вспоминаем трудные времена жесткого пресса Дмитрия Константиновича, который сумел увидеть перспективу нового нестандартного развития физиологии. Вообще, Дмитрию Константиновичу было свойственно чувство нового. Именно он поддержал идею А.А.Ляпунова, М.Г.Колпакова и В.А.Ратнера о создании специализации по математической биологии. Сейчас это направление, успешное развитие которого обязано целому ряду матбиологов НГУ, ныне возглавляемое Н.А.Колчановым, также стало характерной особенностью профиля ИЦиГ.

Не могу не вспомнить яркие впечатления о выездных сессиях Объединенного биологического совета. В совете, благодаря Дмитрию Константиновичу, сложились прекрасные деловые отношения, и общение во время выездов было не только полезным, но и приятным. Особое место занимает поездка в Якутию и путешествие по реке Лене от Якутска до Тикси. Она совпала по времени с днем рождения Дмитрия Константиновича, и весь совет и примкнувшие к нам друзья (в том числе известный журналист и яркая личность Замира Ибрагимов) были вовлечены в подготовку к этому дню. Всю ночь до утра, чтоб не увидел Дмитрий Константинович, мы делали монтаж поздравлений. Было много шуток, выдумки и все это – при незаходящем солнце. Накануне была объявлена рыбалка, и улов был поразителен по количеству и биоразнообразию. Отпраздновали на славу. За Полярным кругом было жарко, и мы даже загорали. Но вот за сутки до подхода к Тикси, когда Лена уже была необъятно широкой, вдруг резко похолодало, густой туман затормозил наше движение, и когда на дебаркадере нас встретили хмурые пограничники в тяжелых плащах, мы поняли, что Север – дело нешуточное. Во время поездки начиная с Якутска у Дмитрия Константиновича было много встреч и бесед как с руководителями регионов, так и с научным руководством. От его мнения во многом зависело развитие научного центра, и авторитет его очень помогал в решении многих острых вопросов.

Незабываемой была и поездка в Чергу. Дмитрий Константинович с огромным энтузиазмом взялся за организацию этого научного подразделения. Там планировалось строительство целого научного городка, и Дмитрий Константинович

настаивал, чтобы он был не в самом поселке, а в одной из наиболее красивых долин, хотя с точки зрения, как теперь говорят, инфраструктуры это был далеко не оптимальный вариант. Он радовался первым успехам по акклиматизации завезенных животных, пытался конструктивно решать неизбежно возникающие сложности во взаимодействии науки и производства. Увы, Черга так и не стала гордостью института по многим причинам, не зависящим от планов Дмитрия Константиновича.

Дмитрий Константинович не был простым, легким в обращении человеком. Порой у него были, как нам казалось, необоснованные симпатии, так и лишённые серьёзной основы антипатии. Но несомненно одно – он был необыкновенно яркой, сильной личностью с многогранным характером и интересами. Он был одним из основателей Сибирского отделения АН, с именем которого неразрывно связано развитие биологии в Сибири. Влияние его авторитета было огромно во многих сферах жизни городка, и чем быстрее мчится вперед время, тем отчетливее видится значимость личности Дмитрия Константиновича Беляева в становлении Сибирского отделения Академии наук.

Н.К.Попова

Что определяет поведение?

Доктор медицинских наук, сотрудник ИЦиГ с 1971 г.

Огромной заслугой Д.К.Беляева является последовательное развитие представлений о роли поведения и стресса в механизмах эволюционных преобразований. Им были не только сформулированы теоретические представления о роли селекции по поведению и стресса в эволюции, но и инициированы исследования нейрофизиологических и гормональных механизмов, которые включены в действие отбора и определяют особенности поведения и физиологических свойств селекционируемых животных.

Принципиальные программные положения о роли «регуляторов» и поведения в доместикации животных были сформулированы Дмитрием Константиновичем в начале 1960 годов. Первая статья, в которой были намечены основные идеи его теории доместикации и упомянуты регуляторы, была посвящена проблемам коррелятивной изменчивости и опубликована в «Известиях Сибирского отделения АН СССР» в 1962 г. В те же годы он, ссылаясь на работы И.П.Павлова, писал, что «стало ясно, что свойства основных нервных процессов играют весьма существенную роль в эволюционной судьбе особей и являются поэтому тем материалом, на основе которого действует естественный отбор». Разрабатывая проблему коррелятивной изменчивости, Д.К.Беляев высказал мысль о том, что для понимания механизма возникновения коррелятивных признаков необходимо искать регуляторы, контролирующие сложные комплексы. Этими регуляторами являются нервная и гормональные системы. Ориентация Д.К.Беляева на изучение нейрофизиологических и нейроэндокринных механизмов доместикации была перспективной и в то время безусловно новой. Он безошибочно понял, что сущность доместикации основана на изменении поведения и стрессоустойчивости животных и кроется в наследственно закрепляемом изменении регуляторных систем. Первой работой этого направления

стала опубликованная 30 лет назад в «Докладах Академии наук СССР» (1971) статья Е.В.Науменко, Л.Н.Трут, Е.А.Коршунова и Д.К.Беляева, в которой впервые были приведены доказательства существенных сдвигов, происходящих в процессе доместикации серебристо-черных лисиц в одной из основных систем стресса – гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой.

Представления Д.К.Беляева привели к привлечению нейрофизиологов и нейроэндокринологов и к появлению в Институте цитологии и генетики СО АН нового направления – физиологической генетики, явившейся предшественником возникшей уже в наши дни на Западе функциональной геномики.

Развитию физиологической генетики в Сибирском отделении способствовало то обстоятельство, что в 1971 году произошла очередная реорганизация Института физиологии, сам Институт физиологии был переведен в ведение недавно организованного Сибирского отделения Академии медицинских наук, но часть лабораторий была присоединена к Институту цитологии и генетики. В их числе были нейроэндокринологическая, эндокринологическая и нейрофизиологическая лаборатории. В последней изучалась роль медиаторов мозга в регуляции поведения, в том числе и агрессивного – основного признака, отличающего большинство доместигированных животных от их диких предков.

В своих первых программных статьях Д.К.Беляев писал о нейрогуморальной регуляции и мозге вообще, без упоминания о медиаторных системах, функционирование которых и осуществляет регуляцию поведения и физиологических функций. Это неудивительно, так как само существование медиаторов в мозге было показано лишь к концу 1950-х годов. Но сама постановка проблемы, ориентация на выявление тех процессов, которыми реализуется действие отбора по поведению; на интеграцию теории искусственного отбора с современными представлениями о функциях мозга свидетельствуют о глубокой научной интуиции и широте взглядов Дмитрия Константиновича.

Хотя физиологи оказались в Институте цитологии и генетики в известной мере по воле случая, их активное участие в изучении роли нейрогормональных систем в механизмах доместикации не было «данью», вынуждаемой обстоятельствами. Созданные при непосредственном участии Дмитрия Константиновича уникальные

доместицированные животные представляли необычайно интересные модели для изучения механизмов агрессивности и стрессоустойчивости. Дело в том, что плодотворные идеи Дмитрия Константиновича привлекали к нему исследователей, и круг ученых, работавших над проблемой роли поведения в механизмах доместикации, все расширялся. Множились и объекты доместикации. К «пионерам» доместикационных исследований, серебристо-черным лисицам, присоединились успешно селекционируемые П.М.Бородиным дикие крысы-пасюки и О.В.Трапезовым – норки. Замечательно простая модель была создана Р.П.Мартыновой и Д.К.Беляевым на овцах. При тестировании овец на присутствие человека ими был обнаружен отчетливый полиморфизм по поведению, тем более поразительный, что доместикация овец насчитывает по крайней мере 8 тыс. лет. Исследования особенностей поведения, нейроэндокринной и нейрохимической регуляции этих животных, которые начались в Институте цитологии и генетики СО АН, позволили совершенно по-новому взглянуть на процессы, превратившие дикое агрессивное животное в животное, радикально отличающееся от дикого предка по поведению и физиологическим функциям.

Впервые было установлено, что селекция на доместикационный тип поведения сопровождается изменениями метаболизма регулирующих агрессивность классических медиаторов мозга – серотонина и катехоламинов, меняет реакцию на стресс и функциональную активность половых гормонов. В исследованиях В.С.Ланкина, Е.В. Науменко и Г.А.Стакан были обнаружены значительные различия в реакции на стресс овец, контрастных по экспрессии пугливости по отношению к человеку. Позднее В.С.Ланкиным было показано, что овцы контрастных видов поведения отличаются по очень большому числу признаков, в том числе и продуктивности. Под влиянием идей Дмитрия Константиновича В.Г.Колпаковым была начата селекция по другому виду поведения – на высокую предрасположенность к каталепсии, которая является одним из основных видов защитного поведения, а в чрезмерно выраженной форме представляет собой один из синдромов шизофрении. В нашей лаборатории были выявлены существенные особенности в состоянии медиаторных систем мозга крыс – генетических каталептиков. Очень интересной и перспективной оказалась и другая линия крыс – линия НИСАГ, селекционированная А.Л.Маркелем по высокой реакции артериального давления на эмоциональный стресс.

Фундаментальные исследования Д.К.Беляева и разработанные им концепции роли стресса в эволюции и роли бессознательной селекции по поведению в механизмах доместикации животных нашли признание не только среди эволюционистов-генетиков. Не случайно, что Всесоюзная конференция «Медиаторы в генетической регуляции поведения» (Новосибирск, 1986), прошедшая через год после его безвременного ухода из жизни, была посвящена памяти Дмитрия Константиновича. Это была первая из посвященных Д.К.Беляеву конференций. О глубоком впечатлении, которое произвели идеи Дмитрия Константиновича, говорил нам с профессором Е.В.Науменко несколько лет назад нейрофизиолог академик П.В.Симонов. На открытии и закрытии прошедшей в Суздале Международной конференции по биологическим основам индивидуальной чувствительности к действию психотропных препаратов на работы Дмитрия Константиновича ссылался председатель Оргкомитета академик РАМН фармаколог С.Б.Середенин. Широкая известность и популярность исследований Д.К.Беляева, сохраняющиеся в наше время, для которого характерна выраженная тенденция к узкой специализации, свидетельствует об их признании и значимости не только для эволюционистов-генетиков, но и для физиологической науки и такой, казалось бы, далекой от непосредственной сферы интересов Дмитрия Константиновича науки, как фармакология.

Время все расставляет по своим местам. И теперь уже можно уверенно применить определение «впервые» и к основополагающим идеям Д.К.Беляева о роли поведения, его регуляторов и стресса в эволюционном процессе и к инициированным этими идеями данным о роли гормонов и медиаторов мозга, полученным в оригинальных исследованиях, проведенных в Институте цитологии и генетики СО АН под руководством профессоров Е.В.Науменко, М.Г.Колпакова, Н.К.Поповой, А.Л.Маркеля, академика Л.Н.Ивановой.

Вклад Дмитрия Константиновича в разработку эволюционного обоснования взаимосвязи поведения и физиологии, в развитие физиологической генетики, которая входит в XXI век под названием функциональной геномики и считается одним из наиболее актуальных и перспективных направлений современной генетики, несомненен.

В.А.Ратнер

Нить научной преемственности

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1960 г.

Имя академика Дмитрия Константиновича Беляева прочно заняло свое место в истории отечественной генетики. Вехи его жизни известны. Ровесник Октября, сын священника из костромского села, он окончил в Москве бывшую Хвостовскую гимназию, а затем в 1938 г. – Ивановский сельскохозяйственный институт. Война прервала начало его научной деятельности: 4 года он провел на фронтах войны, окончив ее в звании майора и до конца дней сохранив верность братству фронтовиков. После войны ДК успел защитить кандидатскую диссертацию по генетике пушных зверей и вскоре попал под всеобщий разгон генетики 1948 г. Сумеречные годы лысенкоизма он пережил в Москве. Будучи уволен с основной работы, он выезжал для экспериментов в эстонский зверосовхоз.

В 1957 г. ДК получил приглашение члена-корреспондента АН СССР Н.П.Дубинина поехать в Новосибирск, во вновь создаваемый Институт цитологии и генетики СО АН СССР. Он поехал и остался здесь до конца своих дней. Именно в Сибири он получил возможность реализовать некоторые свои эволюционные идеи, которые вынашивал в предыдущие годы.

Вначале ДК заведовал отделом генетики животных ИЦиГ, потом стал заместителем директора института, а с 1959 г., после драматического снятия первого директора Н.П.Дубинина, стал исполняющим обязанности директора института.

Момент был очень сложный. Известно, что после смерти И.В.Сталина его фаворит Т.Д.Лысенко попал на несколько лет под справедливое отторжение, биологическая наука вздохнула более свободно. Именно тогда, в 1957 г., Н.П.Дубинин по предложению академика М.А.Лаврентьева создал Институт цитологии и генетики СО АН СССР. Ехать в Сибирь собралась большая группа генетиков старшего поколения, вступивших в науку до войны и переживших разгром 1948 г. ИЦиГ казался убежищем от ограничений и репрессий. Первыми поехали

Д.К.Беляев, Ю.Я.Керкис, З.С.Никоро, Н.А.Плохинский, И.Д.Романов, П.К.Шкварников, А.Н.Лутков, Ю.П.Мирюта, Д.Ф.Петров, Е.П.Раджабли и др. Позже – В.Б.Енкен, В.В.Хвостова, Р.Л.Берг, Р.П.Мартынова, Г.А.Стакан. Кроме того, потянулось новое поколение: Р.И.Салганик, О.И.Майстренко, Г.Ф.Привалов, И.И.Кикнадзе, Н.Б.Христолюбова, А.Д.Груздев, В.К.Шумный, позже – Л.И.Корочкин, Н.Н.Воронцов, В.А.Драгавцев и др.

Однако еще в конце 1950-х годов Н.С.Хрущева посетила идея догнать Америку по производству мяса и молока. Лысенко, прожженный политикан, оказался тут как тут. Он пообещал быстрый и подавляющий успех этой идеи путем скрещивания всех коров страны с быками жирномолочной джерсейской породы и «укрепления наследственности кормлением»(!?). И попал в точку. Карусель демагогии завертелась. Быстро он стал фаворитом Хрущева. Америку не догнал, но начал второе наступление на генетику. Одной из первых жертв произвола стал Н.П.Дубинин, который был снят с должности директора личным распоряжением М.А.Лаврентьева под сильнейшим давлением Хрущева, сделанным прямо в самолете на пути из Китая после очередного столкновения с Мао-цзе Дуном.

На ДК обрушилась огромная ответственность. Институт был обложен лысенковцами со всех сторон. Ежегодно его «трепали» десятки комиссий различного уровня с единственным заданием – «на убой». Хрущев, посещая свое детище – Академгородок, – каждый раз спрашивал Лаврентьева: «А как там дела с вашими менделистами-морганистами?». Лаврентьев отвечал уклончиво. А при организации выставки достижений СО АН однажды сказал Беляеву: «А вас мы отлучим от церкви». И поместил институт «на выселках», на другом этаже выставки, куда Хрущев заведомо не пойдет. В этот период у института отобрали фундамент будущего здания. Сейчас там Институт катализа СО РАН. Было очень грустно.

ДК очень любил рассказывать историю о том, как М.А.Лаврентьев нейтрализовал самую главную «убойную» комиссию во главе с президентом ВАСХНИЛ ярым лысенковцем академиком Ольшанским. Комиссия долго «копалась» в институте, написала отрицательное заключение и явилась к председателю СО АН М.А.Лаврентьеву для доклада. Лаврентьев принял их в своем кабинете. Только Ольшанский начал говорить, как раздался телефонный звонок. Лаврентьев снял

трубку и сказал: «Да, это я...(и назвал имя куратора СО АН из отдела науки ЦК КПСС). Да, комиссия у меня. Какое у них мнение? Хорошее мнение. Одобряют деятельность института». Комиссия была ошеломлена и обескуражена. Но делать было нечего. Против ЦК не попрешь! Так и остался наш институт действующим гнездом менделизма-морганизма. Пикантность ситуации состояла в том, что звонок был не из Москвы, а из соседней комнаты, где сидел заместитель председателя СО АН академик С.А.Христианович. Они блестяще разыграли этот цирк по всем правилам подковерного искусства.

В этот период ДК получил полную поддержку М.А.Лаврентьева. Институт был в состоянии упадка, его надо было ставить на ноги. На очередных выборах в Академию в 1964 г. он поддержал кандидатуру тогда еще к.б.н. Д.К.Беляева в члены-корреспонденты АН. Все это было сделано еще в хрущевские времена по Отделению общей биологии, где сидели Лысенко и его приспешники. Видимо, они недооценили личность ДК, сочли его второстепенной фигурой. И просчитались. Через много лет на одном из институтских «капустников» мы охарактеризовали этот момент следующими словами: «ДК вышел на околоземную орбиту!».

После этого институт «пошел в гору», особенно после отставки Н.С.Хрущева и реабилитации генетики в 1964 г. Генетики старшего поколения В.В.Хвостова, П.К.Шкварников, Ю.П.Мирюта, А.Н.Лутков, Ю.Я.Керкис, Р.Л.Берг, Р.П.Мартынова и другие получили докторские степени. Авторитет ДК вырос и окреп. Он стал одним из ведущих генетиков страны. Каждый год ДК стал собирать отчетные сессии института и приглашать на них многих выдающихся генетиков: Б.Л.Астаурова, Н.В.Тимофеева-Ресовского, П.Ф.Рокицкого, Л.В.Крушинского, А.А.Прокофьеву-Бельговскую, А.А.Нейфаха, Ф.Х.Бахтеева, Ю.М.Оленова, а также ученых из институтов СО АН – А.А.Ляпунова, В.В.Воеводского, Д.Г.Кнорре, Ф.Э. Реймерса и др.

Расскажу о некоторых личных впечатлениях того периода. Я работаю в институте с декабря 1960 г. Вначале я попал к ДК с несколькими весьма наивными, хотя и непростыми вопросами об эволюции. Привели меня к нему Нинель Христолюбова и Алеша Груздев. ДК послушал, послушал, а потом сказал: «Давайте, лучше я дам Вам маленькую задачку, сделаете – тогда поговорим». Задача, действительно, была маленькой: два гена, два коррелированных признака. Отбираем

один признак, за ним должен «тянуться» другой. Однако у физиков своя «придурь». Я тут же обобщил задачу на произвольное число генов и признаков, наворотил «безразмерные» матрицы корреляций, долго преодолевал самим собою же созданные математические трудности. Наконец получил что-то похожее на результат. Пошел к ДК, ему понравилось. Кстати, после этого он взял меня в институт. Доложил на семинаре – тоже ничего. В Москве показал А.А.Ляпунову и академику И.И.Шмальгаузену – тоже в общих чертах одобрили. И.И.Шмальгаузен предложил напечатать статью в «Докладах АН СССР», что мы и сделали. Однако летом 1961 г. на Миассовской школе Н.В.Тимофеев-Ресовский и его сотрудники не оставили от этой работы камня на камне. Они-то были специалистами. Оказалось, что я ничего не смыслю ни в генетике, ни в корреляциях, ни в отборе. Биологам, конечно, трудно было разобраться в формулах, они верили на слово. А я их подвел, обобщатель! Момент был драматический.

Все это заставило меня «сесть за парту». Последующие 2–3 года я только изучал генетику и другие смежные науки. Правда, в 1961 г. нас подхватил ветер открытия генетического кода. Я тоже погрузился в эту проблему и застрял в ней надолго. Но об этом позже.

Все 1960-е годы я работал в лаборатории ДК. События были бурные, и он меня просто не трогал. Это и было условием моего выживания. Иначе бы выгнал, наверное. За эти годы я погрузился в молекулярную генетику и кибернетику и подготовил диссертацию и книгу «Генетические системы управления». Здесь сильное влияние на меня оказали выдающиеся ученые А.А.Ляпунов и Н.В.Тимофеев-Ресовский. А.А.Ляпунов был оппонентом, а Н.В.Тимофеев-Ресовский прислал внешний отзыв.

Все эти годы мы общались с ДК довольно близко. Летом 1962 г. я получил свою первую квартиру в Академгородке. 1 августа, в день моего рождения, вдруг раздался стук в дверь. Открываю – вся лаборатория во главе с ДК и с полными руками вин и яств! Конечно, погужевались мы на славу! После этого мы несколько лет жили с ДК в одном подъезде, наши сыновья учились в одном классе. В 1967 г., когда умер мой отец, ДК очень помог мне с поездкой на похороны в Хабаровск. А затем он организовал приглашение в Клинический отдел СО АН моей матери к профессору

В.М.Кантер заведовать лабораторией неврологии. Она проработала в Клиническом отделе около 10 лет.

В 1967 г. ДК перенес тяжелую операцию, ему удалили две трети желудка. Лежал в больнице, потом дома. Спускаюсь однажды по лестнице – внизу на лавочке сидит ДК, рядом Светлана Владимировна. ДК очень худой, серый, смотрит жалобно. Говорит мне: «Ну что, хорош я?». Я отвечаю в унисон: «Хорош, хорош. Главный-то страх позади». «Да, – говорит ДК, – надо выбираться». И выбрался. Ему запретили пить вино, но водку и коньяк вроде бы не исключили из рациона. После этого каждый раз, как кто-нибудь заходил к нему домой, раздавался крик: «Светочка! Принеси нам, дорогая, пару рюмочек коньячку!». Светлана Владимировна сердито приносила рюмки. После этого начинался деловой разговор. И часто весьма эффективный.

В 1968 г. ДК ездил на XII Международный генетический конгресс в Токио в составе советской делегации. С его подачи я тоже был там в группе научных туристов. Приехали теплоходом из Находки. Попали прямо на вступительный прием, где всех приветствовал тогдашний наследный принц, а ныне император Японии Акихито, биолог по образованию. На банкете ДК познакомил меня с некоторыми выдающимися личностями – Ф.Г.Добрянским, Л.Л.Кавалли-Сфорца, Дж. Кроу и др. Впечатление было огромное и свежее.

На следующий день ДК сказал нам: «Пойдемте, покажу вам ночную жизнь Токио» (он прибыл на день раньше самолетом и уже успел все разведать). Пошли наши сотрудники: И.И.Кикнадзе, Л.И.Корочкин, Ю.Я.Керкис, Г.М.Роничевская, я и др. Шли клином во главе с ДК. Пройдя по Гиндзе, ДК свернул на боковую улочку. По фонарям можно было понять, что это район борделей. И тут от одной из загадочных дверей отделилась личность, о которой можно было сказать только одно – плевать не стоит! Нагло ухмыляясь, он сказал: «Hello! – Sir! – Girls! – Drink!». ДК был выше его на две головы. Он поднял указательный палец, покачал им влево-вправо и ответил: «No-No!». На том и разошлись, соблюдая невинность.

Вспоминаю еще один эпизод из начала 1960-х годов. Институт еще был в опале. ДК пригласил посетить институт своего старого знакомого, лысенковца, профессора М. из Омска. М. пришел в лабораторию, ДК долго ему рассказывал азы генетики и эволюции, но гость отвечал однообразно: «Это ваша интерпретация. На самом деле

генов нет». ДК миролюбиво говорил: «Но и это тоже Ваша интерпретация!». Наконец, у ДК лопнуло терпение. Он повел гостя в зал, где ему показали популярный тогда фильм поляка Байера «Митоз». Вы бы видели реакцию лысенковца М.! У него отпала челюсть. Он был полностью сражен и поражен. Вот тебе и интерпретация! После этого он ни о чем не спорил, собрал манатки и был таков.

Подводя итог этому периоду, можно сказать, что главный результат деятельности ДК состоял в том, что он спас наш институт. Кроме того, он добился строительства своего здания к 1964 г. Конечно, были различные сложности и разногласия, из института по разным причинам ушли Д.Ф.Петров, И.Д.Романов, Н.А.Плохинский, П.К.Шкварников, Ю.П.Мирыта, Р.Л.Берг и др. Появились новые сотрудники – Л.И.Корочкин, Н.Н.Воронцов, В.А.Драгавцев и др. Но в целом ДК проявил неоспоримые качества лидера. Лидером и остался. Это признавали и друзья, и противники.

«Быстрота» становления ДК как лидера, по-моему, связана с некоторыми важными особенностями ситуации. Во-первых, конечно, он был лидер по натуре. Но главное, он был младшим среди старших генетиков. Старшее поколение генетиков, ученики Н.Л.Кольцова, С.С.Четверикова, А.С.Серебровского, Н.И.Вавилова и др., к этому времени были обескровлены и разобщены. Только в конце 1950-х годов возникли отдельные лаборатории, где они могли продолжить исследования. Многие были деморализованы 10-летним отрывом от науки. Так, Ю.Я.Керкис прибыл из таджикского совхоза, где работал директором; П.К.Шкварников был председателем колхоза в Крыму, а З.С.Никоро – баянистом Клуба моряков в Измаиле. Кроме того, ДК был младшим братом Николая Беляева – талантливого генетика, ученика Н.К.Кольцова, друга и соратника многих генетиков старшего поколения. Н.К.Беляев погиб в 1938 г. в сталинских лагерях. Друзья брата стали друзьями ДК. Его безоговорочно поддержали многие московские и ленинградские генетики. Особенно близок ему был Б.Л.Астауров.

В 1972 г. ДК был избран академиком. В институтском «капустном» фольклоре это явление было отмечено как «выход ДК на околосоляную орбиту». Довольно быстро он стал одной из ведущих фигур в Сибирском отделении и Отделении общей

биологии АН СССР. В СО АН он стал заместителем председателя президиума. В эти годы он многое сделал для развития биологии в Сибири и генетики в стране.

Но главным его делом этого периода стало проведение XIV Международного генетического конгресса в Москве в 1978 г. Во всяком случае, при этом реализовались все лучшие черты ДК как лидера. Являясь председателем Проблемного совета по генетике и селекции АН, он был назначен генеральным секретарем конгресса. С.Г.Инге-Вечтомов, который тоже принимал непосредственное участие в организации конгресса, рассказывал, что первоначально дело стояло, академики выясняли отношения и бездействовали. Когда приехал ДК, дело закрутилось. Прежде всего, он двинул в действие свой институт. Назначил кураторов, привез в Москву человек 30 сотрудников, которые безвыездно обеспечивали все дела. Несмотря на политический бойкот со стороны некоторых западных генетиков, конгресс прошел очень успешно. ДК был избран президентом Международной генетической федерации и находился на этом почетном посту 5 лет.

В 1983 г. на очередном Международном генетическом конгрессе в Дели он открывал первое пленарное заседание, потом общался с Индирой Ганди и другими лидерами Индии. И надо сказать, выглядел вполне адекватно уровню событий.

В 1982 г. Сибирское отделение праздновало свое 25-летие. Несмотря на разногласия, ДК пригласил на праздник основателя института академика Н.П.Дубинина. Дубинин приехал, но держался очень отчужденно. В институте – своем детище – он был только в кабинете директора. Со старыми сотрудниками встречаться не стал. И ни о чем не расспрашивал. Своего снятия он, видимо, так и не простил.

Институт развивался. Защитилось новое поколение докторов наук: Р.И.Салганик, И.И.Кикнадзе, Н.Н.Воронцов, Н.Б. Христолюбова, В.К Шумный, Н.Д.Тарасенко, Л.Н.Трут, В.И.Евсиков, Г.Ф.Привалов, К.К.Сидорова, я и др. Возникли новые лаборатории, направления, идеи. Отмечу то, что мне ближе.

На разных этапах моей деятельности по математической генетике ДК поддерживал наши начинания. В 1968 г. он способствовал созданию на своей кафедре в НГУ специализации по математической биологии. Затем оставил в институте почти всех первых выпускников, которые составили мою группу. Правда, периодически он

вызывал меня и спрашивал: «Слушай, Вадим! Когда же мы с тобой поработаем?». Я отвечал: «Дмитрий Константинович, вызовите меня в любой момент и давайте поговорим конкретно о любой задаче». «Да-да, – говорил ДК, – непременно». Проходило полгода, год. Так все и стояло на месте. Ему было некогда. Заедали другие неотложные проблемы: Черга, гиббереллины, и другие.

Году в 1972 ДК купил для института по случаю выдающуюся вычислительную машину своего времени – «Наири». Это был ужасающий огромный арифмометр, но мы очень ему радовались. Ко дню 60-летия ДК (1977) Володя Куличков, который числился инженером-программистом, на машине сотворил его печатный портрет в состоянии задумчивости. Юбилей мы отмечали на пасеке Экспериментального хозяйства СО АН. Там и поднесли портрет прообразу. Но ДК он, по-моему, не понравился.

В 1976 г. я стал бомбардировать ДК записками о необходимости создать в институте компьютерный комплекс и завести банки данных по молекулярной биологии и генетике. Первая реакция ДК была стандартной: он положил предложение в ящик. Второй раз начал расспрашивать, потом интересоваться, но не предпринял ничего. Тогда я поехал в Москву к столпам Академии А.А.Баеву и другим за поддержкой этой идеи. Академик А.А.Баев, в дальнейшем возглавивший программу «Геном человека», очень благожелательно меня выслушал и сказал: «Что касается Ваших математических моделей, то занимайтесь ими сколько угодно. А если нам понадобятся компьютерные услуги, мы купим их за рубежом». На том все и остановилось.

Однако в начале 1980-х годов мы неожиданно обнаружили, что руководство Академии решило все-таки создать такие банки, но в Москве, на базе Института молекулярной генетики АН СССР под руководством А.А.Александрова, сына президента АН. Я сказал об этом ДК. Вот тут-то все и завертелось, он начал действовать. Он взял в нашу лабораторию группу молодых теоретиков и программистов, поддержал закупку советских мини-ЭВМ СМ-4, организовал информационно-вычислительный комплекс, поддержал организацию летних школ по моделированию и банкам данных. С этого момента все направление стало бурно

развиваться и в дальнейшем превратилось в современную отечественную биоинформатику.

Вот некоторые эпизоды из институтской жизни 1970-х годов. Частым событием на отчетных сессиях института, лекциях и докладах была острая полемика Зои Сафроньевны Никоро, заведующей лабораторией генетики популяций, с ДК. Зоя Софроньевна была человеком острым на язык, несомненной умницей. Она всегда стремилась обострить обсуждение, внести некоторую парадоксальность. Вот эпизод. Отчитывается лаборатория директора. ДК делает часовой доклад. Сначала разогревается, потом воспаряет в небеса, говорит очень эмоционально. Аудитория внимательно слушает. Только доклад окончен, в зале взлетает одинокая рука. Встает З.С.Никоро, натягивает на щуплые плечи серую кофту и начинает резким голосом задавать каверзные вопросы и говорить нечто перпендикулярное. ДК от неожиданности даже немного растерян, отшучивается, не сдается, но Зоя Софроньевна, как орлица, гнет свое. Оканчивается все ничем. Каждый при своем.

Однако ДК был опытный полемист и разбирался в людских характерах. Однажды он одним движением полностью обезоружил Зою Софроньевну. Был какой-то юбилей или праздник, возможно, – день 75-летия Зои Софроньевны. В директорском кабинете были накрыты столы дарами докторского стола заказов. Все ели, пили, закусывали. Вдруг ДК сказал: «Зоя Сафроньевна, голубушка! Давайте с Вами сфотографируемся на память». И нежно обнял ее за плечи. «Вася, сними нас, пожалуйста», – продолжил ДК и В.А.Прасолов запечатлел эту улыбающуюся пару. После этого говорить о какой-то конфронтации было уже невозможно. Документ обязывал!

В последние годы ДК подружился и сошелся с известным философом академиком И.Т.Фроловым. Фролов был одним из первых философов, кто в свое время поддержал генетику и способствовал ее реабилитации. Однажды они совместно выступали по Центральному телевидению в передаче «Очевидное – невероятное». Говорили о биосоциальных явлениях – поведении животных, одомашнивании, эволюции. В заключение ДК неожиданно пошутил: «А что если взять остров в Тихом океане, населить его высшими приматами, вести отбор по поведению, – получится ли новый вид человека разумного?». Заманчиво!

Фантастично! Как поется в одной хорошей песне, – «Нелепо! Смешно, безрассудно, безумно! Волшебно!» И сколько это лет надо отбирать? 100000? Или миллион? Тем не менее академики размялись вдохновляющей шуткой, а публике было очень интересно. А вдруг?!

Где-то уже в 1980-е годы я однажды спросил ДК – зачем он взял меня на работу осенью 1960-го года, когда институт дышал на ладан. Я ведь был профан, про генетику вообще не слышал, не понимал, что все может закончиться крахом. А прямой надобности не было. Он ответил: «Хотел разрядить обстановку в институте, влить свежую кровь! Я тогда взял вас троих: тебя, Виктора Колпакова и Викторину Тряско. Вы с Виктором прижились, а Виктория давно на пенсии». Он забыл, что в том же году взял в институт еще Любу Васильеву, мою будущую жену. Правда, брал для тяжелой экспедиционной работы, старшим лаборантом. А она потом неожиданно раскрыла все свои таланты: и научные, и педагогические, и общественные, и личные. В последующие годы ДК честно это признавал.

И еще. Тогда, в 1962 г., на дне моего рождения он спросил: «А сколько тебе лет?». Я сказал – 30. «Какой хороший возраст, – сказал ДК, – в этом возрасте я...». И дальше шел рассказ, что делал ДК в 30 лет.

В 1972 г., в день моего 40-летия, наша лаборатория собралась в своем помещении на 2-м этаже института (ком. 225). Внезапно открылась дверь, вошел ДК: «Что отмечаем?» – спросил он сразу. Я объяснил. «А сколько тебе стукнуло?» – спросил ДК. – «40 лет». «Какой хороший возраст, – сказал ДК, – я в этом возрасте...» (далее см. выше).

В 1982 г. мне было уже 50. Опять дело было в лаборатории. Вошел ДК и спросил: «Что отмечаете? А сколько тебе?» – спросил следом. – «50». – «Какой хороший возраст, – сказал ДК, – я в этом возрасте...».

В 1992 г. его уже не было.

В 1984 году, будучи в Москве, ДК попал в автомобильную аварию. Ехавший с ним А.О.Рувинский довез его до больницы. Отлежавшись, ДК вышел на работу, но полностью здоровым больше не был никогда. Однажды перед началом заседания совета он проходил мимо сцены нашего зала, вдруг покачнулся и схватился рукой за стол. Я стоял рядом, тут же подошел, говорю: «Дмитрий Константинович, Вам

плохо?». Он взглянул мне в глаза с очень близкого расстояния и тихо сказал: «А что ты видел? Ты ничего не видел! Понял?». Я понял.

Последние два года жизни ДК сильно болел, часто сидел дома. Летом 1984 г. у нас открывалась Первая всесоюзная школа по моделированию и банкам данных. ДК лежал в больнице. Вдруг машина привозит его на открытие школы. Он идет в президиум, одет в летний чесучевый костюм, грузный, высокий, произнести приветственную речь, в которой очень нас хвалит. Никто не подумает, что он болен. Академик в зените славы! А он очень болен.

Последний раз я был у ДК дома осенью 1985 г. Он уже очень сдал, был худой, даже какой-то заостренный. А я пришел показать ему наши новые данные по отклику мобильных элементов на отбор и тепловой стресс. Слушал он рассеянно, скорее, думал о своем. А ведь данные-то были как раз в унисон с его теорией. Не знаю, как гормональные механизмы, а поведение мобильных элементов при стрессе очень неплохо согласуется с представлениями ДК о дестабилизирующем отборе. Потом он сказал: «К сожалению, не смогу предложить тебе рюмку коньяку – Светочка не разрешает!». Потом добавил: «Ну что, я хорош?». Я ответил в тон: «Хорош-то, хорош! Но я Вас и не таким видел!». «Да, – сказал ДК, – а я помню, как ты шел за мной от института, когда мне было плохо. До самого дома». Действительно, еще в начале 1960-х годов, когда ДК сильно болел, однажды его прихватило на работе. Он пошел домой пешком, а от сопровождения отказался. Я на всякий случай шел за ним в отдалении, чтобы подстраховать, если что. Так он, оказывается, заметил и запомнил этот случай на десятилетия. И всегда, видимо, считал меня поэтому своим, невзирая на отдельные разногласия и разночтения.

Умер он внезапно 14 ноября 1985 г. Буквально за час до этого от него ушел Рустем Чураев, наш матбиолог. Вышел в дверь, а через час ДК не стало.

Хоронил его весь Академгородок. Будучи по-прежнему майором запаса, ДК давно соответствовал генеральскому званию. Наше Высшее военно-политическое училище было поднято в почетный караул. Курсанты с винтовками стояли вдоль всего пути до Чербузов (кладбища Академгородка). День был очень сумрачный, снег с дождем. Похоронен ДК справа от входа на мемориальной части кладбища. Его могила фактически возглавляет череду других могил, где покоятся члены первого

ученого совета нашего института – В.В.Хвостова, Ю.Я.Керкис, В.Б.Енкен, З.С.Никоро и многие другие. Их поколение ушло почти полностью. Почти! Но в Киеве живет П.К.Шкварников, а под Парижем – Р.Л.Берг.

В 1997 г. в Новосибирске состоялась Международная конференция «Современные концепции эволюционной генетики», посвященная 80-летию Д.К.Беляева. Приехали бывшие сотрудники института, друзья из-за рубежа и многие другие. Несмотря на «эволюционное» наименование, конференция включила в себя все большие и малые направления, возникшие в связи с интересами и именем ДК. Оказалось, что этот мир очень широк. Любимые экспериментальные объекты ДК – норка, лисица, другие пушные звери, собачьи и др. – вошли в широкий научный обиход, изучаются в самых разных аспектах. Огромен интерес исследователей к эволюции и стрессу. Имя ДК объединило научные школы разных городов страны, разных стран. С его именем связана вершина старшего поколения генетиков, молодость нашего поколения. На фоне общих научных затруднений в нашей стране неожиданно выяснилось, что институт, которому ДК отдал лучшие годы своей жизни и достиг вершин, и не угас, и не разъехался по другим континентам, а живет и развивается, продолжая начатое им дело. В нем уже шумят другие поколения. Главное, чтобы ниточка научной преемственности не прерывалась!

Л.И.Корочкин

Возвысить свой голос в защиту науки

Член-корреспондент РАН, сотрудник ИЦиГ с 1965 по 1979 гг.

Я познакомился с Дмитрием Константиновичем (ДК, как его называли) в 1962 г., вскоре после защиты кандидатской диссертации. Работал я тогда в Томском медицинском институте (в то время одном из лучших в России), заведовал гистохимической лабораторией, которую сам и организовал. Приходилось часто ездить в новосибирский Академгородок, поскольку там обосновались многие мои знакомые, снабжавшие меня дефицитными реактивами, которые, кроме как во вновь созданном Сибирском научном центре, достать было негде. А кроме того, я со студенческих лет интересовался генетикой, тогда еще полузапрещенной (лысенковцы из Томского университета даже обращались в мединститут, где я учился, с требованием исключить меня за пропаганду реакционного вейсманизма-морганизма).

Во время одной такой поездки мой приятель из Института цитологии и генетики представил меня Дмитрию Константиновичу как молодого талантливый гистолога. А ДК тогда как раз нуждался в специалистах такого профиля, поскольку хотел посмотреть тонкое строение желез внутренней секреции у селекционируемых им животных с необычным поведением. Мы долго и тепло беседовали, однако я к тому времени уже специализировался в области исследования нервной ткани, вел серьезную работу в этой области и переключаться на другую тематику не хотел. Тем не менее, как я вскоре убедился, ДК меня запомнил.

В 1964 г. я был приглашен на работу в Отделение вычислительной техники СО АН в качестве нейрогистолога (в то время входила в моду бионика), и я переехал из Томска в Академгородок. ДК как раз задумал начать работы по исследованию молекулярно-генетических механизмов поведения, понадобился человек, хорошо знающий устройство мозга. «А куда подевался этот ваш Корочкин?» – спросил он моего знакомого. Узнав, что я в Академгородке, он пригласил меня сделать доклад на семинаре в Институте цитологии и генетики. Доклад мой ему понравился, и он

положительно отнесся к моему желанию сотрудничать с институтом. Показал я и свою рукопись о развитии нервных клеток. Он посоветовал работу защищать и способствовал ее изданию в виде монографии с цветными иллюстрациями. Когда я эту монографию защищал в качестве докторской диссертации, ДК, по-моему, волновался еще больше, чем я сам! Между тем наше сотрудничество шло успешно, мой интерес к генетике все возрастал, и когда ДК предложил мне перейти к нему в институт и организовать группу генетики развития, я, не задумываясь, согласился. Он, правда, спросил: «В какой лаборатории хотели бы работать?». Я же заранее решил, что перейду на работу только в его лабораторию, поскольку то, что меня влекло – генетика поведения, механизмы, обеспечивающие генетическую детерминацию обучения и памяти, – разрабатывалось именно там. ДК открыл мне «зеленую улицу», порою вызывал, спрашивал: «Тебе нужен новый немецкий микроскоп?». «Нужен». «Беги скорее на склад, получай, а то кто-нибудь еще возьмет. Не будут давать, скажи, что Беляев просил».

Я практически не имел ограничений в приеме сотрудников на работу, в помещении не было отказа – моя группа занимала комнату за комнатой. Но и «вкалывали» мы что называется по полной программе. По инициативе ДК мы впервые в России начали внедрять молекулярно-генетические методы в исследования нервной системы и роли молекулярно-генетических процессов в осуществлении поведенческих реакций. Работа, в которой принимали участие Галя Карасик, Валя Богомолова, Алла Давидовская, покойные Леня Максимовский и Саша Баев, шла успешно. ДК вникал во все детали и был доволен. Результаты, кстати, были опубликованы в журнале «Nature».

Так началось наше долгое и плодотворное сотрудничество и дружба. ДК был человеком с твердым характером, сильной волей. Блестящий организатор, он любил науку и ею жил. В то же время он был хорошим дипломатом, что позволило в тяжелые лысенковские годы спасти институт от разгрома. И в конечном итоге ДК создал великолепный научный центр, с квалифицированнейшими кадрами и талантливой молодежью, институт, которым по праву гордится и Сибирь, и Россия. В разное время в институте работали такие выдающиеся биологи, как В.В.Хвостова, Ю.Я.Керкис, Р.Л.Берг, А.Н.Лутков, В.И.Енкен, З.С.Никоро, Р.П.Мартынова, Ю.П.Мирюта, Н.В.Шкварников.

В институте царила дружеская рабочая атмосфера, живо проходили научные семинары, да и философские семинары ДК старался настроить на научный лад: обсуждали, например, проблемы логики науки, генетического языка, научной этики, генетики человека, истории науки. Часто приезжали иностранцы, вспоминаются визиты основоположников генетики изоферментов Маркерт, Шоу, Скандалиоса, знаменитого специалиста по генетике шелкопряда Тодзимы, крупнейших нейробиологов во главе с Эграновым. Бывало, заглядывали и политические «боссы»: наследная принцесса (ныне королева) Нидерландов Беатрикс, внук Карла Маркса, писатель Константин Симонов, разные министры и их заместители.

Говаривали про ДК – сильно строг и требователен. Может быть, но ведь он был равно требователен ко всем, в том числе и к себе, и родственникам спуска не давал. Между прочим, его сын отслужил два года в армии, хотя ДК ничего не стоило освободить его от этой обязанности (к чему многие влиятельные люди и прибегали).

Подумывал он и о молодой смене и старался собрать всех самых способных и талантливых ребят у себя в институте, «перетягивал» из других городов, обеспечивал жильем, предоставлял все условия для успешной работы. Так, из Ростова приехал Боря Кузин, из Уфы – Сергей Свиридов и Олег Серов, из Горького – Игорь Жимулев, из Норильска – Миша Людвиг, из Киргизии – Гриша Гончаренко и многие другие. Все они стали хорошими учеными, профессорами, членами-корреспондентами, иные успешно работают на Западе, но путь свой начинали в ИЦиГ, где прошли по-настоящему великолепную школу.

В связи с воспитанием молодого поколения и подготовкой научных кадров ДК много внимания уделял университету, ИЦиГ активно участвовал в преподавательской работе: читали лекции Вадим Ратнер, Ия Кикнадзе, Женя Груntenко, Володя Шумный, Виктор Драгавцев, Рудольф Салганик, Гриша Дымшиц, Ольга Саблина и многие другие. Я был по совместительству заведующим кафедрой физиологии и физиологической генетики. Такое единение университета и академической науки было новым явлением, и сибиряки были первыми, кто нашел такую форму сотрудничества. В дальнейшем и другие университеты последовали нашему примеру. И в этом большая заслуга Дмитрия Константиновича, всюду пропагандировавшего необходимость подобного реформирования высшего образования и академической

науки. Он всегда считал, что высокая наука должна иметь выходы, во-первых, в образование (вузы, школа) и, во-вторых, в практику, и добивался этого. По инициативе ДК и при его активном участии коллектив авторов издал учебник по биологии для школ, который до сих пор пользуется большим спросом и считается одним из лучших. А выведенными институтскими генетиками сибирскими сортами пшеницы засеяны огромные площади, ими кормится вся Россия. Руководимые ДК молодые специалисты по генетике животных вывели ценнейшие породы пушных зверей, а работы по одомашниванию лисиц известны всему миру.

Часто мне приходилось ездить с ДК в командировки, особенно в Москву. Был он одним из самых приятных компаньонов, с кем мне доводилось бывать в поездках. К нам обычно присоединялись Виктор Александрович Драгавцев и Вера Вениаминовна Хвостова, иногда Володя Шумный (ему как заместителю директора чаще приходилось оставаться на месте, замещать шефа). Обычно предпочитали авиацию – все быстрее! ДК, правда, не любил «Аэрофлот» – плохая, мол, авиакомпания, а потому порою коротали время в поезде. Благо, был такой фирменный поезд «Сибиряк» (он и сейчас есть), достаточно комфортабельный по тем временам. Вера Вениаминовна готовила пару уток, она была в этом деле большая мастерица, моя мама пекла разные пирожки – с мясом, с картошкой, с рыбой, ДК покупал колбасу и сыр, а Виктор Драгавцев бутылочку коньяка – и в путь! В дороге время бежало незаметно – рассказывали всякие небылицы из истории генетики, Виктор травил «анекдоты», в чем был большим специалистом, обсуждали и те проблемы, для решения которых были призваны в столицу. Много спорили, и хочу сразу же сказать (поскольку по этой части ходит много разных слухов), ДК был терпим к чужому мнению, сколь сильно оно не отличалось бы от его собственного. Да, он отстаивал свою точку зрения, отстаивал горячо, возражал порою очень резко (может быть, иногда неадекватно), но никогда (я, по крайней мере, не знаю ни одного случая) не преследовал «инакомыслящего». Он мог вызвать такового в кабинет, долго-долго с ним беседовать, убеждать, сердиться, но на продвижении по работе это никак не сказывалось. И у меня бывали с ним «столкновения», так что порою не разговаривали по неделе, но все по принципу «милые бранятся – только тешатся».

С властями ДК предпочитал жить мирно и обычно не нарушал сложившихся в советское время «правил игры», в особенности в мелочах – регулярные политинформации (ненужность которых он понимал не хуже всех остальных), философские семинары, участие в демонстрациях, субботниках-воскресниках и др. Но коль скоро речь шла о судьбах генетики, о научной жизни института, ДК готов был «сражаться» с кем угодно, с любым начальством, не считаясь с тем, как это отразится на его собственном благополучии. Хочу, кстати, заметить, что ни под одним письмом против А.Д.Сахарова подписи ДК не стояло! И еще, в партию (КПСС) ДК так никогда и не вступил, хотя (это мне достоверно известно) давление на него оказывали достаточно сильное. Мне он советовал вступить в эту организацию, но когда я рассказал ему историю своих взаимоотношений с секретарем партийного бюро института, он весело посмеялся и больше на эту тему не заговаривал. А история была такая. Наш партийный «босс» покойный Аркадий Абрамович Соскин (хороший, между прочим, мужик) полагал, что ученый, претендующий на заведование лабораторией (а я относился к таковым), непременно должен состоять в рядах «славных ленинцев». С тем он ко мне и пришел. «Леня, – говорит, – пришла пора становиться коммунистом. Ты человек достойный, скоро лабораторию получишь, надо подавать заявление и заполнять документы». На меня такое предложение обрушилось, как снег на голову.

– Аркадий Абрамович, а я еще не созрел.

– Ничего, вступишь – дозреешь!

– А я до женского пола слабый.

– Да ну! Это нам как раз подходит, мы, коммунисты, все до женского пола слабые.

– Так я еще и выпить не дурак.

– Свой! Ты просто наш, свой, мы там все такие! Завтра несешь документы. И принес, я их вернул. «Леня, – сурово предупредил он, – тогда ведь лабораторию не дадут».

– Ну и ладно, Аркадий Абрамович, я и с группой поработаю.

Так и не стал я коммунистом. А лабораторию ДК мне и беспартийному дал. Но самое интересное, что спустя некоторое время на одной из институтских вечеринок

подошел ко мне Аркадий Абрамович и сказал: «Леня, какой же ты молодец, что в эту партию не вступил». Вот такая была история.

Кое-кто причислял ДК к таким «беспартийным коммунистам», поклонникам существовавшего в стране тоталитарного режима. Но мы-то с Вадимом Ратнером видели, как он переживал интервенцию советских войск в Чехословакию и как возмущался, когда Брежнева произвели в маршалы или когда ему навешивали очередную Звезду Героя. Понеси ДК эти свои чувства вовне, и не быть бы ему директором, да и существование института оказалось бы под бо-о-льшим вопросом.

Человеческие качества ДК отчетливо проявились в одном эпизоде, который до сих пор вспоминают в бывшей моей лаборатории в Новосибирске. Работала у меня лаборантка по фамилии Дудкина. И вот однажды в институт прибежали ее приятели сообщить, что приезжает ее мать и надо встретить. В это время по лестнице спускался ДК. Спешил домой на обед. Они к нему: «Слушай, мужик, ты не знаешь, где Дудкина работает, к ней мать приезжает, встретить надо». «Мужик» вернулся в свой кабинет, узнал, где работает Дудкина, нашел ее и велел своему шоферу доставить ее с приятелями на вокзал на персональной Волге, а сам пошел домой пешком. Он тогда был уже и академиком, и заместителем председателя Сибирского отделения Академии наук, и облечен множеством других чинов.

Своим положением ДК не кичился, хорошо знал нужды сотрудников института – он, наверное, почти у всех перебивал в гостях, – по возможности старался помочь. Бывало, кто-то из сотрудников или их родственников заболел, ДК устраивал их к хорошим врачам, доставал дефицитные лекарства, если было нужно, созывал консилиум из лучших специалистов.

Тому, что в Москве в 1978 г. прошел Международный генетический конгресс, мы в значительной степени обязаны ДК. Именно он в непростой обстановке и при острой конкуренции со стороны других стран и городов добился решения Международного комитета в пользу Москвы. Но когда такое решение приняли, все успокоились и сидели сложа руки. И вот однажды вызывает меня ДК и говорит: «Леня, пора приниматься за дело, не то конгресс провалим. Я назначен генеральным секретарем, тебе предлагаю быть одним из заместителей, начинай действовать». Я согласился, и работа закипела: бесконечные поездки в Москву, переписка с

иностранцами и т.д. Вся организационная работа была очень непростой и проходила в условиях контроля со стороны партийных и «компетентных» органов. А среди участников числились опальные генетики, например, Н.В.Тимофеев-Ресовский. Тем не менее Программу конгресса, составленную нами, удалось отстоять (помог тогдашний инструктор ЦК КПСС, а ныне академик Л.Н.Андреев) за исключением лекций, посвященных лысенковщине. Их в последний момент запретил лично секретарь ЦК КПСС Зимянин. Перед самым началом Конгресса партийные «надзиратели» навязали в качестве почетного президента Цицина, в свое время симпатизировавшего Лысенко, но это уже было мелкой неприятностью, в остальном все складывалось вроде бы хорошо. Но тут, как назло, начался процесс Щаранского и некоторые западные участники бойкотировали конгресс в знак протеста. Однако большинство приехало и все прошло на самом высоком уровне, для торжественного открытия и приема предоставили даже Кремлевский Дворец съездов, а ДК Международный комитет доверил прочитать почетную лекцию. Оргкомитету (и его руководству в особенности) приходилось работать в достаточно сложных условиях, тем более что кругом шныряли КГБшники со значками участников конгресса и огромными портфелями (в которых, видимо, была спрятана громоздкая отечественная подслушивающая аппаратура) и выискивали провокации, которых не было.

Надо отдать должное ДК, он вникал во все организационные мелочи и неурядицы (а их хватало), ухитрился, между прочим, заказать для участников великолепные дефицитные по тем временам портфельчики, которые так и называли «беляевки» и которые многие до сих пор носят.

Генетический конгресс был большим событием в нашей науке и хорошим стимулом для дальнейшей работы – получили много ценной информации из первых рук, завязали какие-то контакты, «обогатились» дефицитными реактивами, что привезли сердобольные зарубежные друзья, одним словом, набрались энтузиазма, хоть отбавляй!

Тем печальнее наблюдать развал (иное слово трудно подобрать) науки в наши дни, когда она так необходима для возрождения России. В конце концов могущество и процветание страны измеряются уровнем развития науки и А.Д.Сахарова,

П.Л.Капицу, А.Н.Несмеянова, М.А.Лаврентьева, А.П.Александрова будут помнить вечно. Я часто мысленно разговариваю с ДК на эту тему, думаю, что бы он ответил, что бы делал в обстановке, когда наука, кажется, никому не нужна, когда даже академик прозябает в нищете, имея зарплату, меньшую, чем кондуктор троллейбуса, когда талантливейшей молодежи негде жить и нечем кормить семью, а потому она поголовно вся бежит за границу, в результате чего обескровливается нация. И я вижу, что нет фигур масштаба Дмитрия Константиновича, которые бы возвысили свой голос в защиту науки. А жаль!

В.А.Драгавцев

Забота о человечестве

Академик РАСХ, директор ВИР им. Н.И.Вавилова, сотрудник ИЦиГ с 1968 по 1985 гг.

Я познакомился с Д.К.Беляевым на кафедре генетики ЛГУ, на генетической конференции, которую организовал в 1964 г. М.Е.Лобашев. Мой доклад о фоновых признаках был включен в общую повестку дня, и я очень оробел, увидев список докладчиков: М.Е.Лобашев, Н.П.Дубинин, Б.Л.Астауров, Д.К.Беляев, Н.В.Тимофеев-Ресовский, Р.Л.Берг, В.В.Хвостова, М.М.Камшилов, В.В.Алпатов, Ю.М.Оленов, П.Ф.Рокицкий, В.С.Кирпичников, Я.Я.Лусис, Ю.И.Полянский, Р.Б.Хесин, А.А.Прокофьева-Бельговская и другие крупнейшие генетики. Но атмосфера была очень теплой и доброжелательной, я осмелел и докладывал довольно бойко. Первыми меня поздравили с докладом Н.В.Тимофеев-Ресовский и Р.Л.Берг, потом Н.П.Дубинин и В.С.Кирпичников. Д.К.Беляев подошел вместе с П.Ф.Рокицким и спросил, знаю ли я об ИЦиГ СО АН в новосибирском Академгородке. Я отвечал, что знаю, что уровень этого института очень высок. Д.К.Беляев сказал, что если я не потребую квартиры, то он может предложить мне работу в ИЦиГ. Я был так восхищен докладом ДК и его личностью, что тут же дал согласие. Я, конечно, не сказал ему, что всего две недели назад прошел по конкурсу на должность заведующего отделом ВИРа.

Для выросшего в Алма-Ате провинциального парня Новосибирск был привлекательней отдаленного и сырого Ленинграда, а ИЦиГ по научному уровню, конечно, намного превосходил ВИР того времени. Кроме того, мою маленькую алма-атинскую квартиру можно было легко обменять на новосибирскую, а в Ленинград обмен был почти невозможен. Так мы с женой и двумя маленькими дочками оказались в Академгородке. Это был уникальный город науки. Атмосфера человеческих взаимоотношений, напряженная, но очень интересная научная работа, прекрасные научные семинары, диспуты в Доме ученых – все это было абсолютно непохоже на стиль организации науки в Алма-Ате и бюрократической Москве.

Еще до моего прихода в ИЦиГ Н.С.Хрущев, возвращаясь из Китая, снял с поста директора ИЦиГ Н.П.Дубинина и «выслал» его в Москву. Исполняющим обязанности директора ИЦиГ стал Д.К.Беляев. Очень скоро президент АН СССР М.В.Келдыш освободил Н.П.Дубинина от поста председателя Научного совета по проблемам генетики и селекции АН СССР и назначил на этот пост Д.К.Беляева. Канцелярия совета была в Москве, там был ученый секретарь Э.А.Оганова, а по Новосибирску ДК предложил мне должность второго ученого секретаря совета. Я дал согласие и стал работать ученым секретарем на общественных началах, поскольку я был уже старшим научным сотрудником и руководил группой теоретических основ селекции растений.

Работать с Д.К.Беляевым было очень приятно. Это был волевой, сильный, красивый человек, прошедший войну, знающий цену жизни и людям. ДК не был карьеристом: он был беспартийным и никогда не рвался вступить в ряды КПСС, он не был доктором наук и никогда не стремился написать и защитить докторскую диссертацию. Он был абсолютно нетерпим к хамству и чванству. Он осуждал лысенкоизм, но никому не позволял перейти границу, за которой помимо осуждения лженауки начиналось оскорбление Родины. Он был патриотом своей страны. На дружеских вечеринках он всегда поднимал бокал «за институт» и «за Россию».

Но главной доминантой ДК была любовь к генетике. Он любил молодежь, приходящую в ИЦиГ, тщательно изучал публикации каждого, подолгу разговаривал с каждым молодым ученым, а потом говорил: «Ну, вот что, работай в направлении, которое считаешь нужным и важным. Подумай, в составе какого отдела, лаборатории, группы хотел бы работать». Это была высшая оценка молодого специалиста. Людям, менее самостоятельным, он говорил: «Вот в такой-то лаборатории не хватает человека. Они делают очень нужную работу, поработай с ними».

ДК любил генетику, но он также любил генетиков, работающих в ИЦиГ. Как-то я был у него в кабинете и на минутку вошла О.И.Майстренко. Когда она вышла, ДК сказал: «Как мне ее жаль! Умная женщина, но одна, и нет у нее ничего, кроме Сибири и пшеницы!».

Д.К.Беляев был очень щепетильным человеком в вопросах авторства. Он никогда не подписывался под работами своих сотрудников, если сам полноценно не

участвовал в них. Каждая статья, написанная любым сотрудником или группой сотрудников ИЦиГ, каждый передаваемый сорт, препарат, метод, любая заявка на изобретение или открытие публично и широко обсуждались на еженедельных семинарах ИЦиГ. Автор (авторы) докладывали суть работы, два рецензента высказывали свои точки зрения и делали замечания. Д.К.Беляев всегда задавал вопрос: «Есть ли в зале люди, кто не согласен с порядком размещения фамилий авторов в заглавии статьи, или не согласен с процентом авторства на подаваемый сорт?». Несогласные выступали, приводили аргументы, проблема всенародно обсуждалась и очень быстро, сообща вырабатывали самую справедливую позицию. Только после этого обсуждения экспертная комиссия подписывала акт экспертизы и статья направлялась в журнал.

Однажды вечером (после одиннадцати) мне домой позвонил ДК:

– Виктор, твой «Запорожец» на ходу?

– Да, Дмитрий Константинович!

– Ну вот что, завтра утром с семьей уезжай на два дня за грибами или на рыбалку.

– Но, ДК, это же рабочие дни, полно работы!

– Я тебе сказал, что делать, повторять не буду. Это не телефонный разговор, уезжай и все! Я тоже уеду!

Я с семьей исчез на два дня. ДК тоже уехал. Оказывается, в это время в Академгородок прилетала комиссия ЦК КПСС и заставила всех академиков и секретарей Проблемных советов расписаться под осуждением академика Д.Сахарова, которое через три дня появилось в «Правде». Я очень благодарен ДК за то, что ни его, ни моей подписи не было под этим лживым «Осуждением».

ДК свято чтит память о войне. Каждый год 9 мая в столовой ИЦиГ устраивали «землянку», натягивали маскировочную сетку, ставили палатки, солдатские котелки, алюминиевые кружки. Все фронтовики в орденах сидели «в президиуме», мы – молодежь – за столами вдоль стен. Говорили тосты, пили водку, пели фронтовые песни под баяны и аккордеон. Это была очень сильная воспитательная акция.

ДК любил песни и любил петь. Ему нравились русские романсы, «Русское поле», «Поедем, красотка, кататься». В хорошем настроении он иногда напевал «Гоп

со смыком – это буду я...», «Бригантина поднимает паруса». Не выражал особого протеста против нецензурных сибирских частушек.

Когда мне профсоюз ИЦиГ выделил автомобиль «Запорожец», его надо было быстро выкупить, но денег у меня не было. ДК немедленно дал мне в долг всю сумму. Когда моя жена Наташа попала в автокатастрофу и получила открытые переломы обеих ног, ДК поднял на ноги всех медицинских светил Академгородка и все кончилось благополучно.

У ДК замечательная семья: простые, умные, работающие Светлана Владимировна, сыновья Коля и Миша. Сотрудники ИЦиГ постоянно контактировали со всеми членами семьи, часто ДК приглашал к себе в дом на беседу несколько молодых сотрудников ИЦиГ – это были прекрасные встречи и чаепития.

ДК был мужественным человеком. В Москве на банкете по завершении съезда ВОГиС, в гостинице «Советской» (старое название «У яра») появился Жорес Медведев, только что выпущенный из психиатрической клиники, благодаря ультиматуму ВОГиС и Научного совета, который в ЦК КПСС отвез Б.Л.Астауров. ДК вместе с Жоресом вышли на сцену. ДК пожал Жоресу руку и поздравил с освобождением из психушки. По тем временам это был очень мужественный поступок.

ДК мужественно и твердо публиковал статьи о генетической доминанте, определяющей интеллект и поведение человека, тогда как официальные советские издания (и кое-кто из крупных генетиков) утверждали социально-общественную доминанту. Последнее, конечно, было ложью, угодной властям.

ДК был достаточно жестким директором. Так, где-то в 1966 г. он ликвидировал редакционно-издательский отдел ИЦиГ. Я в панике прибежал к нему и спросил: «Как же так, ведь ИЦиГ теперь не сможет издавать свои труды!». ДК спокойно ответил: «Собственные институтские издания развращают сотрудников. В них можно издавать даже слабые работы, ведь рецензенты – твои друзья. Пусть сотрудники ИЦиГ пробиваются через черных рецензентов в журналы «Генетика», «Успехи современной биологии», «Журнал общей биологии», в зарубежные генетические журналы. Туда слабых работ не пропустят. Уровень работ ИЦиГ будет подниматься». Теперь я прекрасно понимаю справедливость этой позиции ДК.

Звонит ДК: «Виктор, зайди ко мне!». Прихожу в кабинет: «Ты знаешь, сейчас звонил Дед (Михаил Алексеевич Лаврентьев – председатель СО АН) и с тревогой сказал, что новый директор Ботанического сада – профессор И.В.Таран, наверное, сошел с ума: на машинах привозит огромные камни и наваливает из них холмы прямо в экспозициях ботсада. Дед просит разобраться и доложить. Ты, Виктор, работал в Главном ботсаду Казахстана, поезжай и разберись». Я приехал в ботсад. Профессор И.В.Таран действительно навалил два огромных холма из гранитных глыб. Я увидел, что это прекрасные альпийские горки, на которых будут высажены коллекции горных растений. Вернувшись, рассказал все ДК. Он при мне позвонил М.А.Лаврентьеву и тот сказал: «Дмитрий Константинович, давай этого Виктора ко мне, пусть мне все растолкует». Я пришел в президиум, Дед меня принял, поговорили мы с ним не только об альпийских горках, но и о селекции пшениц в Западной Сибири, угостил меня чаем и сказал: «Ну, иди к Дмитрию Константиновичу, работай... Он хороший мужик, достойный...».

В 1972 г. я должен был выехать в Канаду для работы в университете Манитобы (Виннипег) и в университете Альберты (Эдмонтон) по приглашению канадской стороны. В конце 1971 г. меня вызывает ДК и говорит: «Звонили из ЦК КПСС, твоя поездка невозможна по двум причинам: первая – ты не член КПСС, вторая – ты собираешься ехать один, но в Канаду пускают только группой. Вот так!». Я говорю бодро: «Ну нет, так нет, здесь дел вполне хватает». «Ну уж нет, – говорит ДК, – Пойдем к Лаврентьеву». Дед выслушал нас, поднял трубку, связался с ЦК и говорит: «Вася, это я, Лаврентьев. Немедленно бросай все дела и оформляй в Канаду Виктора Драгавцева. Да, он беспартийный, да, он едет один, но я за него ручаюсь. Оформляй под мою ответственность. Все!». В феврале 1972 г. я улетел в Канаду в гордом одиночестве.

Осенью 1973 г. меня вызывает ДК: «Виктор, вот посмотри, академик Быховский (академик-секретарь отделения общей биологии АН СССР) прислал нам на отзыв отчет Трофима Лысенко по Горкам Ленинским (там был институт Т.Д.Лысенко). Что будем делать?». Я отвечаю: «Будем писать отрицательный отзыв». ДК говорит: «Нет, отрицательного отзыва от ИЦиГ писать не будем, можем навлечь на институт большие неприятности».

Я говорю: «Тогда разрешите мне написать от себя личный отзыв и отправить отчет в генетические центры СССР, чтобы собрать побольше отзывов». ДК говорит: «Действуй».

Я сел читать отчет Т.Д.Лысенко. Во введении было написано: «Я, академик Лысенко, обогатил советскую мичуринскую биологию многими открытиями: я создал теорию стадийного развития растений, я открыл яровизацию и световую стадию, я вывел жирномолочных бычков, предложил метод летней посадки картофеля на юге, доказал превращение овса в овсюг, ржи в пшеницу, пеночки в кукушку, граба в лещину».

Но мне не дают работать такие вейсманисты-морганисты, как Н.П.Дубинин, Б.Л.Астауров, Д.К.Беляев, С.И.Алиханян, М.Е.Лобашев и другие. Таких врагов народа надо расстреливать из автомата ППШ».

Далее шло описание псевдонаучных экспериментов. Я быстро написал резко отрицательный отзыв и отправил отчет Лысенко в Ленинград на кафедру генетики ЛГУ с просьбой написать отзыв и отправить отчет Н.П.Дубинину в Москву. Через неделю звонит Н.П.Дубинин: «Виктор Александрович, я написал отзыв, что делать с отчетом Т.Д.Лысенко?». Я отвечаю: «Николай Петрович, отправьте отчет и все отзывы в Киев к С.М.Гершензону и академику Зосимовичу». Звонит С.М.Гершензон: «Что дальше делать с отчетом Т.Д.Лысенко?». Я отвечаю: «Направьте его в Минск к академику П.Ф.Рокицкому». Из Минска отчет со всеми отзывами возвращается в Москву к академику Быховскому. Тот назначает собрание отделения общей биологии. Д.К.Беляев вызывает меня и говорит: «Завтра летим в Москву на заседание отделения, собирайся».

Прилетаем, приезжаем на Ленинский проспект в президиум АН СССР, входим к академику Быховскому. Все отделение в сборе, нет только Лысенко. Через 10 минут входит он и занимает место в торце стола, против Быховского. Быховский говорит: «На повестке дня один вопрос: об утверждении отчета Горюк Ленинских. На отчет поступило шесть отзывов, все отрицательные. Кто за то, чтобы отчет не утверждать?». Все члены отделения поднимают руки, я тоже. «Кто против?». Т.Д.Лысенко поднимает свою руку. Постановили: отчет, отзывы и протокол с отрицательным голосованием положить на стол президенту АН СССР М.В.Келдышу».

Через неделю в моей квартире в Академгородке раздается звонок. Поднимаю трубку. Тонкий, почти женский голос: «Это Виктор Александрович? С Вами говорит президент Келдыш. Вы не могли бы завтра быть у меня в кабинете в 10 часов вечера?». «Мстислав Всеволодович, обязательно буду!». «Я Вас жду, до свидания!». Утром прихожу на работу, иду в кабинет ДК.

– Тебе чего, Виктор?

– Вчера вечером мне звонил М.В.Келдыш.

– Что? Келдыш? Тебе? Не может быть!

– Он сказал, что сегодня в 10 часов вечера я должен быть в его кабинете в Москве.

– Зачем?

– Не знаю!

ДК характерным жестом подпер рукой правую щеку. Подумал минуты три. Потом говорит: «Ты знаешь, Виктор, что я думаю?». Я говорю: «Нет, не знаю». Беляев: «Я думаю, тебе надо лететь!».

В 10 вечера вхожу в центральное здание президиума АН СССР. Милиционер отдает честь. Поднимаюсь на второй этаж, вхожу в приемную. Референт М.В.Келдыша Наталья Леонидовна Тимофеева встает из-за стола: «Входите, Виктор Александрович, Мстислав Всеволодович Вас ждет». Вхожу в кабинет, из-за стола встает президент, жмет мне руку и спрашивает: «Что будете пить, Виктор Александрович? Чай или кофе?» Я отвечаю: «То же, что и Вы, Мстислав Всеволодович». Келдыш: «Наталья Леонидовна, два коньяка с лимоном!».

Выпили, закусили. Президент укоризненно мне говорит: «Вы получили от академика Быховского отчет Т.Д.Лысенко и написали на него отрицательный отзыв». Я отвечаю: «Да, Мстислав Всеволодович».

– После этого Вы отправили отчет в Ленинград, в Москву, в Киев, в Минск и все крупные генетики написали на него отрицательные отзывы.

– Да, Мстислав Всеволодович.

– После этого Вы собрали Отделение общей биологии и единогласно проголосовали за неутверждение отчета.

– Да, Мстислав Всеволодович.

– Теперь я, президент АН СССР, должен прекратить финансирование Горок Ленинских. Все на меня смотрят и все этого ждут. Ведь Вы тоже?

– Да, Мстислав Всеволодович.

– Виктор Александрович, сразу после заседания вашего отделения Т.Д.Лысенко поехал в Кремль к Подгорному, а они родом из одной деревни. Подгорный (Председатель Верховного Совета СССР) звонит мне и требует, чтобы я не трогал Лысенко. Вы понимаете мое положение?

– Да, Мстислав Всеволодович.

– Виктор Александрович, Вы хотите мне помочь? Мне сейчас очень трудно, большие проблемы с космосом и с ядерной промышленностью.

– Конечно, Мстислав Всеволодович.

– У Вас есть сейф?

– Да, Мстислав Всеволодович.

– Большой?

– Выше моей груди, большой.

– Когда в следующий раз Вы получите отчет Т.Д.Лысенко, сразу положите его в сейф и накрепко закройте. Никому не показывайте.

– Понял, Мстислав Всеволодович.

– Спасибо, Виктор Александрович, ну так что будем пить? Чай? Кофе?

– То же, что и Вы, Мстислав Всеволодович.

– Наталья Леонидовна, четыре коньяка с лимоном!

М.В.Келдыш тепло попрощался со мной и я улетел в Новосибирск. Прихожу в ИЦиГ, ДК вызывает и спрашивает: «Был у Келдыша?». Отвечаю: «Был». «И что он тебе говорил?». Я говорю: «Разговор шел о работе нашего Научного совета. Келдыш сказал, что как только Вы стали председателем совета, через год Научный совет по генетике стал лучшим советом в АН СССР».

– Он так и сказал?

– Да, именно так он сказал.

– Люся, дай-ка нам с Виктором два коньяка с лимоном! Выпили, закусили. ДК говорит: «Ну, иди, работай, хорошо, что слетал к Келдышу».

Следующий отчет Т.Д.Лысенко я спрятал в сейф. Самое интересное заключается в том, что никто ни в Новосибирске, ни в Москве о нем не вспомнил. Так Т.Д.Лысенко и тратил государственные деньги на свои «исследования» до самой своей смерти в 1976 г.

Из Техаса прилетел в ИЦиГ профессор Ричи, который на компьютерах анализирует снимки территории СССР, сделанные с американских спутников и прогнозирует урожаи пшеницы, ячменя, и других культур на полях нашей страны. Ричи увидел на фотоснимках множество делянок и этикетки с надписью «ДИАС». Это были эксперименты по всесибирской программе изучения генетики признаков продуктивности яровой пшеницы на территории: Урал – Якутск, Тюмень – Усть-Каменогорск.

Ричи мне говорит: «Виктор, я сейчас предсказываю ваши урожаи с точностью до 1–2 центнеров с гектара. Если ты дашь мне реальные цифры продуктивности сортов и гибридов программы «ДИАС» и метеофакторы, то я буду предсказывать ваши урожаи с точностью до 0,5 ц/га. Это будет полезно и США, мы будем заранее знать сколько СССР купит у нас зерна, и правительству СССР, так как наши прогнозы очень точные и надежные».

Я говорю: «Программа “ДИАС” завершена, все данные лежат в архиве Вычислительного центра СО АН, надо разговаривать с председателем СО АН Гурием Ивановичем Марчуком. Пошли к нему». Ответ Марчука был отрицательным. Марчук объяснил мне и Ричи, что архивы ВЦ закрыты и не могут выдаваться за рубеж и что метеоданные тоже закрыты.

Ричи был очень опечален, и чтобы поднять ему настроение, я пригласил его к себе домой на обед с бутылкой хорошего армянского коньяка. За обедом я показал ему отчет Т.Д.Лысенко и перевел на английский введение. Он сразу загорелся, предложил перевести на английский этот отчет в США и опубликовать.

На следующий день утром мы с Ричи пошли к ДК. Я рассказал ДК о предложениях американского профессора. ДК сказал: «А почему бы и нет? Ричи пусть забирает». Я говорю: «Дмитрий Константинович, посоветуйтесь с нашим куратором из КГБ, как бы чего не вышло». ДК поднял трубку, связался с куратором нашего института. По мере беседы его лицо все более мрачнело. Наконец он положил

трубку и сказал: «Виктор, если мы это сделаем, то нас с тобой подвесят на сосне».

Ричи улетел в Техас ни с чем. Отчеты Лысенко до сих пор стоят у меня на квартире на книжной полке. Иногда я их перелистываю. Сейчас они уже никому не нужны.

В августе 1978 г. в Москве состоялся 14-й Международный конгресс по генетике. Д.К.Беляев был генеральным секретарем оргкомитета этого конгресса. За 20 дней до начала конгресса большая группа сотрудников ИЦиГ во главе с Д.К.Беляевым выехала в Москву. Мы были членами оргкомитета, нас было около 30 человек. Политическая ситуация того времени была очень напряженной: президент Национальной Академии наук США выразил протест по поводу нарушения прав человека в нашей стране (осуждение правозащитников Ковалева и Орлова), и была вынесена резолюция о бойкоте конгресса.

В генетические институты Москвы и в оргкомитет конгресса приходили люди в штатском из КГБ и рекомендовали не допускать на конгресс профессора Н.В.Тимофеева-Ресовского – человека с непростой политической и научной биографией. Однако оргкомитет уже включил доклад Н.В.Тимофеева-Ресовского во все списки докладчиков и во все информационные письма, отправленные за рубеж. Д.К.Беляев, работая днем и ночью, оставлял эти нажимы без ответа, но на него продолжали давить с разных сторон. Обстановка была очень напряженной. Особенно опасной была ситуация с генетиками США, они дали более 120 заявок на участие в конгрессе, и если бы американская делегация не приехала, то репутация конгресса была бы очень сильно подорвана в глазах генетиков всего мира.

Кто-то из нашей группы (кажется, это был С.И.Малецкий) сообщил мне, что Джимми Картер (президент США) имеет собственную арахисовую ферму, на досуге производит скрещивания арахиса и даже опубликовал три статьи в генетических журналах по генетике арахиса. Я тут же предложил ДК направить приглашение Картеру представить научный доклад на конгресс по генетике арахиса. ДК ответил, что он как генеральный секретарь оргкомитета этого сделать не может, но не возражает, если я как ученый секретарь Научного совета по генетике АН СССР напишу Картеру приглашение на бланке совета. Об этом знали только мы с ДК. Я написал приглашение Картеру и отправил его скоростной почтой. Мы не получили

никакого ответа от президента США. Однако многие крупные американские ученые приехали на конгресс.

ДК прекрасно понимал, что для борьбы с лысенковщиной генетики должны работать не только с модельными объектами (дрозофила, арабидопсис, кишечная палочка), но и с объектами сельского хозяйства. Поэтому он развивал и поддерживал в ИЦиГ прикладную генетику: генетику пшениц (О.И.Майстренко), генетику гетерозиса (В.К.Шумный), генетику отдаленных гибридов (В.В.Хвостова), генетику триплоидной и гетерозисной сахарной свеклы (С.И.Малецкий), принцип фоновых признаков (В.А.Драгавцев).

В 1970 г. по инициативе ДК были организованы две кооперативных межведомственных программы: «Лизин», которую возглавил В.К.Шумный, и «ДИАС», которую возглавил я. Программа «ДИАС» (генетика признаков продуктивности яровых пшениц в Западной Сибири) дала материал для создания новой мощной теории эколого-генетической организации полигенных признаков растений и новые сорта, приносящие России ежегодную прибыль в более 100 млн долларов. Сорта: Алтайская 81 (районирован с 1987 г.), ДИАС-2 (с 1988 г.), Казахстанская 17 (с 1989 г.), Казахстанская раннеспелая (с 1991 г.), Лютеценс 70 (с 1993 г.), Кантегирская 89 (с 1993 г.), Алтайская 92 (с 1995 г.), Баганская 93 (с 1999 г.).

Параллельно ДК поддерживал разработку неканонических теорий наследования: теорию эпигенов Р.Н.Чураева, феномен переопределения спектров локусов, детерминирующих полигенный признак при смене лимитирующего фактора внешней среды (В.А.Драгавцев), математическую генетику (В.А.Ратнер), генетику онтогенеза (Л.И.Корочкин) и другие нетривиальные подходы.

ДК понимал, что генетика – это феноменологическая наука, подобная термодинамике в созвездии физических наук, поэтому он привлекал в ИЦиГ физиологов, которые успешно дополняли генетиков исследованием механизмов сложных эволюционно-генетических процессов.

Личные научные интересы ДК лежали в области экспериментальной эволюционной генетики млекопитающих (пушных животных). Это труднейшая для экспериментов область генетики с совершенно непонятными механизмами ломки корреляционных плеяд и дестабилизации морфогенезов в процессе доместикиации. По

свидетельству зарубежных эволюционных генетиков, вклад ДК в эту область новых фундаментальных знаний очень большой. Однако Д.К.Беляев так же, как и Н.И.Вавилов, не избежал критики в свой адрес со стороны «рафинированных менделистов», которые предпочитали работать с четкими менделевскими «большими» генами и просто никогда не затрагивали и не решали сложных задач экологии, полигении, эволюции, доместикиции.

ИЦиГ и его директор, как магнитом, притягивали к себе выдающихся зарубежных генетиков. Практически все лидеры мировой генетики по несколько раз были в ИЦиГ. Достаточно назвать профессора Оке Густафссона, Дж.Ледьярда Стеббинса, Ганса Штуббе, профессора Кихару, профессора Сваминатана, профессора Ригера и многих других, которые с восхищением говорили мне позже об ИЦиГ и о Д.К.Беляеве.

В 1998 г. я был в Мадрасе у профессора Сваминатана. Очень тепло он вспоминал Д.К.Беляева и ИЦиГ. В 2000 г. я был в Гатерслебене, посетил маленький домик профессора Ригера. Первое, с чего он начал разговор – с воспоминаний о Д.К.Беляеве и В.В.Хвостовой. Его лицо преобразилось, он улыбался счастливой улыбкой.

Однажды ДК, В.К.Шумный, В.В.Хвостова и я на катере поплыли вместе с профессором Оке Густафссоном по Обскому морю на прогулку. На одном из островов мы увидели дым костра. Подъехали поближе – оказалось, что это академик С.С.Кутателадзе с другом и иностранным профессором жарят шашлыки, варят уху и уже накрыли роскошный стол. Они усиленно стали нас приглашать, мы причалили, сели за стол и воздали должное коньяку, водке, шампанскому, ухе. После возвращения Оке Густафссон сказал мне, что он восхищен тем, как это все Д.К.Беляев организовал. Я ответил, что это совершенно случайная встреча, но Оке мне не поверил, он сказал: «Вы делаете вид, что это случайная встреча, но я знаю, что это все организовал Д.К.Беляев».

Время, прожитое мною и моей семьей в Академгородке, вне сомнения, было лучшим временем в моей жизни. Все мои наиболее крупные научные результаты (принцип фоновых признаков, принцип ортогональной идентификации генотипов по фенотипам, теория эколого-генетической организации полигенных признаков,

феномен переопределения спектров локусов под полигенным признаком) были получены в начальной форме в ИЦиГ СО АН. Сейчас они только дорабатываются и внедряются. Роль личности Д.К.Беляева в моей биографии очень значима. Я ему глубоко благодарен за это.

Д.В.Клочков

Свет – это жизнь

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1959 г.

Огромно влияние фотопериодизма на жизненно важные функции организма. Именно свет среди других факторов внешней среды оказался в процессе эволюции жизни на Земле сигналом такого ключевого значения: ведь он повторяется в течение веков эволюции, в течение геологических периодов жизни на Земле в совершенно определенной и математически точной последовательности, он не подвержен таким колебаниям, каким подвержены, например, температура или обеспеченность кормами.

Д.К.Беляев

Работы Д.К.Беляева в области фотопериодической регуляции (ФПР) функции животных занимают особое положение в его творчестве. Эта очень интересная область биологии, связанная с регуляцией жизненных процессов в организмах. В 1950 г. ДК опубликовал статью «Роль света в управлении биологическими ритмами млекопитающих» в журнале «Общая биология». Идеи, изложенные в этой статье, опережали работы в области ФПР на десятки лет. Но парадокс науки в том, что работы российских учёных не очень любят цитировать и изучать зарубежные собратья. Во Франции, в которой мы столько раз старательно докладывали наши работы на английском языке, в 1982 г. была опубликована статья Буассен-Агеса, Буасена и Ортавана «Циркадианная фоточувствительная фаза и фотопериодический контроль активности гонад у норки. Норка – короткодневное животное». Они не новички в вопросах фотопериодизма животных, но вдруг как-то всё забывают и начинают с нового листа описывать ФПР у норки, допуская большую ошибку. Норка

и короткодневное, и длиннодневное животное. Смотря с какой точки зрения глядеть. Я почему ворчу на французов: обидно за мать-науку. У них специальные фотопериодические установки с регулируемым автоматически световым и температурным режимом, а они берут какую-то частность и с академической честностью провозглашают истину. За деревьями не увидели леса. А ДК еще в 1950 г. писал в своей статье: «... материал позволяет рассматривать этапы индивидуального развития, в течение которых организм животного предъявляет совершенно определенные требования к конкретным световым режимам, как стадии развития, а необходимый для прохождения данной стадии световой режим – как фактор стадийного развития».

Я начал работать с ДК после окончания аспирантуры по разведению сельскохозяйственных животных и сразу с первых дней работы был покорен его нестандартным подходом к делу. Ведь всё в том далеком 1959 году начиналось на пустом месте. Была идея и было слово, и это слово было «фотопериодизм».

И вот я еду зимой в Белоярский зверосовхоз, куда в те годы от станции «Мошково» надо было добираться на громадных санях, которые тащили сцепом два трактора. Д.К.Беляева звероводы читали и любили. Набрали обрывков каких-то проводов, патронов, лампочек, и вот уже в марте сосульки на норочьих шедах переливаются всеми цветами радуги, а норки, недовольные ФПР-экспериментами, скребут шибера. Надо было видеть, с каким энтузиазмом ДК получал первые результаты этих опытов. В этих работах было показано, что удлинение светового дня в марте стимулирует половую функцию норок и увеличивает их плодовитость. Проведение этих работ совпало с работой американских учёных Шейбла и др., получивших аналогичные результаты. Нужно было срочно публиковать. Приоритет есть приоритет.

Из работы по внедрению в практику производства этих результатов вспоминается очень деловое отношение директора Северинского зверосовхоза в Краснодарском крае Михаила Никитича Жукова. Он дал команду провести внутри норочьих шедов просто оголенные провода, к ним подвесили патроны с лампочками и таким образом десятки шедов были освещены. Когда я приехал после щенения регистрировать результаты, он, хитро улыбаясь, сказал: «Результатов не видно».

Ладно, посчитаем. Я дня три считал с бригадирами, потом докладываю ему: «Повышение плодовитости самок в производственных испытаниях равно 15%». А он мне в ответ: «Открыл Америку, я это давно знал».

Беляев был бы не Беляев, если бы он не изучил ФПР реактивность у других сельскохозяйственных животных. Больше всего в этом плане повезло свиньям. Конечно, свиноматкам не повредит «более светлая жизнь». В те 1960-е годы не было в Сибири свинокомплексов. Зимой вьюга заметает заиндеветые окна. Мы сменили подслеповатые 15-ваттные лампочки на 200-ваттные, поставили реле времени. Удлиненный световой день дал хорошие результаты. Повторили, проверили. Да, свиноматки реагируют на удлиненный световой режим увеличением многоплодия. Улучшается развитие поросят. Опыты в этом направлении, увековеченные в произведении сибирского писателя Г.Падерина, звучат приблизительно так. Академик Д.К.Беляев: «А у этой свиноматки маловато поросят». Д.В.Клочков с другой стороны свиарника: «Не расстраивайтесь, Дмитрий Константинович, у других свиноматок их будет больше». Конечно, творческая фантазия писателя не соответствует действительности, но ДК не любил, чтобы научные материалы пылились в лаборатории. Этот результат должен быть достоянием сельскохозяйственной практики. Техничко-экономический доклад (ТЭД) – в Госплане СССР. Экспертная комиссия, состоящая из учёных-свиноводов, упирается. Главный аргумент: «Ну да, повторностей много, факт бесспорен, но вы слабо аргументируете физиологический механизм этого процесса». Я помню зимний холодный вечер в Москве после первого доклада. ДК был настроен боевито: «Продадим, убедим». После этого начались опыты в подмосковном совхозе «Талдом» совместно со Всесоюзным институтом экспериментальной ветеринарии и ВНИИ механизации сельскохозяйственного производства. В конце концов изрядно потолстевший ТЭД был принят как детище 3 институтов. Световые нормативы, изложенные в ТЭДе, были использованы для планирования освещения свинокомплексов. Начались опыты в Кудряшовском свинокомплексе в Новосибирской области, свинокомплексе «Пловдив» (Болгария) и в Хатасском свинокомплексе (Якутия).

Особо следует вспомнить работы по созданию метода ускоренного созревания меха норок. В характере ДК была одна интересная особенность (сразу скажу, вполне

простительная для него ввиду его крайней занятости) – это длительное отключение внимания от некоторых уже начатых работ. Так было и с изучением некоторых особенностей ФПР регуляции созревания меха норок. Надо сказать, что в более ранних работах ДК с Л.Г.Уткиным и Б.А.Куличковым не было получено впечатляющих результатов в этой области. Но эти работы были проведены, когда светоизоляционный материал был громоздок и неудобен (фанера и рубероид). С появлением различных типов пленок, в том числе и полиэтиленовой, полихлорвиниловой, возможности расширились. Мы создали в летне-осенний сезон на экспериментальной ферме 12 различных световых режимов и выбрали из них 2 наиболее перспективных. В октябре, когда у норок обычно идет интенсивная линька и звери выглядят облезлыми и непривлекательными, на этом фоне норки, содержащиеся в экспериментальных режимах, с меховым покровом, сформировавшимся на один месяц раньше обычного срока, выглядели просто роскошно. ДК сурово отчитал за 12 режимов («это чёрт знает что за путаница!»), но 2 режима были приняты. Прошло немного времени и при обсуждении этих режимов с директором зверосовхоза «Магистральный» Дмитрием Георгиевичем Ковешниковым (бывший председатель колхоза, руководитель-самородок) была принята программа производственной проверки метода ФПР ускоренного созревания меха норок на базе зверосовхоза. Меня-то более привлекала основательная разработка ФПР установки тогдашним Сибирским отделением НОТ (научная организация труда) с конструкцией, как в авиации, громадных сферических крыльев из дюрала, убирающихся внутрь шеда и плавно выходящих из него. Но стоимость его была под стать его фантастической красоте. «Магистральцы» же при помощи наших мастерских создали 150-метровые шторы из светонепроницаемой полиэтиленовой пленки, которые регулярно в летне-осенний сезон в 17.30 опускались, а в 9.30 поднимались при помощи стальных тросиков. Риск был колоссальный. Ведь пленка накрывала не только норок, но и 300-метровую навозную кучу под ними. Однако норки не только ФПР, но и экологические испытания выдержали, и их меховой покров созрел на один месяц раньше обычных сроков. В это время для ускорения созревания меха норок был предложен «фотопериодический гормон» мелатонин (мелакрил – коммерческое название), более экономичный и удобный в употреблении.

Но что было, то было. И качество меха норок, полученного при помощи ФПР, было гораздо выше, чем от использования мелакрила, что было подтверждено испытаниями меховой продукции Всесоюзным НИИ меховой промышленности.

Беляев любил слово, и его работа над совместными статьями была большой школой для нас. Вспоминается работа над статьей по фотопериодизму свиней на острове в Обском водохранилище. Мы сидели в каюте катера, ДК курил и под плеск воды мечтал проплыть по всей Оби. Он любил Сибирь, её необъятные просторы, её людей, собравшихся со всех концов России.

Таков был Беляев – сын своей эпохи, наделенный незаурядными творческими способностями, энциклопедически образованный, биолог, генетик, он обладал масштабными организаторскими способностями, которые давали возможность находить пути реализации научных разработок.

А.О.Рувинский

Незабываемая генетика

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1953 по 1993 гг.

Прошло больше 30 лет с того времени, когда, будучи студентом НГУ, я впервые познакомился с Д.К.Беляевым. Эти годы вобрали в себя бесконечно многое. И хотя уже 16 лет его нет с нами, Дмитрий Константинович – это не прошлое. Вернее, это не только прошлое, но и часть настоящего, насколько бы оно не отличалось от прежней жизни.

Все, что написано далее – это мой взгляд на Дмитрия Константиновича. Безусловно, это очень личные воспоминания, ощущения и оценки. Я отнюдь не претендую на абсолютную точность или тем более на абсолютную истину. Мне не хотелось бы говорить о Дмитрие Константиновиче в общем, и все, о чем здесь идет речь, основано на опыте личного общения с этим замечательным человеком и ученым.

Прекрасно помню момент, когда случай или судьба направили меня к Дмитрию Константиновичу. Это было в сентябре 1970 г. Мне посчастливилось на несколько дней покинуть казармы и вернуться в одно из замечательных мест на Земле – Академгородок. Первая, с кем я буквально столкнулся около гостиницы «Золотая долина», была Вера Вениаминовна Хвостова. Мы давно не виделись, и она не скрывала своих добрых чувств к бывшему ученику, а ныне рядовому Советской Армии и аспиранту ИЦиГ. Среди того, о чем мы говорили тогда, было и обсуждение извечного вопроса «что делать?». Я был на перепутье, будущее казалось интересным, но неопределенным. Вера Вениаминовна была, как всегда, доброжелательна ко мне и категорична: «Толя, Вам нужно идти в аспирантуру к Дмитрию Константиновичу!».

Так или иначе, но на следующий день в той же военной форме и в сапогах я оказался в приемной директора ИЦиГ. Дверь в его кабинет была приоткрыта, и я понял, что мой шанс поговорить перед отъездом нереален: в кабинете было пусто. По-видимому, нечто отразилось на моем лице, и Маша, которая была в то время

секретарем Дмитрия Константиновича, посоветовала поискать его в Доме ученых. Именно там, на ступеньках Дома ученых, и состоялась наша решающая встреча, которая протекала более чем динамично. Продолжение разговора последовало через несколько часов в институте. Принципиальные пункты будущего плана работ были обсуждены, и мне надлежало дослуживать до скорой демобилизации. Уже через два месяца после этой беседы я отбыл в первую служебную командировку за мутантными лисицами.

Дмитрий Константинович, как известно, всегда был очень занят, и я до сих пор удивляюсь, как много времени он тратил на воспитание кадров. Правда, это происходило обычно в темное время суток, когда институт становился малолюдным. Каждая встреча с ним была интересным, ярким, но не всегда безопасным предприятием – за нерадивость и отсутствие «правильных» мыслей можно было получить строгую критику. Верю, что наше многолетнее общение существенно повлияло на формирование моих представлений о науке, философии и жизни вообще.

Система взглядов, которую сформировал Дмитрий Константинович, была глубокой и обширной. Эти представления развились под влиянием среды, в которой Дмитрий Константинович рос и мужал. Это и брат Николай Константинович Беляев, и четвериковский СООР, и Б.Л.Астауров и Б.Н.Васин, и А.И.Панин, и многие другие замечательные люди. Это война, которую он прошел от первого до последнего дня, это лысенковщина, это замечательная когорта ученых Академгородка образца 1950-1960 годов во главе с М.А.Лаврентьевым и многое, многое другое.

Дмитрий Константинович никогда не проводил демаркационной линии между экспериментатором и теоретиком, между фундаментальными и прикладными работами. Он верил в их естественное единство и всемерно старался способствовать развитию разных исследований. Единственное, чего он не терпел, – это слабые и фальшивые работы. Именно благодаря его поведению и облику мне, надеюсь, удалось миновать нередко встречающийся нигилизм в отношении прикладных работ так же, как невежество в области теоретических исследований.

Совместная работа с Дмитрием Константиновичем оказывала колоссальное влияние на меня и, вероятно, на других его учеников. Особенно это касалось работы

над статьями и книгами. Дмитрий Константинович должен был пропустить через себя каждую деталь, прежде чем статья появлялась на свет. Его глубокая заинтересованность в обсуждаемой проблеме и талант очень часто генерировали новый взгляд на экспериментальные данные, стимулировали новые работы и новые научные проблемы. И хотя походы в кабинет Дмитрия Константиновича требовали зачастую много времени, я почти всегда чувствовал большую пользу и удовлетворение. Особенно ценными были разговоры на «общебиологические» темы. Широта и нетривиальность взглядов Дмитрия Константиновича были для меня примером для подражания. Почти каждая новая статья была целой эпопеей и требовала большого терпения. Дмитрий Константинович обычно «приглядывался» к экспериментальному материалу достаточно долго, затем начиналось писание. Иногда казалось, что статья никогда не будет дописана. Дмитрий Константинович писал и переписывал статьи от начала до конца, невзирая на наличие предварительного текста. В этом проявлялось скорее его стремление полноценно участвовать в работе, чем недоверие к своим ученикам и соавторам. Он любил писать статьи по-своему. Постоянные звонки, перерывы, отъезды растягивали писание и обдумывание на недели и месяцы. Это, конечно, мешало, однако в полном соответствии с диалектикой давало и преимущества. Статьи обычно хорошо «отлеживались», а их содержание и стиль многократно корректировались. Когда дальнейшие откладывания и затягивания становились неприемлемыми, Дмитрий Константинович предпринимал все возможное, чтобы завершить работу. Испытанным средством было писание по ночам и по выходным дням. В этих случаях действие протекало в домашнем кабинете Дмитрия Константиновича. Я благодарен судьбе за эти часы и дни, проведенные с Дмитрием Константиновичем. Никогда, ни до этого, ни после я не испытывал такого интеллектуального подъема и удовлетворения. Доброта и сердечность Светланы Владимировны, бесконечно преданного друга Дмитрия Константиновича, придавали этому дому особый колорит. Открытость, доброжелательность и хлебосольство этой семьи – тема отдельного разговора. Я всегда был под впечатлением от того, как меня, совсем еще «зеленого» аспиранта или м.н.с., встречали и принимали в их доме. Это было как-то по-отечески в полном соответствии с различиями в возрасте и жизненном опыте, но никогда не было омрачено отношениями начальника и подчиненного.

Неуважительное отношение к младшему по возрасту или общественному положению было чуждо Дмитрию Константиновичу и Светлане Владимировне. Позднее мне приходилось слышать критику в адрес Дмитрия Константиновича за его «командирские» манеры. Зная Дмитрия Константиновича достаточно хорошо, я не могу согласиться с этим, хотя мне хорошо известно, что он мог действовать жестко и принимал иногда командные решения. Однако в большинстве случаев Дмитрий Константинович был склонен к тщательному и многократному обсуждению и откладыванию трудных вопросов. Дмитрий Константинович стремился понять поведение людей, мотивы их поступков и обычно искал компромиссные решения. Лишь в тех случаях, когда возможности для компромисса отсутствовали, он пользовался своими полномочиями и брал всю тяжесть решений и действий на себя. То, чего добился институт за 27 лет под его руководством, – убедительное свидетельство его мудрости и умения строить свои отношения с людьми как внутри института, так и за его пределами.

Дмитрий Константинович, безусловно, был убежденным натуралистом, но не в традиционном смысле слова. Ему был чужд взгляд на природу как на храм, но он, конечно, и не разделял представление о том, что природа – это мастерская. Природа и общество – вот угол зрения, под которым он смотрел на живое. Именно поэтому он радел о развитии сельскохозяйственного производства и немало сделал для охраны окружающей среды. Чергинская эпопея, как мне представляется, – тоже результат его взглядов на природу и общество.

И конечно, весь грандиозный «доместикационный проект» – прекрасное подтверждение глубинного интереса к живому, преломленное сквозь призму его натуралистических взглядов.

Уместно подчеркнуть, что этот проект относится к числу самых длительных, всеобъемлющих и необычных селекционных экспериментов в истории биологии. Некоторое время назад, проделав весьма замысловатый путь, ко мне обратился журналист из ABC (Australian Broadcasting Corporation) с просьбой рассказать о доместикации лисиц в Сибири. Несколько специалистов по этой проблеме из Великобритании, США и Австралии приняли участие в этой программе. Передача пошла в эфир в начале февраля 1977 г. и имела хорошие отклики. За годы,

проведенные с Дмитрием Константиновичем и коллегами по лаборатории эволюционной генетики, я проникся мыслью, что доместикационный эксперимент вызывает искренний интерес, удивление, а порой и восхищение у большинства людей, в том числе и у искушенных биологов. Не раз спустя годы мне приходилось встречать людей, сохранивших яркие впечатления об этой уникальной работе, ее основателе Д.К.Беляеве и ферме, где происходила доместикация лисиц.

Дмитрий Константинович, будучи замечательным биологом, очень любил «смотреть зверей». Его наблюдательность производила на меня сильное впечатление. Мало что укрывалось от его зоркого взгляда. Это касалось не только нюансов в поведении животных и их фенотипов, но и порядка на ферме. Его заинтересованный взгляд становился стальным и колючим, когда он обнаруживал небрежность и беспорядок. В такие минуты виновному лучше было не попадаться под «горячую руку».

Стремление к познанию природы было глубоко заложенной сущностью Дмитрия Константиновича, которая подчас граничила с романтизмом и даже тягой к приключениям. В этой связи вспоминаются два нереализованных проекта. Оба никогда не были объектами вложения каких-либо значительных средств, но живо и в деталях обсуждались. Один из них – многомесячная экспедиция в южные моря. Было решено, кто поедет, что будет делать и какие задачи предстоит решать. Даже первоначальный поиск необходимой литературы был сделан. Меня лично эта идея очень увлекла. К сожалению, последовавшие события сначала отодвинули реализацию этого плана, а затем сделали ее невозможной. Другой план с самого начала выглядел авантюристично, и вопросы стояли вполне по-мефистофельски. Суть заключалась в инициировании длительного эксперимента по доместикации обезьян. Эта идея обсуждалась пару раз в моем присутствии и была быстро заброшена, но само желание приступить к такому эксперименту показательно. Дмитрий Константинович очень хотел приблизиться к пониманию путей и причин антропогенеза.

Не могу не отметить, что в этом замечательном человеке уживались очень разные интересы и темпераменты. С одной стороны, это был очень организованный и прагматичный интеллектуал, а с другой – романтик, склонный к «нелогичным»

поступкам. Поэтому иногда, говоря, что идея или публикация выглядит странно, он давал согласие на экспериментальную проверку «сумасшедших» идей. От сотрудников требовалось особое усердие в проведении опытов, несмотря на их серьезные протесты. Проверка продолжалась до тех пор, пока не появлялись данные, ясно указывающие на несостоятельность идеи. Однако даже после этого Дмитрий Константинович не сожалел о своем согласии на проведение экспериментов. Я не разделял этой настойчивости Дмитрия Константиновича, но теперь понимаю, что этот яркий человек нерасчленим и его необычная сила порождала и некоторые слабости.

Научные семинары под руководством Дмитрия Константиновича были, вне сомнений, важным элементом его школы. Вспоминаю об этом с эмоциональным подъемом и интересом. Где еще как ни на этих семинарах мы учились, дискутировали, спорили до хрипоты и взрослели? Дмитрий Константинович жестко требовал неукоснительного участия в работе семинаров. Хорошо помню, как будучи на первом году аспирантуры, я пропустил межлабораторный семинар (в понедельник утром). Причина была вполне уважительная по моим представлениям. Дмитрий Константинович, увидев меня спустя несколько часов, строго спросил: «Ты почему не был на семинаре?». Я попытался что-то ответить. Его реакция была предельно ясной: «Семинар – это обязательная форма работы, и не смей уклоняться от нее!». Как никто другой Дмитрий Константинович умел накалить научную атмосферу семинара. Мы проводили много времени на этих семинарах, и нередко дискуссии продолжались еще спустя несколько часов в разных лабораториях института. Едва ли многие другие научные учреждения России, да и других стран имели такие сильные и регулярно действующие научные форумы.

Так сложилось, что многочисленные и неотложные дела и обязательства постоянно отнимали у Дмитрия Константиновича большую часть его сил и внимания. На «свою» науку оставалось немного времени, главным образом по вечерам и редким свободным дням. Дмитрий Константинович не раз сетовал на это. Однако то, что он успел сделать, значительно. Я не имею в виду только публикации. Это формальная сторона дела. Система эволюционно-генетических взглядов, которую Дмитрий Константинович развил, несомненно, представляет большую ценность. К сожалению,

всему свое время. Его идеи в большой мере были адресованы к будущему и не всегда имели однозначное экспериментальное обоснование. В этом заключается одна из причин, препятствующих их широкому распространению, как они того, безусловно, заслуживают. В эпоху, когда аналитический подход в генетике и эволюционной теории доминировал, непросто было развивать синтетический подход. Такова судьба многих новаторов, особенно русских. Например, теория симбиоза была признана на Западе сравнительно недавно, т.е. спустя 80 лет после ее появления в России. Различный подход к науке и различные традиции определяют многое. Тем отраднее, что первые ласточки широкого признания беляевских концепций появились. Одна из них – публикация в 1995 г. в Oxford University Press очень любопытной книги «Epigenetic Inheritance and Evolution». В ней дается исключительно обстоятельное и профессиональное обсуждение дилеммы Ламарк-Дарвин на базе современных данных. Приятно, что вклад Д.К.Беляева оценен по достоинству. Не менее отраднo, что работы сотрудников ИЦиГ широко цитируются. По сути – это признание значительного вклада в эволюционную генетику, который внесла оригинальная научная школа, без сомнения, выпестованная трудами и интеллектом Дмитрия Константиновича.

О Дмитрии Константиновиче можно писать очень много. Его деятельность была столь многообразна, а его отношения с людьми были столь обширны. Едва ли в одной статье можно затронуть многие существенные моменты жизни Д.К.Беляева. Однако, сознавая эти ограничения, я не могу не рассказать о нескольких эпизодах его жизни, где по стечению обстоятельств я оказывался рядом и видел поведение этого человека в сложные минуты. Один из них произошел 8 февраля 1983 г. в Москве. Мы возвращались с Кишиневского съезда ВОГиС. Необходимость решить многие вопросы, связанные с изданием учебника «Общая биология», который уже выдержал 5 изданий, и его тираж превысил 5 млн экземпляров, привела Дмитрия Константиновича и меня в Москву. Отработав все утро в гостинице, мы поехали по издательским делам. Был прохладный и снежный день. Наша машина двигалась параллельно Ленинскому проспекту недалеко от Института биологии развития им. Н.К.Кольцова, когда я увидел, что приближающийся по встречной полосе грузовик заносит прямо на нас. Выбора не было: впереди автомобиль, справа высокий сугроб,

слева трамвайная линия, на дороге ледовая корка. Через доли секунды последовал сильный удар, скрип искореженного металла, звон разбитого стекла. Дмитрий Константинович, сидевший на переднем сиденьи, как-то поник головой, из-под шапки у него по лбу и лицу струилась кровь. Мне показалось, что у него серьезное ранение черепа, но Дмитрий Константинович, помолчав немного, ответил что с головой все в порядке, но вот левая рука что-то не работает. Я не помню в подробностях, что следовало за этим моментом. Помню, что звонил в скорую помощь, помню что выламывал заклиненную дверь. Лишь позднее я осознал, что без психического потрясения дело не обошлось. Через некоторое время мы оказались в ближайшей больнице. Рентген показал, что плечевая кость левой руки Дмитрия Константиновича раздроблена. Тут же последовала операция. Стемнело. В коридор вывезли каталку с бледным и перебинтованным Дмитрием Константиновичем. За все время после аварии он не издал ни одного стога, держался твердо, как всегда, хотя было совершенно очевидно, что травмы были серьезными. В палате первым делом он попросил закурить и сказал: «Ерунда, шкура и кости заживут». Мне это показалось несколько неоправданным оптимизмом. Через полчаса, немного придя в себя после случившегося, Дмитрий Константинович сказал: «Толя, надо что-то делать! Сегодня или завтра утром слухи просочатся в Новосибирск и Светлана Владимировна немедленно прилетит сюда, давай звонить». Еще через 15 минут каталка с Дмитрием Константиновичем стояла в кабинете врача и он непринужденным голосом говорил: «Светочка, мы с Толей вынуждены задержаться на несколько дней в Москве. Много бюрократических препятствий с учебником и много дел, которые за день не сделать. Жить будем в подмосковном пансионате, к нам не дозвониться, поэтому я сам тебе буду позванивать. У нас тут полный порядок!». Вскоре после этого разговора шок и наркоз стали проходить, а боль в израненной руке и голове напомнила о случившемся. На следующий день началось «паломничество». Среди посетителей был и водитель грузовика, врезавшегося в нас. Дмитрий Константинович сказал мне после беседы с ним: «Симпатичный парень, отслужил в армии недавно. Я попросил, чтобы не было судебного разбирательства, жаль парня, у него сейчас неприятности». Много хороших людей и отличных генетиков побывали в палате у Дмитрия Константиновича. Мне надлежало как-то регулировать этот поток, но я плохо

справлялся со своими обязанностями, проходили все. Если что и удалось, так убедить людей воздержаться от повторных визитов. Особенно памятен мне приход И.А.Раппопорта и И.М.Родионова (зятя В.В.Хвостовой). Было уже темно, часов 6 или 7 вечера, шел, если не ошибаюсь, третий день больничной жизни. Откуда ни возьмись, появилась бутылка армянского коньяка и закуска. Мы сидели на двух кроватях, а тумбочка с нехитрой снедью стояла посередине. Никогда до этого я не задумывался об отношениях Дмитрия Константиновича и Иосифа Абрамовича. Тут я впервые увидел, что взаимное уважение и товарищество между ними очень глубокие и прочные. Говорили о многом, но, конечно, о генетике и о войне больше всего. Не уверен, что после этой встречи у двух замечательных отечественных генетиков была еще одна возможность так душевно и долго беседовать. Никогда не забуду проникновенность, искренность и простоту этого вечера.

Не успел Дмитрий Константинович полностью оправиться от автокатастрофы, как тяжелая болезнь обрушилась на него вновь, коварно и беспощадно. Судьбе, однако, было угодно приподнести ему последний, но бесценный подарок – участие в праздновании 40-й годовщины Победы. Думаю, что многие из числа собравшихся в ИЦиГ в тот солнечный прекрасный день помнят радость и гордость, которые переполняли похудевшего Дмитрия Константиновича и других ветеранов. После этого дня, вопреки надеждам, состояние здоровья Дмитрия Константиновича прогрессивно ухудшалось, и в июле 1985 года он был перевезен для лечения в Москву. В конце августа Светлана Владимировна позвонила мне с просьбой приехать в Москву. Через день я входил в здание больницы с тяжелым чувством, ибо знал, что мой учитель безнадежно болен. Я опасался, что мне трудно будет скрыть свои эмоции. Дмитрий Константинович, как всегда, контролировал ситуацию. Несмотря на измождение, достигшее уже сильной степени, его дух был прочен. Никакой хандры, упадничества, придинок к окружающим. Казалось, что этот дух существует независимо от тела, а точнее говоря, невзирая на состояние тела. Дмитрий Константинович, безусловно, прекрасно понимал ситуацию и знал, что дни сочтены, но и не думал сдаваться. Он вступил в эту неравную борьбу с твердостью, уверенностью и спокойствием, обретенными в течение многотрудной жизни. Его сила и мудрость открылись мне в эти последние месяцы его жизни во всей полноте.

Мне невероятно повезло, что я имел замечательную возможность частого общения с ДК в эти дни и недели. Так совпало, что вскоре после нашего возвращения в Новосибирск начиналась 2-я школа-семинар по генетике животных. ДК должен был прочесть вступительную лекцию. Несмотря ни на что, эта лекция была подготовлена в срок, но прочесть ее ДК уже не мог. Честь сделать это легла на Л.Н.Трут, преданного соратника и товарища ДК, так много сделавшую для развития работ по domestикации и генетике животных. В тот же вечер участники семинара разместились на теплоход «Патрис Лумумба» и отправились вниз по Оби. ДК был очень заинтересован в происходящем и просил меня регулярно извещать о работе школы-семинара. Единственная возможность состояла в посылке телеграмм с борта теплохода, что я и делал аккуратно, но лаконично (за что ДК пожурил меня, когда мы вернулись). Генетики из разных концов страны смогли попрощаться с ДК перед отъездом домой.

Осень была великолепная в том году: сухая и теплая. ДК восторгался уголком природы, который был виден с крыльца его дома и по-своему тихо прощался со всем, что было ему дорого в жизни. Болезнь не смогла изменить его характер даже накануне последнего дня. Ясно помню нашу последнюю встречу: тот же полный глубинного смысла взгляд, то же рукопожатие, тот же интерес, та же гостеприимность. Ему было очень трудно дышать и почти невозможно скрывать тяжелый физический недуг от постороннего взгляда. Но снова обсуждались мировые темы, наука, политика, жизнь, перемены, начинавшиеся в стране. Твердость и сила духа этого человека достойны более глубокого анализа и лучшего описания.

Мы попрощались, ни он, ни я не знали, суждено ли увидеться еще раз. Позднее у меня возникло чувство, что мы оба подсознательно ощущали, что прощаемся навсегда. Он простался с одним из своих учеников. Я простался со своим Учителем.

П.М.Бородин

Понять человека

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1971 г.

Это было буквально за несколько дней до смерти ДК. Мы разговаривали в его гостиной. Потом я собрался домой, он вышел меня провожать и вдруг спросил: «А вот помру я, Паша, ты про меня напишешь?». Как бы в шутку спросил. И хотя и он, и я понимали, что какие уж тут шутки, счет шел на дни, я тоже как бы в шутку ответил: «Нет, ДК, не напишу. Я хоть и наглый, но не настолько уж. Чтобы писать о человеке, его понимать надо. Вот этот писатель, что про Вас пишет, он-то, поди, думает, что он все понимает. А может, и не думает, а берет да и пишет то про лезвие риска, то про острие поиска. А я Вас уже сто лет знаю, а, убейте, не понимаю и предсказать, что Вы сделаете через минуту, никогда не мог». Посмеялись оба, на этом разговор и закончился.

... Не закончился. Уж сколько лет прошло, а этот разговор у меня из головы не идет. Не знаю я, как писать о ДК. Истории из жизни рассказывать? Или попытаться понять, как он жил в то время, когда он жил? Так ведь это историю того времени надо писать. Или начать с другого конца, попытаться понять, что он был за человек? Да ведь я и про себя-то не понимаю, как же мне его оценивать. И потом, все равно от времени и обстоятельств никуда не денешься. Ладно, начну писать в хронологическом порядке, а там – что получится.

С ДК я познакомился через его сына Николая, с которым мы близко сошлись на практике в колхозе на втором курсе. Нет, про Николая я писать здесь не буду, скажу только, что из-за отца жизнь его в университете до 4-го курса была мученической, как, впрочем, и у других детей академиков. Наши преподаватели ужасно боялись, что их заподозрят в верноподданной снисходительности и драли с него три шкуры. Мне жилось не в пример легче, да и свободней – я-то жил в общежитии. А Николаю надо было быть дома вовремя. И естественно, у него же дома оказывались и мы все.

«Миша, выйди из комнаты, нам надо о высоком поговорить», – за 20 копеек

обычно удавалось брата уговорить, чтобы вышел и дал нам поговорить о высоком. Иногда не удавалось. Тогда шли на кухню.

Хлебосолье у Беляева в крови по обеим линиям – и от ДК, и от Светланы Владимировны. Так что все, что было в доме съедобного, выставлялось на стол. И, естественно, съедалось. А один раз скандал вышел. «Светлана Владимировна! Они всю начинку для пирога съели, а гостям что!?!», – трубила на весь дом своим иерихонским голосом беляевская домоправительница Луиза Федоровна.

Вот ведь, глупости про 20 копеек откупа от брата Миши да про начинку для пирога помню, а о чем говорили с ДК – а ведь говорили же за столом и не раз, – не помню. Не помню даже, как я его уговорил вести для нашего курса семинар по теории эволюции. Не было в программе этого семинара, только соседи мои по общежитию – старшекурсники – говорили, что раньше, давно когда-то (когда тебе 20 лет – 2 года назад кажется доисторическим прошлым) был такой семинар, который вели ДК с В.В.Хвостовой. Я уговорил ДК возобновить этот семинар для нашего курса. Начали с Дарвина. Именно тогда я его впервые прочитал и полюбил и до сих пор люблю, и все нападки на старика воспринимаю до сих пор как личное оскорбление (как и нападки на самого ДК). Семинар был построен так: мы читали Дарвина, Уоллеса, Вейсмана, а потом Шмальгаузена, Северцова и других классиков, делали доклады и с ДК их обсуждали. Что характерно было для ДК в этих обсуждениях – это дружеское отношение к классикам. «Да, ну напутал здесь Иван Иванович, ну что ж такого... А ты посмотри, когда это было написано. То и написал, что мог написать, а другого бы и не напечатали».

И наши глупости его никогда не возмущали. Это Вера Вениаминовна принимала их как кровные обиды и ужасно огорчалась. А ДК только посмеивался: «Да что ты говоришь, это так у Дарвина и написано, или это ты сам придумал?». И еще одно, что бы ты ни думал – говори, не отмалчивайся. Сейчас я понимаю, что наша страсть к дискуссиям идет от ДК. И отношение к эволюции как к главной мере вещей. Это уж точно от него. Обидно, что на нас этот семинар и закончился. Уже потом, спустя много лет, его восстановили. Его вел сначала Виталий Волобуев, а потом уже я. И мои студенты читали и обсуждали Дарвина.

А у ДК больше не нашлось времени на этот семинар для студентов. Вот что мне

обидно было тогда и ужасно обидно до сих пор, так это то, что ему вечно и трагически не хватало времени на самые важные, нужные и приятные для него дела: написать книги о доместикации и дестабилизирующем отборе, о природе человека, вести семинары для студентов, читать лекции по теории эволюции.

Лекции по теории эволюции на 4-м курсе нам читал Н.Н.Воронцов, и очень хорошо читал, и я начал было ходить в его лабораторию. Там меня посадили разбирать многолетние коллекции рептилий. Я их разбирал, шалея от формалина, и определял по определителю, плохо понимая, зачем все это нужно. И было мне невесело. Не помню, как это вышло, по-моему, ДК меня спросил, чем я занимаюсь, и энтузиазма в моем ответе не почувствовал. Тогда он сказал: «Я не собираюсь сманивать тебя у Николая Николаевича, решай сам, но давай съездим на ферму, поглядишь, что мы там делаем». Съездили вместе с ним и Л.Н.Трут. Из этой поездки я понял, что эволюция именно там и происходит, с этими людьми мне будет приятно работать, и что мне дают самостоятельную работу.

У ДК давно было желание воспроизвести лисий эксперимент на другом виде, и он предложил мне начать работу с дикими крысами. С самого начала: отловить, развести, оценить полиморфизм по поведению и начать селекцию. Уровень моего профессионализма в тот момент и общее умонастроение характеризует тот факт, что знакомство с объектом я начал с мистического рассказа Александра Грина «Крысолов». Да и потом, куда только меня ни заносило. Теперь-то я понимаю, сколько непосредственному руководителю Л.Н.Трут пришлось со мной перенести.

В самом начале работы, естественно, возникали технические проблемы, с которыми я по своей застенчивости (стеснялся беспокоить Л.Н.Трут) непременно обращался прямо к ДК, и тот их безропотно решал и ни разу не послал меня туда, куда меня, конечно, следовало послать. А как же, «любимый ученик».

Это «звание» не ДК мне дал. Я сам его себе присвоил. Вышло это так. Мне срочно что-то нужно было от ДК (глупость какая-нибудь, я подозреваю – машина, чтобы за животными ехать, или еще что-нибудь в этом роде), а ДК был занят в тот момент, и его новая секретарша, которая меня не знала, спросила меня, кто я такой. На это я и ответил: «Как, Вы не знаете? Да я же его любимый ученик». Так она обо мне и доложила. Я из-за двери услышал, как ДК хохотал, а потом сам вышел:

«Заходи, любимый ученик!». С этого и пошло. Один из примеров употребления этого звания: идет бесконечная отчетная сессия. Я мирно засыпаю и слышу сквозь сон голос ДК: «Саша, разбуди там моего любимого ученика, а то он сейчас храпеть начнет, конфуз выйдет».

Замечательной особенностью ДК была его способность подбирать в свою лабораторию хороших людей (я не себя имею в виду). Я с удовольствием вспоминаю компанию, в которой я начинал работать: Л.Н.Трут, В.И.Евсиков, В.Г.Колпаков, А.О.Рувинский. Уж не знаю, как это ему удавалось.

Впервые я узнал о дестабилизирующем отборе из доклада, который ДК сделал в 1971 году. У этой концепции была нелегкая судьба. Как все действительно серьезные и крупные концепции, она оказалась впереди своего времени и поэтому в момент появления не встретила полного понимания. Если вспомнить первые отклики на концепцию дестабилизирующего отбора, то они поразительно сходны с теми, которые вызвала вначале идея эволюции посредством естественного отбора. Как писал Дарвин: «После того как моя и м-ра Уоллеса статьи были доложены на заседании Линнеевского общества, единственный отзыв был – все новое в нашей работе – неверно, а все верное – неново». Именно так.

Но Дарвину было легче – он не был директором института. По нашему тогдашнему, да и нынешнему менталитету, – ни одна идея, исходящая от начальства, не может быть верной по определению. Вспоминая дискуссии тех лет, я все больше прихожу к заключению, что основная масса критики, когда добросовестной, когда не очень, базировалась именно на этом убеждении. И если тогдашние критики сейчас отрешатся от эмоций, положат руку на сердце и повернут глаза зрачками в душу, они не смогут не согласиться с этим. Было это и никуда от этого не денешься. Я и сам грешен. Я был очень молод тогда и, безусловно, был под очень сильным человеческим и научным влиянием ДК. Да и сейчас остаюсь. Но стремление спорить с начальством было сильнее. Его первый доклад о дестабилизирующем отборе мне не понравился, о чем я немедленно сообщил ДК. «Так боялись показаться подхалимами, что с начальством вели себя просто по-хамски», – я уж не помню, кто это сказал, но сказал верно.

Была и другая категория людей в то время (да и сейчас есть, куда она, эта

категория, денется), которые искренне считали или полагали благоразумным считать, что любая идея, исходящая от начальства, гениальна по определению и по определению же заслуживает немедленного и неумеренного восхваления. Надо ли говорить о том, сколько вреда от таких людей. Куда деваться, хоть мы и считаемся учеными, все мы люди, все мы дети своего времени и ничто человеческое и воспитанное нашим временем нам не чуждо. Поймите меня правильно, я не хочу сказать, что вокруг ДК и его идеи в то время были только такие «критики» и «сторонники», вовсе нет. Таких было немного, но говорили они громко и много, и их-то в основном и было слышно.

Другая, гораздо более печальная сторона драмы идей ДК в том, что он не имел ни времени, ни сил на себя, на то, чтобы оставить все остальные дела и изложить свои взгляды в полной форме. Дарвин пришел к идее естественного отбора в 1838 году. Его главная книга вышла на 20 лет позже. И именно она, а не его статья, изложенная на заседании Линнеевского общества, завоевала мир. «Из этого я заключаю, что всякая идея, чтобы быть понятой, должна быть подробно и пространно изложена», – писал Дарвин в конце жизни. ДК свою главную книгу так и не написал. Все некогда было. Так и не сбылась его мечта: уйти на корабле «Академик Вернадский» в южные моря на полгода – год, где нет ни начальства, ни телефонов, ни часов приема по личным вопросам, и написать главную книгу.

Но вернемся к тому, когда эта идея появилась и почему мне она не понравилась. Идея спящих генов во мне вызывала протест по принципу: этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Но потом получилось так, что мы с А.О.Рувинским и ДК сделали очень занятную работу по наследуемой инактивации гена *Fused* у мышей. На сегодняшний день эта работа имеет самый высокий индекс цитирования из всех, что я написал за всю свою научную карьеру. Я по-прежнему сомневаюсь в идее спящих генов в том виде, как их определял ДК тогда. Маловероятно, что гены могут спать эволюционно долгое время. Но мы тогда показали, что они могут отключаться по крайней мере на несколько поколений, причем вероятность отключения зависела от происхождения генов – материнского или отцовского. Сейчас это называют геномным импринтингом.

А то, что теперь называют регуляторными элементами, похоже, имеет самое

непосредственное отношение к тому, о чем думал ДК 25 лет назад. Сегодня совершенно ясно, что не сальтации и не системные мутации генов сильного эффекта запускают мощные формообразовательные процессы. Это происходит путем отбора регуляторных элементов этих генов. И ДК был совершенно прав, считая вслед за Дарвином, что эволюция домашних животных дает ключ к пониманию всей эволюции. Именно при domestikации отбор по регуляторным системам приводит за считанные поколения к тем результатам, на которые в природе уходят тысячелетия.

Это я теперь понимаю, а тогда меня смущала в концепции дестабилизирующего отбора слишком прямая экстраполяция на природные популяции выводов, полученных на домашних животных.

– Ладно, – говорил я ДК, – здесь есть отбор по поведению, а в природе-то что?.

– А в природе – стресс. Вот ты смотри, среда колеблется постоянно, но в большинстве случаев это колебания, известные виду, уже освоенные видом, как говорил Шмальгаузен. Когда зима наступает, зверь линяет, причем готовится к этому заранее, не на холод ориентируется, а на фотопериод. Потому что веками за сокращением фотопериода следовал холод. Так что это не стресс. Это освоено, к этому есть адаптации. А теперь представь, что среда радикально меняется, и прежние специфические адаптации не спасают, вот тогда наступает стресс. Как его Селье называл? Правильно, неспецифической адаптивной реакцией. Тут и уровень гормонов меняется, а они, как ты знаешь, генные индукторы. Соответственно и экспрессия генов может меняться. А у наших предков что произошло, когда леса отступили и они в саванне оказались голые и безоружные? Тоже ведь стресс. Вот когда и отчего так быстро пошла наша эволюция. А дальше пуце, говорить научились. И что такое слово? Казалось бы, движение воздуха, а какой стрессор! Вот отчего все пошло. И отбор на этом фоне и на стресс, и на интеллект, и на социальность – все ведь поведение.

И как-то так незаметно вышло, что именно стрессом я и занялся. В 1975 году в нашу лабораторию приехал из ГДР на годичную стажировку Люц Шюлер, как он сам себя называл, наш социалистический друг. И ДК приставил меня к нему. Вместе с ним мы занимались генетикой стресса на мышах. Параллельно подобные исследования начал проводить А.Л.Маркель на крысах. Нашей целью было поначалу

установить генетическое разнообразие по чувствительности к эмоциональному стрессу. Но результаты оказались гораздо более интересными, чем мы ожидали. Мы обнаружили, что в модельных популяциях мышей, подвергнутых стрессу, растет генетическое разнообразие по ряду признаков, в том числе и тех, что прямо со стрессом, казалось бы, и не связаны. Я помню, с каким удовольствием ДК смаковал наши с Люцем данные.

– А это измерили?

– Измерили.

– А это?

– А это нет, а зачем?

– Да как же зачем, ну вы и вахлаки!

– Что есть вахлак? – спрашивал Люц.

– Вот ты и есть вахлак, – по-дружески пояснял я, – пошли считать по новой.

Вот здесь я должен сказать, что помимо всего прочего, что сделал для меня ДК, он свел меня с людьми, которые стали моими самыми дорогими друзьями на всю оставшуюся жизнь: с Люцем Шюлером, с Обри Меннингом и другими.

Возвращаясь ко времени нашей работы с Люцем, я вспоминаю сам процесс осмысливания результатов и написания статей вместе с ДК. Процесс этот был захватывающим, хотя порой и мучительным. Захватывающим потому, что я никогда не знал, куда повернет мысль ДК и что он увидит в данных, какие ассоциации из, казалось бы, совершенно далеких областей у него возникнут. Мучительным потому, что ему вечно было некогда. Всегда была бездна срочных и важных дел для института, для Сибирского отделения, для советской генетики, и они действительно были важными и срочными, а что статья, статья – подождет.

«И вообще, все пишут, да пишут. Вот Сергей Сергеевич (Четвериков) одну статью написал, зато какую. Нет, сегодня никак не получится. Ну, разве что вечером». И вот вечером звонит телефон: «Ну, давайте, идите ко мне». Мы с Люцем идем в его кабинет, а он уже безумно усталый. И пьем чай из стаканов в подстаканниках. И не чай тоже пили.

«Нет, голубчики, сами видите, сегодня ничего написать не выйдет, – говорит ДК, – ладно, покажите, что вы там написали». И слово за слово начинается работа, и

ДК пишет на полях и на обороте страниц, и наутро мы ходим по специалистам и пытаемся расшифровать его абсолютно нечитаемый почерк.

Не поймите меня так, что я жалуясь, что ДК уделял своей лаборатории мало внимания. Всегда при всех его делах и занятости его лаборатория – и люди, и дела этой лаборатории – была для него самым дорогим детищем, и все мы это хорошо понимали и чувствовали, хотя, конечно, ворчали. Да и как было не ворчать – межлабораторные семинары проходили регулярно, каждую неделю, в 9 утра по понедельникам, а лабораторные семинары, бывало, что и по несколько месяцев не собирали.

Как ДК вел межлабораторные и институтские научные и философские семинары, отчетные сессии и конференции – это отдельная поэма. Меня всегда поражали его способность схватывать самое существо дела прямо на лету, в зале, со слуха, его умение задавать именно те вопросы, которые нужно. Более того, он обладал прямо-таки мистической способностью ощущать мысли и настроение зала, не зала даже, а каждого человека в нем. Вот кончился доклад, и идет обсуждение. И тут у тебя возникает по этому поводу мысль, и ты только еще обдумываешь, а не глупая ли эта мысль, не тривиальная ли, и вообще, как говорят англичане: «Никогда не упускайте возможности промолчать», – так нет же, вот уже слышишь голос ДК: «А ты что думаешь, голубчик, по этому поводу?». – «Ой, да ничего я не думаю». – «Нет, я отсюда не слышу, ты иди сюда и с трибуны говори».

А что делать, идешь и говоришь. Красиво говоришь, а иногда даже и по делу. А ДК прохаживается вдоль доски. Ему ничего записывать не надо. Он все хорошо запомнит и потом скажет в заключительном слове. И будет оно именно заключительным, где будут расставлены все точки на *i*, и все слабые и сильные стороны показаны, и что со всем этим делать дальше.

Очень интересно было наблюдать за ним на выезде – на съездах ВОГиС, которые в то время (и во многом благодаря ДК) были и пиршеством мысли, и ярким спектаклем, и праздником общего генетико-селекционного братства, и драматическим действием.

Он действительно был связующим звеном между старшим поколением генетиков и нами всеми. Было очень хорошо видно, как он любил стариков и как они его любили. Они могли ссориться, они могли подсмеиваться друг над другом, но за

всем этим была очень искренняя и нежная любовь и очень глубокое взаимное уважение.

Я никогда не забуду его тост за стариков на Кишиневском съезде. Он был сказан вне протокола, от самого сердца, для всех них вместе и для каждого в отдельности. ДК очень любил эту фразу «всех вместе и каждого в отдельности» и часто повторял её в разных контекстах. И в лаборатории, и в институте, и в советской генетике он думал и переживал о всех вместе и о каждом в отдельности. И все это знали. И приходили к нему, и писали, звонили и по научным делам и по личным. И всех он знал и помнил, и во все эти дела вникал. Причем он никогда прямо в мои личные дела не входил, и вообще во всем, что касалось личной жизни, был предельно деликатен. Но когда что-нибудь случалось, ДК оказывался в курсе и рядом.

Вскоре после окончания университета я поехал с А.О.Рувинским в далекий зверосовхоз. Анатолий Овсеевич кастрировал там лисиц, по 12–15 самок в день, а я ему в этой хирургии ассистировал. В то время, когда я там был, мой сын очень тяжело заболел. Моя жена позвонила ДК – кому же еще. Он поднял на ноги всю нашу медицину. Связи со зверосовхозом не было, и ДК немедленно отправил туда своего сына, чтобы он меня там сменил.

Я довольно часто бывал у Беляевых дома, и просто так, и по делам, и на фантастических обедах, которые устраивала по всякому поводу Светлана Владимировна. Двери всегда и для всех были туда открыты. И на Новый год, и в революционные праздники не зайти к ДК было немислимо. Не потому, что должен был зайти, а потому, что уж больно хорошо там было. И интересно. Вот ведь особенности наших национальных застолий: ведь не о еде же говорили, и не о погоде, как в иных благополучных странах, а все больше о высоком. Кроме того, на этих застольях у меня была особая роль: ДК всегда назначал меня тамадой. И, посмеиваясь, наблюдал за извивами моего красноречия. Иногда выходили казусы. Помню, на банкете по поводу защиты докторской Е.В.Груntenко я как тамада сидел рядом с ДК и оппонентами – Иваном Ивановичем Л. и Гарри Израилевичем А. И вот после того как банкет закончился, ДК меня спрашивает:

– А зачем это ты, Паша, весь вечер Ивана Ивановича Гарри Израилевичем величал?

– А Вы-то, ДК, рядом сидели, что же не сказали?!

– А ты так красиво говорил, что я смутить тебя боялся.

Но еще больший казус вышел со мной из-за Фолклендских островов (они же Мальвинские). Не помню уж, по какому поводу я речь произносил на общем собрании института, наверное, по случаю Дня Победы, а только занесло меня на Фолклендскую войну, которую у нас было положено воспринимать как освободительную борьбу свободолюбивого аргентинского народа против загнивающего британского империализма. А я крыл и Англию, и Аргентину. И Гамлета цитировал про тысячи жизней, которых не жалко за какой-то сена клок. ДК в это время в институте не было, но ему, видимо, доложили.

Вызывает он меня к себе и говорит:

– Ты вообще, Паша, газеты читаешь?

– Читаю, – говорю.

– А где ты, Паша, видел, чтобы в наших газетах аргентинское правительство называли кровавой хунтой? И зачем ты, голубчик, говоришь с трибуны про десятки тысяч жизней, которых не жалко за какой-то сена клок в то время, когда мы в этом Афганистане, пропади он пропадом, именно что десятки тысяч теряем? Ты в другой раз немного следи за тем, что ты говоришь. А то говоришь ты, конечно, хорошо и красиво, а иногда даже правильные вещи. Но только вот, когда ты начинаешь говорить, никто не знает, куда это тебя заведет. В прямом и переносном смысле. Ты, я подозреваю, и сам не знаешь.

По понятным причинам он был очень осторожен в высказываниях и взгляды свои, как бы сказать, фильтровал. За его широкой спиной был институт и советская генетика. Ему слишком хорошо было известно, чем обернулось для Б.Л.Астаурова и его института невозвращение одного из его сотрудников из заграничной командировки и прочие истории тех лет. Поэтому в должных местах ДК говорил должное. И без всякого смущения он посылал приветственное письмо «дорогому Леониду Ильичу» от имени Общего собрания Сибирского отделения ВОГиС. Ему от этого не убудет, а ВОГиСу, глядишь, и польза будет. Но вот писем с осуждением академика Сахарова никогда не подписывал, причем без громких слов и красивых жестов. Просто не оказывалось его в должное время в должном месте.

Хотя иногда и его дипломатичности не хватало, чтобы выносить совсем уж вопиющие глупости. Так он себе на беду ввязался в дискуссию о природе человека. У нас в те времена считалось, что телом человек – продукт эволюции, а душой – продукт классовой борьбы и производственных отношений. А те, кто думал иначе, назывались биологизаторами и проводниками чуждых буржуазных идей. И ДК оказался одним из них, правда, в хорошей компании с Кольцовым, Филипченко, Астауровым. Что ему и объяснили в журнале «Партийная жизнь», приводя в качестве аргументов цитаты из классиков марксизма. ДК стал возражать, приводя научные аргументы, будто они кому-то были нужны. Ему ответили новым набором цитат из классиков. Но классики потому и классики, что у них можно найти цитаты на все случаи жизни и точки зрения. Вот и ДК нашел подходящую цитату в письме Ленина к Туган-Барановскому и опубликовал ее в журнале «Политическое образование», который по тем временам был весьма либерален. Ужасно грустно все это. Какой ерундой ему приходилось заниматься. Хотя ДК есть ДК – он ничего не делал наполовину и чтобы отделаться. Он, действительно, глубоко ушел в проблему эволюции человеческого поведения. Он очень серьезно и с разных сторон обдумывал ее. И идея фантастического эксперимента в этой области (я расскажу о нем чуть позже) возникла у него тогда. Потом он посвятил проблеме биосоциальной природы человека свой президентский доклад на Международном генетическом конгрессе в Нью Дели. И опять, опять – ему бы все бросить и чем статьи в «Политическое образование» писать и цитаты из классиков извлекать – взять бы и написать книгу, где изложить, как говорил Дарвин, «проблему в надлежащей полноте». Куда там, некогда. Да и книга – это для себя, а статьи – в защиту советской генетики, честного имени ее классиков – Кольцова, Филипченко, Серебровского, Астаурова. Ну и естественно, указали ему на его заблуждения с трибуны очередного пленума ЦК КПСС. Сам секретарь ЦК по идеологии тов. К.У.Черненко и указал. А как же: руководящая и направляющая сила. В том числе и для беспартийных академиков.

Насчет своей беспартийности ДК всегда говорил уклончиво, дескать, стар уже, чтобы вступать. Время от времени допытывался от меня, отчего я не вступаю, и вроде как бы даже и рекомендовал мне это сделать. При этом я заметил, что мое ерничанье – не созрел еще и более достойные люди есть – в ответ на эти его вопросы раздражало

ДК. И прекратил он эти вопросы только когда я вспыхнул и сказал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не вступлю в эту организацию, потому что никому не позволю указывать, как мне думать и поступать. Похоже, этот ответ его удовлетворил.

ДК в то странное время двоемыслия было несравненно труднее, чем нам, соединять то несоединимое и объяснять (не только для себя, но и для нас тоже) необъяснимое, что происходило в тогдашней политической жизни. Хотя во многое из того, что мне казалось тогда пропагандистскими затеями, ДК искренне верил. Например, идея о том, что наука должна служить народу, была его искренним убеждением. Он постоянно искал выходов в практику, постоянно занимался тем, что называлось тогда замечательным словом – внедрение в народное хозяйство. Притом, что и хозяйство было не больно-то и народным, и что всеми фибрами оно сопротивлялось этому внедрению. Но он продолжал бороться с чиновниками, убеждать их, давить на все мыслимые и немыслимые кнопки, с тем чтобы продвинуть разработки института в народное хозяйство. И самое удивительное, что это ему удавалось.

Сейчас я понимаю, что при всем его кажущемся прагматизме и трезвости суждений, был он неисправимый идеалист и романтик. И в науке, и, как сейчас говорят, по жизни. Весь его великий эксперимент с лисицами – ну не романтика ли это была с самого начала? Взяться за то, чтобы воспроизвести эксперимент, который человечество проводило в течение тысячелетий. Кто-то сказал, что великий писатель отличается от обычного тем, что пока обычный размышляет писать ему короткий рассказ или не писать, да в какой журнал, да напечатают ли, великий садится за стол и пишет «Войну и мир». Вот так и ДК, взял и начал эксперимент. И до сих пор он продолжается и еще долго продолжаться будет и приносить плоды.

А ведь он еще один эксперимент замыслил. И почти всерьез. Как-то он позвал В.Г.Колпакова, Л.Н.Трут, А.О.Рувинского и меня. И предложил он нам подумать о том, что будет, если отбирать шимпанзе на экстраполяцию по профессору Крушинскому и на гуманность по князю Кропоткину. Уж на что мы ко всему были привычные, но и у нас дух захватило. Однако, что же, задача есть и страшно занятая задача. Стали обсуждать. Оказалось, что лет через 100 уже будут первые результаты, а через 300 уже возникнут морально-этические проблемы.

«Да что Вы, ДК, Вы понимаете, что Вы затеваете?! Мало в нашем мире своих проблем, Вы еще эту хотите преподнести человечеству. Зеркало ему поставить».

«Да верно, все верно. Но ведь интересно-то как. И потом, это сейчас страшно, а через 300 лет, может, человечество поумнее нашего будет».

И знаете, кого он нашел себе в единомышленники? Саму Джейн Гудол – директора знаменитого исследовательского центра в Гомбе (Танзания). Вот что она писала в своем письме к ДК: «Я сама довольно часто думала об этой идее, и именно потому, что шимпанзе так сильно отличаются друг от друга по интеллектуальным способностям, так же, как и по характеру. Тот проект, о котором Вы думаете, будут фантастически дорогим и долгим. Как Вы знаете, самки шимпанзе начинают размножаться не раньше, чем достигнут десятилетнего возраста, даже в неволе. А в природе – это ближе к 13–14 годам. Кроме того, для того чтобы их интеллектуальные способности (а именно они интересуют нас, прежде всего, в плане очеловечивания) проявились в полной мере, животные должны расти в очень хороших условиях – несколько лет с матерью, в богатой и разнообразной среде. Как я все это понимаю, такой проект может быть только начат при нашей жизни, но чтобы он продвинулся, мы должны быть уверены в наших последователях».

Ну, уж насчет последователей у ДК, похоже, никаких сомнений не было.

Вот такой был проект. И кто его знает, может, и верно, придет время, когда человечество решится на этот эксперимент.

При всей его трезвости и ясности ума, при его аллергии к мистике и всякой чертовщине ДК всегда воодушевлялся от загадочных явлений. Иногда эта его страсть выходила нам боком. Как-то в Москве к нему явился один тамошний ученый, который утверждал, что если семенник или яичник у живого зверя обернуть в целлофан, а потом этого зверя скрестить, то в потомстве у него изменится направление доминирования, и рецессивные гены проявляются как доминантные. Когда ДК приехал и рассказал это нам, мы все в один голос завопили:

– Глупости!

– Да сам знаю, что глупости, но он ведь цифры показывал. Давайте проверим, дело-то небольшое.

И куда деваться, проверяли. Этот ученый приехал, обернул целлофаном кучу

мышей, крыс и норок. А мы после смотрели на потомков. Конечно, ничего не вышло.

– Да верно все, голубчики, я и сам знаю, и не должно было ничего выйти. А вдруг? – говорил потом ДК.

Все он боялся выплеснуть с водой ребенка. А оттого, какие только дети не плескались в воде нашего института: и Камеррера с его саламандрами проверяли, и переливанием яичных белков занимались (и сам же ДК для этих экспериментов контрабандой вывез из Японии длиннохвостых храмовых петухов).

– Я-то VIPом летел. А японцы, сам знаешь, они и так-то кланяться горазды. А тут перед VIPом они чуть головы свои японские о стойку не поразбивали. Вот они кланяются, а я в это время коробку с петухами под стойкой ногой двигаю. Так и провез. Гляди, красавцы какие. В любом другом месте все эти исследования давно бы уже прихлопнули. А у нас ничего – в институте продолжали расцветать все цветы. Может, оно и неэффективно и вообще нехорошо, а только так наука и должна делаться. Ведь никогда не знаешь, что из чего выйдет. А вдруг?

Я и сам грешен был. На что меня только не заносило! То я крыс ловил в плавнях Молдавии, то кошек считал по городам и весям, то по телевизору устраивал цирк из законов Менделя и лотерею из уравнения Харди. ДК иногда ворчал, а больше посмеивался. (И даже в одном из моих фильмов снялся. Фильм был про центры происхождения домашних животных и растений. ДК и сценарий мой правил. И сам перед камерой рассказывал про Н.И.Вавилова).

Его любят изображать генералом, страшным во гневе. Ему самому этот имидж ужасно нравился, и он старался по мере сил его поддерживать. А только вот такой свободы мыслей и поступков, как у нас в институте, нигде не было. И это при том, что и табельный учет был, и его заместитель по общим вопросам по пляжам облавы проводил, и ДК громыхал на семинарах, если кто опаздывал, и на субботники с демонстрациями сгонял («Конечно, заставить прийти я вас не могу. Может, кто и не сможет прийти. Ну и черт с ним!»). А свобода была (и сейчас есть, спасибо его преемнику). Ну и естественно, свободой этой пользовались и пользуются все, каждый по своему разумению. И слава богу. Так-то оно и лучше. Уж я-то знаю, где я только ни работал, а всегда в институт возвращался, потому что лучше него ничего нет и быть не может.

К вопросу о генеральстве. Как-то я был у ДК дома, и беседовали мы о международном положении. А время было катастрофическое, когда во главе трех великих держав – США, Великобритании и Советского Союза – стояли три великих долдона. И ДК высказался в том смысле, что все это так долго продолжаться не может, что эти долдоны когда-нибудь доиграются и все рванет к чертовой матери. Мне такая перспектива не очень улыбалось и я возразил, что, может, и не рванет.

– Да рванет, Паша, рванет. Вопрос времени.

– Так чего же мы тогда с Вами, ДК, эксперименты обсуждаем? Толку-то, если рванет? Я тогда вовсе ходить на работу перестану, а лягу на диван и буду в комфорте дожидаться, когда рванет. Книжки буду читать, телевизор смотреть.

– Как это ты на работу ходить перестанешь, – возмущился ДК. – А я тебя уволю!

– Это Вы-то!? Из нашего института? Да ни за что! Да 10 лет ходить не буду, а все равно не уволите, рука не поднимется. Примеры привести?

– Не нужны мне твои примеры, уволю, вот и весь сказ, – зарокотал ДК. А как же – генерал.

Генерал – не генерал, а к армии у ДК было трепетное и опять же романтическое отношение. Здесь многое играло роль: и его военное прошлое, боевое братство, и идеалистический взгляд на армию как на островок честности, чести и порядка в нашем бесчестном и беспорядочном мире. Все это в корне противоречило моим сугубо штатским взглядам на мироустройство, но я всегда понимал, что все это значит для ДК и вот уж по этому вопросу с ним никогда не спорил. И когда я видел его на параде ветеранов, как он шел по весеннему Морскому проспекту во главе колонны под песню из кинофильма «Белорусский вокзал», ей-богу, и у меня слезы на глаза наворачивались.

Один раз я наблюдал, как этот романтизм столкнулся с реальностью. Мы были тогда в ГДР – я с Наташей (женой) и ДК. Жили мы в Ростоке в роскошном старинном особняке Института животноводства. Каминный зал, библиотека, привидения по углам, горничные в передничках. 38 сортов колбасы в магазинах (без талонов) и прочие готическо-мелкобуржуазные прелести. И как мы там славно жили две недели. Каждый вечер пили чай с коньяком (плохой, надо честно сказать, был коньяк в ГДР) у камина, и Наташа нам играла на пианино. А когда ДК бывал в настроении, они с

Наташей пели. Конечно, военные песни. Удивительная у нас страна, – отчего это у нас самые душевные песни – военные? Не про любовь, а про войну. И даже когда про любовь, то все равно про войну – «строчи, пулеметчик, за синий платочек, что был на плечах дорогих».

В Ростке ДК принимали по первому разряду, в гости звали в дома к начальству и к простым немецким ученым. Перед самым нашим вылетом на родину ДК поехал в Гаттерслебен. Его пригласили прочесть лекцию в Институте генетики растений. А там, узнав, что неподалеку находится советский гарнизон, ДК попросил его туда отвезти. Мы с Наташей в Гаттерслебен не ездили и встретились с ДК уже в самолете. Таким убитым я никогда ДК не видел.

– И это – армия победителей! – сокрушенно повторял он. С трудом мы добились от него, что произошло. Из немецких мелкобуржуазных гостей мимо немецких мелкобуржуазных коттеджиков по немецким мелкобуржуазным дорогам его привезли в нашу советскую казарму.

– Офицер с семьей, с детьми живет в одной комнате! Простыней разгорожено. Кухня общая, туалет общий. И запах, Паша, ты бы знал, какой дрянью там пахнет. За забор выход строем и по большим праздникам. И это – армия победителей!

Потом, уже в Москве, он звонил большим военным начальникам. Глаза им открывал на армию победителей. Выслушали, наверное, еще и поблагодарили за заботу, и, уж конечно, обещали принять меры.

Про войну он, так или иначе, постоянно вспоминал. И про долг перед ветеранами. И ясно было, что для него это очень важная часть жизни. Хотя о собственной военной карьере он все больше веселые байки рассказывал.

Рассказчик он был замечательный. И артист. Он никогда просто не рассказывал, он играл героев своих историй: голосом, интонацией, выражением лица. При том, что хорош он был необыкновенно, и как минимум половина институтских женщин всех возрастов была влюблена в него безумно и безответно. Да и не только институтских.

Сцена у фонтана в Доме ученых после концерта Рихтера. Рихтер идет по фойе. Рядом со мной стоят две женщины: «Вот идет Беляев! Мой любимый Беляев! Ах, как я люблю Беляева». Бедные женщины! Как я их понимаю. Перед его обаянием невозможно было устоять.

Но была одна единственная женщина, которая сыграла главную роль в его жизни – Светлана Владимировна. За свою жизнь я повидал много семейных пар, но ни в одной, повторяю, ни в одной я не встречал такой гармонии, такой теплоты, любви, взаимной заботы и уважения, как это было у ДК и Светланы Владимировны. У них всегда было тепло и уютно, их дом был настоящим домом и для меня, и для многих других. И тепло это создавала Светлана Владимировна.

Когда мы с ней занялись подготовкой этого сборника, я спросил у нее, не сохранилась ли их переписка с ДК.

– Ну что Вы, Павлик, какая переписка, мы ведь и не разлучались вовсе. Все время вместе были.

Так оно и было, они всегда были вместе, и дома, и на работе, и во всех его многочисленных поездках. На всех его докладах она сидела в первом ряду. С неизменным фотоаппаратом, а иногда и с кинокамерой. Каждого гостя в доме она усаживала рядом с ДК и фотографировала, каждое торжество в доме заканчивалось групповой фотографией.

– Ну, Светочка, ну не надо, – говорил ДК и покорно шел фотографироваться.

И всегда у ДК был его чай в стакане с подстаканником. А если кто приходил к ДК, то редкий гость мог ускользнуть ненакормленным, причем ни в коем случае не на кухне, а в столовой и при полной сервировке.

Светлана Владимировна всегда была его добрым ангелом. Она воспринимала все его проблемы, и проблемы института, и Сибирского отделения, и советской генетики как свои собственные. Причем, как правило, она воспринимала эти проблемы еще более остро и лично, чем ДК. Да и сейчас это так. Каждое недоброе слово, сказанное о ДК, она воспринимала и воспринимает очень болезненно. Она так его любила, что у нее не укладывается в голове, как кто-то мог его не любить. А к ДК ни у кого не было нейтрального отношения. Его или любили, или не любили, но и то и другое – всеми фибрами души.

Особенно трудно Светлане Владимировне пришлось после смерти ДК. Конечно, сама потеря была в самом точном смысле этого слова невосполнимой. Но мало этого, его смерть совпала с наступлением в нашей стране свободы, которую многие восприняли, как возможность с удовольствием говорить гадости и безнаказанно

пинать мертвого льва. И стыдно было, и глупо. И не только за ДК мне было обидно, а больно было глядеть на Светлану Владимировну.

Страшно подумать, уже больше 15 лет прошло без ДК, и каких лет. И все вроде изменилось. Но что замечательно и жизненно важно для меня – это то, что в этом безумно изменившемся мире остались неизменными добрые вещи, сделанные ДК. Его институт – наш институт – это по-прежнему единственное место в мире, где можно хорошо и с удовольствием работать, где по-прежнему кипят страсти на семинарах, и обсуждение – прав Дарвин или не прав, может перейти на личности. Его лаборатория успешно пережила, короткое, но тяжелое время моего бестолкового ею заведования, и сейчас продолжает работы ДК. И лисиц его по всему миру показывает по ТВ в передаче «Час Дискавери». И даже звероферма выжила. Звероводству, вместе со всем народным хозяйством конец пришел, а научная звероферма, которая этому хозяйству, по мысли ДК, должна была служить, живет. Может, и послужит еще. И ученики его работают, кто здесь, а кто далече, а все равно его ученики. И у них уже ученики подрастают. И есть о ДК очень добрая память.

Н.А.Колчанов

Суша теория, мой друг

Доктор биологических наук, заместитель директора ИЦиГ, сотрудник ИЦиГ с 1974 г., аспирант ИЦиГ с 1971 по 1974 гг.

Я впервые встретился с Д.К.Беляевым на студенческом семинаре по проблемам эволюции в Институте цитологии и генетики СО РАН в 1967 году. В работе этого семинара, который возглавлял Д.К.Беляев, участвовали студенты младших курсов биологического отделения факультета естественных наук НГУ. Эти семинары проходили в аспирантской комнате института. Собиралось до 20–30 участников. Заслушивались сообщения студентов, после чего начиналась дискуссия, которую направлял Д.К.Беляев.

Меня, в то время студента второго курса, удивляло, почему вместо обсуждения таких важных проблем, как строение хромосомы, структура двойной спирали ДНК, генетический код, строение клетки, практически важных задач селекции мы занимаемся на этом семинаре отвлеченными задачами. Сейчас, найдя, как мне кажется, собственное понимание жизни Д.К.Беляева, я думаю, что он говорил с нами о самых важных, волновавших его научных делах, и лежали они в области теоретических проблем биологии и генетики.

Как-то раз в ходе обсуждения взглядов Ламарка Д.К.Беляев спросил: «Почему же не могут наследоваться приобретенные признаки?». К этому времени мы прослушали курсы Н.Б.Христолюбовой, И.И.Кикнадзе, Ю.Я.Керкиса. Поэтому несколько человек дали обстоятельные разъяснения этого вопроса. Затем выступила наша однокурсница и сказала, что вопрос о невозможности наследования приобретенных признаков очевиден и что «вообще, мы выпитали этот взгляд с молоком матери». По-видимому, в этом ответе было больше желания сказать преподавателю то, что он хотел услышать, чем истинного понимания сути дела.

Обычно сдержанный Д.К.Беляев вспыхнул, семинар прервал свой спокойный ход, и затем в течение двух часов Дмитрий Константинович рассказывал нам о судьбе

генетики, о Лысенко и об ученых – сотрудниках нашего института – Ю.Я.Керкисе, Н.А.Плохинском, З.С.Никоро, А.Н.Луткове, П.К.Шкварникове, Ю.Н.Мирюте, которые после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года были изгнаны из науки именно потому, что отвергали идею наследования приобретенных признаков.

Мне запомнилась еще одна встреча с Д.К.Беляевым в это же время – на просмотре кинофильма о делении клетки. О демонстрации этого кинофильма нам сообщили студенты-старшекурсники в общежитии. Помню, с каким напряженным вниманием наблюдали все за действием, разворачивавшимся на экране.

Еще не был написан роман Дудинцева «Белые одежды», в котором описывалась история научного студенческого кружка послевоенных времен, участники которого пострадали за любовь к истине, они изучали запрещенную в то время генетику и смотрели запрещенный фильм о делении клетки. Книга была издана в 1987 году.

В 1964 году закончились официальные гонения на генетику. Нам же, студентам второй половины 1960-х годов, все происходящее казалось вполне естественным, и мы с трудом осознавали, какую цену пришлось заплатить ученым старшего поколения за свободу делать в своей науке то, что они хотят.

Институт цитологии и генетики СО АН был в то время молод. Молоды были его директор Д.К.Беляев, и его сотрудники, которые под руководством Дмитрия Константиновича фактически на свой страх и риск заняли здание, в котором институт располагается и по сию пору и которое в очередной раз хотели передать под размещение другой научной организации, что и послужило поводом для решительных действий директора института и его коллектива.

Мне до сих пор кажется, что в этой истории есть вторая движущая причина. У Д.К.Беляева были особо дружественные и доверительные отношения с основателем Сибирского отделения АН СССР академиком Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым, который исключительно много сделал для создания нашего института и его становления, защищая и оберегая его в нелегкую для генетики эпоху Н.С.Хрущева. Я полагаю, что история с захватом здания института была во многом разыграна по взаимному согласию великим мастером организационных комбинаций М.А.Лаврентьевым (который не хотел открыто проявлять себя как защитник и покровитель генетики) и его другом Д.К.Беляевым.

Несмотря на внешнюю жесткость своего поведения, Д.К.Беляев давал большую свободу сотрудникам своего института в выборе научной тематики. Вместе с тем он считал, что ученый может добиться значимого результата только в том случае, если посвятит решению стоящей перед ним проблемы всю свою энергию и усилия. Думаю, что именно этим объяснялось его настороженное отношение к попыткам быстрой смены научными сотрудниками тематики своих исследований и их переходу из одной лаборатории в другую. Он считал, что, только приложив максимум старания к решению поставленной задачи и чрезмерные усилия к достижению цели, можно получить серьезный научный результат.

Его очень интересовали результаты, полученные лабораторией профессора М.Г.Колпакова в области физиологической генетики, тогда еще новой, только формировавшейся науки. М.Г.Колпаков, в лаборатории которого я работал, попросил меня сделать на отчетной сессии института 1973 года доклад по исследованию влияния мутаций на функцию ренин-ангиотензинной системы. Математическая модель этой системы была мною построена. Она позволяла исследовать некоторые особенности функционирования этой системы как в норме, так и при патологиях. Фактически речь шла о возможности качественного предсказания фенотипического проявления мутаций на основе математического моделирования функциональных систем организма.

Это выступление подверглось жесткой критике со стороны Дмитрия Константиновича. Действительно, в то время не было расшифровано еще ни одного гена, революции в молекулярной биологии и генетике, полностью изменившей биологию, еще предстояло свершиться. Трудно было поверить в то, что наступит время, когда биологи действительно смогут «выводить» особенности функционирования сложных биологических систем из знания структуры генов и специфики их взаимодействия.

Теоретикам в то время было легче ощущать первые признаки приближения революции в молекулярной биологии – вот почему такие постановки казались нам не фантастическими, а вполне естественными (хотя и мы не осознавали, насколько быстро будут развиваться события).

Я особенно благодарен Д.К.Беляеву за эту жесткую критику, которую я воспринял как вызов для себя. Именно она заставила меня, молодого ученого, задуматься над своей дальнейшей научной деятельностью и сделать окончательный выбор в пользу молекулярной генетики, которая, как мне тогда казалось, сможет приблизить меня к пониманию генетических механизмов работы сложных систем организма.

Д.К.Беляев любил на ежегодных отчетных сессиях института «покопаться» в результатах, полученных лабораториями. По его просьбе и был в 1981 году поставлен мой доклад «Исследование влияния мутаций на пространственную структуру глобулярных белков». Перед докладом я, естественно, волновался. К большому сожалению Д.К.Беляева (и моему, естественно), его за 15 минут до моего доклада вызвали в президиум СО АН, как он сам сказал, для того чтобы подписать какие-то важные бумаги.

Директор вернулся в конференц-зал как раз в тот момент, когда я зачитывал выводы своего доклада, последний из которых звучал так: «Итак, нами впервые теоретически показана возможность полного разрушения нормальной пространственной структуры молекулы миоглобина кашалота в результате одиночных аминокислотных замен, затрагивающих нормальный путь его самоорганизации». Д.К.Беляев задал мне единственный вопрос: «А нельзя ли изменить объект исследования?». Когда же я в свою очередь спросил: «А почему?», он в свойственной ему афористичной манере, обращаясь скорее к залу, чем ко мне, ответил: «Еще только кашалотов нам в институте не хватало».

У Д.К.Беляева были теплые и дружеские отношения с обоими моими руководителями в студенческие и аспирантские времена – членом-корреспондентом АН СССР А.А.Ляпуновым и профессором М.Г.Колпаковым. Их объединяли крупномасштабность мышления, отсутствие какого-либо сомнения в праве поставить любой научный вопрос и, несомненно, фронтовое братство.

Я думаю, что именно благодаря дружеским отношениям между Д.К.Беляевым и А.А.Ляпуновым в Институте цитологии и генетики удалось развернуть ширококомасштабные исследования в области математической биологии. Они начались в институте в первой половине 1960-х годов с работ молодого блестящего ученого-

одинокки Вадима Александровича Ратнера и впоследствии превратились в мощное научное направление.

В то время следовало обладать особой проницательностью и умением видеть перспективу, для того чтобы поддерживать такие исследования. Д.К.Беляев в полной мере обладал этими качествами. При этом авторитет А.А.Ляпунова, освящая эти начинания, придавал им неоспоримую научную ауру.

В конце 1970-х годов ИЦиГ проверяла комиссия Академии наук СССР, которую возглавляла легендарная в то время профессор- цитогенетик из Москвы. Она очень внимательно побеседовала с нами и не сделала никаких замечаний. Однако к концу работы комиссии по институту стали ходить слухи о том, что, оценивая положительно работу научных подразделений института, комиссия имеет существенные замечания по теоретической группе лаборатории популяционной генетики, заведующим которой был профессор В.А.Ратнер. На заседании ученого совета мы, молодые сотрудники группы, сидевшие на самом последнем ряду в институтском конференц-зале, обсуждали, когда же над нашими головами разразится административный гром и в какой форме это произойдет. Д.К.Беляев, выслушав критические замечания и рекомендации сократить численность группы матбиологов, в своем заключительном слове сказал, что обратит на проблемы математической биологии самое серьезное внимание. И действительно, вскоре после этого наши ряды начали быстро пополняться молодыми сотрудниками нового поколения, многие из которых до сих пор работают в нашем институте.

Группа математической биологии располагалась на 3-м этаже института – в комнате 311. Окно этой комнаты выходило на Университетский проспект (ныне – проспект В.А.Коптюга), отделявшийся от здания института посадками сирени. Сквозь них проходила дорожка, огибавшая институт, идущая параллельно проспекту Лаврентьева и приводящая к лиственничному и березовому молодняку, в котором располагался так называемый «выдрятник», где проводились эксперименты по доместикации. Матбиологи во главе со своим шефом – профессором В.А.Ратнером – часто стояли у открытого окна и, покуривая, обсуждали свои научные проблемы. Завидев такую теплую компанию, Д.К.Беляев, любивший летним днем прогуляться от своего кабинета до «выдрятника», как правило, звал нас с собой и заставлял каждого

из нас, теоретиков в белых рубашках, брать в руки мокрых животных. При этом с профессиональным видом он разъяснял нам новые особенности дестабилизирующего отбора, выявленные в этих экспериментах. Я не думаю, что таким необычным способом он хотел посеять в наших душах любовь к его научной проблематике. Скорее всего, здесь была смесь своеобразного юмора со здравым пониманием того, что теоретик только тогда чего-то стоит, когда хорошо знает объект своего исследования, а еще лучше – видит его во сне.

Как широко образованный ученый Д.К.Беляев знал, что одним из основных законов развития любой науки является все более возрастающая роль математических и теоретических методов. Как блестящий генетик Д.К.Беляев понимал, что генетика, фундаментальные основы которой (законы Менделя) возникли в результате теоретического обобщения экспериментальных наблюдений, и в дальнейшем на каждом этапе своего развития будет требовать все новых и возрастающих по сложности синтезов экспериментальных и теоретических подходов.

Я думаю, что именно в этом лежит объяснение огромной поддержки, которую Д.К.Беляев оказывал развитию теоретической биологии и генетики в возглавляемом им институте. Благодаря этой поддержке институт являлся признанным лидером советской науки в области теоретической генетики в тот период, когда его возглавлял Д.К.Беляев.

Этот импульс и заложенные традиции оказались настолько сильны, что институт сохраняет свои лидирующие позиции в области теоретической генетики и в настоящее время, когда успехи молекулярной биологии и генетики радикально изменили лицо современной биологии, сделав теоретические и компьютерные подходы одними из важнейших.

Однако мне представляется, что для этого у Д.К.Беляева были и личные причины. Видимо, он мечтал о том, что когда-нибудь математические биологи (как нас в то время называли в институте) начнут совместно с ним строить теорию дестабилизирующего отбора. Помню, что он неоднократно обращался к матбиологам с такими предложениями. Являясь директором института и обладая большими полномочиями, он тем не менее не шел на то, чтобы заставить кого-нибудь из нас

заниматься интересующими его делами. Видимо, он ждал, что кто-нибудь из нас проявит интерес к этой проблеме сам.

Ответ на вопрос о том, как строить теоретические модели дестабилизирующего отбора, пришел ко мне только в 1986 году, то есть через год после смерти Д.К.Беляева. В это время я несколько раз думал о том, как мало мы умеем ценить время, как замечательно было бы обсудить мои находки с Дмитрием Константиновичем, и какое удовольствие испытывал бы он, увидев, что в дело его жизни положен еще один кирпичик знаний.

С.Н.Родин

Увидеть за частным общее

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1970 г.

I. «Крайности нет ни в ком, но всякий может стать незаменимой действительностью» (Герцен, «Былое и думы»). С этим вдохновенным, хотя и не бесспорным высказыванием перекликается более привычное нам: «Никто не совершенен, но каждый уникален». Редко встретишь людей, опровергающих эту всем любезную формулу. Опровергающих в том именно положительном смысле, что если и можно достичь совершенства, то разве что в только тебе присущей неповторимости. Дмитрий Константинович Беляев явно из крайне малого числа таких исключений.

То, что человек этот щедро одарен в общем-то скупой на милости фортуной, что своеобразен во всем, вплоть до почти незаметных нюансов – поражало своей очевидностью при первой же встрече с ним. Уже один вид его, а под стать виду и манера держать себя (и не только себя, но и окружающих), и речь с несчастным у крупных ученых умением оттенить паузой (всегда к месту, всегда красноречивой) и без того небанальную мысль, – весь этот, казалось бы, сугубо внешний антураж разом и прочно заинтриговывал вас.

Если вдуматься, то качество жизни вернее всего измерять пробой, калибром и, наконец, количеством интересных людей, с которыми свела судьба. В этом смысле мне не пристало сетовать на ее скупость. Из предыдущего поколения «классических» и «неоклассических» генетиков мне особенно повезло на три подлинно неординарные личности: Д.К.Беляев, Сусуму Оно, С.М.Гершензон.

Все трое были на редкость интересны внешне: высокие, стройные, с правильными чертами лица. Ничего общего, однако, с той смазливо-правильной, валетной привлекательностью, которая обычно убывает с годами. И наоборот, давно замечено, что чем старше, тем в большем выигрыше внешность тех, кому нечего было терять. Меня, впрочем, не перестает впечатлять иная разница, – разница в облике творчески сбывшихся людей в разные годы жизни. Почти всегда разница эта в

пользу солидного возраста, независимо от степени былой ювенильной пригожести. Сравните, к примеру, молодого Антошу Чехонте, только что отправившего в «Стрекозу» «Письмо к ученому соседу», с состоявшимся автором «Дяди Вани» и «Трех сестер» Антоном Павловичем Чеховым. Контраст разителен, и он явно в пользу удивительной одухотворенности поздних портретов великого писателя (даже если мысленно снять пенсне, в котором он уж и вовсе воплощенная интеллигентность).

Так что истинная красота со временем не убывает, а, наоборот, – проявляется, становится значительнее, как бы кристаллизуется. «Значительная» – эпитет, на мой взгляд, самый подходящий к внешности трех выдающихся генетиков. Но главное их сходство, разумеется, не в этом. Всех троих отличал неподдельный интерес к знанию и широкий, недогматичный стиль мышления, в основе которого, мне кажется, было стремление любому явлению найти эволюционное объяснение. Задача, прямо скажем, не из легких. Еще у Платона находим, что «[самое] трудное и истинное состоит в том, чтобы показать в другом то же самое и в том же самом – другое, и притом так [показать], чтобы оно в отношении к другому было то же самое». Звучит, конечно, заумно, но точно передает самую суть научного анализа. Так вот, ДК, на мой взгляд, как мало кто другой умел увидеть в общем частное, а за частным – общее.

35 лет назад мы, студенты 2-го курса биологического отделения ФЕН НГУ, впервые убедились в этом. ДК вместе с Верой Вениаминовной Хвостовой организовали тогда для нас что-то вроде «эволюционного семинара». Сколько-нибудь четкой идеи о том, каким быть семинару, у его организаторов, похоже, не было. Просто поначалу где-то раз в неделю (потом реже) встречались в аспирантской комнате ИЦиГ, после очередного доклада-затравки минут на 30 начинался свободный обмен мнениями. Атмосфера установилась очень непринужденная на первом же семинаре, когда сообща намечали примерный перечень тем. ДК сразу произвел на нас сильное впечатление, ему было тогда всего 49 лет: энергичный, подтянутый, в светло-сером костюме; в чем была Вера Вениаминовна не помню, но, конечно же, неизменно оживлена, оптимистична; оба полны доброжелательной заинтересованности к юным адептам науки. Помню, как Вера Вениаминовна радостно переглянулась с ДК, когда кто-то из нас робко предложил, что, дескать, не худо бы обсудить и теорию

стабилизирующего отбора И.И.Шмальгаузена. Нам тогда было невдомек, что главная научная идея ДК заключалась в том, что без добавления к стабилизирующему отбору частицы «де» эволюция в ее наиболее загадочных креативных формах просто невозможна. В качестве экспериментальной модели он избрал процесс domestikации животных. При поверхностном суждении, беляевская «де» могла показаться нарочитой претензией, сродни энгельсовской «анти» (Анти-Дюринг), не больше. Доподлинно знаю, что некоторые так ее и воспринимали. Между тем, если трезво и непредвзято вдуматься в проблему, то это на первый взгляд амбициозное «де» вполне оправданно, более того – необходимо.

В теории дестабилизирующего отбора Д.К.Беляева много важных аспектов и каждый заслуживает отдельного и обстоятельного разговора. Но одно бесспорно: именно сегодняшняя, довольно парадоксальная, ситуация в эволюционной генетике свидетельствует о концептуальной масштабности и завидной проницательности автора теории. Кратко суть парадокса в следующем.

Как известно, 15-летние усилия по секвенированию генома человека увенчались, наконец, победным сообщением в февральском номере «Science» за 2001 год. На «латание» немногих пропусков уйдет еще, наверное, года два, но проект в целом можно считать выполненным. Что интересно, научная (и околонаучная) пресса наводнена нынче радужными предвкушениями небывало быстрого прогресса не только в плане привязки болезней человека к конкретным генам (ради чего, собственно, и пошли на эту многомиллиардную затею), но и нашего понимания генетических основ эволюции. Благо, помимо генома человека уже полностью секвенированы еще пять видовых геномов (и три на очереди), представляющих основные крупные таксоны эукариот. И действительно, уже первые интегральные сравнения геномов показали, что, например, скорость дупликации генов намного выше предполагавшейся – она оказалась фактически того же порядка, что и скорость обычных мутаций ДНК типа замен оснований. Неудивительно поэтому, что теперь почти каждая статья в этой области начинается ссылкой на пророческую книгу Сусуму Оно «Evolution by gene duplication» (1970). Лейтмотивная идея книги: новые гены возникают из избыточных копий старых. Вместе с тем, пожалуй, главный сюрприз преподнес подсчет числа генов у секвенированных видов. В геноме человека

их оказалось всего около 30 тыс. вместо ожидаемых 100–150 тыс., т.е. лишь в 2–2.5 раза больше, чем у дрозофилы и нематоды. При этом основной вклад в различие между, скажем, человеком и дрозофилой вносит количество гомологичных генов внутри одних и тех же мультигенных семейств, тогда как собственно человеческие гены (т.е. такие, каких нет у дрозофилы), составляют менее 9%.

В августе 1996 г. Сусуму Оно опубликовал в трудах американской Академии статью «The notion of the Cambrian pananimalia genome». Нельзя сказать, что статья прошла незамеченной, но вот сегодня она звучит особенно актуально. Не слишком акцентируя парадоксальность главного вывода, Оно отмечает, что знаменитый «взрыв» формообразования в раннем кембрии (когда возникли все крупные таксоны животных) длился всего каких-нибудь 6–10 млн лет! Отсюда вывод – основатели таксонов имели почти идентичный набор генов, но вот использовали его по-разному. Спекулировать насчет возможных механизмов такого дифференцированного использования автор не стал. Год спустя, однако, ожидая в Шереметьево вылета в Новосибирск на мемориальную беляевскую конференцию, мы, естественно, говорили о дестабилизирующем отборе и довольно скоро «застряли» на парадоксе скоростей. Надо сказать, что парадокс, о котором у нас шла речь, буквально противоположен тому, что привел М.Кимуру к идее нейтральной молекулярной эволюции. В самом деле, расчеты показывают, что как бы оптимистично не оценивался сегодня темп спонтанного мутагенеза, включая генные дубликации, все равно 6–10 млн лет явно маловато для чего-нибудь путного кроме деградации копий генов в псевдогены. Как избежать этой вроде бы неизбежной псевдогенизации, какие формы приобретал естественный отбор в эти переломные «моменты» эволюции, так ли уж всегда независима изменчивость от «заинтересованного» в ней отбора, какую роль могли играть при этом эпигенетические процессы в целом и импринтинг генов в частности, – вот лишь краткий перечень вопросов, которые мы тогда обсуждали в связи с парадоксом скоростей. А ведь это те самые вопросы, которые не давали покоя ДК! Кстати, еретичность некоторых из них ничуть не смущала нашего директора. Вспоминается, как на межлабораторных семинарах и отчетных сессиях института ДК мастерски подытоживал обсуждение «подозрительных» на сей счет результатов. Его рассуждения были замечательно сбалансированы, он уверенно выдерживал линию

между двумя крайностями: наивными ламаркистскими иллюзиями и ...равно наивными генетическим предетерминизмом и панселекционизмом. С другой стороны, не отметал необычное с порога, – наоборот, в широком эволюционном контексте развивал аргументы против шаблонных схем, доводил аргументацию до высшей точки (своеобразное крещендо) и «вдруг» останавливался (характерная беляевская пауза!), как бы приглашая аудиторию задуматься всерьез и всем вместе подивиться сложности и динамичности эволюционных процессов... Забавно, что в сущности куда консервативнее, как теперь я понимаю, были иные молодые (и не очень) институтские «максималисты» с вроде бы заслуженной репутацией ниспровергателей догм и авторитетов.

«В конечном счете, – заметил Оно тогда в Шереметьево, – не примечательно ли, что дарвиновское «Происхождение видов путем естественного отбора» начинается не с галапагосских вьюрков, а с разбора потрясающей изменчивости, вскрытой (и только ли вскрытой?) искусственным отбором при доместикации! Так что, судя по всему, Дмитрий Беляев прекрасно понимал новизну и важность проблемы... Собственно, поэтому я и выбрал Кембрийский взрыв для доклада на конференции в его честь». Договорились позже вернуться к проблеме, вчерне наметили довольно внушительный план филогенетических сравнений наиболее перспективных генных семейств, прикинули сроки... Увы, вскоре Оно неизлечимо заболел (рак легких) и воплощать наш замысел приходится без него.

II. «Об организационных талантах особенно любят распространяться те, кто обделен всеми прочими». Этот афоризм страшно нравился мне раньше, а применительно к творчеству в искусстве и науке так в особенности. Преувеличение, разумеется. Да и само противопоставление надуманное. И все же доля истины здесь есть. Нет нужды доказывать, что подлинно талантливый ученый-одиночка всегда значил, значит и будет значить больше, чем иные хорошо организованные, энергично руководимые и щедро финансируемые огромные коллективы пусть даже знающих дело специалистов.

Но в целом афоризм, конечно, ошибочен и несправедлив, особенно по отношению к руководителям типа ДК. Ошибочен просто потому, что ДК – из разряда «властителей» не только судебных, но и дум. Что же касается судебных, то кредо ДК как

директора, думаю, вполне отражало его понимание того, что несмотря на все ограничения, исходная генетическая гетерогенность и есть то, что в первую очередь жизненно необходимо любой системе для устойчивого эволюционного развития. Приведу в этой связи одну современную притчу. Маленькую девочку спросили, какие цветы она любит больше всего. Те, что растут в лесу и в поле, – был ответ. А почему? – А потому, что они все очень разные и растут сами по себе! Вот, в сущности, идеальные условия для развития науки. Идеал, понятно, недостижимый, ибо, как однажды заметил на отчетной сессии (с остроумной лаконичностью) Рудольф Иосифович Салганик: «Жизнь коротка, а... денег мало». Тем не менее ДК знал цену исходному разнообразию, свободе творчества, но при этом видел принципиальную разницу между многотемьем и мелкотемьем, ну и действовал соответственно... в поддержку первого и в ущерб второму. Организация группы теоретической генетики в ИЦиГ с В.А.Ратнером во главе – убедительный тому пример. ДК с неослабевающим интересом следил за нашим развитием и ненавязчиво (на взгляд непосвященного) способствовал ему. Почему-то вспомнилась подготовка и выпуск самого первого институтского сборника работ теоретиков. ДК написал к нему краткое введение. К сожалению, у меня нет сейчас сборника под рукой. Отчетливо помню, однако, что ДК расценил новое направление как перспективное, но со сдержанным энтузиазмом, скорее как аванс, – пусть будущее покажет, скрывается ли за предлагаемыми формулами что-нибудь стоящее (т.е. останется ли от них, по образному выражению Вадима Александровича Ратнера, «сухой остаток»). Итог известен: ИЦиГ знают и чтят в стране и за рубежом не в последнюю очередь и уже давно по теоретическим исследованиям, как правило пионерским, очень масштабным, и по-моему всегда оригинальным.

ДК не принадлежал к «добреньким» лидерам, бывал, как известно, суров и непреклонен. Но вот чего точно не было – равнодушия! Особенно близко к сердцу принимал он жизнь и судьбу родного института, гордился его прошлым, дорожил настоящим, верил в будущее. Любил повторять, что ИЦиГ – это наш второй дом. А для многих – так и главный, первый! И вовсе не потому, что в таком изолированном, замкнутом месте, как Академгородок (не то что в столицах) больше вроде и деться-то некуда.

Как часто на проводимых в институте конференциях, защитах диссертаций, отчетных сессиях и даже на регулярных межлабораторных семинарах ДК, ведя собрание, объявлял: «Слово имеет профессор такой-то... доктор наук такой-то..., кандидат наук такой-то..! Многие из нас усматривали в этом странную, смешную даже сторону, тем более что сам же Беляев неоднократно подчеркивал, что в поиске научной истины все мы абсолютно равны: от студента и аспиранта до директора и академика. Зачем же в таком случае он перечисляет все эти степени, звания и регалии? А сейчас я понимаю эту «странность» ДК как совершенно естественное для него проявление гордости. Гордости за коллег, за их свершения, за институт, – смотрите, сколько крупных ученых выросло в нашем ИЦиГ! Он был истинный патриот сибирской науки, сибирской генетики, ИЦиГ – первого генетического института в стране.

III. Уверен, Д.К.Беляев достиг бы больших высот на любом поприще. В том числе артистическом. Он и внешне походил на звезду советского киноискусства Николая Черкасова. Великий киноактер сыграл множество самых разных ролей. Какая ближе всего к Беляеву? Невольно напрашивается сравнение с академиком Дроновым («Все остается людям»). Но ведь были, между прочим, и...Дон Кихот, и Паганель. Может, многие не согласятся, но и здесь я вижу определенное, не только внешнее, сходство.

Как, наверное, многие другие, с понятным трепетом входил я в кабинет ДК. Вот и сейчас так легко и благодарно представляется как вхожу, здороваюсь, усаживаюсь за длинный Т-образный стол, Дмитрий Константинович первым делом предлагает сигарету (он, помнится, предпочитал «Аполло-Союз») и начинается беседа. Времени довольно, так что можно развернуть доводы «за» и «против», ДК с интересом слушает, иногда одним метким возражением опускает тебя на грешную землю..., но ведь бывало (и часто) как раз наоборот!

Л.С.Сандахчиев

Безграничная готовность помочь

Академик РАН, директор ГНЦВБ "Вектор"

Мне посчастливилось жить и работать в Академгородке в период его становления. В 1959 году я был распределен в Новосибирский институт органической химии, руководимый в то время выдающимся химиком академиком Н.Н.Ворожцовым.

Очень яркие и преданные науке ученые были привлечены академиком М.А.Лаврентьевым для развертывания целого комплекса институтов. Вспоминаю время, когда на улице Советской, 20 и в здании первого Института гидродинамики, как в Ноевом ковчеге, были размещены «зародыши» будущих институтов, и как дружно, невзирая на тяготы и трудные бытовые условия мы до позднего времени трудились в лабораториях.

Уже тогда Институт цитологии и генетики был необычайно интересен для меня. В нем были собраны выдающиеся ученые, многие из которых были известны всему научному миру как непримиримые борцы с лжетеориями Т.Д.Лысенко. Мы, будучи химиками-органиками, старались найти точки сотрудничества с ИЦиГ, чтобы хоть чем-то помочь нашим опальным коллегам.

Дмитрий Константинович (ДК) сыграл большую роль в моем становлении как ученого-биолога. Я очень увлекся проблемами биологии развития и, без сожаления оставив биологический синтез и микрометоды, взялся за изучение гигантской одноклеточной водоросли ацетабулярии. Не так просто было организовать работу с таким экзотическим объектом, для которого питательная среда – морская вода – привозилась тоннами из Владивостока. Кроме того, мой шеф академик Д.Г.Кнорре не был в восторге от моего увлечения и попросил ДК оценить научные планы моих исследований.

ДК несколько раз встречался со мной по этому поводу, очень внимательно и доброжелательно выслушивал мои не очень четкие идеи, но, видимо, на него произвело впечатление мое горячее желание уйти в биологию, да еще в такую сложную область, как биология развития. Поддержка ДК сделала свое дело, и Д.Г.Кнорре очень терпимо воспринимал в дальнейшем мои эксперименты по пересадке ядер и изучению факторов морфогенеза. ДК рекомендовал мне сотрудничать с З.С.Никоро, и моя первая работа на ацетабулярии была выполнена в соавторстве с этой выдающейся женщиной.

Постепенно я сблизился с ДК и проникся к нему чувством необычайного восхищения. Он очень любил откровенные доверительные беседы, и ему было чрезвычайно интересно, как те или иные события воспринимаются научной молодежью. Он был обаятельным и высокоинтеллигентным человеком с располагающей улыбкой, великолепным чувством юмора, принимающим близко к сердцу все происходящее в стране и нашем академическом сообществе. Для меня очевидно, что его личные качества, умение разбираться в людях и неформально руководить ими позволили ДК создать институт мирового класса, который и сейчас является ведущим в стране и в мире по целому ряду направлений.

ДК практиковал выездные заседания ученого совета – это были незабываемые встречи в Черге, Якутске, на теплоходе от Якутска до Тикси. Конечно же, это были очень напряженные дни, работа велась до позднего вечера, но ДК всегда был на высоте, ни тени усталости, вникал во все мелочи, шутил и безупречно управлял нашей непростой компанией. Как правило, ДК сочетал научные обсуждения в Черге с посещением его детища – собрания редких видов животных. По дороге на Алтай мы останавливались для посещения зверосовхоза. Надо было видеть, с какой радостью там встречали ДК, и как он был рад посетить хозяйство, в которое так много было вложено его научных достижений.

В Якутске мы посетили Институт мерзлотоведения и лесную станцию, ДК очень живо интересовался всем увиденным и наглядно демонстрировал нам пользу междисциплинарных контактов.

Вспоминаю наши постоянные встречи в Москве в периоды Общего собрания Академии наук. ДК имел постоянный номер в гостинице, и это был наш

своеобразный клуб: В.К.Шумный, В.И.Евсиков, А.С.Исаев, Р.И.Саляев постоянно бывали у ДК и горячо обсуждали все на свете, но, конечно, прежде всего дела выборные, которым ДК уделял огромное внимание – для него чрезвычайно важными критериями были не только научный багаж претендентов, но и их нравственные качества. И здесь мнение ДК было определяющим для нас.

Совершенно особую роль сыграл ДК в создании нашего научного центра. ДК знал планируемые направления исследований, их оборонную ориентацию, встречался по этому поводу с М.А.Лаврентьевым, Д.Г.Кнорре, В.Д.Беляевым (начальник ГУ микробиологической промышленности), В.И.Огарковым (начальник концерна «Биопрепарат»), и именно позиция Д.К.Беляева определила чрезвычайно позитивное отношение к новому центру со стороны СО АН.

Наши сотрудники были выходцами из СО АН и выпускниками НГУ, что и определило тесную связь наших ученых со многими институтами СО АН, в первую очередь с ИЦиГ и ИБОХ.

ДК часто интересовался у меня ходом дел, оказал неоценимую помощь в подборе специалистов.

Помню 10-летие нашего центра. Наш коллектив собрался в клубе, было праздничное настроение, и ДК выступил с краткой, но очень проникновенной речью, отметил наши успехи и ответственность наших ученых перед страной. На память он вручил огромный каравай с цифрой 10, и это был замечательный подарок, очень вкусно пахнувший и символичный!

И еще мне хочется вспомнить, насколько бережно относился ДК к памяти о Великой Отечественной войне. Он сам с первого до последнего дня принимал в ней участие. Война сделала его мужественным и цельным человеком, он видел людское горе, разрушенные города, голод и холод. Память о погибших для него была святой, а День Победы – главным личным праздником. В этот день мы собирались у ДК, чтобы почтить память о погибших минутой молчания, и ДК в этот день бывал необычайно торжественным и сосредоточенным.

ДК был очень надежным человеком как в личном плане, так и в оценке научных исследований. Отрадно, что все лучшие традиции, заложенные им в ИЦиГ, бережно сохраняются, и это является лучшей памятью об этом выдающемся человеке.

Е.Б.Будашкина

Так называемая общественная работа

Кандидат биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1960 г.

Свои воспоминания о Дмитрие Константиновиче мне хотелось бы начать с первой встречи с ним, которая сразу же оставила след в душе. Она состоялась вскоре после моего приезда в Новосибирск в августе 1960 года.

После окончания Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева я была направлена в далекую, неведомую мне Сибирь для работы в создаваемом новом научном центре и по приезде была зачислена в Институт цитологии и генетики старшим лаборантом. Директор института Д.К.Беляев нашел время побеседовать с молодым специалистом. На мой взгляд, это был красивый стройный мужчина в возрасте около 40 лет с пронзительным, как мне показалось, взглядом серо-голубых глаз. Поразительно то, что никакого чувства неравенства или страха перед директором у меня не возникло. Во время беседы, несмотря на первую встречу, было чувство симпатии и доверия. Он спросил о моих знаниях в области генетики и о владении английским языком, хотя прекрасно понимал, какие знания по генетике могут быть у молодого специалиста, учившегося в сельскохозяйственном вузе в 1955–1960 гг. Но особенно мне запомнился его совет и даже настоятельная просьба обязательно и побыстрее освоить английский язык. Дело в том, что и в школе, и в вузе я изучала немецкий. Мне его просьба показалась настолько важной и убедительной, что я опрометчиво ответила: «освою». И это данное ДК слово сыграло очень важную роль в моем становлении как научного сотрудника.

Для многих из нас, молодежи, прибывшей в институт в первые годы его становления, Дмитрий Константинович (или ДК, как мы его называли между собой) был не только директором, но и старшим товарищем, мнение которого было необходимо знать при принятии определенных важных, с нашей точки зрения, решений. Вспоминается случай, который с позиции сегодняшнего дня может

показаться нереальным. Но так было. Среди части молодежи института в комитете комсомола созрело мнение, что необходимо омоложение партийной организации института, с тем чтобы попытаться как бы вдохнуть свежую струю в ее работу. Был разработан план поэтапного пополнения рядов институтской парторганизации определенными кандидатурами из молодежи. И вот, прежде чем начать осуществлять этот план, первая тройка в составе В.И.Евсикова, А.Д.Груздева и меня решила посоветоваться с ДК, который в то время был тяжело болен и лежал в больнице. Мы, добившись разрешения врача, пришли к нему в больницу, чтобы поговорить с ним и обсудить наши планы. Дмитрий Константинович одобрил наши действия, хотя, как мы знали, он не был членом партии. Фактически он благословил нас и понял, что нами движет одно желание – попытаться что-то сделать. Для меня лично он фактически был главным рекомендующим, хотя формально меня рекомендовали другие люди – члены партии с достаточным партийным стажем. Дмитрий Константинович очень хорошо понимал настрой молодежи и никогда не оставался равнодушным к ее проблемам.

Я знаю, что он был в курсе научных результатов многих молодых научных сотрудников и требовал от них, чтобы не «засиживались», а скорее защищали свои диссертационные работы. Мне, в частности, не раз попадало от него за такую затяжку с защитой. Будучи истинным биологом с широким кругозором и эрудицией, Дмитрий Константинович всегда проявлял искренний интерес к результатам работ, полученным в лабораториях, где основным объектом исследования были растения. Особенно явно это ощущалось на институтских отчетных сессиях. Многие сотрудники института помнят его выезды на поля, где можно было воочию видеть результаты экспериментов. Эти посещения полей были не только своеобразным экзаменом, но и своего рода семинаром, где можно было обсудить интересные идеи.

Дмитрий Константинович был настолько неравнодушен и настолько оригинально мыслил, что очень часто от него можно было слышать совершенно неожиданные советы. Мне кажется, что он интересовался и проблемами мейоза у растений. Известно, что ДК пригласил в институт Веру Вениаминовну Хвостову возглавить, а фактически реанимировать в стране направление по цитогенетике растений, точнее, по цитогенетике отдаленных гибридов у растений. Мы постоянно

ощущали его интерес к этой работе. Вспоминается такой случай: однажды при обсуждении не очень понятных результатов, полученных при анализе межвидовых гибридов пшеницы, он вдруг предложил посмотреть на них с неожиданной для меня точки зрения, созвучной его идее дестабилизирующего отбора, и при этом добавил шутя: «Попробуй проверить, а за идею – пол-литра».

Дмитрий Константинович придавал большое значение общественной работе, которой отдавал много сил физических и интеллектуальных. Здесь для него определяющим был тезис: «Надо!». Я надеюсь, что в воспоминаниях других авторов будет отражена его роль в создании и развитии в нашей стране Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И.Вавилова (ВОГиС), Сибирское отделение которого он возглавлял многие годы. Бессменным ученым секретарем его в те же годы была незабвенная Вера Вениаминовна Хвостова. Именно при них была организована широкая сеть контактов между генетиками и селекционерами, проводились многочисленные школы, конференции, выездные заседания ВОГиС в филиалах таких городов, как Барнаул, Тюмень, Омск, Томск, Иркутск, Красноярск и др.

В этих мероприятиях всегда старался принимать участие и Дмитрий Константинович, он делал доклад сам, слушал значительную часть докладов программы, резюмировал итоги, особенно выделял перспективы в развитии исследований. Это была очень нужная, полезная деятельность, которая служила импульсом в развитии генетико-селекционных исследований в сибирском регионе.

Когда неожиданно для нас в апреле 1977 г. скончалась Вера Вениаминовна, Дмитрий Константинович вызвал меня и предложил мне временно заменить ее на посту ученого секретаря СО ВОГиС, так как в июне предстоял III съезд ВОГиС. Я, конечно, отказывалась, поскольку понимала разницу в уровне эрудиции Веры Вениаминовны и моем. И вот в этом разговоре ДК, посмотрев на меня своим проницательным взглядом, сказал мне: «Надо... Думаешь, мне, кандидату наук, легко было принимать руководство институтом после академика Н.П.Дубинина?». И, подумав, добавил: «Но надо было». Для меня такое откровение директора было довольно неожиданным. Я думаю, что этот тезис был определяющим во всей его очень непростой и многогранной деятельности. Можно было бы вспомнить еще ряд контактов с Дмитрием Константиновичем, по которым сложилось впечатление о нем

как о личности незаурядной, выдающейся, но интегрально доброй, равнодушной к судьбам науки, страны и отдельных сотрудников. Я считаю, что мне очень повезло в жизни, так как я большую часть ее проработала в институте, возглавляемом Дмитрием Константиновичем Беляевым.

В.М.Чекуров

Устойчивость к вымерзанию

Кандидат биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1966 г.

Мое научное мировоззрение начало формироваться в бурные для генетики 1960-е годы ушедшего века. Уже на первом курсе Тимирязевской академии с конца октября 1961 года мы – группа студентов – начали посещать заседания МОИП (Московского общества испытателей природы). На первом же заседании слушали доклад В.В.Сахарова о получении и свойствах тетраплоидной гречихи. В обсуждении доклада активно принимали участие Л.П.Бреславец, А.Р.Жебрак, Б.Л.Астауров, Н.П.Дубинин, И.А.Рапопорт, А.А.Прокофьева-Бельговская, В.В.Хвостова, а также от новосибирской школы генетиков по представлению ведущего заседания Б.Л.Астаурова – А.Н.Лутков. За последующие пять лет я только дважды пропустил заседания МОИП. Мы были самыми молодыми участниками заседаний. Видимо, из-за прилежности посещения отношение к нам со стороны старшей гвардии московских генетиков было очень уважительное и доверительное. В стенах аудитории МОИП, располагавшейся в старом здании МГУ вблизи Манежной площади, нам неоднократно предоставлялась возможность слушать выступления о проблемах экспериментального мутагенеза Н.П.Дубинина, П.К.Шкварникова, Н.В.Тимофеева-Ресовского, В.В.Хвостовой, В.С.Можаевой, Н.В.Эйгис и многих других. По итогам работ по химическому мутагенезу, как правило, заседания проводились И.О.Рапопортом и его сотрудниками Н.Н.Зоз, Т.В.Сальниковой, В.В.Сахаровым, В.К.Щербаковым. Надо отметить, что Виталий Константинович Щербаков, очень молодой в то время, часто выступал с обзорами по нескольким проблемам. Он был современным и эрудированным человеком. На выступления Н.П.Дубинина, В.К.Щербакова и ряда других докладчиков, как правило, приходили иногда студенты МГУ, и аудитория наполнялась слушателями. Большое число слушателей собиралось на выступления П.М.Жуковского, который рассказывал о своих ботанических путешествиях по Индонезии, Филиппинам, Новой Гвинее, Новой

Зеландии, Австралии и другим островам Тихого и Индийского океанов. Несколько заседаний МОИП было посвящено экспедициям Н.И.Вавилова. Эти заседания вызывали большой интерес: на них приезжали очевидцы и соратники, знавшие Н.И.Вавилова и работавшие с ним: В.Е.Писарев, Р.Х.Бахтеев, М.С.Букасов, А.Н.Лутков, В.Б.Енкен и др. Одно из заседаний было посвящено докладу Р.Х.Бахтеева о последней экспедиции Н.И.Вавилова в Западную Украину и его аресту в 1940 году.

Ежегодно в летний период мы проходили практику или ездили в научные учреждения для ознакомления с научными работами и достижениями в селекции, генетике и других разделах биологии.

Во время моей преддипломной практики в Немчиновку приехал В.Б.Енкен и предложил по окончании учебы поехать работать в г. Новосибирск в ИЦиГ в его лабораторию. До приезда в институт в июле 1966 года и до февраля 1967 г. я не был знаком с ДК.

Первое наше знакомство состоялось своеобразно. Во время заседания ученого совета в конференц-зале, где заслушивались итоги работ лаборатории генетических основ селекции растений, Дмитрий Константинович, указывая на меня, сказал: «Я хочу послушать мнение об отчетной сессии вот этого молодого человека».

Я вынужден был встать и выйти к трибуне на сцену. На меня в тот период отчетная сессия произвела удручающее впечатление своим содержанием. Я уже отмечал выше, что нам, студентам Тимирязевской академии первой половины 1960-х годов XX века, крайне повезло в том, что мы слушали плановые лекции из уст Т.Д.Лысенко он проводил у нас практические занятия, в то же время параллельно мы были связаны с МОИП, лабораторией Н.П.Дубинина, располагавшейся в здании бывшего Института биофизики, лабораторией И.А.Рапопорта, располагавшейся в Институте химической физики, в которых мы облучали и обрабатывали семена и пыльцу химическими мутагенами, а проростки – колхицином, на 2–4 курсах помогали практически: закладывали и анализировали опыты аспирантов: К.Эльшуни, Ш.Барам, В.Можаевой, П.Бережного, Н.Эйгис и др.

Поэтому спустя 3–4 года, услышав на отчетной сессии академического института доклады старших научных сотрудников: Н.Д.Тарасенко, К.К.Сидоровой и

др. об установлении доз облучения, концентраций и времени замачивания в мутагене, был недоволен низким уровнем исследований и ответил на вопрос ДК прямо и честно: «Мне не нравится, что институт так сильно увлекся мутагенезом». Биология как наука намного интересней, чем мутагенез. Насколько я помню, реакция ДК была своеобразной. Мой ответ без всяких недомолвок и словоблудия вызвал у него глубокую усмешку, реакция зала была тоже своеобразной.

Со стороны ДК последовал второй вопрос: «А чем же Вы собираетесь заниматься?». Я ответил, что думаю заниматься андрогенезом у растений. В этот период я был под большим впечатлением от работ Б.Л.Астаурова по экспериментальному андрогенезу у тутового шелкопряда, а также идей М.С.Навашина, К.Чейза, Г.Магешвари по гаплоидам у растений. Поэтому я сослался на них.

В своем заключительном слове ДК заявил, что он ранее никогда в жизни не позволял начинающему старшему лаборанту вести самостоятельно научную работу. Но в данном случае у него нет никакого желания запретить проводить такие работы. Его слова на заключительном заседании совета служили моральной поддержкой для проведения исследований по андрогенезу у растений.

Мои основные постоянные контакты с Дмитрием Константиновичем начались с 1971 года, когда у него родилась идея попытаться разобраться в механизме эффектов при вегетативных прививках. Наряду с другими сотрудниками я был привлечен для работы по вегетативным прививкам. Для меня эта работа не была новостью. Еще в 6-м классе в начале изучения ботаники мы посетили дом-музей И.В.Мичурина, ЦГЛ (Центральную генетическую лабораторию). Это посещение оставило глубокий след в моей душе на всю жизнь. Первые мои прививки, сделанные на яблонях еще весной 1952 года, были живы даже в 2000 году.

Итак, с весны 1971 года в группе были проведены реципрокные эндоспермально-зародышевые прививки. Зародыши мягкой пшеницы прививались на эндоспермы ржи вида *timopheevii* рода *Triticum*, а также зародыш мягкой пшеницы прививался на семядоли сои. Очень тщательно и старательно в этой работе участвовали: научный сотрудник С.И.Сергеева, ст. лаборанты: В.А.Саморукова, Н.И.Веретенникова и др. В течение нескольких лет работы были четко показаны

«направленные» изменения признаков у мягкой пшеницы (сорта Скала) в сторону подвоев (т.е. эндоспермов).

Большим достоинством ДК как ученого было постоянное стремление не только услышать результаты работы в цифрах, но и посмотреть, ощутить их в реальности. Поэтому он назначил день посещения поля и ознакомления с «живым» материалом. Как правило, он постоянно приглашал на поля О.И.Майстренко и В.В.Хвостову. Их мнение как специалистов для него было очень важно. У меня сложилось впечатление из многочисленных и многолетних посещений, что мнение Ольги Ивановны для ДК было решающим. Она высказывала свое мнение только в конце обсуждения, без эмоций, что не могу сказать о Вере Вениаминовне. У нее эмоции часто брали верх над хладнокровным рассудком.

Итак, в назначенный августовский день 1972 года ДК приехал с ними около 11 часов с намерением за пару часов ознакомиться и разобраться с живым материалом. Но дискуссия и разбор затянулись до 16 часов на поле, а потом для подведения итогов все вместе поехали в институт в его кабинет. Из кабинета разошлись после 19 часов, забыв про перерыв на обед. Главный вывод состоял в том, что «подвои» изменяют выражение признаков привоев до такой степени, что привои можно принимать за новые генотипы, «сочетающие» в себе некоторые признаки подвоя и привоя. Очень активно и эмоционально дискутировала В.В.Хвостова. У нее, да и у всех участников разбора результатов (в начале семидесятых годов XX века) не укладывалось в голове, как могут «переползть» гены из подвоя в привой. Наше мышление в тот период о генах и фенотипических признаках было крайне консервативно. Даже из уст советских светил по генетике можно было слышать: один ген – один признак. Тогда еще не было границы понимания гена, а уж тем более признака.

К семи часам вечера единогласно пришли к заключению, что результаты крайне интересны, требуют глубокого осмысления и подготовки к опубликованию. Материалы были оформлены в пяти статьях. Но к опубликованию они разрешения не получили. Я несколько лет подряд пытался получить его, но мне так и не удалось склонить Дмитрия Константиновича дать разрешение на публикацию. Главным лицом, выступающим против публикации, была В.В.Хвостова. Она пришла к ДК и

убедила его, что при жизни Трофима Денисовича Лысенко публиковать материалы нельзя, так как это вызовет отрицательную реакцию со стороны «классических генетиков» по отношению к институту. Я пытался несколько раз говорить с Ольгой Ивановной Майстренко, чтобы она повлияла на решение об опубликовании материалов, но Ольга Ивановна, понимая важность полученных данных, все же не смогла выступить за опубликование материалов.

Не останавливаясь на таком печальном исходе большой и многолетней работы, мы попытались объяснить наблюдаемые явления не «передачей» генов из подвоя в привой, а передвижением специфических веществ – индукторов генов из подвоя в привой. Они же в свою очередь, взаимодействуя с генами привоя, вызывают их специфическую активацию и изменение фенотипического проявления признаков у привоя.

Результаты анализа опытов по прививкам докладывались зимой 1973 года на ученом совете института. Ученый совет проходил бурно. После моего доклада было много вопросов. Были вопросы чисто профессиональные. Но в тот период в институте была группа людей, которые думали, что истинную науку делают только они, остальные малограмотны и примитивны. Эти люди позволяли себе не столько по научным критериям обсуждать, сколько оскорблять и унижать, а порой и писать клеветы в газеты, составлять стишки и т.д. ДК высказал предположение, что в процессе прививок происходит активация слабо работающих, «дремлющих» генов и их проявление в фенотипе.

Проанализировав ситуацию в научной литературе под углом зрения индукции генов за счет биологически активных веществ, переходящих в прививаемых объектах, мы остановились на различиях реакции генов на одни и те же фитогормоны, в частности, класса гиббереллинов. Для проверки такого предположения необходимы были различные гиббереллины, которые только недавно (на то время 1972 г.) были химически описаны. По моей просьбе ДК, выезжавший на генетический конгресс в США, попросил у Мак Миллана, занимавшегося химией гиббереллинов, 3 их формы. Мак Миллан любезно выделил по 5 мг гиббереллинов А₃, А₄+А₇ и А₉. Это дало возможность проверить высказанную гипотезу о разнокачественности реакций подвоя и привоя на одну из форм гиббереллинов. После этого встал вопрос

стабильного получения разных форм гиббереллинов в качестве модели для изучения процессов индукции генов и изменения выраженности признаков у растений.

В процессе анализа производства препарата «гиббереллин» на Курганском заводе медицинских препаратов исходя из чисто эволюционных аспектов развития гриба как источника растительных фитогормонов, мы пришли к выводу, что в процессе выделения гиббереллина А₃ примерно 65–70% других его форм «уходит» в отходы. После моих многократных поездок на Курганский завод медпрепаратов за отходами производства от препарата «гиббереллин» и небольшой их доработки, была обнаружена довольно высокая биологическая активность этих отходов. Я рассказал обо всем ДК и сказал, что можно было бы довольно быстро и без больших затрат создать производство.

Он меня спросил: «Зачем тебе это надо?». Я ответил: «Это будет хороший инструмент по регуляции выраженности признаков у растений». Далее я рассказал ему как все это представляю. ДК внимательно выслушал меня, но я ощущал, что он еще до конца не проникся важностью проблемы регуляции выраженности признаков у растений. Здесь, видимо, сказывался профессиональный интерес его к животным и определенная трудность понимания процессов у растений.

Он попросил секретаря, чтобы она нашла Р.И.Салганика и пригласила его. Рудольф Иосифович быстро пришел. ДК попросил его попытаться разобраться внутри лаборатории с привезенными мной «отходами» от препарата «гиббереллин» и с моими рассуждениями о возможности использования регуляторов роста для определения степени выраженности признаков.

С Рудольфом Иосифовичем разговор был продолжен в его кабинете. Больших расхождений в понимании регуляторных процессов у растений под воздействием биологически активных веществ у меня с Рудольфом Иосифовичем не было, и взаимопонимание было достигнуто достаточно быстро. Мы договорились продолжить тестирование привезенного вещества на разных культурах и попытаться выйти на сотрудников Института органической химии.

Первые контакты с сотрудниками Института органической химии никак не получались. Мой статус старшего лаборанта не позволял выходить на руководство института, да к тому же я никого не знал в этом институте и не мог ни с кем

посоветоваться. Рудольф Иосифович из-за занятости тоже не мог оперативно связаться с кем-либо из руководства института.

При каждой нашей встрече ДК интересовался, как идут исследования по препарату. Биологическое тестирование успешно продолжалось, а изучение химического состава затягивалось. По-видимому, успешное биологическое тестирование и время убедили ДК глубже осознать важность управления выраженностью признаков.

Во второй половине сентября Рудольф Иосифович организовал нашу встречу с директором Института органической химии В.П.Мамаевым. Однако, на мой взгляд, она не продвинула изучение химического состава привезенного вещества. Я попытался убедить В.П.Мамаева в важности этой работы. Аргументы В.П.Мамаева сводились к тому, что это не их тематика, кто будет этим заниматься, где брать финансы и т.д.

Спустя 10–12 дней после встречи с В.П.Мамаевым в фойе нашего института утром я встретился с ДК. Узнав, что продвижения особого нет, он твердо заявил: «Давайте сейчас соберемся у меня». Примерно через полчаса в его кабинете были В.П.Мамаев, В.А.Пентегова, В.А.Ралдугин, Р.И.Салганик и я. После моего сообщения по биологической активности мы долго обсуждали и пришли к заключению, что надо серьезно браться за работу. ДК обещал через президиум СО АН СССР походатайствовать о небольшом финансировании исследований. После этого совещания работа активизировалась. Со стороны ИЦиГ за нее стал отвечать я, а со стороны НИОХ – В.А.Ралдугин. Уже к следующему вегетационному сезону было получено несколько килограммов препарата «Гибберсиб 1».

Роль ДК в организации производства препарата «Гибберсиб 1» была огромна. Именно он смог провести всю организационную и финансовую работу по налаживанию производства и его использованию в сельском хозяйстве.

Так, летом 1974 года мы решили провести научно-производственные опыты на кукурузных полях с вновь созданным препаратом в подшефном СО АН СССР совхозе «Искитимский». Первая половина лета была крайне засушлива, к середине июля растения кукурузы имели 10–12 листьев, которые из-за отсутствия влаги в почве были обычно скручены в трубку, высота растений 65–80 см. Посевы кукурузы

(гибрид F₁ Днепропетровский) были проведены при консультации сотрудников Института агрохимии и почвоведения СО АН СССР с полным внесением минеральных удобрений и соблюдением разработанной ими агротехники.

17 июля 1974 г. мы с главным агрономом совхоза О.А.Золотаревым объехали поля (214 га), решая, что делать, обрабатывать или нет? Вид полей был крайне удручающим. Все же решили обрабатывать. К 23 июля окончили опрыскивать опытную часть посевов. После обработки посевов я уехал в Усть-Каменогорск. 25 июля начались многодневные дожди. В результате удачное нанесение регулятора роста на завядшие растения и дожди вызвали интенсивный рост обработанных растений. Через 15–18 дней после начала дождей опытные растения превышали контрольные на 50–60% по развитию и росту.

После возвращения из Усть-Каменогорского опорного пункта я узнал, что ДК с Г.И.Марчуком были на полях совхоза «Искитимский», и ДК заинтересовался быстрым ростом опытных растений кукурузы. На следующий день после возвращения он вызвал меня и ученого секретаря В.Д.Рудя и сказал, что намерен организовать поездку основных ведущих сотрудников растениеводческих лабораторий на посевы кукурузы. Я попытался в грубой форме протестовать против такого мероприятия. ДК задал вопрос: «Кто директор, я или ты? Кто кому должен подчиняться?». Мне больше ничего не оставалось, как согласиться. Через два дня 14 сотрудников: О.И.Майстренко, В.А.Драгавцев, С.И.Малецкий, В.Д.Рудь, В.В.Хвостова и другие приехали на поля, объехали посевы и убедились в действии препарата «Гибберсиб 1» на рост и развитие растений кукурузы. Состоялось обсуждение результатов, один В.А.Драгавцев возражал против положительного действия препарата. По его резкому утверждению, здесь произошло сильное накопление воды в растении, а не сухого вещества. Присутствующему на поле заведующему химико-аналитической лабораторией И.Г.Дундуку было поручено в ближайшие дни проверить утверждение В.А.Драгавцева аналитически. Оказалось, что он был абсолютно не прав. Процентное содержание сухого вещества в опытных растениях превосходило контрольные на 7–8%. Рост и развитие початков на опытных растениях обгоняли контрольные на 5–6 дней и т.д.

После такой поездки как-то спало моральное и психологическое напряжение в

нашей группе. До этого большая часть сотрудников растениеводческих лабораторий института относилась с большим недоверием к таким работам и ко мне. Я предложил, а ДК согласился со мной, пригласить на опыты еще З.С.Никоро и М.Д.Голубовского. Я разговаривал с Зоей Сафроньевной, но она в этот период чувствовала себя плохо и не смогла поехать. Михаил Давыдович, как один из главных оппонентов таких работ, согласился поехать. Была заказана машина, согласовано время поездки, но он так и не появился. Я надеялся, что Михаил Давыдович как-то объяснится или извинится за такой поступок, но этого с его стороны не произошло. Поэтому к дальнейшему его оппонированию в мой адрес я потерял интерес и не стал обращать внимание на его «критические» выступления.

ДК был доволен итогами поездки на поля и увидел в этом начало перелома в сознании коллектива в отношении и понимании таких работ. Следует отметить, что разница в урожае по зеленой массе на середину октября составила в контроле 517 ц/га, а в опыте 1186 ц/га.

Судьба устроила большую проверку эффективности препарата «Гибберсиб 1». Осенью 1975 года в Сибирское отделение АН СССР приехали посланцы Министерства сельского хозяйства Молдавии для ознакомления с разработками институтов, которые можно было бы использовать в республике. М.А.Лаврентьев направил их к Беляеву. ДК пригласил меня к себе для беседы. Была достигнута договоренность в весенне-летний период 1976 года провести научно-производственные опыты в одном из овощеводческих районов Молдавии. В конце мая мы с В.Ф.Чайкой взяли с собой 1,5 кг препарата и прибыли в Кишинев. Из Кишинева нас направили в Слободзейский район, колхоз им. Свердлова. Там мы узнали, что на полях этого же хозяйства проводит опыты фирма «FMSJ» из США. По воле случая или преднамеренно наши участки полей с посадками помидоров для закладки опытов отвели рядом, через полевую дорогу (через 6 метров).

Когда я попытался объяснить бригадиру, что надо развести 30 г препарата и этим раствором опрыскать один гектар посадок растений томата, и после этого можно будет ожидать прибавки урожая процентов на 20–25, это вызывало у производственников улыбку и недоверие к такой работе. Нам все же удалось убедить людей провести опрыскивание растений в определенные периоды онтогенеза. Мы

просили сотрудников хозяйства об одном: чтобы они сами четко учли урожайность на опытных и контрольных полях.

К осени картина была следующая: контрольные участки дали урожай товарных плодов сорта Молдавский ранний – 435 ц/га; фирмы «FMSJ» – 511 ц/га; новосибирцев – 683 ц/га. Иными словами, урожайность плодов на наших участках возросла по отношению к контрольным на 248 ц/га и на 172 ц/га по сравнению с фирмой «FMSJ».

В следующем 1977 году препарата было наработано уже достаточно для обработки тысяч гектаров. В Молдавии было обработано 6310 га в шести районах. Превышение над урожаем фирмы «FMSJ» составило 161 ц/га. Это послужило основанием для преждевременного разрыва контракта республики с фирмой «FMSJ». По предварительному договору срок контракта заканчивался в 1980 г. и ежегодно Советский Союз выплачивал бы фирме около 68 млн долларов.

Правительство республики дважды приглашало руководство нашего института для посещения и обсуждения итогов работы. ДК дважды посещал республику вместе со своими заместителями В.К.Шумным и В.И.Молиным.

Завязавшиеся деловые контакты с республикой послужили основанием выйти на руководителя Госплана Союза ССР Н.К.Байбакова и поставить вопрос об организации производства препарата на союзном уровне. В первой половине 1980 года нас трижды заслушивали комиссии Госплана. Было много бурных обсуждений в зале заседаний Госплана СССР. Пришли к следующим выводам: а) организовать в стране производство препарата; б) создать в стране постоянно действующую государственную комиссию по оценке биологической активности и регистрации биопрепаратов.

Препарат «Гибберсиб» – первый препарат, поступивший в стране на государственную регистрацию как регулятор роста. Со второй половины 1980 года Бердскому заводу биопрепаратов было поручено наладить его производство.

Вот уже более 20 лет препарат выпускается в промышленном объеме. Он был зарегистрирован в Болгарии, Чехословакии, ГДР и Югославии. В настоящее время мы пытаемся существенно улучшить его качество, повысить биологическую активность и значительно расширить спектр обрабатываемых им сельскохозяйственных культур.

То, чему много времени и нервов отдал ДК, развилось в глобальную проблему

регуляции активности генов. После него в развитие тех идей, за которые он переживал, появился новый препарат «Силк», в основе действующего вещества которого лежит сумма тритерпеновых кислот. Впервые в мире нами была показана их биологическая активность. Налажено производство препарата «Силк» на 3 предприятиях. Уже 3 года завод и Институты цитологии и генетики и органической химии получают правительственный заказ и существенное финансирование из госбюджета на производство препарата.

С 2001 года оформляются документы и идут государственные испытания группы вновь созданных биологических препаратов, таких, как Лариксин, Растстим, Биостим, Срезар и др. Они позволяют активировать не только гены роста и развития, но и гены иммунитета, устойчивости к заморозкам, накопления сахаров, белка, масла, волокна и других полезных для человека признаков, не привнося в геном сортов нового генетического материала.

Надо подчеркнуть, что создание препарата «Гибберсиб» и исследования с его использованием позволили по-новому взглянуть на проблему проявления фенотипических признаков у растений. В процессе исследований действия регуляторов на рост и развитие растений мы пришли к выводу, что их можно использовать как инструмент для проявления скрытого полиморфизма в генотипах по ряду хозяйственно важных признаков. На этой основе удалось разработать ряд методов, позволяющих оценивать генотипы (или сорта) по способности к полеганию, устойчивости к засухе, к экстремальным условиям роста и развития.

Особо следует остановиться на изменении признака зимостойкости у озимой пшеницы под действием регуляторов роста. Начиная с осени 1972 г. нами было установлено, что, воздействуя на растения озимой пшеницы регулятором роста гиббереллином, до ухода в перезимовку мы можем большую часть растений сортовой или гибридной популяции спровоцировать к «активному» росту, вместо «ухода» в анабиозное состояние, т.е. в биологический покой. В такой популяции большая часть менее зимостойких растений погибает в первую зиму.

К осени 1976 года высказанная нами гипотеза о роли регуляторов в формировании признака зимостойкости у пшеницы получила первые веские доказательства. В середине октября ДК, как всегда, с О.И.Майстренко и

В.В.Хвостовой приехали на поле знакомиться с опытами. Когда я показал делянки с тремя поколениями отборов на сортах пшеницы Кавказ, Аврора, Краснодарская 39, Мироновская юбилейная и др., то даже Ольга Ивановна, наименее эмоциональная, была сильно удивлена увиденной картиной. Можно было с осени определить растения, которые погибнут, и те, которые выживут. Поэтому по просьбе Ольги Ивановны было отмечено по 100 растений, которые, по моему 3-летнему наблюдению, должны погибнуть, и 100 растений, которые должны остаться после перезимовки. 27 апреля 1977 года мы приехали на те же делянки и просчитали оставшиеся растения: у сорта Кавказ из 100 «обреченных» растений 98 погибли, а из 100, которые должны были перезимовать, осталось 97. Аналогичная картина наблюдалась и на сортах Аврора, Ранняя 47 и Ильичевка.

ДК, который осенью не совсем верил разделению растений на две группы – «обреченных» и «выживших», – после перезимовки вынужден был согласиться с правильностью использования растительного фитогормона в качестве провокатора такого сложного и важного признака, как зимостойкость у озимой пшеницы. С 1978–1979 годов мы начали закладывать конкурсные испытания отдельных линий, полученных таким методом.

Важность для Сибири озимой пшеницы, видимо, впервые ощутили столыпинские переселенцы в начале XX века. Они завезли сюда несколько сортов пшеницы народной селекции из южных районов России, такие, как Казачинская, Таежная и др. Но они не получили распространения.

Я не буду касаться истории развития селекции озимой пшеницы в Сибири. Мы по-серьезному были настроены заниматься селекцией озимой пшеницы и к 1980 году, кроме того, создали большую коллекцию диких сородичей пшеницы – разных видов пыреев. Создали несколько сотен инбредных линий у видов *Agropyron glaucum* и *Ag. elongatum*. Получили много комбинаций пшенично-пырейных гибридов.

ДК не только всячески поддерживал наши работы по структуре признака зимостойкости, но и, мне казалось, переживал за эти работы больше, чем я. Он отлично осознавал, что существенный рост урожайности в Сибири будет связан с созданием зимостойких сортов озимой пшеницы специфического экотипа. Ему приходилось выдерживать психологический натиск противников озимой пшеницы,

которые с большим сарказмом доказывали «антинаучность» решения проблемы озимой пшеницы в Сибири.

К началу 1980-х годов к проблеме озимой пшеницы ДК смог привлечь внимание первого секретаря Новосибирского обкома партии Александра Павловича Филатова. Он несколько раз приезжал на поля и детально разбирался с ходом работ. На меня А.П.Филатов произвел впечатление человека с искренним желанием оказать посильную помощь. В 1981 году по Новосибирской области была сильная засуха, и яровые посевы в западных районах практически сгорели. На 18 июля мы запланировали уборку. За 2–3 дня до начала уборки я предупредил ДК. Он мне ответил, что с обкома просили подождать с уборкой до приезда А.П.Филатова, который объезжал сгоревшие районы Кулундинской зоны. Примерно через два дня Александр Павлович прибыл из западных районов области и сразу же приехал в институт и на поля. Вместе с ним впервые приехал председатель президиума СО РАН В.А.Коптюг. Накануне ДК позвонил мне вечером и сказал, что надо подумать, что нужно попросить у Александра Павловича в качестве технической помощи для работы по озимой пшенице. Я ответил, что на данном этапе крайне необходимы климокамеры. Если удастся их получить, это существенно ускорит работу.

На поле Александр Павлович рассказал, что засуха, охватившая всю область, особенно сильно проявилась в западных районах. Для поддержания скота часто прибегали к срезанию веток с деревьев. Он рассказал о туманных перспективах строительства Северо-Кулундинского канала для орошения той зоны.

После такого положения с урожаем яровых в области Александр Павлович увидел уже созревшие посевы озимых, урожайность которых составляла 36–47 ц/га (в том году). Поэтому, обращаясь к Валентину Афанасьевичу и ДК, Александр Павлович сказал, что надо сделать все, чтобы эти работы довести до практического завершения, и спросил ДК, опередив его, какая нужна техническая помощь с его стороны для проведения этих работ.

ДК, как мы предварительно договорились, попросил оказать помощь в приобретении климокамер. Александр Павлович обещал через две недели ответить. Уже в первой декаде августа из обкома сообщили о положительном решении этого вопроса. К началу сентября были уже согласованы поставки 11 климокамер в наш институт.

Уже через два сезона использования климокамерного блока нам удалось выделить генотипы озимой пшеницы, способные выдерживать на узле кущения температуру -26°C , что на 5° ниже, чем известные изученные в мировой практике генотипы.

Александр Павлович предложил использовать климатические условия Северо-Кулундинской опытной станции (пос. Баган) для оценки генотипов озимой пшеницы. С осени 1982 года мы начали высевать в условиях Кулунды конкурсные питомники, коллекции и контрольные питомники. С 1988 года в Государственную комиссию по сортоиспытаниям СССР был передан первый сорт озимой пшеницы «Кулундинка». После 4-летних госиспытаний на пленуме Госкомиссии 1994 г. этот сорт был разрешен к возделыванию в двух крупных регионах страны Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском, т.е. в 14 областях, краях и республиках.

Следует сказать, что ДК до последних дней своей жизни сохранял огромный интерес к проблеме создания надежных зимостойких генотипов озимой пшеницы для Сибири. Накануне смерти 13 ноября 1985 года ДК пригласил меня к себе домой, и два часа разговор был об озимой пшенице и регуляции выраженности генов. Он сообщил мне, что у него был Валентин Афанасьевич, и он просил Валентина Афанасьевича уделить внимание работам по озимой пшенице и регуляторам роста растений. Валентин Афанасьевич ответил ему, что препарат «Гибберсиб» – совместная разработка ИЦиГ и НИОХ, а озимая пшеница его уже заморозила с первого посещения посевов в 1981 году.

Озимая пшеница пришла на смену яровым во все области Центрального нечерноземья только после ВОВ, с появлением сорта Н.В.Цицина и Г.Д.Лапченко ППГ-186, который с 1948 по 1955 гг. увеличил посевные площади под озимой пшеницей в этом регионе до 5,5 млн га. Приход же в этот регион Мироновской 808 завершил вытеснение яровой пшеницы до 9–12% посевов от всей площадей, занятых под пшеницей. Средняя урожайность озимой пшеницы в Московской, Рязанской и других областях составляет 34–36 ц/га, а яровой – 14–17 ц/га. Поэтому создание в сибирских условиях стабильно зимующих генотипов озимой пшеницы – это то, о чем мечтал и чему посвящал много времени ДК.

Наша же работа показала, что создание стабильно зимующих сортов вполне

реально. Так, в 1994 году сорт Кулундинка был разрешен для возделывания в Западно- и Восточно-Сибирском регионах и даже в Бурятии и Чите. А сорт Багратионовская с 1995 года был признан Госкомиссией России за стандарт, т.е. эталон по морозостойкости для России.

С 1999 года зарегистрирован в Государственном реестре сорт Заларинка, созданный из наших генотипов совместно с сотрудниками Сибирского института физиологии и биохимии растений СО РАН (г. Иркутск) В.К.Войниковым, Н.В.Дорофеевым, А.А.Пешковой. Совместно с ними с 2000 г. передан на государственное испытание новый сорт Иркутская озимая. С 2001 года на государственное испытание передали совместно с СибНИИРС (пос. Краснообск) еще один сорт озимой пшеницы Новосибирская-32.

Невзирая на 10-летнюю ельцинскую вакханалию в стране, которая очень сильно ударила и по науке, нам удалось на 70% сохранить накопленный за предшествующие 20 лет работы генетико-селекционный материал, за последние два года восстановить, обновить и создать новый генетический материал для дальнейших исследований и отборов.

Надо отметить, что Валентин Афанасьевич Коптюг после смерти ДК являлся гарантом сохранения работ не только по регуляторам роста и развития растений, но и по озимой пшенице. При любой нашей встрече, где бы это не случилось, обязательно останавливал машину и 3–5 минут уделял разговору об озимой пшенице и во вторую очередь Гибберсибу, Силку. Примерно 10–12 раз мы обсуждали с ним дела в дорожной обстановке. В последний раз такая встреча состоялась в августе месяце последнего года его жизни. Он уезжал из президиума часов в 10 вечера, увидев меня, остановился и после разговора попросил, чтобы я зашел как-нибудь к нему в кабинет. Я ответил, что сейчас у нас проходит уборка и посев, а попозже осенью я обязательно зайду. Но судьба распорядилась так, что больше мне не удалось с ним встретиться. Я несколько раз звонил в приемную, но ответ часто был, что Валентин Афанасьевич отсутствует, то в Москве, то за рубежом.

Сейчас у нас на подходе к передаче в государственное сортоиспытание несколько генотипов озимой пшеницы, и в ближайшие годы я буду предлагать ученому совету их названия: «Памяти Беляева», «Памяти Коптюга» и «Филатовская».

Пусть это будет наша небольшая благодарность тем людям, которые понимали, что в Сибири человек без озимых культур больше ничего не может противопоставить таким часто повторяющимся неприятным факторам природы, как весенне-летняя засуха и ранне-осенняя непогода. Эти люди – ДК, Валентин Афанасьевич Коптюг, Александр Павлович Филатов – делали все, чтобы в Сибири появились надежно зимующие сорта озимой пшеницы.

А.П.Филатов

Служить Отечеству

Первый секретарь Новосибирского обкома КПСС в 1978–1988 гг.

Стройный, красивый, с выразительными глазами, великолепной дикцией, прирожденный оратор, умеющий покорить и убеждать слушателей, человек большого ума и широкого кругозора – таким остался в моей памяти академик Дмитрий Константинович Беляев.

Впервые я с ним познакомился в 1960 году, будучи заведующим отделом науки и школ Новосибирского обкома партии. Это было трудное время для генетиков. Генетическая наука и ее представители не воспринимались в высшем эшелоне власти страны. В 1958 году в Новосибирске начал работать вновь созданный Институт цитологии и генетики в составе Сибирского отделения АН СССР, возглавляемый известным ученым Николаем Петровичем Дубининым. Однако через некоторое время на одном из ответственных заседаний работа института и его директора были подвергнуты резкой критике со стороны первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева. После этого Н.П.Дубинин был отозван в Москву, а исполнение обязанностей директора было возложено на кандидата биологических наук Дмитрия Константиновича Беляева.

В 1960 году в Новосибирский обком партии приехал инструктор отдела науки ЦК КПСС Николай Алексеевич Дикарев с заданием изучить вопрос: не остался ли в Институте цитологии и генетики «дубининский дух». Мы с Николаем Алексеевичем и пришли к ДК, чтобы подробно ознакомиться с работой института, его тематикой, кадрами. В институте мы проработали около двух недель. Мы побывали в лаборатории П.К.Шкварникова, которая занималась выведением новых сортов картофеля и томатов, устойчивых к фитофторозу. В лаборатории Ю.П.Мирюты создавался высокоурожайный сорт кукурузы. В основе работ коллективов этих и других лабораторий лежал научный подход к изучению наследственности растений и животных. ДК твердо стоял на позициях генетической науки и сохранил все принципы, которые были заложены в работе коллектива в период работы академика

Н.П.Дубинина. То есть в институте не только сохранился «дубининский дух», а вся его школа и кадры. Стал вопрос: как доложить? К счастью, проверяющий из ЦК КПСС Н.А.Дикарев оказался умным, дальновидным и очень честным человеком. Он поддержал коллектив института и и.о. директора Д.К.Беляева. Нами была подготовлена записка в адрес ЦК КПСС, которую подписали первый секретарь обкома Ф.С.Горячев и председатель президиума СО АН СССР М.А.Лаврентьев о целесообразности сохранения основных направлений работы института. Правда, на этом дело не кончилось. Недоверие к коллективу со стороны верхов продолжалось.

10 марта 1961 года в связи с приездом в Новосибирск Н.С.Хрущева в актовом зале Института геологии и геофизики была организована выставка работ научно-исследовательских институтов СО АН СССР, где директора докладывали председателю Совмина СССР Н.С.Хрущеву о своих успехах и проблемах. Но Институт цитологии и генетики на выставке не был представлен. Однако Н.С.Хрущев помнил об институте. И его первым вопросом к М.А.Лаврентьеву при появлении на выставке было: «Куда он спрятал вейсманистов-морганистов?» На что М.А.Лаврентьев ему с юмором ответил, что «он не биолог и плохо разбирается в этой науке». М.А.Лаврентьеву и ДК потребовалось еще много усилий, настойчивости и мужества, чтобы сохранить коллектив института. Лишь через шесть лет ДК перестал быть и.о. директора, его утвердили директором Института цитологии и генетики. Все эти годы институт работал в сложной обстановке. Катастрофически не хватало помещений, оборудования, кадров.

Но коллектив выстоял благодаря постоянной поддержке президиума СО АН СССР, местных партийных и советских органов. Через много лет в одной из своих работ академик Н.П.Дубинин выразил благодарность Ф.С.Горячеву и М.А.Лаврентьеву за поддержку коллектива Института цитологии и генетики в трудное для него время. Решающая роль в сохранении института по праву принадлежит ДК. Благодаря настойчивости, инициативе и организаторскому таланту ДК удалось сплотить коллектив института, добиться положительных результатов в его работе, получить широкое признание. К середине шестидесятых годов была полностью снята опала с коллектива. В 1964 году ДК избирают членом-корреспондентом АН СССР. Это был уникальный случай, когда кандидата наук

избрали членом-корреспондентом. В 1972 году ДК избирают действительным членом АН СССР. В это время ДК активно занимался созданием собственной научной школы. При его непосредственном участии был организован факультет естественных наук в Новосибирском государственном университете.

Большое внимание ДК уделял созданию базы для эксперимента, опыта. При его активном участии было организовано опытное экспериментальное хозяйство, которое играло и играет большую роль в работе Института цитологии и генетики. На протяжении длительного времени это хозяйство возглавляет опытный руководитель А.Е.Горячкин. В период работы ДК значительно расширило сотрудничество со многими сельскохозяйственными предприятиями области, подразделениями Сибирского отделения Академии сельскохозяйственных наук. В результате совместной работы Института цитологии и генетики с Институтом растениеводства Сибирского отделения ВАСХНИЛ был создан новый сорт пшеницы – Новосибирская-67, который по многим показателям превосходил районированный в Западной Сибири сорт пшеницы Саратовская-29. Новый сорт имел более высокие хлебопекарные качества и обладал большей неполегаемостью, чем Саратовская-29, что очень важно для условий Сибири. За короткое время под пшеницей Новосибирская-67 было занято более половины посевных площадей зерновых культур в нашей области. В это же время ДК уделяет много времени и внимания селекции озимой пшеницы. Он горячо верен и всячески способствовал созданию сорта озимой пшеницы. Мы с ним не раз бывали на опытном поле у Виктора Михайловича Чекурова, который непосредственно занимался испытанием этого сорта. Для Сибири, где часто повторяются засухи, мало времени остается для уборки хлеба, иметь районированный сорт озимой пшеницы особенно важно. Озимая пшеница позволяет более продуктивно использовать весеннюю влагозарядку и увеличить время для уборки урожая.

Сотрудники института вели интересную и важную работу по выведению новых пород свиней, овец и других животных. Под руководством ДК велись крупные исследования по генетике и селекции пушных зверей, прежде всего серебристо-черных лисиц и норки. Были получены неплохие результаты, открыты важные закономерности и представления. Со временем ДК становится крупнейшим, ведущим специалистом в области эволюционной генетики, генетических основ селекции

животных как в СССР, так и за рубежом. Он написал более трехсот научных работ, которые получили мировое признание. За заслуги в области генетической науки он был избран в 1978 году Генеральным секретарем XIV Международного генетического конгресса и президентом Международной генетической ассоциации. ДК обладал широкой эрудицией, был интересным собеседником. Мне не раз приходилось встречаться с ним в разных ситуациях, и всегда я заряжался его энтузиазмом и идеями. Не один раз мы бывали с ним в Медведском совхозе Черепановского района, в котором сотрудники института вели работу по выведению кроссбредной породы тонкорунных овец. Совхоз этот уникальный, как и его директор Игорь Вячеславович Рымарев, кандидат сельскохозяйственных наук, уже более четверти века возглавляющий это хозяйство. Здесь и лучшие в области лошади, и великолепное стадо тонкорунных овец кроссбредной породы (автор Г.А.Стакан), шерсть которых признана лучшей в России. Даже в трудных условиях, когда в области почти не стало в хозяйствах овец, И.В.Рымареву удалось сохранить стадо. ДК с большим уважением относился к Игорю Вячеславовичу, этому энтузиасту и неутомимому человеку, и часто бывал в его хозяйстве.

Мне запомнилась последняя поездка в совхоз. Тогда нас интересовала работа института и совхоза по выращиванию высокоурожайной кукурузы (600 центнеров зеленой массы с гектара). После осмотра полей мы с ДК долго сидели у костра, говорили о жизни, науке, производстве, судьбах людей. Он вспомнил свои детские и юношеские годы, сложные ситуации в своей жизни. Много теплых слов в тот памятный вечер ДК высказал в адрес своего верного спутника – жены Светланы Владимировны, которая вместе с ним работала в институте и всегда была надежной опорой в его жизни. ДК поделился и о том, почему он не вступил в коммунистическую партию: «Не хотел, чтобы еще раз бередили мою душу из-за отца, которого я очень любил». Он говорил, что полностью поддерживает политику КПСС и лишь формально не является ее членом. Слушая исповедь ДК, я тогда думал: «Как все в жизни сложно!». И все же лучше оставаться честным беспартийным человеком, чем быть липовым коммунистом, которых оказалось больше чем надо после прихода к власти демократов. Жизненная дорога ДК как раз была ярким примером активного борца за правду и справедливость, за лучшую судьбу народа как на фронте, так и в мирное время.

Навсегда в моей памяти осталась встреча с ДК, Георгием Константиновичем Боресковым, Андреем Алексеевичем Трофимуком у Валентина Афанасьевича Коптюга. За товарищеским столом, кроме академиков, присутствовали мы с В.А.Боковым и наши жены. Беседа велась на разные темы: об охоте, рыбалке, фотографии и многом другом. Но особенно выделялась тема о судьбах страны и науки. Фактически в разговоре принимали активное участие корифеи четырех важнейших направлений мировой науки. Это были настоящие русские интеллигенты в самом лучшем смысле этого слова. Главное в их жизни всегда было их дело, забота о судьбе науки. Великие в своих делах, они были просты и доступны в общении. Их всех отличало удивительное совпадение взглядов и оценок положения в науке. За столом шел интересный разговор единомышленников, принципиальный, строгий. Теперь их нет с нами. Они ушли, но оставили глубокий след в памяти народной, пример бескорыстного служения Родине. И нас утешает лишь то, что их дело продолжили в трудных условиях достойные преемники академики Николай Леонтьевич Добрецов, Генрих Александрович Толстяков, Владимир Константинович Шумный. Это вселяет надежду на лучшее будущее науки.

Запомнилась мне и еще одна встреча. Как-то с министром среднего машиностроения СССР Ефимом Павловичем Славским, сыгравшим огромную роль в строительстве четырех научных центров в Новосибирске и области, в развитии города Новосибирска, побывали в экспериментальном хозяйстве Института цитологии и генетики. ДК подробно ознакомил нас с работой, которая проводилась в хозяйстве. И потом поведал о своей давней мечте – создании на Алтае заповедника генофонда редких диких и домашних животных наподобие всемирно известного Аскании-Нова. Нам эта идея понравилась. Позже предложение ДК было поддержано президиумом Сибирского отделения АН СССР, руководством Алтайского края. Благодаря исключительной настойчивости ДК в короткие сроки удалось создать заповедник Черга на Горном Алтае. Правда, теперь Черга, как и вся наука, из-за скудного финансирования переживает не лучшие времена. Однако есть надежда, что заповедник Черга, детище ДК, как и Институт цитологии и генетики, преодолеют этот трудный период и будут верно служить нашей отечественной науке, России.

Б.Н.Волков

Фронтовое братство

Генерал-лейтенант, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Для нас, ветеранов войны Советского района г. Новосибирска, Д.К.Беляев был не только крупным ученым-генетиком, но прежде всего воином, участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., прошедшим ее трудными и опасными дорогами, начавшим воевать с подмосковных полей осенью 1941 г. и закончившим войну в Прибалтике в мае 1945 г.

Суровая фронтовая действительность, ежедневная опасность для жизни, необходимость постоянного риска и порой мгновенного принятия решения требовали большого напряжения физических и моральных сил, творчества и инициативы, опоры на коллектив, на подчиненных. А это рождало особое чувство войскового братства, фронтовой дружбы и взаимного доверия друг другу. Без этого на фронте нельзя. Этими качествами Д.К.Беляев обладал сполна.

В годы создания Новосибирского научного центра (Академгородка), формирования и становления научных институтов и всей инфраструктуры городка огромную роль сыграли люди, прошедшие и пережившие войну. Многие видные ученые, научные сотрудники в суровые годы войны принимали непосредственное участие в боевых действиях или работали на оборонных предприятиях и внесли немалый вклад в победу. Они в основном составляли костяк руководителей и создателей научного центра.

По мере становления и развития Академгородка как никогда возникала потребность объединения усилий всех категорий специалистов, в том числе и ветеранов войны как в решении стоящих задач, так и поддержке друг друга, организации патриотического воспитания, особенно молодежи. Конец 1960-х годов был временем активного зарождения многих общественных организаций. Так, встал вопрос о создании районной организации ветеранов войны. Цель – учитывая богатый

жизненный опыт, знания участников войны, сосредоточить их внимание на актуальных проблемах нашей жизни и деятельности и в целом Городка.

На организационном собрании актива ветеранов войны района было принято решение – создать районную организацию ветеранов войны. Председателем был единогласно избран участник Великой Отечественной войны академик Дмитрий Константинович Беляев. Был сформирован Совет ветеранов, в который вошли активисты ветеранского движения – ученые, административные работники и т.д.

Почему выбор председателя Совета пал на Д.К.Беляева? Еще до проведения организационного собрания ветеранов актив района видел и чувствовал, что Д.К.Беляев как никто другой понимает цель и задачи ветеранского движения, его огромный общественно-политический потенциал, что именно он сможет разумно мобилизовать и использовать большой жизненный опыт, знания фронтовиков в формировании здорового климата в Городке.

После избрания районного Совета ветеранов войны аналогичные советы стали создаваться в научных институтах, учреждениях и организациях района.

Начали зарождаться определенные традиции ветеранского движения района. Например, во время празднования дня Победы, дней воинской славы участники Великой Отечественной войны шли в школы, институты, предприятия, выступали перед коллективами с беседами, докладами, рассказами о причинах и уроках войны, истоках нашей победы.

Организовывались и проводились мероприятия, посвященные памятным датам войны, военной истории (конференции, круглые столы, встречи и т.д.).

Во многих школах начали создаваться музеи (комнаты) боевой славы. Из числа участников войны нашлось немало энтузиастов, которые с большим желанием и вдохновением брались за создание и оформление музеев, становились их руководителями.

Все это осуществлялось при активной поддержке и личном участии Д.К.Беляева. Он выступал в коллективах, посещал школы и музеи боевой славы. Ему особенно нравился музей средней школы № 121 и оборудованная при музее солдатская землянка, набережная Аллея славы, посаженная учениками школы в память о не вернувшихся с войны местных жителях. Создателем и руководителем всего этого

ансамбля был участник Великой Отечественной войны, участник обороны Москвы старший сержант Бутаков Дмитрий Дмитриевич. Дмитрий Константинович питал к нему особое чувство уважения и признательность за активную работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

При обсуждении плана подготовки и проведения празднования 25 годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. было внесено предложение: организовать в День Победы, 9 мая, шествие ветеранов войны по Морскому проспекту от здания Президиума СО АН до Дома ученых, где намечалось провести митинг жителей Академгородка. Д.К.Беляев активно поддержал эту идею. Лично обзвонил директоров институтов, проинформировав их о принятом решении, и попросил направить участников войны 9 мая к 10.00 к зданию Президиума СО АН СССР. И когда ветераны войны собрались в указанном месте, он сердечно поздравил всех с праздником и лично возглавил колонну. С тех пор, с 1970 года, ежегодно 9 мая участники войны, труженики тыла военных лет Академгородка проходят по Морскому проспекту и участвуют в митинге. Д.К.Беляев до конца своих дней всегда участвовал в этих торжествах и бессменно возглавлял колонну ветеранов.

Это стало хорошей традицией, которая живет и по сей день и тепло воспринимается жителями Академгородка. Необходимо признать, что этот опыт прохождения ветеранов войны и труда в колоннах в дни празднования Дня Победы был поддержан многими ветеранскими организациями города Новосибирска и области.

По инициативе Д.К.Беляева, при активной поддержке местных органов власти ежегодно в День Победы с утра по улицам Советского района проезжала военизированная агитколонна, извещающая о начале празднования.

Большинство встреч, конференций, тематических вечеров, посвященных юбилейным военным датам, героическим подвигам советского народа в Великой Отечественной войне, проводимых в Доме ученых, Домах культуры «Академия», «Юность», Офицерском клубе военного училища, как правило, открывал вступительным словом Д.К.Беляев.

Очень содержательно и эмоционально, с большим подъемом прошел тематический вечер курсантов и молодежи Советского района в Офицерском клубе

училища на тему: «Равнение на боевые знамена». Зал очень тепло приветствовал Д.К.Беляева и его выступление. После вечера он с огромным чувством и удовлетворением сказал нам, ветеранам войны, что не ожидал такого теплого приема и неподдельного интереса молодежи к тем проблемам, о которых он говорил. Чувствовалось, что он по-хорошему взволнован и исключительно доволен встречей.

Клуб красных следопытов «Три И» (искать, исследовать, изучать) при Доме пионеров Советского района в соответствии с решением Всесоюзной пионерской организации спланировал провести операцию под девизом «Салют, Победа!». Цель операции – собрать материал о боевых и трудовых подвигах отцов и братьев в годы войны; экспонаты для музеев (комнат) боевой славы, а также по возможности опубликовать ко Дню Победы воспоминания ветеранов. Возглавил операцию комиссар клуба, замечательный подвижник, участник войны, кавалер многих орденов, полковник в отставке Анатолий Дмитриевич Москвин. Он пришел к Д.К.Беляеву, рассказал весь замысел операции, о том, что копил силы и средства, которые будут использованы для ее осуществления. Беседа длилась около часа. Д.К.Беляев поддержал эту инициативу и со своей стороны делал все, чтобы операция завершилась успешно. Следопыты провели огромную работу и в апреле 1975 г. в канун 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне издательством «Наука» была издана книга «Салют, Победа!», в которой 40 ветеранов войны, труда поделились своими воспоминаниями. Среди них: академики М.А.Лаврентьев, Д.К.Беляев, О.Ф.Васильев, В.А.Кузнецов, А.В.Ржанов, А.Л.Яншин, Н.Н.Яненко и др. Д.К.Беляев до глубины души был рад и горячо благодарил следопытов и лично А.Д.Москвина за проделанную работу. Эта книга с большим интересом читается и сейчас. Она позволяет с позиции сегодняшнего дня глубже узнать и понять как то время, в котором жили и творили ветераны, так и их самих, их характеры и одухотворенность.

Д.К.Беляев как бывший военный, участник войны, председатель Совета ветеранов района с самого начала активно поддержал идею М.А.Лаврентьева о размещении на территории Академгородка Высшего военно-политического учебного заведения. Он ясно понимал, что курсанты, офицеры училища внесут определенный положительный импульс в жизнь Городка, активизируют военно-патриотическое

воспитание молодежи, в то же время общение с видными учеными, научной интеллигенцией значительно обогатит кругозор курсантов и будет способствовать формированию профессиональных качеств будущих офицеров, их научного мировоззрения. И необходимо отметить: Беляев активно участвовал в претворении в жизнь этих идей. Он лично присутствовал и выступал на многих мероприятиях, проводимых в училище. Будь то выпуск офицеров, памятная юбилейная дата или просто встреча с личным составом, показательные учения, стрельбы и др. – Беляев всегда находил теплые напутственные слова для присутствующих.

Однажды приехали мы в учебный центр училища в инженерно-химический городок, который был оборудован и оснащен в строгом соответствии с требованиями полевого устава и наставлениями по инженерной и химической подготовке к войне. Выставлена новейшая боевая техника и приборы. И нужно было видеть, с каким вниманием, с какой заинтересованностью осматривал Д.К.Беляев каждый экспонат. Он детально расспрашивал о назначении и возможности того или иного прибора, машины и вспоминал эпизоды из боевых действий во время войны. Очень много рассказывал об использовании инженерной и химической техники в бою. После осмотра городка он более часа вел оживленную беседу с солдатами, курсантами, офицерами, вспоминал об участии химических войск в годы войны. Вот один из примеров. Дивизия, в которой служил Д.К.Беляев, вышла к реке Северной Двине. Было приказано сходу форсировать реку и захватить плацдарм на левом берегу. Противник обнаружил выход дивизии к реке и подготовку подразделений к формированию, открыл сильный огонь из всех видов стрелкового оружия, артиллерии и минометов. Командиром дивизии было принято решение – поставить плотную дымовую завесу и ослепить противника, а под прикрытием дыма спустить на воду плавсредства и форсировать реку. Так и было сделано. Плацдарм был захвачен. Приказ выполнен. Постановкой дымовой завесы руководил капитан Д.К.Беляев.

В непосредственном общении с военнослужащими, его теплоте и вниманию к каждому собеседнику, стремлении как можно больше рассказать молодым людям о событиях и уроках войны, необходимости и почетности воинского труда как нигде проявлялась его внутренняя любовь и глубокое уважение к Армии, ее солдатам и офицерам.

Д.К.Беляев как председатель Совета ветеранов войны Советского района проводил большую работу по социальной и правовой защите интересов ветеранов, пожилых людей, по оказанию им необходимой материальной помощи и моральной поддержки. К нему шли на прием, писали письма, заявления, жалобы и т.д. И в меру своих сил и возможностей он старался помочь каждому. У него был боевой помощник по ветеранским делам, участник Великой Отечественной войны, участник штурма Берлина и освобождения Праги полковник запаса Романенко Иван Григорьевич. Он решал многие организационные вопросы, анализировал поступающие письма, заявления, обобщал их и регулярно докладывал Д.К.Беляеву о принятых мерах, высказывал свои предложения по вопросам, требующим вмешательства председателя Совета. Кому-то из ветеранов помогли установить домашний телефон, кому-то улучшить жилищные условия, кого-то поставить на очередь для получения жилья, кому-то получить земельный участок для сада, получить предусмотренные законами льготы и т.д. Вот только два примера из массы решенных вопросов.

Участница Великой Отечественной войны Шишкина Мария Ивановна проживала с семьей из 4 человек в комнате 10 м². Стояла на очереди по улучшению жилищных условий не один год. Обращалась во многие инстанции. Все обещали, но реальных мер не принимали. Пришли к Д.К.Беляеву. Изложила свою просьбу, представила документы. Через полгода М.И.Шишкина получила двухкомнатную квартиру и от души благодарила председателя Совета ветеранов.

Инвалид Отечественной войны II группы Сидоркин Петр Иванович, прошедший все 4 года войны, трижды был ранен, никак не мог добиться установки домашнего телефона. К кому только не обращался, но просьба оставалась без ответа. Пришел на прием к Д.К.Беляеву и буквально через месяц у инвалида войны был установлен телефон.

Можно приводить массу примеров активного вмешательства Д.К.Беляева в разрешение самых различных проблем ветеранов войны, оказание им материальной и моральной поддержки. Многие ветераны войны помнят о добрых делах Д.К.Беляева и с теплым чувством благодарности вспоминают его.

С самого начала ветеранского движения участников войны вокруг Д.К.Беляева

собрался исключительно работоспособный актив. Это были сподвижники, которые делали все, чтобы объединить, сплотить ветеранов, использовать их знания, опыт, огромный жизненный потенциал и энергию на общее дело. В актив входили ряд директоров, заместители директоров институтов, видные научные деятели, старшие офицеры запаса. Это поднимало авторитет Совета как среди ветеранов, так и в местных органах власти. К тому же Совет работал в тесном взаимодействии с партийными, советским и комсомольскими органами района, такими общественными организациям, как комитет содействия райвоенкомату, органами социального обеспечения и учреждениями культуры. И надо прямо сказать, что многие вопросы решались положительно благодаря авторитету и личному участию Д.К.Беляева как председателя.

Д.К.Беляев заложил хорошую традицию у себя в институте, которая живет до сих пор и которой следуют директора многих институтов: в канун Дня Победы обязательно собирать сотрудников института, участников войны, ветеранов труда военных лет. Благодарить их за труд, вручать памятные подарки и устраивать товарищеский ужин с воспоминаниями, песнями военных лет. Несомненно, это сплачивает коллектив, придает каждому ветерану дополнительные силы и вдохновение.

В 1984 году в связи с решением вышестоящих государственных инстанций встал вопрос об объединении всех ветеранских организаций, групп и о создании единой ветеранской организации района, в которую бы вошли ветераны войны, труда, партии и комсомола. Был создан организационный комитет, который подготовил проект устава, структуру районной организации и провел работу по созданию первичных организаций в тех учреждениях, на предприятиях, где они еще не были созданы. Д.К.Беляев очень внимательно выслушал все предложения оргкомитета, ознакомился с проектом устава и организационной структурой ветеранского движения, одобрил и поддержал намеченные мероприятия.

В декабре 1984 года состоялась учредительная конференция ветеранов войны, труда, партии и комсомола Советского района г. Новосибирска. Принят устав организации, утверждена организационная структура и избран Совет ветеранов района. Делегаты конференции высказали много теплых слов благодарности Д.К.Беляеву за большую работу на посту председателя Совета ветеранов войны

(1968–1984) и единогласно избрали его в состав нового Совета ветеранов войны, труда, партии и комсомола района.

О Д.К.Беляеве можно писать и рассказывать очень много. Это был человек исключительной душевности и огромного обаяния. Он обладал каким-то особым чувством человечности, такта и умения находить контакт с людьми в любой ситуации. Его оптимизм, твердая жизненная позиция, откровенность и открытость в суждениях, способность аргументированно отстаивать свою точку зрения привлекали к нему ветеранов войны, труда и выдвигали как лидера ветеранского движения. В нем жило величайшее чувство фронтового братства.

Судьба распорядилась так, что мне пришлось в течение 20 лет близко общаться с Д.К.Беляевым, вести непринужденные беседы на самые различные темы, много раз слушать его выступления, вместе организовывать и проводить общественные мероприятия, обращаться к нему как к заместителю председателя Сибирского отделения АН СССР по служебным вопросам. Восхищала его широкая эрудиция, собранность, профессиональное знание обсуждаемой проблемы, доброжелательность и стремление помочь в положительном разрешении вопроса.

За активное участие в ветеранском движении, большую работу по патриотическому воспитанию молодежи, постоянную социальную и правовую защиту интересов участников войны Советский комитет ветеранов войны наградила Д.К.Беляева «Памятным знаком СКВ».

Мне хотелось бы закончить свое воспоминание замечательным стихотворением поэтессы Майи Лозовской.

*Нет дружбы крепче фронтовой,
Скрепленной кровью и металлом.
Она прошла мороз и зной, кипела в буре огневой
И на снегу твердела талом.
Делила дружба пополам,
Махорку и сухарь солдатский.
Вела в разведку по ночам
И хоронила по утрам своих ребят в могилах братских.*

*И если я теперь живой,
И по земле шагаю брэнной,
Я ей обязан, ей одной – священной дружбе фронтовой,
Моим друзьям поры военной.*

Вот это чувство фронтовой дружбы, братства сопровождало Д.К.Беляева всю его жизнь. Он был верен ему до конца. За это его глубоко уважали фронтовики. Они помнят и с теплой благодарностью вспоминают его.

Жизнь, кипучая научная и общественная деятельность Дмитрия Константиновича Беляева служили и будут служить примером беззаветной преданности и верности Отечеству, своему народу. Такие люди не умирают.

А.С.Коган

Не умирай, пока живешь!

Доктор медицинских наук, заведующий кафедрой Института усовершенствования врачей г. Иркутска, сотрудник ИЦиГ с 1978 по 1979 гг.

В середине 1960-х годов я работал хирургом-онкологом в клинике общей хирургии Новосибирского медицинского института, многолетняя интенсивная и весьма специфичная жизнь в хирургии, как у всех хирургов.

Бегу как-то по коридору клиники по своим суетливым делам. Вижу, идут трое: очень солидная и приятная дама и двое мужчин, один из них такого вида, что впору остановиться и вытянуть руки по швам. Высокий, стройный, густые брови и темные глаза. Глаза добрые и внимательные, умные, от них никуда не деться. Я подумал, не переодетый ли это генерал (возможно, КГБ). Оглянулся – они вошли в кабинет шефа клиники профессора Б.А.Полянского. Нет, однако, не генерал. К генералам шеф сам ездит. Но и не простые люди. Таких фильтруют в приемном покое заведующие отделениями, доценты. Из прокуратуры? Нет, давно проколов не было. Кто же они – такие непростые? Больных среди них нет, это точно. А из обкома ни за что не приедут. Вызовут.

Ну ладно, ребята расскажут. Занимаюсь своими делами. Прибегают от шефа. Зовут к себе. Прихожу, здороваюсь. Они, улыбаясь, приветливо ответили. Шеф говорит: директор Института цитологии и генетики Дмитрий Константинович Беляев и его сотрудники Раиса Павловна Мартынова и Рудольф Иосифович Салганик.

Первое впечатление – интеллигентнейшие, очень приятные и добрые люди, но необычные. Не припомню, чтобы именно такие когда-то у нас бывали. В общем, оказалось следующее. В Институте цитологии и генетики был проведен большой объем экспериментальных исследований, в процессе которых на животных со спонтанными и перевиваемыми злокачественными опухолями под действием высокополимерной РНК (парентеральное применение) был получен объективный противоопухолевый эффект. Речь пошла о клинических испытаниях. В то время, в

отличие от настоящего, был крайне ограниченный выбор противоопухолевых препаратов, к тому же чрезвычайно токсичных. Не было тогда и такой специальности, как онколог-химиотерапевт. Драматических же ситуаций было больше чем достаточно.

Следуя древнему принципу: главное в хирургии – дисциплина, мы в довольно короткие сроки начали эту работу. Контроль (очень деликатный) за этой работой со стороны Д.К.Беляева был такой, какого я раньше не встречал. Телефонные звонки, визиты, обсуждение результатов – шли ежедневно, ежевечерне, еженощно. Он знал диагнозы, фамилии пациентов, динамику болезни. Я быстро привык к вежливым вопросам насчет того, в какое время я последний раз осматривал больных. Какая помощь нужна. Почему у одного из больных вдруг повысилась температура. Занятия со студентами, операции, дежурства и прочее – не в счет. Меня всегда поражала манера общения Дмитрия Константиновича. Доброжелательность, исключительное внимание в разговоре, паузы для юмора, интерес к хирургическим анекдотам и вновь о деле, с прессингом, от которого не увернешься и вничью не разойдешься. В конце концов я понял: это не какая-то мелкая «программа». Это всерьез и надолго. Работы было много и ее результаты до сих пор я считаю уникальными не только в связи с несомненными противоопухолевыми эффектами препарата. В ходе работы были получены ценнейшие клинические данные о гемостимулирующем действии высокополимерной РНК, стимуляции иммунитета, регенерации и ряд других интереснейших положительных эффектов.

Были в Москве, докладывали в высоких инстанциях. Разумеется, вместе с Дмитрием Константиновичем. Кто помнит те времена, не удивится, почему препарат не был доведен до аптеки. Нет смысла здесь рассказывать о беге с препятствиями.

И вот, в первую поездку в Москву с ДК я получил незабываемый урок. Мы ехали поездом втроем: ДК, Р.И.Салганик и я. Только разместились в купе и поезд отошел от вокзала, ДК мило улыбнулся проводнице, и под таким гипнозом она тут же принесла хорошо заваренный чай (как будто знала, что именно такой он любит). Оказалось, что не только мы, хирурги, берем в дорогу что-нибудь и закусить, но и генетики делают то же самое. Я как наиболее молодой разлил по «отходной» и выпил то, что налил, полностью (возможно, в знак уважения к высоким спутникам, но

скорее – в силу клинической традиции). Они почему-то выпили по чуть-чуть. Закусываем, весело разговариваем. У меня никакой настороженности нет. А дальше было вот что. Повторили. Я опять принял на грудь до конца, а они по глоточку. В конце концов случилось то, что и должно было случиться. Я извинился и попросился на верхнюю полку. Получил любезное согласие вместе с выражением живейшего интереса на лицах и веселыми улыбками. Через час-полтора я проснулся, и меня пригласили спуститься вниз. Налили. Тост. А я все понял, взял и отхлебнул чуть-чуть, как они. ДК спрашивает: что так скромно? Я ответил, что все понял. С тех пор я никогда залпом уже не пил.

Не много времени потребовалось, чтобы стать абсолютно убежденным в том, что ДК – это личность. Вряд ли возможно даже богатым русским языком описать все грани характера этого человека. Мне это явно не удастся. Попробую вспомнить эпизоды.

Перейдя на работу в клинический отдел Института цитологии и генетики в самый начальный период его создания, я был удивлен терпением, вниманием и проникновением ДК в, казалось бы, далекие для него проблемы. Клинический отдел был создан мощным, многопрофильным. ДК помогал, но не командовал. Известно, что «от людей на деревне не спрячешься». Академгородок небольшой, и наши «проколы» были известны. Он никогда не участвовал в «разборе полетов». Это делали те, кому положено по долгу службы. Но включить всех и вся в трудных ситуациях он мог так, как никто: спокойно, без паники, но быстро и энергично. Это не было следствием того, что клинический отдел был в составе руководимого им института. Это результат его отношения к людям.

Однажды у единственного маленького сына одного из молодых сотрудников института на фоне тяжелой пневмонии развилась угрожающая дыхательная недостаточность. Принимаемые врачами меры были малоэффективными. К тому же не было единого мнения о тактике лечения, что ДК понял сразу. Не было человека, который взял бы на себя смелость принятия четкого решения. Всю ночь ДК провел в своем кабинете, связываясь по телефону с лучшими специалистами в этой области в нашей стране. Через несколько часов проблема была решена. Прилетел специалист, сделал то, что единственно было спасительным. Результат: парень вырос вполне

здоровым, высоким, спортивным, закончил школу, а сейчас уже, наверное, отец семейства.

Это не единичный случай. Обладая огромным организаторским талантом, ДК еще и умел включать именно нужные рычаги. Тем самым он помог многим людям. Нет сомнений, что мотивация таких действий – любовь к людям, глубокая и искренняя тревога, когда случалась беда.

Другой яркий пример – ветераны войны. Сам пройдя на фронтах Великой Отечественной через то, что многим из нас неизвестно, ДК делал все, чтобы помочь им, независимо от того, что с ними случилось. Постоянно, а не только в великий праздник День Победы, как это у нас водится.

Я не знаю, был ли в году день, который бы ДК так почитал, как День Победы. Это для него был, по-моему, самый главный ежегодный праздник. Его отношение к этой эпохальной дате было очень строгим, я бы сказал – святым. Не много я знал людей, которые бы в этот день так же, как он, испытывали высокие патриотические чувства и тяжесть неисчислимых потерь.

А вот другой пример. В середине зимы ночью вдруг раздается телефонный звонок. Ничего особенного, привык. Оказывается, не из клиники, – звонит ДК. Значит, все равно что-то случилось. Сна как не бывало. В чем дело, не говорит, но голос бодрый, спрашивает, не мог бы я сейчас зайти к нему. Нет проблем: идти всего 20–30 минут. Пришел и вижу: сидят известный поэт и писатель-фронтовик Константин Симонов и ДК. Поздний ужин. К.Симонов рассказывает, что очень нездоров Александр Трифонович Твардовский – автор поэмы о солдате Теркине, редактор журнала «Новый мир», фронтовой корреспондент. Мало кто о войне написал так, как он. Характер его заболевания был известен и печальный прогноз тоже.

Они решили, что я должен немедленно, прямо в это утро, лететь в Москву и осмотреть его, так как сонм академиков, консультировавших его и назначивших лечение, не в полной мере сделали то, что может современная медицина (это по их мнению). Назывались имена известнейших клиницистов, принимавших участие в лечении Александра Твардовского. Мне стало не по себе. Я сказал, что это невозможно. Незачем, толку не будет. Кроме того, никто меня не привлекает к этому

делу и вообще могут спросить: кто ты такой? Кому в голову пришло бы звать кого-то из Новосибирска? Чудо-лекарь? Иные последствия легко было предвидеть. Академики неправильно бы меня поняли, и, возможно, в будущем учили бы «при разливе». Веселая ситуация, не правда ли?

Мои доводы не произвели на них никакого впечатления. Причем тут академики? Решили, что это будет полезно. Машина подойдет через час, маршрут Толмачево – Москва, там встретят.

Действительно, встретили. Прямо из аэропорта поехали на дачу А.Твардовского. Когда я увидел историю болезни, данные обследования, итоги консилиумов, получил очень тяжелое впечатление от осмотра больного, – то все так подействовало на меня, что буквально выбило из колеи.

В тот же день я вернулся и обо всем сразу рассказал ДК, осторожно напомнив о том, что не нужно было летать. А ДК спросил: как долго я разговаривал с больным, насколько плохи дела, назначил ли я какие-либо препараты, в полной ли мере ведется симптоматическое лечение, каков уход за Александром Трифионовичем, разговаривал ли я с лечащими врачами, членами семьи и т.д. Было ощущение, что я ординатор и докладываю строгому шефу клиники. После этого отчета ДК сказал: все правильно, ехать было надо, мы, сибиряки, его поддержали в самые трудные дни его замечательной жизни. Вот так. Остальное, о чем Вы, Александр Семенович, беспокоились, – ерунда.

Вспоминая ДК, что-то не могу припомнить, чтобы мы обсуждали мои хирургические проблемы. Пару раз вскоре после того как я познакомился с ДК, такие разговоры были. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что он к хирургии относился с большим уважением. Вместе с тем создалось впечатление, что он, как и великий хирург С.С.Юдин, считал, что хирургия не столько наука, сколько искусство. Иными словами: хирургия – святое дело, честь вам, хирургам, и хвала. А насчет науки? Что ж, пусть еще и наука. Для хороших людей не жалко. Это я так понял и не видел смысла надоедать ему с нашими делами или рассказывать леденящие душу истории. Другое дело – что-нибудь веселое, например, благодарность больного: «Доктор, спасибо, что Вы меня спасли от жизни». Как врач, я неоднократно консультировал

ДК. Заключение должно было быть четким и ясным, ему понятным. До мелочей, как во всем.

Нужно сказать, что в те годы здоровье ДК было завидным, хотя он очень много работал и мало отдыхал. Я редко видел его утомленным. Но он понимал, что при таких нагрузках отдых нужен. И вот однажды он меня спросил (дело было летом): не собираюсь ли я день-другой отдохнуть. Вопрос был неожиданный. В конце концов выяснилось, что неплохо было бы проплыть по Оби, подальше от города, покататься, порыбачить, словом, на короткое время отключиться от дел. С большим удовольствием я согласился составить ему компанию, так как в неофициальной обстановке никогда с ДК не был.

Компания образовалась из пяти-шести хорошо знающих друг друга людей. Без женщин. Наш катерок с тремя каютами и камбузом быстро прошел Новосибирск, и в оглушающей тишине мы плывем по Оби. Погода замечательная, природа великолепная, вода теплая – все отлично. Быстро наступил вечер. Капитан предложил проплыть подальше, а мы, несколько уставшие от сборов, погрузки, решили поспать. Но не тут-то было. Где-то в 2–3 часа ночи ДК всех поднял, как по тревоге. Я сначала не понял, что случилось. Оказывается, мы проплывали мимо очень красивого плеса, где, по его мнению, должно было быть много рыбы и самое время и место отловить ее для ухи. Мы приготовили бредень и в темноте тщательно процеживали через него воду этого плеса, ДК принял живейшее участие в этом процессе. Улов превзошел все ожидания. Известно, что рыбаки любят приврать, преувеличивая свой успех. В нашем случае сколько ни преувеличивай, улов состоял из разной мелочи, но на уху, которую мы тут же стали готовить, хватило. Скоро наступил и рассвет, туман над водой, сытость – захотелось спать. Всем, кроме него. Команда – отчаливать, поплыли. Видя, что все клюют носом, ДК заметил, что вот теперь неплохо было бы вздремнуть. Все кинулись по своим местам. Однако счастье было недолгим. Опять подъем. Это, конечно, сделал ДК. Ведь путешествие прекрасно, природа, погода! Как можно спать? Опять остановка и в лес по грибы. Короче говоря, мы трое суток почти не спали. Этот эпизод чем-то напоминает фильм «Особенности национальной рыбалки».

Перечислять все то, чему я научился не только у ДК, но и у многих его сотрудников, невозможно. Я не имею в виду биологию и генетику, иные науки,

процветавшие в институте. Я продолжал заниматься своим любимым делом – хирургией. Но стиль работы в Институте цитологии и генетики, ее уровень во всех отношениях, манера проведения дискуссий и многое-многое другое принесли мне в последующем огромную пользу (вред от этого тоже случался).

У многих клиницистов есть неистребимый грех: любят писать. Выпускают огромное количество тезисов (такие сборники «трудов» называют мусоросборниками, братскими могилами и т.д.). Был грешен и я. Однажды ДК поинтересовался: сколько печатных работ у одного очень известного хирурга и высокого деятеля. Я ему ответил на другой день, назвав трехзначную цифру. Он подумал и с некоторой грустью заметил, что у И.П.Павлова (текст письма к молодежи которого можно было прочесть на стене конференц-зала ученого совета ИЦиГ) было их на порядок меньше. Мне кажется, что он был очень строг в оценке статей, диссертаций.

Личностные качества человека имели для ДК первостепенное значение. По-моему, у него был тончайший кадровый «нюх», почти безошибочный. Я очень завидовал этой его способности, так как не обладаю таковой. Честность, порядочность, открытость, принципиальность, ровный характер, доброжелательность – вот что он ценил в человеке в первую очередь. Немало, не правда ли? А остальное потом.

Не могу не сказать о том, что мне посчастливилось познакомиться с его давними друзьями и коллегами. Я имею в виду тех, кого он очень любил и уважал. Достаточно было краткого общения с ними, чтобы испытать восхищение этими людьми, подчас с трудной судьбой. Трогательность отношений, любовь друг к другу, взаимное очарование, забота и многие другие проявления дружбы и уважения производили неизгладимое впечатление.

По-моему, ДК с отвращением относился к подхалимству, лести, угодничеству, интригам, стукачеству. Вернувшись как-то из командировки в США, он (совершенно не в связи с этим) пригласил по делу небольшую группу людей. Один из этой группы, не последний человек, стал выражать ему глубокое душевное сочувствие в связи с такой тяжелой поездкой, чуть ли не опасной. Это же нелегкое дело – быть в логове империализма, где из-за смога дышать нечем, душат небоскребы, оглушает джаз (сам

он там никогда не был), аморальность и т.д. Если бы ДК ответил так, как в петровские времена граф Шереметев, что в Париже, ребята, плохо, жрать нечего, даже черного хлеба не допросишься..., – идейный боец был бы вполне удовлетворен. ДК отреагировал со свойственным ему тонким юмором. Он ответил приблизительно так: «Не скажите, очень даже неплохо и интересно», – чуть-чуть улыбаясь, но хохоча глазами. Сострадатель сник.

Я много раз бывал у ДК дома. По разным поводам: оставался посидеть за ужином, поговорить. Не помню, чтобы разговоры были пустыми. Я лично всегда испытывал некоторое внутреннее напряжение, которое стремился маскировать. Нужно было ежеминутно быть готовым к неожиданному повороту в беседе. Если я чего-то не знал, не понимал, то считал лучшим выходом сказать об этом прямо. Мне казалось, что иной вариант поведения невозможен, просто исключен в общении с ДК. Какое бы дело не обсуждалось, делалось это скрупулезно до мелочей, вдумчиво ради полной ясности. Ничто с порога не отвергалось. Словом, это тоже была школа.

Вместе с тем, ДК любил шутить. Он очень ценил юмор, этим чувством он сам обладал в совершенстве, с легкостью находя подходящие сюжеты для этого. Приходилось заботиться о том, чтобы в запасе было два-три новых анекдота или заготовленный «экспромт». Создавалось впечатление, что это дает немалый эмоциональный заряд.

Помню такой случай. Прошел слух, что ДК бросил курить. Как же теперь быть в его кабинете, если уже выработался рефлекс: пришел – закуривай! И получилось вот что. Захожу, он не курит, но говорит: «Закуривайте, Александр Семенович». «Спасибо, Дмитрий Константинович, но что-то не хочется», – отвечаю я. Он говорит: «Прошу Вас, закурите». Я закурил, а он с наслаждением стал принюхиваться. Короче говоря, для запаха в его большом кабинете я так по его просьбе накурился, что вышел, покачиваясь. Думаю, что и другим досталось.

Вспоминая те годы, смею полагать, что комплекс личностных качеств ДК, качеств уникальных, избавлял его от необходимости нравоучений, проявлений снобизма, так часто, к сожалению, встречающихся в нашей медицинской среде. Теперь могу сказать, что кое-когда я заслуживал хорошей трепки. Но ДК почему-то этого не делал, а я долго думал, почему он этого не делает. Ведь у него просто так

ничего не бывало. В результате приходилось вести счет проигранным очкам. Светлане Владимировне следовало бы порезче мне что-то сказать, но она иногда, делая, как ей казалось, внушение, говорила нежно и ласково, сама смущаясь. А это не могло иметь эффекта, ибо у людей нашей профессии не столько важен сам факт разноса (резистентность), сколько его форма и личностные особенности критикующего («выпускает пар» или «берет на карандаш»?).

Когда я переехал на работу в Иркутск (а переговоры с ДК на эту тему были нелегкими), он внимательнейшим образом интересовался моей адаптацией в новых условиях. Не один месяц и не два, а до тех пор пока он не убедился, что все пошло нормально. Когда я приезжал по делам в Новосибирск и, конечно, навещал его, меня до глубины души трогало его внимание к моим профессиональным делам, условиям работы, жизни. Дела действительно шли неплохо, и мне было очень приятно, что он удовлетворен этим. Вместе с тем я видел, что он в полном порядке: воля, энергия, масса дел, встреч, конгрессов и т.д.

У учеников, друзей, коллег ДК, если они прочитают написанное, может возникнуть недоумение, почему А.С.Коган, врач, забыл написать о болезни Дмитрия Константиновича? Правильно. Из того, что я знаю, видел, лечил, я не могу написать ни строчки. Причина – деонтология, врачебная этика. Я сомневаюсь, что кремлевский врач Е.И. Чазов, описав истории болезни некоторых руководителей СССР, поступил правильно.

ДК болел долго, но он ни на минуту не ушел в болезнь. Даже во время длительного постреанимационного периода. Все нити управления были в полном порядке. Мысли, интеллектуальная активность, манера общения – все было в его духе. А причина? Воля! Те жалобы, которые из него удавалось вытянуть, носили выразительный характер недоумения. Нужно работать, а тут бегают вокруг, суеются, ограничивают, горстями дают лекарства... Что происходит? Мне казалось, что главной его заботой было опять и опять ехать в институт, встречаться с людьми. И он это делал. Мне ни разу не удалось видеть признаков депрессии, тоски, обреченности, так часто наблюдаемых в тяжелых случаях. У меня создалось впечатление, что его негативное отношение к строгому режиму, одиночеству проявилось в этот период в

полной мере. Как говорил наш великий хирург С.С.Юдин: «Не умирай, пока живешь!».

Он был прекрасный рассказчик. Рассказчик поучительного, интересного и полезного. А пересказать это невозможно. Это нужно не только слушать, но и видеть: его лицо, жесты, паузы, анализ реакции слушателя. В конце концов, уверенно могу сказать, что мне не с кем его сравнивать. Не могу сказать, что «он как...».

Везение, удача в жизни есть (нам, хирургам, это ох как знакомо). Мне повезло, я был счастлив тем, что я знал его и многому у него учился.

Я знаю, что о ДК как об ученом, личности, товарище написали и напишут многие, особенно коллеги. То, что я написал – это то, что было возможно. Гораздо больше было не менее впечатляющего, о чем либо трудно писать, либо неуместно.

З.М.Ибрагимова

Планка личной ответственности

Журналист

Гены генами, но и человек должен стремиться к более высокому практическому уровню агротехники и зоотехники, организации всего хозяйства. Мы вам поможем всем, чем сможем, – и методами, и рекомендациями, и семенами, но вы и сами себе помогайте. Наше дело – полноценно развивать генетику, которая откроет перед вами много новых замечательных возможностей, а ваш долг – учиться ими воспользоваться...

Из выступления Дмитрия Константиновича Беяева перед работниками сельского хозяйства Новосибирской области. 1972 г.

Был в моей жизни поступок, нелепость которого с каждым годом (теперь уж с каждым десятилетием) все более кажется очевидна. В 1981 году «Литературная газета» пригласила меня, своего собкора по Сибири, в Москву на постоянное место жительства. С ответственной должностью, обеспечивающей хорошую квартиру, дачу, какой-то паек и прочие мелкономенклатурные блага, для провинциала вполне соблазнительные. Я отказалась. За что и получила от своих московских друзей несмыаемый ярлык «дура!». По их мнению, необозримая провинция страны спит и видит себя прописанной в столице, где жизнь и богаче, и веселей, и перспективней.

Последовавшие затем двадцать лет лишь убедительно доказали власть столичного притяжения над умами и сердцами провинциалов, обиженных на свою «обочинную» судьбу: из Сибири уезжают, уезжают, уезжают... В Москву и далее, в чужую «цивилизацию», малодоступную прежде, а ныне едва ли не распахнувшую объятья всем бывшим советским людям так или иначе недовольным своей Родиной.

При редких нынче встречах с москвичами нет-нет, да и услышу ехидно-укоризненную подковырку: «Ну что, дурочка, не жалеешь в сибирских болотах о

собственной непоправимой глупости?!». В ответ безмолвно улыбаюсь. Жалею-не жалею – вопрос такой глубины, из которой, занырнув, в разговорах с прагматиками не выбраться. И сама глубина эта настолько мне дорога, что обсуждать ее «рынку» на смех ни с кем уж мне не хочется.

Пусть оно доживает со мной неосмеянным то прошлое, в котором понятия «Родина», «идеалы», «служение» были не пустым и циничным звуком, а знаками высокой веры для многих достойных людей, с которыми и свела меня когда-то по доброй воле выбранная сибирская судьба. С дипломом Ленинградского университета примчалась я на работу в Новосибирск, отклонив предложение кафедры журналистики остаться в родном Питере.

Как можно, когда в Новосибирске рождается потрясающий Академгородок, на стройках которого я и пропадала в последней своей, преддипломной практике?! Обаяние атмосферы уникальной стройки лишило бы меня покоя, останься я в Питере. Праздничная энергия созидания, упоение беспримерным сибирским экспериментом, вольные чистые нравы создателей первого научного центра за Уралом, идеи, затеи, интеллект, увлеченный своей воистину исторической миссией... Ничего такого в моем Ленинграде не предвиделось, и рассталась я с ним без печали, напротив – в радостном возбуждении от приобщения к Делу, собиравшему в Сибири и светлые головы, и сильные характеры, и опальные судьбы, и творческий потенциал, жаждущий немедленной и яркой реализации.

Сегодня, глядя из настоящего в То невозвратное прошлое, только и скажешь удивленное «спасибо» тем замечательным людям, что вписали в мрачноватую историю Сибири солнечные страницы надежды на достойную жизнь в угрюм-крае. За что спасибо? За масштаб. Замыслов, свершений, личностей. За нравственный пример любовного и ответственного отношения к Родине как к пашне, обихаживаемой пахарем. За... Довольно, впрочем, пафоса, такого нынче неуместного.

Но ведь было же, было! Даны же были нам, молодым, «Отечества отцы, которых мы могли принять за образцы». И мы, зелень, общаясь без чиновных и возрастных барьеров с основателями академического Городка, доверяли безгранично их опыту, их устремлениям, их убежденности в огромной пользе интеллектуального покорения Сибири.

Идиллия? Нет, конечно. Хватало проблем и сложностей разного калибра, но доминанта созидания определяла атмосферу Городка, противостоящего нелепым идеологическим запретам, изоляции советского научного сообщества от мирового, хищническому подходу центра к освоению сибирских богатств.

... Затянулось предисловие к выборочным эпизодическим воспоминаниям о Дмитрие Константиновиче Беляеве. Надеюсь, он бы меня понял. Ведь я только пытаюсь воспроизвести те настроения и убеждения, с которыми беспрецедентный Городок выстраивал себя, соотносился с действительностью, не слишком расположенной к свободомыслию.

Ни разу, кажется, Дмитрий Константинович не отказал мне во встрече по разноплановой журналистской надобе. И несколько наших с ним работ получали неожиданно острую реакцию областных «верхов». Дмитрий Константинович – человек бесстрашный: фронтовик, генетик, он общался с читателями и зрителями так, как считал нужным, без оглядки на охранную настороженность кабинетов власти. Им это, конечно, не нравилось, но сообщалось ли об этом академику Беляеву и в какой форме, я не знаю.

Зато хорошо помню уроки «вразумления», преподанные мне.

Такой, например. Начало семидесятых. Я заведу отделом науки в областной газете «Советская Сибирь». Не все из того, что предлагаю редакции, публикуется. Многие смущает начальство: то персона, позволившая себе публично критиковать действующий (бездействующий!) механизм внедрения научных разработок в практику; то институт, занятый какой-нибудь таинственно-никчемной «голографией»; то и целое исследовательское направление, погруженное зачем-то в невидимый микромир, когда столько видимых проблем в хозяйственном макромире.

Ситуации бывали и абсурдные, и смешные, но все-таки «Советская Сибирь» первой из областных газет страны завела отдел науки. И он худо-бедно поставлял на газетные страницы регулярные материалы об академических исследованиях и исследователях, о богатой событиями жизни Городка.

Невинный репортаж из Экспериментального хозяйства Института цитологии и генетики прошел безоблачно редакционные фильтры и был опубликован почти без

сокращений и правки. Мне было интересно в Экспериментальном, и я постаралась рассказать об увиденном и услышанном так, чтобы и читателям не стало скучно.

Оказалось очень даже не скучно, да еще каким читателям!

Репортажик вышел в воскресенье, а в понедельник с утра редактор повел меня... к первому секретарю обкома партии. По личному, так сказать, приглашению главного человека в области. Шли молча. Редактор не ждал ничего хорошего. А я, «на веревочке», слегка заинтригованная, больше растерянная, плелась рядом с шефом и гадала, чему обязана царским вниманием. О репортажике и мысли не было – какая уж «крамола» в незатейливых картинках с популярным комментарием специалистов.

Но именно вчерашняя наша газета лежала на столе перед Первым, и именно мой нехитрый текстик был выделен на странице карандашными подчеркиваниями, и именно со мной, автором непритязательных строк, захотел Первый провести нешуточную просветительную работу.

Перешел к длинному «заседательному» столу, усадил по левую руку редактора, по правую – меня, и... начался театр одного (надо признать, незаурядного) актера. Он с выражением зачитывал кусочки моего не самого высокохудожественного сочинения, отрывался от газеты, держал многозначительную паузу, точно продлевая удовольствие от прочитанного, говорил, обращаясь к редактору: «А ведь хорошо написано, да? Так и видишь, как эти лисы мечутся в клетках... и норки тоже... Овечки блеют... свинки верещат...». Опять пауза. Редактор настороженно улыбается. Я от смущения (вот так благодарный читатель!) готова чуть ли не встать и уйти в умиленной растроганности высочайшим одобрением. Но Первый вдруг отечески кладет мне руку на плечо и выдает длиннющий монолог, из которого я навсегда запомнила самое, может быть, выразительное: «Девочка моя, я девять лет был секретарем в Тюмени. Никакой генетики не было и в помине. Но приезжал Анастас Иванович Микоян и говорил: “Дай чернуюбурую с белой полосой на шее”. (У нас одна такая случайно получилась). И мы давали чернуюбурую с белой полосой на шее! Без всякой генетики. Чем занимается академик Беляев? Вместо того, чтобы насадить по всей области салат и кормить сибиряков зеленью даже зимой, возится с этими лисами, норками... Кому нужна такая наука?!».

Ах, как тревожила Первого генетика, свившая гнездо не где-нибудь в

сумасбродных столицах, а тут, у него под боком, в его, можно сказать, безраздельных владениях, части надежных тылов державы. Как не смирялось его сознание с крутой переменной в оценке опасной «лженауки», с которой, казалось, давно уже покончили решительно и бесповоротно. Однако надо отдать должное Первому: он боролся с собой, он хотел понять, почему это черное внезапно объявлено белым, за какие-такие сказочные возможности получает сегодня поддержку государства и повышенное внимание общества еще вчера безоговорочно-опальная «наука».

Сообщался в репортажике, в числе прочих, и факт сотрудничества ученых с одним из хозяйств области по генетико-селекционной работе в овцеводстве. И секретарь при нас устроил чуть ли не совещание по безотказной телефонной связи. Допросил руководителей района, чем у них там занимаются ученые, кто с ними «дружит», может, какой-то шустряк-карьерист о своей диссертации хлопочет, предавая интересы хозяйства из личной корысти.

Соединился с главным овцеводом области, поручил ему проверить сомнительную перспективность сотрудничества. «А то тут девочка у нас расписала», – и зачитывал абзац из моей заметки, и молча слушал неслышный нам комментарий областного овцевода, кажется, не очень Первого убеждавший.

И рекомендовал в ответ глубоко разобраться с экспериментом, и если дело стоящее, обязать всю область им заниматься. А если нет, то... Опять долгая, но красноречивая пауза, смысл которой понятен без слов.

Часа полтора пробыли мы в кабинете хозяина области, впервые, насколько мне известно, уделившего так много своего драгоценного времени и небольшой заметке, и ее без вины виноватому автору.

Редактор, по-моему, не очень понимал, что же ему потом со мной делать: казнить нельзя помиловать. Где запятая? Но Первый внес ясность, когда мы уже уходили, он задержал редактора в дверях и негромко сказал на прощание: «Ты ее не наказывай... я вас не для этого вызывал...».

А для чего? Для разборок с собственными сомнениями?

Меня и не наказали. Но про генетику и генетиков редактор потом долго и слышать не хотел. На него урок произвел должное впечатление.

Смешно? Дмитрию Константиновичу бывало, вероятно, не очень смешно. Но

Городок жил по своим законам, и областное начальство было не слишком властно распоряжаться ходом запущенных здесь процессов. Хотя и вовсе не считаться с мнением местного руководства вольнолюбивый Городок не мог: информация «снизу» шла на самый верх, в столицу, а там уж оттепельные подвижки неотвратимо сменялись похолоданием, получившим затем историческое определение «застоя».

Вспомню и второй «криминальный» случай нашего с Дмитрием Константиновичем «выхода в люди».

Год 1974-й. Для отечественной Академии юбилейный – 250 лет! Будучи внештатным научным обозревателем новосибирского телевидения, я в те годы регулярно вела и передачу «Академики отвечают школьникам». Юбилею мы посвятили телевизионную пресс-конференцию с участием звезд научного нашего небосклона.

Вопросы ученым задавали старшеклассники. К сожалению, это был не прямой эфир – передача записывалась, и, стало быть, могла и не дойти до зрителей. Так и случилось.

Умненький школьник спросил академика Беляева: «Какое качество ученого вы цените больше всего?». Ответ прозвучал незамедлительно: «Мужество!». Другой умник пошел дальше: «Судьба и образ какого русского ученого стали для Вас идеалом?». И ответ вышел пространнее. Первым Дмитрий Константинович назвал Ивана Петровича Павлова, который «не раз демонстрировал мужественное умение перестраивать себя на переломных этапах» (речь шла о «переломных этапах» в исследовательской деятельности, требующей от ученого критического отношения к себе и своим идеям). Вторым... вторым, конечно же, оказался Николай Иванович Вавилов. «Вся его деятельность, – говорил Дмитрий Константинович, – посвящалась не только научным и практическим задачам, стоящим перед нашим народом. Николай Иванович исключительно стойко отстаивал принципы научного знания в борьбе с лженаукой. В один из трудных моментов дискуссии по вопросам генетики он сказал буквально следующее: “На костер пойдем, гореть будем, а от убеждений своих не откажемся”»...

Почти тридцать лет прошло, а я отчетливо помню этот момент в студии, этот кадр при просмотре записи. Крупный план, красивое лицо Дмитрия Константиновича,

взгляд – прямо на зрителя – и печальный, и непримиримый, точно слова Вавилова – и его, Беляева, позиция, за которую он и на «костер» готов... Момент выразительный, по смыслу – драматичен. Личность на экране завораживает независимостью от страха «как бы чего не вышло»... Говорит – как вызов бросает невидимым оппонентам...

Передачу в эфир не выпустили. Напугал Дмитрий Константинович «охранников» идеологии. Нелепо? Но так – увы! – было, и не подобной ли косностью обеспечивала себе «идеология» сокрушительный обвал, выпавший затем на нашу долю...

Позднее, работая уже в «Литературке», я не раз и не два обращалась к Дмитрию Константиновичу опять-таки с самыми разными просьбами. И он отзывался, и появлялись публикации в газете, которой позволялось больше свободы, чем другим периодическим изданиям (с местными и сравнивать нечего). Насколько помню, серьезных огорчений эти публикации Дмитрию Константиновичу не приносили (мелкие неизбежны, но они не в счет: аудитория у «Литературки» была достаточно грамотна, чтобы и между строк прочесть то, что вычеркивалось или «причесывалось»).

В предпоследний раз я напросилась к нему для разговора об Институте человека – за его создание ратовала мыслящая «Литературка», обсуждая эту полемическую идею на своих страницах. Дмитрий Константинович тогда уже серьезно недужил, но тема его волновала. Пришла к нему, больному, и почувствовала себя виноватой за очередное газетное приставание. Но он избавил меня от тягостного чувства, увлеченно излагая свои доводы необходимости создания Института человека, Человека, который так мало у нас изучен и от которого так много зависит в судьбе общества, судьбе страны.

Когда я выключила магнитофон, Дмитрий Константинович неожиданно признался: «Я так устал!». Я, кажется, забормотала какие-то извинения, но он только рукой махнул, не от нашей, дескать, встречи устал, а так, вообще, по совокупности обстоятельств, нагрузок, тревожности «застоя»... Тревожности, которую не могли не испытывать идеалисты-шестидесятники, совсем не так представлявшие себе развитие «оттепельных» процессов.

«Я так устал!» – единственное его «жалобное» признание, услышанное мной за все время нашего многолетнего знакомства. Трудно ему приходилось? Несомненно. Уж очень высоко установил он для себя планку личной ответственности. За все, к чему имел отношение. За уровень исследований в своем институте. За нравственный климат в коллективе. За возвращение учеников в лучших традициях отечественной науки. За.. Да, и за качество своих публичных выступлений, не позволяя себе ни фальши, ни конъюнктурной дешевки, ни равнодушной скороговорки.

Последний текст (ответы на анкету «ЛГ», опубликованные уже весной 1985 г.) он наговаривал мне в тяжелом болезненном состоянии, с высокой температурой. Передавая материал в Москву по телефону, я сказала и о том, что Дмитрий Константинович серьезно болен. Заведующий отделом науки «Литературки» грустно вздохнул и попросил передать академику Беляеву: «Пусть держится, иначе кто же останется в нашей многострадальной генетике...».

Жалею ли я, что не бросила Сибирь? Грешно жалеть, вспоминая прекрасных людей, знакомству с которыми я обязана Сибири.

Об идеалах сегодня говорить по меньшей мере глупо. Но Городок, созданный идеалистами, слава Богу, жив вопреки разрушительной прагматике нашего дикого «рынка». А в генах у Городка добрая наследственность, и молодых он по-прежнему еще учит уму-разуму.

Стало быть, не такая уж эфемерность – идеалы, коли могут создавать столь жизнестойкие структуры.

Не правда ли, Дмитрий Константинович?!

Ю.В.Данилин

Не смей дописывать за академика

Журналист, в 1972–1975 гг. собкор «Комсомольской правды» в Новосибирске с 1976 г.

Это была счастливая пора непрерывных приобретений и открытий. Завидной особенностью моей новосибирской жизни было то обстоятельство, что просыпался я ежедневно непосредственно на своем рабочем месте: корпункт «Комсомольской правды» располагался в моей квартире. Просыпался с радостным предвкушением поездки в Академгородок. Без нее мой день даже не мыслился. В Академгородке все было не так, как в партийно-бюрократическом Новосибирске: и люди другие, и отношения, и даже магазины и улицы. Михаил Алексеевич Лаврентьев построил свой «город Солнца» и зорко следил за тем, чтобы он по возможности дольше не превращался в обычный городской район. Жизнь бурлила и была такой отчетливой и ясной именно в этой точке огромного Советского Союза.

Совсем недавно отмечалось столетие Михаила Алексеевича Лаврентьева, и в очерке о нем я написал, что бесшабашная, авантюрная затея строительства в сибирской тьму-таракани научного центра удалась ему, благодаря бесценному и врожденному дару учительства. Убедиться в этом исключительном лаврентьевском качестве было очень легко – достаточно было взглянуть в лица его ближайших сподвижников и его самого, в прекрасные, неповторимые лица мыслящих людей. Сейчас, когда и мне немало лет, могу свидетельствовать: подобных лиц, отмеченных совершенством, больше не встречалось. Научный десант Лаврентьева был уникален безошибочным выбором. И самым удивительным его феноменом был для меня Дмитрий Константинович Беляев, ДК, как звали его все в Академгородке.

Я прекрасно помню нашу первую встречу. Слово «генетика» еще и в семидесятые годы оставалось нелегальным. И мало что говорящим широкому и даже неплохо образованному читателю. Знаю это по дискуссиям на нашем шестом этаже, сотрудники «Комсомолки» тех лет были все-таки очень начитанными и

осведомленными людьми. Особенно в том, что считалось нелегальным. А Институт цитологии и генетики, который возглавлял ДК, не только выполнял очень интересную научную программу, но и служил как бы убежищем для самых преданных этой науке ученых. Многие только в Новосибирске и обрели возможность спокойно заниматься наукой. В Москве все еще были сильны сторонники Лысенко.

И вот я, ничего не зная о ДК, помчался к нему с расспросами. Дмитрий Константинович сразу преподал мне урок, заметив, что для беседы у него всего двадцать минут и нет смысла тратить время на «общие места». Очень необходимо заметил, я бы даже сказал участливо. Но я сразу ощутил весь ужас своего положения: ведь только «общими местами» я и располагал. Потом я еще не раз восхищался невероятной прозорливостью ДК. Как ни странно, замечание мгновенно мобилизовало мои скромные возможности и беседа состоялась. Надо заметить, что Дмитрий Константинович был очень красив. И выразительное лицо его, наверное, иногда и против воли самого ДК, весьма убедительно транслировало внутреннее состояние. Дмитрий Константинович прекрасно разговаривал глазами. Партитура нашего диалога складывалась авангардно. Вначале я, без достаточных, как вам уже понятно, оснований довольно нахально солировал. И глаза ДК живо реагировали на происходящее: то были удивленными, то отстраненно холодными, то сочувствующими... Наконец наступил финал. Дмитрий Константинович задумчиво постучал пальцами по столу, как бы констатируя клинический случай, беспомощно глянул на часы, потребовал чая и, не торопясь, внятно и просто сам себя расспросил и замечательно ответил. А в конце еще вполне серьезно заметил, что ему приятно было со мной пообщаться и что он всегда готов разговор продолжить.

Усложнив день академику, я тем не менее усвоил несколько его правил: никогда не бросать человека с сумятицей в голове, отказаться от любых собственных планов, но попытаться навести хотя бы относительный порядок на незадачливых умственных пространствах. И второе: чувство ответственности и за беседу, и за собеседника – такое привычное для него во всем, чтобы он ни делал, и абсолютно новое для меня.

Я пытался понять, откуда у него, избранного интеллектуала, высокого академического чиновника, такое трогательное и бережное отношение к людям. Любым, без всякого исключения. Даже к тем, кого он видит в первый и последний

раз. Многое, конечно, объясняет судьба ДК. Гибель брата, талантливого генетика Николая Беляева, война, где все человеческое и нечеловеческое предстает в откровеннейшем виде, начало научной работы в то время, когда, по выражению академика Астаурова, «землетрясением была охвачена вся биология и только эпицентр находился в области генетики». Вот в этот эпицентр он и попал. И выбраться из этой трясины, никуда не девшейся, кстати, и в современной науке, можно было или отпетым негодяем, готовым к любым компромиссам, а спрос на таких и сегодня велик, или абсолютно честным человеком, но никому, правда, не нужным. Он предпочел не искать милости у власти, ни государственной, ни научной, а заняться работой. Как раз именно это стремление высоко ценил Михаил Алексеевич Лаврентьев, так что их встреча была неминуемой.

ДК был единственным беспартийным директором института и руководителем Академгородка. Кто еще помнит ближайшую историю родного государства – бесспорно оценит этот факт. В День Победы ДК всегда шел в колонне ветеранов, а не торчал на трибуне, откуда ему вальяжно помахивали ручками любимцы времени, не нюхавшие пороха. А он нюхал порох. Любимцы же времени его никогда не интересовали.

Нас сблизил случай, не имевший к науке ни малейшего отношения. Однажды в мой корпус пришел старушка, милая такая бабуся, которой коллега из «Известий», подкинувший мой адресок, пояснил, что с ее историей может разобраться только корреспондент «Комсомольской правды». Выяснилось, что у посетительницы украли «смертное». И накопить денег на новое она не надеется. Да и обидно. Никто всерьез ее беды не принимает. Ни прокурор, у которого она была, ни колхозный бригадир у нее в деревне. Вся надежда теперь на меня. А я в ту пору, счастливый человек, не знал, что такое «смертное» – вещи, приготовленные заранее на случай смерти. И как мог убеждал бабушку, что никак ее пропаша с заботами «Комсомолки» не вяжется. Бабушка же не сдавалась и обещала мне в случае удачного разрешения дела пирог с грибами.

В этот же день совершенно случайно встречаюсь с ДК. И рассказываю ему эту историю с желанием повеселить. А Дмитрий Константинович неожиданно мрачнеет и говорит: «Юрий Валерьевич, Вы столкнулись с несчастьем. Настоящим,

невыдуманным. Я Вас очень прошу, займитесь этой историей». Защищаюсь тем, что в газете меня не поймут. «Ну и плюньте на дураков, которым надо еще что-то объяснять по этому поводу, – советует ДК, – к Вам обратился живой человек с горем, к Вам лично...». В этом эпизоде весь ДК.

Конечно же, на следующий день я мчусь в деревню. Старушкина изба торчит, как сирота, – ни забора, ни калитки. И это при том, что каждую осень злодей-бригадир напихивает в избушку до десяти механизаторов на постой. Нахожу деревенского властителя и бессовестнейшим образом запугиваю его всесоюзной молвой. Это сейчас бы он без лишних слов вынул из кармана какой-нибудь «Смит-Вессон» и в одну секунду избавился от назойливого журналиста. А в те времена газетное слово еще ценилось – к моему отъезду сиял новизной забор и приветливо открывалась калитка.

Очень скоро стало понятно, что «смертное» придется искать мне в прямом, а не в переносном смысле. Районный прокурор, молодой и ленивый парень, так и заявил: «Вам делать нечего – Вы и ищите. А у меня три трупа на шее». Спрашиваю бабуся: «У вас хоть какие-нибудь подозрения есть?». «А как же, – подхватила потерпевшая, – я точно знаю – это мои соседи. Деньги искали. Деньги-то у меня совсем в другом месте припрятаны, наде-е-е-жном... Вот с досады, видать, и хапнули «смертное». Вспомнив про напутствие прокурора, идем к соседям. Те обедают и делают вид, что нас не замечают. Топчемся у порога – ноль внимания. Тогда я голосом отсутствующего прокурора сообщаю трем жлобам – папе, маме и великовозрастному сыночку – что обо всем напишу в многомиллионной газете. Стыдно, дескать, будет. На минуту оторвались от борща. И опять застучали ложками. Пришлось уходить ни с чем. Но на огородной меже нас догнал жлоб-сын, сунул мне в руки бабкино «смертное» и ни слова не говоря убежал. «Вот ведь люди какие тяжелые», – резюмировала моя подопечная.

Тем история как бы и закончилась. Я получил пирог с грибами и, наконец, повеселил ДК подробностями. «Не забудьте поблагодарить корреспондента «Известий», – неожиданно посоветовал он мне. «Господи, за что?». «Как за что, – удивился ДК, – он предоставил вам возможность совершить поступок. А это не часто случается...».

К слову сказать, история все-таки имела продолжение. После очередной моей критической статьи в «Комсомолке» мне позвонили из областной прокуратуры и сообщили, что поступила жалоба о злоупотреблении собкором газеты своим служебным положением. И мне следует написать объяснение. Жалобу сочинил, оказывается, тот самый ленивый районный прокурор. Разумеется, не по собственной инициативе. Дмитрий Константинович, узнав о новом повороте моей следовательской практики, азартно потер ладони и заявил, что выступит моим общественным защитником.

Наши отношения стали намного теплее. И я, злоупотребляя этим, стал частенько навещать ДК в трудных для себя ситуациях. Когда решения не находилось. Мы пили традиционный очень крепкий чай, говорили о чем угодно, только не о том, что привело меня сегодня в его кабинет. Но уезжал я всегда с готовым решением. Не знаю, догадывался ли он о такой необычной своей роли?

Индивидуальная единственность ДК была очень заметна. Кого-то это привлекало, как меня, но кого-то и раздражало. Он огорчался, когда бывал не понят. Но и огорчался, как никто другой: искренне, безо всякой злобы, мстительных обещаний, интриг и т.п. С отъездом Н.П.Дубинина ему досталось непростое хозяйство. И, наверное, не все из генетиков и цитологов старшего поколения приветствовали назначение директором молодого кандидата наук. Выяснением отношений можно было увлечься. Но ДК не позволил развиваться этой заманчивой перспективе. Обиженные остались. После одной из наших бесед, опубликованных в «Комсомольской правде», я получил «подметное» письмо без подписи. Автор, видимо, не верил в серьезность экспериментов Беляева по доместикации лисиц и писал о том, как можно «покрутить хвосты нескольким десяткам серебристо-черных лисиц и получить все...». Что же такого особенного получил ДК? Ничего кроме работы. И самое главное, о чем, вероятно, не догадывался автор анонимки, – большего ему и не надо было.

Как любого из лидеров лаврентьевского «десанта» его беспокоил вопрос, а что дальше, кто завтра придет в твой институт и с чем. Ему хотелось надеяться на лучшее, видеть лица этих людей, слышать их. В научных делах он был крайне щепетилен. Потому заведовал кафедрой в университете, потому принципиально

разошелся с бывшим директором института академиком Дубининым. Компромиссы и реверансы в отстаивании научных истин ДК не признавал. В одном из писем своему другу Петру Фомичу Рокицкому с болью сетует: «... Мне кажется, что мы в генетике переживаем известный кризис руководства. ...порядочные люди в большинстве не хотят никакой организационной работы, уходят в свое личное дело, пишут диссертации и проч., в результате вакуум с неизбежностью заполняется людьми сомнительных достоинств, а то и швалью. ... для многих даже способных людей наука стала не средством познания истины, а способом удовлетворения своих честолюбивых помыслов и в самой циничной их форме».

Он не высоко ценил ВАКовские усилия. Считал, один раз в жизни человек должен защитить свою научную степень как право заниматься наукой. Это принципиально. А дальше – работай. И тебя будут знать и ценить по трудам. Сам он так и жил. Кажется, кто может не согласиться с этим ясным и убедительным предложением? А вот те самые, «с честолюбивыми помыслами в самой циничной их форме». Таких голубчиков в любое время – пруд пруди!

Не могу оторваться от военных фотографий ДК. Случайный миг, надежда остаться в другом, лучшем времени... Прекрасные лица, неповторимые моменты! Дмитрий Константинович, какими бы званиями не отмечала его впоследствии жизнь, так и остался в военной гимнастерке как в чем-то изначальном. Тот же внимательный прищур глаз, преисполненное достоинства спокойное и ясное лицо, всепонимающая улыбка много повидавшего человека. Они и сейчас смотрят друг на друга со стен институтского мемориального кабинета – известный генетик, Герой Труда, академик, знакомый здесь каждому, и не известный никому бравый лейтенант из тех далеких уже лет...

Чего Дмитрий Константинович не переносил совсем – невежества. Академгородок со дня своего образования стал основной достопримечательностью Новосибирска. И кто бы ни посещал город – его обязательно привозили сюда. Солидные ученые, члены президиума СО АН, уж тем более заместители председателя, постоянно с кем-то встречались. Утомительные и, как правило, потерянные часы. Дмитрий Константинович старался избегать непрошенных гостей. Но как-то летом в разгар отпусков город посетил популярный официозный писатель.

Опережая его, примчался к Беляеву (а из руководителей только он припозднился в Академгородке) гонец в лице секретаря обкома партии и упрасивал при встрече с «классиком» ни в коем случае не упоминать имени Булгакова. Не жаловал «классик» этого писателя. А Дмитрий Константинович обожал. Что, как вы догадываетесь, не осталось незамеченным.

Академик обещал не травмировать гостя. И тот явился. Громкий, безапелляционный и удручающе невежественный. В залах Дома ученых в эти дни демонстрировалась выставка пейзажа. Проходя мимо широко известного этюда Левитана, «классик» изволил гневаться: «Что это за мазню вы тут развесили?». ДК давно уже понял, с кем имеет дело, но тем не менее сообщил, что фамилия художника Левитан, и он известен любознательным людям. Секретарь обкома при этих словах вздрогнул и умоляюще посмотрел на академика. Он предвидел, чем это закончится. И не ошибся. Едва уселись за стол, как Дмитрий Константинович не без удовольствия произнес: «В советской литературе были прекрасные люди. Вот Булгаков...». И минут сорок восхищенно, с глубоким знанием говорил о своем любимце. Надо было видеть лица присутствующих...

Порядочность он высоко ценил и сам из нее состоял. По моей просьбе вел однажды «круглый стол» по проблемам научной молодежи. Стол получился вовсе не круглым, а остроугольным. Одному из присутствующих академиков это было так не по душе, что на второй день молодой и способный кандидат наук, позволивший себе несколько несанкционированных замечаний, уже ищет работу. Не в состоянии помочь газета, обком и т.п. Помогает Дмитрий Константинович: по его представлениям, он вел «стол», следовательно за все и отвечает. Не церемонясь, сообщил коллеге, что думает по этому поводу и пригласил «бестактного» молодого человека к себе в институт.

Мне нравилось, как он конфликтовал. Редактор отдела писем «Комсомолки» звонит однажды в новосибирский корпункт и ликующе сообщает, что газета намерена отдать целую полосу проблемам монозиготных близнецов. Я, естественно, в большом удивлении уточняю, с чего бы это? Тут редактор, человек чрезвычайно эмоциональный, совсем заходитя в восторге от предполагаемой сенсационной работы. Ничего вразумительного не сообщает.

Но задание есть задание. Звоню ДК, прошу помочь. Он удивлен не меньше моего, зачем понадобилась столь специальная публикация, но разрешает приехать домой. Приезжаю, вишу над письменным столом и, наконец, получаю шесть густо исписанных страничек. Бегу в корпункт, посылаю в редакцию. Жду. Неделю, месяц... Ничего. Звоню. Редактор опять ликует, но уже по другому поводу. О близнецах ничего не помнит.

Мне стыдно. Обхожу институт за версту, боюсь встретиться с Беляевым. Но такой день неотвратимо наступает. Дмитрий Константинович против ожидания любезен и просит только возвратить рукопись, если она не понадобилась редакции. «Так обычно поступают в приличных изданиях», – говорит он мне, прощаясь. Рукопись, разумеется, в газете. Звоню. Редактор на сей раз беспредельно возмущен: как же, все немедленно брошу и займусь поисками твоих идиотских близнецов. Беру билет на самолет и объявляюсь в газете. Наконец и редактор понимает, что ситуация серьезная. Два дня мы перерываем тысячи писем, игнорируем обеды и традиционный кофе. Редакционный люд заглядывает к нам в комнату, и многие выразительно вертят пальцем у виска. Нас как будто и нет, спасаем репутацию газеты. И вот – у-р-а! – найдены пять страниц. Последняя запропастилась. Что делать? Восстанавливаем ее по памяти в машинописном варианте. Авось не заметит...

В Новосибирске еду с текстом в институт. Дмитрий Константинович, не вчитываясь, листает. И когда я думаю «пронесло», вдруг неожиданно говорит: «Если ничего не смыслишь в проблеме – не смей дописывать за академика...». И приглашает пить чай...

Возвращаюсь из путешествия по Курильским островам и забегаю «на минутку», поведать. Говорим исключительно о Черге. Дмитрий Константинович увлечен проектом, и мне приятно видеть его таким воодушевленным и бодрым. Настораживает только прощальная фраза: «...А я так и не выбрался на Курилы...». И какая-то странная, не свойственная ему печаль...

Позднее, просматривая кадры, отснятые в Черге операторами телевидения для передачи «В мире животных», я понимаю, как мужественно переносил он болезнь. И напугавшая меня фраза о Курилах, и вдруг прорвавшаяся в интонации печаль – отсюда...

Он ушел в разгар грандиозного замысла – создания заповедника генофонда в Черге. Ушел на взлете. Не с юбилейных торжеств. Уже тяжело больным появился в институте на собрании. В этом он весь. Личные невзгоды, какими бы серьезными они ни были, никогда не отвлекали от главного – его науки, его института, его дела...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

М.А.Лаврентьев

Академик АН СССР, 1957–1975 – вице-президент АН СССР, первый председатель Сибирского отделения Академии наук

Как-то вернувшись из Москвы, С.А.Христианович рассказал о разговоре, который с ним имел Т.Д.Лысенко, предлагая Сибирскому отделению своих «уникальных» коров.

Я сразу вспомнил все, что узнал о Лысенко и его методах во время работы в Украинской Академии наук. Позже, в 50-х годах, я имел возможность познакомиться с ним ближе. В то время в ЦК партии поступало много писем и заявлений от ученых с жалобами на Т.Д.Лысенко, который, имея большие административные возможности, тормозит развитие генетики и под прикрытием «мичуринского учения» разгоняет крупных ученых из высшей школы, не пропускает в печать важные и для теории и для практики книги наших генетиков и переводы книг крупнейших зарубежных ученых. Заведующий отделом науки ЦК В.А.Кириллин решил поручить группе ученых, в искренность и авторитет которых он верил, наладить контакты с Лысенко и его группой.

Была создана комиссия, в которую вошли сторонники как Лысенко, так и «вейсманистов-морганистов» (академики В.А.Энгельгардт, В.Н.Сукачев, П.Л.Капица, М.А.Лаврентьев).

Утром мы собрались сначала в институте, где Лысенко и его помощники рассказали о своих достижениях и их экономическом эффекте. После этого мы поехали в экспериментальное хозяйство института – «Горки Ленинские». Лысенко показывал нам своих жирных бычков (их кормили отходами шоколадной фабрики), потом пошли на поля. Здесь Лысенко высказывал свои научные идеи (землю не надо удобрять, ее надо только «разжечь» – она живая, будет сама родить).

Наиболее забавной была дискуссия Лысенко – Сукачев, когда мы подошли к кустовым посадкам по краям полей. Лысенко, показывая кусты, утверждал, что у всех

кустов единая корневая система. Сукачев говорил, что это вздор: «Давайте раскопаем несколько кустов, и вы сами убедитесь, что ваша теория срастания – чепуха». Лысенко: «Если не верите, посадите сами у себя кусты и там копайте сколько хотите, а здесь я вам копать не дам, мне это не нужно, я и так знаю, что корневая система едина. А кроме того, я вам скажу, что я буду на вас жаловаться за вашу клеветническую статью в журнале». Дальше было совсем весело. Дело в том, что Лысенко сильно хрипел, а Сукачев плохо слышал и думал, что Лысенко продолжает настаивать на срастании корней. Диалог продолжался минут десять. Сукачев: «Все это чушь, срастания нет», а Лысенко: «Я буду на вас жаловаться...».

Примирение не состоялось.

Учитывая сильную поддержку, которую имел Лысенко, отказаться от его предложения надо было как-то осторожно. Мы обсудили это на Президиуме и решили на предложение никак не откликаться.

В Москве быстро стало известно наше своеволие, и к нам приехала высокая комиссия во главе с Ольшанским проверять работу наших биологов. От нас требовали ликвидировать Институт цитологии и генетики и создать «мичуринский» институт, обещая поддержку людьми и деньгами. Я довольно бессвязно говорил о единстве науки, о соревновании направлений, о том, что мы все – за советскую науку, но против мистики.

Комиссия уехала ни с чем, но уже через неделю мне сообщили, что Хрущев сильно сердит на меня и склонен менять руководство СО АН СССР. Я узнал также, что Хрущев летит в Пекин на праздник 10-летия Китайской Народной Республики, а потом собирается заехать в Новосибирск, где будет проведена перестройка СО АН с ликвидацией «цитологии и генетики» и возможной сменой руководства Отделения. Сюда надо добавить, что после ссоры с совнархозом (из-за попытки присвоения наших строительных материалов) было организовано на имя Хрущева письмо колхозников, которые жаловались на новых прибывших ученых, «морганистов», которые вместо пшеницы сажают сорняк якобы для научных целей и т.д., а нам-де такой науки не надо.

Надо было во что бы то ни стало перехватить Хрущева до его приезда в Новосибирск, где он может принять непоправимые решения. Через московских

друзей я был включен в одну из делегаций в Пекин, где рассчитывал встретиться с Хрущевым и убедить его в правильности позиции СО АН.

Торжества в Пекине были воистину грандиозные, но я быстро понял сложность моей ситуации: во-первых, проникнуть к Хрущеву было невозможно, во-вторых, мою делегацию должны были возить по Китаю еще 10–15 дней, а сократить поездку тоже было нельзя, поскольку способов индивидуально уехать домой не существовало.

Я стал добиваться, чтобы из гостиницы меня соединили по телефону с резиденцией Хрущева. Портье говорил только по-китайски, и лишь через три часа меня соединили с Андроповым: «...Спасите, помогите, мне необходимо срочно попасть домой...». Через час Андропов сказал: «Завтра летит в Москву Суслов и он Вас возьмет, в 10 утра за Вами заедет посольская машина и доставит прямо на аэродром».

Я подъехал, когда обменивались речами Хрущев и Мао Цзе Дун, а потом начались прощания. В толпе я пробрался к Хрущеву и на вопрос «А Вы чего тут?» ответил: «Никита Сергеевич, возьмите меня с собой». Суслов: «Вы же договорились лететь со мной». Я: «Да, но Вы летите на запад, а мне нужно на восток». Смех. Так я попал в машину Хрущева (ИЛ-18), которая была специально оборудована – задняя половина не имела обычных кресел. Стол на две персоны, большой диван. В передней половине – обычное расположение; там разместились Шелепин, Ильичев. Я оказался с Хрущевым вдвоем. Самолет шел на Владивосток. Я старался занять Хрущева рассказами из области науки и быта ученых со времен Ломоносова, о том, как Шулейкин стал академиком, что такое «сельдетрон» и т.д.

Во Владивостоке провели неделю. Хрущев уезжал на объект, на даче оставались Шелепин, Ильичев и я. Гуляли по тайге, катались на лодке, купались, обсуждали мировые проблемы.

Когда вылетели из Владивостока, я спросил Хрущева, что бы он хотел посмотреть в Академгородке. «А Вы что предлагаете?» Я назвал вначале геологию, механику (струи высоких и сверхвысоких давлений, круговой лоток) и химию (катализ, сверхчистые материалы). План посещений воспринимался доброжелательно, но когда я назвал Институт цитологии и генетики, ситуация резко изменилась. Хрущев начал говорить со страшным раздражением о Дубинине и его

сотрудниках, упомянул о попытке дать нам хороших практиков, но что именно я помешал этому. Хрущев прямо сказал, что при такой ситуации он резко уменьшит финансирование и прочее обеспечение Сибирского отделения. Мои попытки возражать только еще больше его раздражали. Он встал, ушел в другой конец салона, вызвал Ильичева и начал разбирать бумаги, подписывать постановления. Мы летели над горами Восточной Сибири, внизу проплывали отличные панорамы, а я никак не мог придумать, как выйти из положения. Так тянулись длинные два часа.

Когда Ильичев ушел, Хрущев заглянул в передний отсек и, обернувшись ко мне, сказал: «Там уже пообедали, может быть, и нам тоже пообедать?» Я ответил: «Как пожелает начальство». Принесли закуску, Хрущев предложил: «Может выпьем?» Я: «Как начальство». Уже после первой полбутылки коньяка настроение сильно улучшилось. Я сказал, что хоть я в сельском хозяйстве и генетике профан, но что Лысенко – мракобес и гад, я уверен. Я напомнил, как мой сотрудник по Украинской Академии наук Н.С.Сытый с помощью мокрого пороха баснословно дешево проложил каналы для осушения Ирпенской поймы под Киевом и как на комитете по Сталинским премиям, куда была представлена работа Сытого, Лысенко заявил, что взрывать нельзя – «земля живая, пугается и перестает родить».

Хрущев рассказал, что ему лично Лысенко сильно напортил – когда на Украине был неурожай, Сталин снял Хрущева с поста секретаря ЦК компартии Украины и назначил Кагановича. Оказалось, что всю вину за неурожай Лысенко в своей записке Сталину приписал Хрущеву – Хрущев не слушал Лысенко. Хрущев тут же добавил, что когда он спросил Лысенко, как же тот мог написать такую вредную чушь, Лысенко ответил: «Я исполнял задание Политбюро (Сталина)». Рассказывая это, Хрущев сказал: «Во многом, в чем Вы обвиняете Лысенко, он не виноват – он беспрекословно выполнял волю Сталина».

Обед кончился в непринужденной товарищеской обстановке. Хрущев вспоминал, как на участке, мимо которого он ездил к себе на дачу, соревновались в урожае Лысенко и Цицин. Сначала впереди шел Цицин, но дождь с градом побил почти весь его урожай, а лысенковский остался цел, и окончательную, бесспорную победу одержал Лысенко. В ответ я рассказывал о разных ситуациях в ученом мире.

Визит в Академгородок прошел хорошо, все наши научные направления были одобрены. Институт цитологии и генетики с его кадрами и тематикой был сохранен, но все же было рекомендовано заменить директора. На совещании в узком кругу при участии Н.П.Дубинина директором был назначен Д.К.Беляев, тогда – кандидат биологических наук. Дубинин высказал желание вернуться в Москву, где ему была предоставлена возможность работать.

Два года спустя, когда Хрущев еще раз посетил Академгородок, вопрос об Институте цитологии и генетики кончился шуткой. Зайдя в сопровождении местного руководства (обкома и СО АН) в выставочный зал, он обратился ко мне с вопросом: «А где ваши вейсманисты-морганисты?» Я ответил: «Я же математик, и кто их разберет, который вейсманист, а который морганист». На это Хрущев реагировал шуткой: «Был такой случай. По Грузинской дороге шел хохол, его остановили яро спорившие грузин и осетин и потребовали: «Рассуди нас. Что на небе – месяц или луна?» Хохол посмотрел на одного – у него за поясом кинжал, на другого – тоже кинжал, подумал и сказал: «Я ж не тутошний»... Общий хохот, дальше все смотрели выставку в хорошем настроении.

Что касается Д.К.Беляева, то, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Он стал великолепным директором института, крупным ученым и организатором науки. Достаточно сказать, что в последние годы академик Д.К.Беляев является заместителем председателя Сибирского отделения, а в 1978 году был избран президентом Международной генетической ассоциации.

Из книги “Век Лаврентьева” (Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал В26 “Гео” – 456 с.).

Г.И.Марчук

Академик РАН, 1975–1980 гг. – председатель СО АН СССР, вице-президент АН СССР; 1986–1991 гг. – президент АН СССР

Дмитрий Константинович одним из первых переехал в Новосибирский Академгородок, стал работать в Институте цитологии и генетики СО АН, где директором был академик Н.П.Дубинин – выдающийся ученый-генетик, изгнанный в те годы из Москвы. Через несколько лет ради сохранения Института цитологии и генетики в Академгородке Дубинин, после яростной атаки на него со стороны Н.С.Хрущева, который был противником генетики, решил уехать в Москву, рекомендовав на должность директора института Дмитрия Константиновича Беляева. Став в 1972 году академиком, Дмитрий Константинович сформулировал широкую программу исследований, которую осуществлял всю свою жизнь. Здесь были и «чистая» генетика, и доместикация животных, и новые методы селекции зерновых в условиях Сибири, и многое другое. К работам были привлечены будущий академик В.К.Шумный, ныне директор Института цитологии и генетики, доктора наук Р.И.Салганик, Ю.Я.Керкис и ряд других первоклассных ученых, которые не изменили генетике и упорно продолжали идти по дороге, проторенной их великими предшественниками: Н.И.Вавиловым, Н.К.Кольцовым, Г.Д.Карпеченко, Б.Л.Астауровым. К работе были привлечены также академик В.А.Энгельгардт и будущий академик Д.Г.Кнорре. Несмотря на яростное сопротивление Т.Д.Лысенко и его сподвижников, благодаря упорной борьбе за генетику Дмитрий Константинович и его коллеги выдержали бой, сохранили институт для науки.

Надо сказать, что все организации, подобные Институту цитологии и генетики СО АН, были разгромлены в 1940–1950-е годы, выдающиеся ученые, составлявшие гордость советской генетики, были разбросаны по случайным коллективам Москвы, Ленинграда и других городов страны «под прикрытием» крупнейших ученых-естественников М.А.Лаврентьева, П.Л.Капицы, Н.Н.Семенова, И.В.Курчатова, которые понимали губительные последствия уничтожения генетики в нашей стране и оберегали ее.

Вот на этом фоне Дмитрий Константинович и начал свою нелегкую директорскую деятельность. Вместе с институтами Сибирского отделения ВАСХНИЛ он начинает интродуцировать в 1967 году новый сорт сибирской пшеницы, получивший название Новосибирская-67, ставший едва ли не самым распространенным сортом в Сибири. Не останавливаясь на достигнутом, Дмитрий Константинович ориентирует своих сотрудников на создание озимых сортов пшеницы, капризной в условиях Сибири, но эффективной по урожайности в благоприятные в экологическом отношении годы.

Большая работа Д.К.Беляева была проведена по domestикации диких животных. Сам он со своими ближайшими сотрудниками в основном занимался норками и лисами.

Расскажу об одном случае. Однажды утром, идя на работу, я стал свидетелем маленького чуда. Навстречу мне по тротуару шли, как оказалось потом, два сотрудника из подсобного хозяйства-питомника, где выращивались зверьки. Вдруг эти сотрудники остановились, поставили на тротуар клетку, которую несли в руках, открыли ее. Из клетки высыпалось на свободу десятка полтора норок. Они сгруппировались, что-то выжидая. Наконец руководитель эксперимента двинулся вперед по тротуару, и вся ватага норок пошла за ним вслед. Это было поразительно! Вечером Дмитрий Константинович сказал мне, что я случайно присутствовал на демонстрации «инстинкта следования» у малых животных. Однажды на прогулке он поведал мне о случае в питомнике, где залаяла по-собачьи молодая лиса. И хотя это был единичный случай, однако он мог иметь и продолжение.

Хорошо помню общее собрание Академии наук, посвященное ее 250-летию. На пленарном заседании Д.К.Беляев сделал великолепный доклад о domestикации с массой интереснейших фотографий и фактов.

Когда лабораторные работы с мелкими животными продвинулись достаточно далеко, Д.К.Беляев обратился в администрацию Алтайского края с предложением создать на берегах Бии заповедник для маралов, диких коз и других крупных животных. Руководство Горно-Алтайской автономной области с энтузиазмом приняло предложение академика. Заказник-питомник действует и сейчас и по существу является научным учреждением.

Конечно, как крупный ученый Дмитрий Константинович имел свою точку зрения и на науку, и на жизнь. У него были удачи, были и срывы, и расхождения во взглядах со своими коллегами. Это присуще всем талантливым людям. Это необходимый фон, на котором происходит утверждение научных и жизненных позиций, на котором произрастает новое. Круг проблем, которые интересовали ученого, был широк, поскольку Дмитрий Константинович почти все годы работы в Сибири был заместителем председателя Сибирского отделения. Михаил Алексеевич Лаврентьев активно поддерживал работы Д.К.Беляева. После ухода на пенсию М.А.Лаврентьева эта традиция была продолжена мною.

Не могу не отметить роль Д.К.Беляева в организации работ по сохранению сибирских лесов. Он уделял большое внимание развитию Института леса СО АН и Ботанического сада вместе с поддерживающим его институтом вблизи Академгородка. Под его покровительством формировался Ботанический сад в Якутске и других научных центрах Сибири. Был широко использован опыт жемчужины Сибири – Ботанического сада при Томском университете.

Академик Дмитрий Константинович Беляев ушел из жизни молодым, но его выдающаяся роль в становлении биологических наук никогда не забудется учеными Академгородка, нашей страны и международной научной общественностью. В эту науку он внес неоценимый вклад.

В.И.Иванов

Академик РАМН, директор медико-генетического центра АМН

Первый раз я приехал в Академгородок молодым доктором и выступал в зале ИЦИГ оппонентом у М.Б.Евгеньева. Оппонировали мы втроем: А.Б.Иорданский, И.И.Кикнадзе и я. С Дмитрием Константиновичем я впервые встретился тогда так близко. Он сказал: «Ага, вот приехали столичные профессора». Идет защита, ДК прочитал проект заключения, составленный, естественно, диссертантом, как это всегда бывает, подумал и говорит: «Не годится. Вот, оппоненты, пойдите, посидите там в комнате и исправьте все это». Прямо «по-генеральски». Я пытался ершиться, но И.И.Кикнадзе увела нас с А.Б.Иорданским к себе в комнату и мы там сделали приемлемый для председателя проект заключения.

Так вот, мое первое впечатление о ДК было неверным, поверхностным. Потом я это понял. С течением лет я стал сотрудничать с ДК в научном совете и увидел, что это не «генерал». Это просто такая оболочка, скрывающая совсем другой внутренний мир. Первый раз для меня особенно ярко раскрылся внутренний облик ДК на гражданской панихиде в Московском доме ученых, когда умер Б.Л.Астауров. Это была речь испытывающего боль сердца и страстный монолог в защиту поправленной справедливости. Это была удивительная речь, она произвела сильнейшее впечатление на всех, кто там был. Тогда я увидел, насколько он человечен и отзывчив душой.

Новосибирцам, наверное, не известно, что к ДК в Москве, когда он жил там в гостинице, вереницей шли посетители с самыми разными нуждами – с научными проблемами, с желанием высказать свои мысли, стремлением посетовать на обиды. Такое свойство было у Дмитрия Константиновича – отзывчиво и уважительно относиться ко всякому человеку. Он внутренне был убежден, что человека переставать уважать надо только тогда, когда он этого добьется собственными усилиями. Он относился к той части нашего старшего поколения, которая обладала высокой гражданственностью и мужеством. А среди генетиков очень многим оказались необходимыми эти качества. Было в нашем старшем поколении несколько таких постоянных борцов за генетику – М.Е.Лобашев, Б.Л.Астауров, В.В.Сахаров,

Д.К.Беляев, Н.В.Тимофеев-Ресовский. Мне кажется, что эти люди всегда отличались тем, что жили не во имя каких-то своих целей, а для нашего генетического сообщества.

По-разному можно говорить о Дмитрие Константиновиче, таком земном, таком живом. Человеком он был отнюдь не простым. Он был и ершистым, и колючим, и властным. И ангелом его рисовать не надо. Мне кажется, ему было бы это неприятно

...

Ю.И.Полянский

Член-корреспондент АН, профессор Ленинградского государственного университета

Когда в Ленинграде в нашем Институте цитологии узнали, что я еду на Первые чтения памяти Д.К.Беляева, ко мне началось буквально паломничество: « В нашем институте по-настоящему любили Дмитрия Константиновича, передайте его друзьям, ученикам, коллегам наши лучшие пожелания».

У меня с Дмитрием Константиновичем всегда были очень дружеские отношения, хотя никаких служебных связей между нами не существовало. Я так себе это объясняю. Когда он у нас делал доклад о дестабилизирующем отборе, меня это страшно заинтересовало. После доклада я подошел к нему, и мы потом очень долго говорили. Наверное, у Д.К.Беляева был такой особый, присущий некоторым естествоиспытателям ген, если так можно сказать. Все, что он делал, все, над чем работал, он всегда экстраполировал на вопросы эволюции. Для него это была та доминанта, та линия, которая вела его и в научной работе, и в общих философских взглядах.

Д.К.Беляев занимался млекопитающими, дестабилизирующим отбором, а я простейшими. Где бы мы с ним ни встречались, последнее время чаще всего в Москве, у нас начинались интереснейшие научные дискуссии, которые увлекали и его, и меня. Мне хотелось бы напомнить вам характерную его черту, черту настоящего человека и ученого. Он всегда предупреждал: «Бойтесь равнодушных. Они, конечно, что-то делают, иногда вроде даже полезное, но...». Сам Дмитрий Константинович равнодушным никогда не был.

Дж.Скандалиос

Профессор Университета в Северной Каролине (США)

Десять лет назад я пробыл в Новосибирске некоторое время. Я общался с профессором Беляевым, и мы часто обсуждали философские и научные вопросы. Работая в основном с животными, он думал и о проблемах генетики и селекции растений, стремился привлекать новые методы молекулярной биологии для решения задач генетики и селекции животных. Это вызывало огромное уважение к нему как ученому. Мы все высоко оцениваем его вклад в науку. Советские люди, его сограждане вправе гордиться его успехами, но, я думаю, он также был гражданином мира и как ученый принадлежит всему миру. Он стремился разрушить межнациональные и межнаучные барьеры. Я счастлив, что был знаком с ним долгое время.

К.Маркерт

Член Национальной Академии наук (США), президент Американской генетической ассоциации в 1980 г.

Я познакомился с Д.Беляевым примерно 16 лет назад. Затем я встречался с ним на генетических конгрессах в Москве, в Дели.

Мне довелось беседовать несколько раз с профессором Беляевым, глубоко затрагивая вопросы эволюции и доместикации животных. Я начал общаться с ним, находясь на весьма догматической точке зрения, которую считал верной. Но в конце концов Беляев убедил меня, что мой взгляд не такой верный, как мне казалось. Сейчас мой коллега Дж.Скандалиос и я разработали программу исследований с использованием стресса не только для изменения поведения организма, но, возможно, и для изменения основных генетических процессов. В этом смысле мы с Беляевым не только коллеги, но я считаю себя и его учеником, несмотря на то, что мы были ровесниками. Все мы благодарны ему за то, что он сделал как для человечества, так и для мировой науки.

Р.А.Цильке

Доктор биологических наук, заведующий кафедрой селекции и генетики НГАУ

Не думаю, что мои воспоминания что-либо добавляют к образу этого талантливого организатора науки, общественного деятеля и просто красивого русского человека.

Моя первая встреча с директором Института цитологии и генетики Дмитрием Константиновичем Беляевым откровенно огорчила меня.

Проработав два года главным агрономом крупного целинного совхоза на юге Омской области после окончания сельхозинститута, я был приглашён профессором А.Р.Кожевниковым на должность ассистента кафедры растениеводства. Но, к его собственному сожалению, он не смог склонить меня заняться исследованиями по растениеводческой тематике, так как я ещё со студенческой скамьи твердо решил заняться селекцией. И вот я еду в Новосибирск, прямо в Академгородок в ИЦиГ с просьбой принять меня на должность рядового лаборанта. Дерзость по тем временам невероятная. За массивным столом с дымящейся папиросой в левой руке на меня пристально, с прищуром всматривается удивительно красивый мужчина, напоминающий мне литературного героя дворянской крови. Но моя встреча с директором была очень краткой. Он спросил меня: «Какую вы изучали генетику?». Я откровенно и не без подтекста ответил: «Лысенковскую». «А у нас занимаются настоящей генетикой», – почти с пафосом бросил он мне в лицо. Я почему-то считал для себя такой вопрос оскорбительным, так как самостоятельно проштудировал один из лучших учебников 30-х годов «Курс генетики» Синнота и Денна, решил практически все задачи, представленные в нём. Прочитал также книги замечательного отечественного генетика Ю.А.Филипченко и ряда других авторов.

Я вышел из директорского кабинета без всякой надежды, что когда-либо вновь окажусь в нём. Но судьба сложилась так, что именно в этом кабинете я пережил волнительные мгновения от общения с ДК. Учась в аспирантуре в Омском сельхозинституте, я неоднократно посещал Институт цитологии и генетики, осваивая различные методики по цитологии и биометрии, участвовал в конференциях молодых

учёных. После окончания аспирантуры я организовал группу цитогенетики в Сибирском НИИ сельского хозяйства (Омск).

Летом 1972 года СибНИИсхоз посетила группа сотрудников ИЦиГ. Один из гостей, Виктор Александрович Драгавцев, с восторгом рассказывал о результатах своей научной командировки в Канаду. Особенно его восхитили исследования по диаллельному анализу количественных признаков. Он предложил разработать и реализовать совместную программу, которая охватила бы основные селекционные учреждения Сибири. Я внимательно слушал, а потом сказал, что в моей лаборатории уже третий год ведутся исследования с использованием диаллельного анализа. Это вызвало откровенное недоумение у гостей. Но я положительно отнёсся к идее В.А.Драгавцева, которая касалась экологической генетики, очень важной для практической селекции.

После некоторых колебаний я решился участвовать с моими сотрудниками в предложенной программе. К сожалению, у меня не сохранились записи, сделанные мною на заседаниях специального штаба для осуществления этой беспрецедентной программы ДИАС (диаллельные скрещивания). Общее руководство этой крупномасштабной программой осуществлял Дмитрий Константинович, он же руководил заседаниями штаба. В них участвовали известные генетики и селекционеры. Поскольку партийные функционеры в 1970-х годах всё ещё критиковали генетиков за бесплодность и отсутствие плодотворной связи с селекционерами, то для Беляева, председателя Проблемного совета АН СССР по генетике и селекции, программа ДИАС стала истинной находкой. Нигде в стране, кроме Сибири, еще не реализовалась программа, в которой участвовали генетики и селекционеры. Что мог еще себе пожелать руководитель одного из крупнейших генетических институтов страны? И ДК воспользовался этой возможностью в полной мере, вникая во все детали и искренне поддерживая все предложения и идеи, которые возникали у участников программы. Он руководил всеми координационными совещаниями, на которых участники могли свободно высказаться и дискутировать. ДК, артистически восседая в кресле за столом, покуривая одну папиросу за другой, давал собравшимся возможность высказываться относительно методик осуществления экспериментов и интерпретации результатов. Я всегда внимательно

следил за ним. В нём было нечто неповторимое, характерное для больших людей. Он, конечно, был тонким дипломатом и талантливым игроком в хорошем смысле слова. И не только на заседаниях штаба ДИАС, но и на высоких партийных, академических и общественных трибунах.

Я знал, что в коллективе института к ДК относились по-разному. Были такие, которые искренне уважали его, пользовались его поддержкой, немало сделали во благо науки, но были и такие, кто с неприязнью говорил о нём. Сам ДК прекрасно понимал и тех и других, но держался либералом.

Не в простое время (а для нашей страны оно таковым никогда ещё и не было) ДК создал коллектив, в котором ощущалась особая творческая обстановка, свято добывались крупицы истины в одной из самых удивительных наук.

Что касается меня лично, то откровенно скажу, что несмотря на ту первую встречу с ДК, которая меня огорчила, я счастлив, что имел возможность не просто общаться, но и сотрудничать с ним в реализации уникальной генетико-селекционной программы, которая сыграла принципиальную роль в повышении эффективности сибирской селекции.

Хорошо помню, как на собрании учёных первый секретарь Омского обкома Манякин задал вопрос Беляеву: «Дмитрий Константинович, а когда будут созданы сорта пшеницы, которые не полегают, а то огромные потери имеем?». ДК, не задумываясь, ответил: «Так, Сергей Иосифович, пшеница, да и другие зерновые культуры являются травянистыми, а не древесными растениями». Видя, как смутился Первый, добавил: «Железобетонных сортов не будет...».

Г.М.Дымшиц

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1966 г.

В июле 1961 года я был абитуриентом НГУ, поступал на медико-биологическое отделение факультета естественных наук. Конкурс был острым – 25 человек на место. После экзамена было собеседование. Захожу в небольшой кабинет, очень волнуюсь. За столом декан – химик Владислав Владиславович Воеводский, солидная медицинская дама и не известный мне мужчина с внешностью киногероя-разведчика, кумира мальчишек 1950-х годов. После вопросов об условных рефлексах, гражданстве открывателя пенициллина и скорости роста бамбука мне предложили перевести реферат статьи по эмбриологии из впервые мною увиденного красочного журнала «Scientific American». Декан моими ответами и переводом был удовлетворен, разведчик непроницаем, а дама напоследок задала сразивший меня вопрос: «Не легкомыслены ли Вы, юноша?». Я растерялся, но, покраснев, выпалил: «Нет, конечно!». Разведчик, обращаясь к даме, с укоризной сказал: «Я бы на такой вопрос не ответил». Это был Дмитрий Константинович Беляев, молодой директор Института цитологии и генетики.

Вторая моя встреча с Д.К.Беляевым была через полгода на экзамене по ботанике. Лекции читал чудесный человек Георгий Сергеевич Кикнадзе, который дал нам фактически курс общей биологии с привлечением в основном растительных объектов. Экзамена я не боялся – и подготовлен был хорошо, и общение с Георгием Сергеевичем всегда было легким и приятным. Ответил ему на первый вопрос, и тут Кикнадзе вызвали из аудитории. Он предложил мне отвечать на второй вопрос билета Дмитрию Константиновичу, который на экзамене присутствовал, но сам ни у кого до этого момента не принимал. Вопрос был о бобовых. Я легко дал их классификацию и заявил, что главное значение бобовых в том, что именно на горохе Менделем еще в XIX веке были установлены генетические законы. Я простодушно спросил экзаменатора, известно ли ему об этом.

– Я-то знаю! – долгая возмущенная пауза.

– А вот знаешь ли ты сами законы?

Мне пришлось излагать их. Спасибо Георгию Сергеевичу! Он обучил нас не только ботанике, но и преподавал основные биологические закономерности. Надо сказать, что в ту пору в СССР классическая генетика все еще считалась «продажной девкой империализма», а законы Менделя назывались «гороховыми» и придуманными «реакционным попом». Ясно, что школьные учебники содержали лишь «мичуринскую биологию» в исполнении адептов Т.Д.Лысенко.

Потребность в грамотных учебниках по генетике и общей биологии была огромной. Лишь в 1970-х годах советская школа получила прекрасный учебник для старшеклассников под редакцией Юрия Ивановича Полянского. Все в нем было грамотно и доступно изложено, но эволюционная теория давалась до материала по генетике и молекулярной биологии. Дмитрий Константинович возглавил коллектив ведущих специалистов Института цитологии и генетики и Новосибирского госуниверситета, перед которыми была поставлена задача в сжатые сроки написать современный школьный учебник по общей биологии, последовательно излагающий уровни организации живой материи от молекулярного до биосферного. В нем эволюционное учение опиралось на знание генетических законов. Я был самым молодым членом авторского коллектива, и приглашение участвовать в работе над учебником воспринял как высокую честь. Писался учебник в 1976–1978 годах. Каждый месяц Дмитрий Константинович собирал авторов в своем кабинете и проводил обсуждение, иной раз по несколько часов. На это время он просил секретаря не отвлекать его ни по какому поводу. Работу над учебником он считал долгом ученых перед обществом, и при этом чрезвычайно ответственной работой. Как пробный учебник был издан в 1985 г. – в год смерти Дмитрия Константиновича Беляева. С 1991 года он ежегодно издается как основной для школ России. Общий тираж беляевского учебника превысил 3 миллиона.

Не один раз во время наших обсуждений возникали вопросы к жившему в то время в Москве соавтору учебника Николаю Николаевичу Воронцову. Беляев немедленно звонил ему и, как правило, поднимал с постели – в Москве было раннее

утро. Вряд ли после таких звонков и получасовых энергичных обсуждений Воронцову удавалось поспать еще.

Отношение Дмитрия Константиновича к образованию было чрезвычайно серьезным. Нас, первых выпускников-биологов НГУ, специализировавшихся по кафедре генетики, регулярно приглашали в кабинет директора института. Беляев был и заведующим кафедрой. Он интересовался не только ходом выполнения дипломной работы, что происходило в свободной форме, но и требовал регулярных письменных отчетов, которые внимательно прочитывал и задавал вопросы. Зачастую вопросы по молекулярной биологии начинались: «Объясни мне, пожалуйста...». Ответа он не знал, но старался понять тонкие механизмы в неблизкой ему области. Помню гордость, которую испытывали мы – молодые молекулярные биологи, когда солидный ученый, член-корреспондент Академии наук говорил: «Понял. Скажи, как интересно!». Его следующие вопросы демонстрировали, что его слова не были формальными. Он учился сам и учил окружающих докапываться до самой сути изучаемой проблемы.

И.В.Черный

Кандидат биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1958 г.

Академика Дмитрия Константиновича Беляева, директора Института цитологии и генетики СО АН СССР с 1959 по 1985 год, мы знаем как крупного ученого с мировым именем, выдающегося организатора науки, с которым связано возрождение генетики в нашей стране, как честного, принципиального и справедливого человека. Я благодарен судьбе за то, что мне довелось работать в институте, возглавляемом Дмитрием Константиновичем.

Я приехал в Академгородок в 1958 году после окончания учебы в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Как и большинство молодых специалистов, не работавших в лаборатории Беляева, долгое время я мог видеть и слушать его только на общеинститутских собраниях и изредка общаться с ним на опытных полях. Впечатление о нем складывалось самое благоприятное: высокоэрудированный ученый, хорошо разбирающийся даже в тонкостях всех исследований, проводимых в институте, в тенденциях мировой науки, твердый руководитель и прекрасный оратор. На выступлениях Беляева зал всегда был переполнен, а это, мне кажется, очень важный показатель доверия и уважения к ученому со стороны его коллег.

Непосредственно решать вопросы с Дмитрием Константиновичем, а соответственно и больше общаться мы начали только в 1966 году. Это был год отъезда Петра Климентьевича Шкварникова, руководителя нашей лаборатории, в Киев и год начала внедрения в производство яровой пшеницы Новосибирская 67. В основном эта работа легла на мои плечи, и если бы не поддержка Беляева, она никогда не увенчалась бы успехом.

Суть возникшей проблемы состояла в том, что в первый же год сортоиспытаний Новосибирской 67 к нам стала поступать информация о том, что на ряде сортоучастков ее урожай превысил урожай сортов-стандартов на 5–10 ц/га, и это при том, что средний урожай по Западной Сибири колебался от 10 до 14 ц/га. Одновременно нам стали приходить письма, что в нашей пшенице обнаружена

примесь чужеродного зерна. Возникла опасность снятия нашего сорта с госсортоиспытаний.

Ситуация была не такой простой, как кажется на первый взгляд, и касалась она не только нашей лаборатории, но и всего института. Дело в том, что в 1966 г. позиции сторонников Лысенко были еще очень сильны. Несмотря на районирование лабораторией А.Н.Луткова полиплоидной свеклы, ИЦиГ постоянно обвиняли в невозможности практического применения результатов генетических исследований, в бесперспективности его работ. Хороший сорт пшеницы, выведенный методом радиационного мутагенеза, был прекрасным доказательством обратного. Поэтому противники генетики моментально подняли на щит известие о примеси в новом сорте. Они заявляли, что Новосибирская 67 рассыпается и что невозможно выводить новые сорта генетическими методами. Конечно, эта примесь имела свое объяснение: отсутствие у нас хоть какого-нибудь опыта в селекционном деле, полное отсутствие специализированной техники, однако в данной ситуации это мало кого интересовало.

Выслушав мои объяснения, Дмитрий Константинович спокойно сказал, что сорт, по его мнению, хороший, поэтому чего бы это ни стоило, обязательно нужно добиться его районирования. Для решения этого вопроса он командировал меня в Москву в госкомиссию по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур. Со своей стороны Беляев проделал очень большую работу по смягчению данной ситуации, и в госкомиссии меня приняли доброжелательно. Меня уверили, что в такую ситуацию частенько попадают и куда более маститые селекционеры и что нужно поскорее выдать чистые семена для сортоучастков. За зиму мы перебрали руками около 500 кг зерна, и весной чистые семена были отправлены на заявленные госкомиссией сортоучастки. Через год Новосибирская 67 была районирована по Западной Сибири. Еще через несколько лет ее посевные площади достигли 3,5 млн га, а экономический эффект от ее внедрения превысил 400 млн рублей, т.е. окупил существование института на 200 лет вперед.

Д.К.Беляев гордился этим достижением института. Он пропагандировал его и в нашей стране и за рубежом. И мы всегда будем помнить, что Новосибирская 67 состоялась только благодаря Дмитрию Константиновичу Беляеву.

К.К.Сидорова

Доктор биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1962 г.

Дмитрий Константинович Беляев активно создавал и ревностно поддерживал авторитет руководимого им Института цитологии и генетики среди научной общественности как в нашей стране, так и за рубежом. Причем это проявлялось не только в выборе актуальных научных направлений и отказе от дублирования исследований, проводимых в столичных институтах. Он считал, что каждый сотрудник института, участвуя в работе симпозиумов и конференций, представляет не только себя лично, но и весь институт. Я никогда не забуду такой случай. В 1967 году небольшая группа сотрудников института, работающих в области радиационного мутагенеза на растительных объектах, была впервые приглашена в Москву на научную конференцию, которая проходила на ВДНХ. До Москвы мы ехали без директора. И вдруг перед началом совещания в зале появился Дмитрий Константинович. Он собрал нас в одной из комнат в здании, где проходила конференция, и обратился к нам со словами: «Я вас очень прошу серьезно отнестись к своим выступлениям (а многие из нас выступали с докладами впервые). Вы представляете не только себя, но и весь институт. Не робейте!».

В моей памяти осталась поездка во Францию в 1967 году на Международную конференцию, которая была организована Европейским обществом генетиков и селекционеров. Научным руководителем группы, в которую входили генетики из разных городов СССР: Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева и др., – был Дмитрий Константинович Беляев. Все члены группы очень уважительно относились к Дмитрию Константиновичу, хотя некоторые были существенно старше его по возрасту. В этой поездке мы – сотрудники института – еще раз убедились в его патриотизме и умении руководить даже временно созданным научным коллективом. Вспоминается такой случай. На одном из банкетов выступил иностранный генетик и очень недоброжелательно высказался о советской генетике в связи с академиком Т.Д.Лысенко. Можно было так понять выступающего, что в нашей стране кроме

Лысенко не было других генетиков. Тогда попросил слова Дмитрий Константинович и сказал: «Лысенки приходят и уходят, а Вавиловы остаются». В коротком сообщении он очень четко и эмоционально рассказал о российской школе генетиков, которые были пионерами во многих областях биологической науки.

В первые годы в институте почти не было докторов наук. А для организации институтского спецсовета нужны были ученые со степенью доктора наук. Дмитрий Константинович приложил немалые усилия и взял под свой личный контроль работы сотрудников, которые, по его мнению, были перспективными для научного роста и выполнения докторских диссертаций. Как-то в 1972 году, будучи в кабинете директора по служебным делам, я услышала от Дмитрия Константиновича вопрос: «Когда Вы представите докторскую диссертацию?». О докторской диссертации я в то время еще не думала и ответила: «А зачем мне она, лучше-то я работать не стану и докторская диссертация мне не нужна». На что Дмитрий Константинович очень строго ответил: «Вам не нужна, а вот институту она нужна». Потом он еще раз напомнил мне о диссертации. Защитила я докторскую диссертацию в марте 1973 года. С глубоким уважением и благодарностью вспоминаю моих оппонентов. Двое из них – Фатих Хафизович Бахтеев и Юлий Яковлевич Керкис были соратниками академика Н.И.Вавилова. А один из главных вопросов моей диссертации был посвящен дальнейшему изучению закона гомологических рядов в наследственной изменчивости на уровне фенотипа и генотипа индуцированных мутаций. Вскоре в институте был организован специализированный совет по защите диссертаций. И я с первых дней и по настоящее время являюсь членом спецсовета.

Дмитрий Константинович вложил много труда в создание, а точнее, в возрождение ВОГИС – Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И.Вавилова и постоянно бывал на его съездах. Обычно от нашего института на съездах была самая представительная группа. Почти на каждой секции были доклады наших сотрудников. И Дмитрий Константинович старался, насколько это было возможным, их послушать.

Он обладал большим чутьем в выборе перспективных научных направлений. И сейчас многие сотрудники и целые лаборатории, переживающие расцвет своей

научной деятельности, не забывают о том, что начало этих работ было положено при активном участии ДК.

На мою исследовательскую работу Дмитрий Константинович оказал большое влияние. Впервые прослушав доклад Дмитрия Константиновича о доместикации животных, в котором одним из интересных вопросов было повышение темпа формообразовательного процесса в результате дестабилизирующего отбора, я «заразилась» идеей проверить эту гипотезу на растительном объекте. В качестве исходного материала в наших опытах были использованы индуцированные мутанты гороха 12–15-го поколений. Исследования по феногенетике мутантов показали, что у них изменены важные регуляторные системы, в том числе гормональная, а также норма реакции на факторы внешней среды. У мутантов мы установили повышение на порядок уровня формообразовательного процесса по сравнению с исходными сортами. Мы сделали заключение, что отбор мутантных форм автоматически (в силу повышенной мутабельности) ведет к повышению частоты мутаций и расширению спектра наследственной изменчивости, т.е. к усилению формообразовательного процесса. Подобная форма отбора, приводящая к значительному нарушению процессов онтогенеза, стабилизированных в течение предшествующей эволюции, и к резкому повышению изменчивости и формообразования, была названа Д.К.Беляевым дестабилизирующей. Им было высказано предположение, что дестабилизирующий отбор играет большую роль не только в доместикации животных и растений, но и вообще в процессе эволюции. Результаты наших исследований, проведенных на мутантах гороха, – одно из подтверждений этого предположения.

ТРИ ПИСЬМА О ДК

Е.Н.Воронина

Кандидат биологических наук, сотрудник ИЦиГ с 1959 по 1979 гг.

Дорогая Светлана Владимировна!

В конце лета получила Вашу записочку – приветствие и многое множество устных приветов через Николая Ал. Картеля. Все это как-то встряхнуло меня, заставило оглянуться на прошлое, практически на другую жизнь. А тут еще Ваши слова: «Занимаюсь сбором воспоминаний о Дмитрие Константиновиче». Вот и решила черкнуть Вам, послать мои воспоминания лично для Вас, мой взгляд на наше общее прошлое. Думаю, что мой голос будет одним из ... хора и той же тональности, но все же это мое, вынесенное из нашего милого сообщества, из института, из Городка, с Морского проспекта.

Голос, конечно, же подохрип, подосип, издалека (по месту и времени: из Минска 20 лет спустя).

Спровоцировала меня не только Ваша записка, но и множественные приветы коллег: почему сохранили они меня в своей памяти, в своих институтских рядах? Вы там вместе, это я без вас всех. Не строю иллюзий, что долгая память обо мне – в моих личных качествах, которые в молодые годы вряд ли всегда соответствовали положительному образу научного сотрудника (не всегда мы были выдержанными, покладистыми, безукоризненными в общении).

Причина, скорее, в той общности, в том коллективе, который создал Дмитрий Константинович, частичкой которого я была и (спасибо вам всем) осталась несмотря на годы и расстояния.

Возможно, Вам небезинтересно будет узнать мое восприятие первых двух десятилетий институтской жизни, в центре которой был Дмитрий Константинович. Большинство моих сверстников, тогда еще молодых специалистов, чувствовали особое, бережное, в каком-то смысле отеческое отношение к нам (в прошлом «детям

войны», по выражению Дмитрия Константиновича) со стороны директора института. Конечно же, многие из нас побаивались Дмитрия Константиновича, но в критических ситуациях чувствовали его безоговорочную поддержку. Своему становлению как генетика, научному росту я во многом обязана Дмитрию Константиновичу (да не обидится на меня Рудольф Иосифович). При нашей тогдашней занятости, непомерной нагрузке дома с детьми и на работе терялась (у меня во всяком случае) уверенность в себе, своих возможностях сделать что-то более значимое, чем подготовить материал для статьи. Вот здесь и было для меня неоценимо вмешательство Дмитрия Константиновича, его утверждение, что кандидатская диссертация – это лишь квалификационный рост.

Однажды, оказавшись мимоходом в приемной, где я ожидала Рудольфа Иосифовича, Дмитрий Константинович в который уже раз поинтересовался, когда же я буду оформлять диссертацию. Услышав мое обещание, что скоро, Дмитрий Константинович не удовлетворился моим ответом и попросил уточнить. От безысходности ответила, что представлю, как только скажет руководитель (Р.И.Салганик), хоть через месяц. Внезапное появление в приемной Рудольфа Иосифовича Салганика и тройственное уже обсуждение вынудило меня опрометчиво названный срок в один месяц принять как установку – срок подачи диссертации. Судьба моя с защитой была решена.

А как расширились мои интересы, горизонты научные, когда под напором Дмитрия Константиновича я вынуждена была пойти на кафедру общей биологии НГУ читать курс общей микробиологии. Мои небеспочвенные сомнения о предстоящих трудностях были рассеяны: «Лена, надо. Генетик-микробиолог должен справиться с общей микробиологией». Благодаря Дмитрию Константиновичу я общалась с таким увлеченным наукой человеком, как И.А.Стебаев, он ввел меня в новую для меня область работы со студентами. Не сразу, но я получила громадное удовлетворение от непрерывного, хронического процесса подготовки курса лекций, работы с самой разнообразной литературой (наряду с насущной) для привнесения новых сведений в курс лекций. Жаль только, что не смогла оформить всю эту подборку, не стало потребности, никогда не было напористости и некому было сказать: «Лена, надо».

Так и становление узкого специалиста, и дальнейшее расширение круга моих интересов в самых разнообразных направлениях (от экологии – поиск источников загрязнения воды в Обском море; микробиологии в промышленности – очистка воды с помощью электролитов, некоторых медицинских аспектов, до научно-административной работы по программе «Сибирь») – все шло в моей жизни с легкой руки Дмитрия Константиновича.

Ему я обязана тем, что на новом месте жительства, в Минске, поиск работы не сводился только к НИИ, хотя приверженность, тяготение было прежним – генетика. Конечно же, повезло мне и в отношении последующей работы с научным единомышленником Дмитрия Константиновича – с Л.В.Хотылевой.

Да и сейчас, вынужденно пробыв пару лет дома на пенсии, комфортно чувствую себя лишь в привычной обстановке лаборатории в драном халате с бактериальной петлей и спиртовкой. Может, в этом есть и некоторая ненормальность, но пусть уж такая...

Годы, житейские тяготы, «перестройка» не в лучшую сторону меняют нас, меняют образ жизни, но заложенное в нас в молодые годы, заложенное во многом стараниями Дмитрия Константиновича, остается с нами, остается нашей сутью, интеллектуальной основой. Вот за это и спасибо ему, Вашему и нашему Дмитрию Константиновичу.

Ваша Лена (Елена Николаевна)

Р.И.Берсимбаев

Член-корреспондент АН республики Казахстан, доктор биологических наук, аспирант ИЦиГ с 1969 по 1972 гг.

Письмо к С.В.Аргутинской

Здравствуйтесь, дорогая Светлана Владимировна!

Очень трудно и грустно писать это письмо. Долгое время не решался Вам написать. Не хотел Вас отвлекать своим письмом в моменты и так трудные для Вас, а с другой стороны – действительно было очень трудно и тяжело писать это письмо.

До сих пор не верится, что нет сейчас Дмитрия Константиновича! Не могу представить себе, что не услышу теперь его доброго, только ему присущего голоса: «Ну как, Рахмет, там в Алма-Ате».

Когда уходит из жизни дорогой и близкий тебе человек, который всегда тепло заботился о своих учениках, то очень тяжело это переживать и такие потери невозможны.

Я всегда вспоминаю и никогда не забуду всю ту отеческую помощь, которую Дмитрий Константинович оказывал мне постоянно, начиная с моих студенческих лет, потом во время учебы в аспирантуре и затем уже в процессе моей работы сначала в Новосибирске, потом в Алма-Ате. Он всегда говорил мне: «Рахмет, ты нужен Казахстану и должен поехать туда работать». До сих пор, теперь уже как дорогую память, храню его рекомендательное письмо тогдашнему президенту Академии наук М.Е.Есипову и академику-секретарю отделения биологических наук.

Сразу же после того, как я стал работать на кафедре генетики в Алма-Ате, в один из приездов в Новосибирск он сказал мне, что кафедра генетики не может нормально работать и готовить кадры без хорошей постановки генетического практикума с дрозофилой, тут же вызвал по телефону Е.С.Беляеву и Игоря Жимулева и сказал им: «Помогите максимально этому профессору из Алма-Аты». Сейчас у нас для студентов действительно хороший генетический практикум и ведется научная работа с дрозофилой.

Я вспоминаю о научном совете, который Дмитрий Константинович проводил в Алма-Ате в октябре 1984 г. Тогда выступили наши аксакалы и среди них Ф.М.Мухамедгалиев (директор Института экспериментальной биологии), который в своем докладе сказал, что ряд данных, полученных сотрудниками его института, не укладываются в закономерности расщепления по Менделю и более того, даже опровергают эти законы. Его выступление оставило очень тягостное впечатление в целом у участников пленума совета по развитию генетики в Казахстане. В перерыве между заседаниями Дмитрий Константинович подзвал меня и сказал тоном, не допускающим возражения: «Рахмет, ты должен выступить. У меня есть время сейчас минут 10–20, иди готовься и когда подготовишься, подашь знак, и я дам тебе слово – минут на 5–7». Я попытался было сказать ему: «Дмитрий Константинович, ну как я выступлю, ведь я абсолютно не готовился, мое выступление не планировалось». Он еще раз сказал: «Рахмет, в этой ситуации ты должен выступить». Я рассказал о подготовке кадров по генетике и научной работе кафедры. Дмитрий Константинович дал возможность выступить еще двум незапланированным докладчикам, которые очень убедительно, кратко и хорошо рассказали об исследованиях по культуре клеток растений в университете (кафедра физиологии и биохимии растений) и по генетике и селекции пшеницы в КазНИИ земледелия.

Я только сейчас понимаю, почему тогда Дмитрий Константинович попросил, чтобы мы выступили. Для того, чтобы у участников научного совета не создалось неправильного мнения о развитии генетики в Казахстане в целом.

Я не могу не вспомнить, как он узнавал о моих делах в Алма-Ате и передавал большой привет, находясь в далеком Нью-Дели. Быть настолько занятым на генетическом конгрессе (в «Nature» писали, что конгресс проходил в очень тяжелых условиях) и находить время узнавать о моих делах в Алма-Ате мог только очень заинтересованный человек – это мог делать только Дмитрий Константинович!

Дорогая Светлана Владимировна! Все, что я пишу, может быть, покажется очень маленькими эпизодами в жизни Дмитрия Константиновича, но для меня эти эпизоды – очень важные моменты в моей жизни. Из них складывается его доброе отношение ко мне, его забота о развитии биологической науки в Казахстане. И очень надеюсь и

буду стараться в силу своих возможностей реализовывать начинания дорогого Дмитрия Константиновича!

Я вспомнил и рассказал только о некоторых эпизодах деятельности Дмитрия Константиновича, связанных со мной. В Казахстане есть его надежные ученики. Сейчас в двух школах Алма-Аты идет эксперимент с преподаванием по его учебнику «Общая биология», я курирую эти занятия в школах. Пока результаты очень хорошие, преподаватели и ученики очень довольны учебником. Недавно преподаватели, ведущие занятия в школах, ездили на семинар в Новосибирск.

Он оставил огромное число своих учеников во всех уголках нашей страны, создал прекрасный первоклассный институт. Я уверен, что все его начинания и неоконченные дела будут реализованы его учениками в будущем.

Как ваше здоровье? Не болейте, ради бога, Вы теперь!

Ваш Рахмет

Обри Мэннинг

Профессор Эдинбургского университета (Великобритания).

Письмо к П.М.Бородину

Дорогой Паша,

Я обещал (и довольно давно, я полагаю) написать воспоминания о Дмитрие Константиновиче для сборника, который вы со Светланой Владимировной собираете, и сейчас делаю это с удовольствием.

Впервые мы встретились с ним в Эдинбурге. Я был организатором 10-й Международной этологической конференции. На этих конференциях до этого не было делегатов из Советского Союза. Я очень хотел, чтобы они приняли участие в Эдинбургской конференции и, хорошо зная работы ДК по генетике поведения лисиц (дорогие моему сердцу), я написал ему. Он принял мое приглашение и прислал мне список других сотрудников его института, которые также могли бы приехать: Людмила (Трут), Е.Науменко, Ю.Терновская, А.Д.Слоним, И.З.Плюснина, Нина Попова, Виктор (Колпаков) и Е.Малецкая. Я был очень рад такой возможности и организовал 2 специальных заседания для докладов этих людей, но только ДК смог приехать и прочесть свою лекцию.

Появление на этой конференции настоящего, живого русского вызвало огромный интерес (как это характеризует то абсурдное время холодной войны!). Английский язык ДК в то время не был слишком беглым, и мы с Маргарет (моей первой женой) пригласили вместе с ним на ужин в нашей квартире в Новом Городе (район Эдинбурга – прим. переводчика) еще одного специалиста по генетике поведения Эрни Ковача, американца чешского происхождения, который хорошо говорил по-русски. Вечер прошел замечательно. Я вспоминаю, как ДК играл с моими сыновьями Алексом (тогда ему было 11) и Джеком (6 лет).

Я вспоминаю крупного человека, не очень высокого, но крепко сложенного, с очень темными кустистыми бровями и волосами цвета воронова крыла. Я не могу,

однако, сказать, что я очень близко с ним сошелся в Эдинбурге. Мы не встречались с ним до конца 1981 года. Были и другие этологические конференции, я знаю, что русских всегда приглашали, но никому из них не удавалось приехать.

К 1981 году мы достигли самой скверной точки рейгановско-тетчеровских времен, и отношения с Советским Союзом были отвратительными. Я хорошо помню, как мне было смертельно тошно от всего этого, и однажды под влиянием момента я написал ДК о том, как меня удручает отсутствие настоящего контакта между западными и советскими биологами. Я написал ему, что я хотел бы побывать в его институте. Он немедленно ответил и сердечно пригласил меня. Я хотел приехать летом 1982 г., но у Маргарет обнаружили рак, и я не мог ее оставить в это время. Она умерла в декабре 1982 г. Весной 1983 г. я вновь связался с ДК и он подтвердил свое приглашение.

Что я вспоминаю особенно ярко о ДК в институте – это первое утро, когда он привел меня в его роскошный кабинет и мы все расположились вокруг его стола. Были чай и печенье, и сигаретный дым, и такая теплая атмосфера. Мы говорили о науке и просто болтали, и было ясно, что да, ДК – директор, но прежде всего он личный друг каждого, кто был за этим столом. Он не был боссом.

Потом мы поехали на лисью ферму, и там тоже была та же дружественная, творческая атмосфера, и было видно, как сильно ДК любил своих лисиц и как блестяще он мог интерпретировать их поведение. На одной из моих фотографий лисица пританцовывает у его ног, как игривая собачка. И конечно, я хорошо помню наши совместные обеды. Один из них был где-то в Академгородке (не в ресторане Дома ученых для академиков, куда ДК как-то отправил нас, и где была фантастически красивая официантка, которую я никогда не забуду) и я был поражен, что гости закуривали за столом с самого начала, до или во время первого блюда – супа или рыбы. Я сказал ДК, что это невозможно в Британии, поскольку никому не позволено курить за столом, прежде тоста за королеву, который обычно произносится в самом конце ужина, когда подают кофе. Его реакция была мгновенной: «Обри, мы должны немедленно выпить за королеву» и далее всегда, когда мы садились с ним за стол, он говорил: «Время выпить за королеву». Похоже, что вы продолжали это делать и после моего отъезда к вящему удовольствию Ее Величества.

Я также с восхищением вспоминаю, как часто после ужина, когда все мы были прекрасно размягчены этанолом, люди начинали петь. Я припоминаю, что у ДК был приятный баритон. Это происходило даже после официальных ужинов, в ситуации, когда британцы, связанные путами формальностей, ни за что не позволили бы себе подобной вольности. Я помню, как ДК пел после ужина в твоей квартире, когда твоя жена Наташа играла на старинном рояле, который в ужасное время блокады Ленинграда чудом не был использован на дрова.

Потом было путешествие, которое ДК организовал для меня, по Обскому морю с заездом на базу отдыха – это было прекрасно. Я никогда не забуду, как на столе, накрытом на нашем катере, появились бутерброды, и я заметил, как по-английски это было – бутерброды с огурцом. Ответ Виктора Колпакова не заставил себя ждать: «Сэр, сегодня утром на рынке не было огурцов. Даже за деньги». Восхитительная цитата из «Как важно быть серьезным» Оскара Уальда, и я неожиданно осознал насколько хорошо Виктор знает английский и нашу литературу, потрясающе!

Во время этого путешествия мы пошли в баню – экстраординарное впечатление для меня – быть выпоротым (хотя и очень деликатно) сушеной жгучей крапивой. И при этом мой палач каждую минуту спрашивал меня: «Ты в порядке?» (я слышал, один из ваших немецких гостей потерял сознание во время такой процедуры). А после мы все сидели голые вокруг стола, пили чай и ДК сказал: «Эх, Обри, вот кабы Андропов с Рейганом сходили бы на пару в баню, то-то славно было бы». Хорошая мысль, хотя бедному старику Андропову в то время оставалось совсем не долго жить.

И последний эпизод, когда ДК провожал нас с тобой в то удивительное путешествие на Байкал. Он приехал в аэропорт и проводил меня до самого трапа к иркутскому самолету. Служащий аэропорта, который проверял наши посадочные талоны, пытался преградить ему дорогу, поскольку он не летел с нами. ДК сказал ему что-то в полголоса и отстранил его властным жестом – у ДК было важное дело, которое он должен был довести до конца. Он обнял меня у трапа, по-русски и расцеловал в обе щеки. Будучи британцем, я был смущен, но так тронут его теплотой. Как жаль, что он не смог отправиться на Байкал вместе с нами. Затем мы помахали рукой друг другу на прощание, и больше никогда я его не видел. Мы переписывались

с ним, и с его помощью нам удалось получить стипендию биологического факультета для тебя, и в 1985 г. ты приехал, увы, через полтора месяца после его смерти.

Нам всем очень его не хватает – он был отличный ученый и прекрасный человек. Я рад, что мне удалось отдать дань его памяти во время моего последнего визита в Академгородок в 1987 г.

Твой Обри

Д.К.Беляев. Письма к П.Ф.Рокицкому

Мы помещаем небольшую часть переписки ДК с академиком БелАН ССР генетиком Петром Фомичом Рокицким. Они были друзьями и единомышленниками. Истоки этой дружбы лежат на благодарной почве еще с времен четвериковской лаборатории, сотрудниками которой были брат ДК Николай Константинович, Петр Фомич Рокицкий и Б.Л.Астауров.

Сразу после войны ДК читал курс генетики пушных зверей на кафедре генетики животных, руководимой П.Ф.Рокицким, тесные дружеские отношения укрепились после 1948 г. – трагедии для генетиков, подвергавшихся гонениям. Петр Фомич покинул Москву и несколько лет работал в Сыктывкаре, а затем был приглашен в Минск и был избран академиком Белорусской Академии наук.

Конечно, отрывки писем могут дать лишь отдаленное представление о том, что занимало и волновало ДК в отдельные отрезки его жизни. Но мы выражаем надежду, что эти письма помогут читателям представить характер его трудной многообразной и беспокойной жизни, целиком отданной служению науке.

1. Дорогой Петр Фомич!

Положение наше за последний месяц немного улучшилось. Непосредственно это связано с выступлением Полянского на пленуме Новосибирского обкома. Он высказался, в частности, в том духе, что разделение биологов на группы и поддержка одной из групп не является правильной и что надо ценить всех ученых, к какому бы лагерю они ни примыкали, если они делают полезное и нужное дело. Из смысла выступления было ясно, что это не только его личное мнение. После этого отношение к институту резко изменилось к лучшему. Тем не менее, в институте много трудностей и одна из главных – недостаток грамотных генетиков. Я очень часто вспоминаю о Вас и думаю, что у нас Вы получили бы больше возможностей, чем в Минске, тем более что в этом году открылся биофак в Новосибирском университете, и Вы могли бы совместить работу у нас с преподаванием. Если Вы придете когда-либо к этому решению – двери для Вас всегда широко открыты.

Оттиски работ по мере их появления буду Вам посылать, хотя пишу я мало – погряз в директорской рутине.

Будьте здоровы. 25.5.61.

2. Дорогой Петр Фомич!

Шлю Вам первомайское приветствие и пожелания всяческого благополучия.

Спасибо Вам за письмо; я получил его перед поездкой в Ленинград и Москву, откуда только что вернулся. Был в Ленинграде в Институте физиологии им. И.П.Павлова на конференции по сложным формам поведения животных. Эти вопросы стали мне в какой-то мере интересны, так как я уже лет 10 веду селекцию лисиц «на приручаемость», используя в качестве критерия отбора характер оборонительной реакции этих животных в разном возрасте. В результате получены кое-какие интересные, по-моему, результаты, о которых я там и докладывал. Кажется, доклад был встречен с интересом, может быть, потому, что на большой конференции это был единственный доклад в генетико-физиологическом аспекте. Был в Колтушах; они производят довольно жалкое впечатление, впрочем, я сравниваю теперь все с нашим Академгородком и может быть излишне придирчив. Памятник Менделю, поставленный там по указанию И.П.Павлова, валяется в сарае, как объяснила нам экскурсовод. Говорят, что покойный Быков собирался его восстановить.

Вы спрашиваете меня о диссертации. Конечно, надо бы ее давно написать, но ведь не дают мне возможности нормально работать мои директорские обязанности.

Институт большой, сложный, организационный период затянулся непомерно, квалифицированных людей крайне мало. Я уж и сам чувствую, что мое кандидатское положение делается неприличным и создает и мне и институту многие трудности, но я не могу из них выбраться. Все же я постепенно пишу работу и надеюсь к осени ее в основном закончить. Конечно, буду Вас просить посмотреть ее.

Будьте здоровы. Крепко жму руку. 27.4.63.

3. Дорогой Петр Фомич!

Чувствую себя виноватым, что так долго задержался с ответом на Ваше письмо. Оно получено было буквально за полчаса до моего отъезда на Алтай, а эта поездка послужила началом моих нескольких путешествий, следовавших буквально непрерывно одно за другим. На Алтай – в его степную часть, к границам Казахстана я поехал отчасти для того, чтобы посмотреть степное животноводство и овцеводство, а также, чтобы побывать в знаменитом колхозе «Страна Советов», в котором наши сотрудники (Г.А.Стакан, Соскин, Р.П.Мартынова) ведут работы по овцеводству. Ездили на своем (институтском) автобусе целой группой; кроме упомянутых лиц и меня был еще Шумный (растениевод, мой зам. по растениеводческим работам), зам. директора НИИСХ и мой младший сын, который увязался за мной и выдержал всю нелегкую дорогу очень хорошо. Проехали в общей сложности около 2 тыс. км. По сквернейшим дорогам, проглотили и привезли на себе не один пуд пыли, ломались, спали иногда под открытым небом в спальных мешках, но в целом съездили хорошо и видели кое-что интересное. На меня произвели впечатление хорошие, по-моему, стада герефордов и особенно абердин-ангусов и совсем не безграмотная работа, которую ведут местные зоотехники. Да и с овцами тоже (алтайской породы) селекция поставлена не так уж плохо; я думал, что все хуже. Едва мы вернулись из этой тяжелой (физически) поездки, точнее сказать, на следующий же день я улетел в Москву на заседание оргкомитета съезда. Я бы ни в коем случае не полетел на этот оргкомитет, если бы не БЛ. Все озабочены очень трудным съездом и тем, кто будет президентом. БЛ говорит, что он не останется ни при каких обстоятельствах. В Москве в кулуарных разговорах назывались в качестве возможных кандидатов имена Бочкова, Турбина и Д.Д.Брежнева. Что Вы скажете на этот счет? Тревожит и положение с журналом «Генетика». П.М.Жуковский уже стар – ему 84 года и все время говорит и пишет о своем намерении отказаться от редакторства. Но кто же тогда возьмет журнал? Беспартийного же человека (например, Сидорова или Шапиро) главным редактором, пожалуй, не сделают. Мне тоже очень тяжело вести проблемный совет. Если к нему относиться серьезно, то нужно значительно больше времени проводить в Москве (и в разъездах по стране), чем делаю это я. А это

невозможно! Заниматься же этим Советом так, как я это делаю теперь, нельзя, нужно значительно больше и активнее. На это не хватает ни сил, ни времени, да и желания нет; работа эта, как видно, никому не нужна. Словом, мне кажется, что мы в генетике переживаем извечный кризис руководства. Одна из главных причин этого в том, что не восполнен еще громадный пробел в подготовке людей после 1948 г. Скорее всего, кончится все это нехорошо: порядочные люди в большинстве не хотят никакой оргработы, уходят в свое личное дело, делают диссертации и пр., в результате вакуум с неизбежностью заполняется людьми сомнительных достоинств, а то и швалью. Я вижу, что даже у способных молодых людей очень выражен дяляческий элемент, граничащий с карьеризмом: для себя, для своей работы и диссертации – да, для общего дела – нет! Как-то на семинаре я обратил внимание своих сотрудников на слова И.П.Павлова в его «письме молодежи» о том, что в том коллективе, в котором работал Павлов, все делает атмосфера и что там «не поймешь, что мое, а что твое» и т.д. На что один сотрудник (только-только защитивший кандидатскую диссертацию) сказал мне, что в этих словах выражена лишь субъективная позиция руководителя! Мне кажется, что есть что-то глубоко дефектное во всей системе нашего воспитания научной молодежи. Ведь очень ясно видно, что для многих даже способных людей наука стала не средством познания истины, а способом удовлетворения своих честолюбивых помыслов в самой циничной их форме. Кажется, я очень уж увлекся в дебри, но это может быть потому, что только что прочел рукопись В.П.Эфроимсона «Генетика этики», в которой он очень старается доказать, что этические (!) начала в человеке сформированы естественным групповым отбором на взаимопомощь! (по Кропоткину).

На меня это сочинение, написанное в общем ярко и талантливо, произвело впечатление концепции довольно плоской. Я не понимаю, как можно не видеть громадного полиморфизма человеческого поведения и лишь восхищаться созданными отбором добродетелями, при том, что мы видим в мире и вокруг себя! БЛ эта статья, кажется, очень понравилась, он хочет ее где-то опубликовать, написал свою статью на эту тему. Я же основу рассуждений ВП не понимаю и в том виде, в каком статья сейчас, ее в основном не поддерживаю. Впрочем, эта статья и все, что с нею связано, – предмет для особого разговора.

Через день после возвращения из Москвы я вместе со Светланой и младшим сыном отправился в Улан-Удэ, где у нас был объединенный ученый биологический совет, после которого мы совершили почти 3-дневную поездку по Байкалу. Устроил нам эту поездку Галазий – директор Лимнологического института. Проехали на пароходе км. 700–800, видели и величие, и трагедию Байкала – мертвые реки, впадающие в него, загроможденные лесосплавом устья этих рек, уже запакощенные людьми (к счастью, еще не всюду) берега озера.

В этом году мне предстоит, кажется, трудная осень. В сентябре предполагается моя поездка в Англию, точнее, в Шотландию на экологический конгресс. Я был приглашен и на прошлый конгресс (во Францию), и к моей персоне там было проявлено значительное внимание: предлагалось председательствование на одном из пленарных заседаний и доклад на пленуме. Но эта моя поездка не состоялась. На этот раз меня вновь пригласили, и я послал заявку с некоторыми из моих сотрудников (Л.Н.Трут, В.И.Евсиков), но что из этого получится – пока не ясно. Независимо от этой поездки я пообещал еще быть в октябре в Армении, в Ереване на армянском съезде генетиков, а в ноябре-декабре – в Чехословакии. Туда я тоже обещаю приехать уже второй год, и больше откладывать неудобно. Очень стал уставать от поездок, не говоря уже о том, что они выбивают из колеи, больше так планировать время не буду. Сегодня еще получил приглашение в октябре же приехать в Берлин на празднование 20-летия Академии сельскохозяйственных наук ГДР; от этого приглашения, по-видимому, уже откажусь.

Будьте здоровы, дорогой Петр Фомич, берегите себя.

Крепко жму Вашу руку. Ваш. Света шлет Вам привет и мы оба, конечно, Вашей семье. 3.8.71.

4. Дорогой Петр Фомич!

До сих пор не мог вырваться из текучки дел, нахлынувших после возвращения из Москвы. Сказать по совести, это был очень напряженный месяц, наполненный очень разносторонним эмоциональным содержанием. Я ехал на это собрание в уверенности, что и на этот раз результаты будут аналогичны прежним. Я

воспринимал эту перспективу спокойно, даже не подавал бы документов на эти выборы, если бы не М.А.Лаврентьев, который не хотел смириться с прошлыми неудачами и непременно хотел довести дело до конца. Его очень активная позиция в ходе выборов, точнее, на предвыборной стадии, по-видимому, сыграла свою роль. Конечно, очень активно вел себя и БЛ, да и Келдыш на собеседовании с отделением общей биологии тоже выразил свою позицию. НП на чаепитии у президента и на собрании отделения общей биологии выступал против, но на общем собрании молчал. Результаты голосования всюду оказались вполне удовлетворительными: на Сибирском отделении – 17 за, 2 против; на отделении общей биологии – 11 за, 3 против (проходной балл 10); на общем собрании – 192 за, 18 против (проходной балл 141). Общее собрание сейчас стало очень опасным делом выборов. На этот раз из 19 выбранных на отделениях кандидатов в действительные члены 4 были провалены на общем собрании: Чхиквадзе (юрист, директор Института международных отношений), Иовчук (философ, ректор Академии наук ЦК, кандидат в члены ЦК), Елютин (министр высшего образования) и Будыко (директор обсерватории в Ленинграде). Выступления против были только по Будыко (возражали математики), в отношении остальных были только вопросы. Например, в отношении Иовчука: т. Иовчук однажды уже не был выбран общим собранием. Что изменилось, чтобы избирать его сейчас? Келдыш ответил на это, что нет оснований вспоминать прошлый результат, что Иовчук активно работает, ему доверен очень ответственный пост и т.д. В отношении Елютина был такой вопрос: как мог т. Елютин за последние 3 года опубликовать 40 (м. б. даже 50?) работ. Ответ был такой: он активно работает, у него большая лаборатория и т.д. Тем не менее результат голосования отрицательный. Мне кажется, что в системе выборов в АН есть что-то не правильное. АН довольно замкнутая, чтобы не сказать, кастовая организация, и порядок выборов таков, что помогает поддерживать ее таковой. У нас в Сибирском отделении, есть очень интересный молодой экономист, вполне прогрессивный человек Аганбегян. Его отделение экономики проваливало в академики уже 3 раза (голосует 6 или 7 человек, не хватает 1 голоса); тут ситуация вполне ясная – не хотят пустить молодого не традиционного экономиста.

После объявления результатов голосования на отделении общей биологии я у раздевалки встретился с НП, и тут у нас произошел следующий разговор.

НП: Вот Вы и избраны, ДК.

Я.: Вы очень огорчены этим, НП? Но Вы не должны огорчаться, у меня нет злобы на Вас.

НП: Вы молодец, если можете перепрыгнуть через личное. А вообще у нас очень плохая ситуация.

Я.: Ситуация действительно очень плохая, но от нас зависит, чтобы ее изменить.

НП: Да, зависит от нас, но на эту тему надо серьезно говорить.

Я.: Я готов говорить, не сейчас, конечно, а в принципе. Но для этого надо встретиться.

НП: Я тоже готов.

На том мы и разошлись, договорившись встретиться позднее. Такая встреча и состоялась на следующий же день после общего собрания, тут инициативу проявил я, позвонив НП утром в институт, и сразу же к нему приехал.

Разговор продолжался около часа. Основные претензии НП к БЛ: зачем он взял Соколова и Сидорова, они бы успокоились, все их требования я удовлетворил и т.д. Но главное (так он говорит) в неприемлемой позиции БЛ в отношении генетики человека. Зачем он написал такое неправильное предисловие к книжке Полянина, почему выступил вместе с Эфроимсоном. Он призывает переделывать гены человека. Вы (т.е. я) тоже ведете себя неправильно в этом вопросе, Вы поддержали Астаурова в Мозжинке, так можно погубить генетику, Вы не оцениваете степень опасности евгеники для генетики и т.д. и т.д. Все мои возражения и призывы к спокойной и трезвой оценке написанного БЛ не имели никакого влияния. НП возбудился и повторял беспрерывно одно и то же. Под конец я ему сказал: почему бы Вам не поговорить с БЛ лично. Он ответил, что один на один не готов говорить с ним, но в моем присутствии согласен. На том мы и разошлись. Эффект разговора, как и можно было предполагать, нулевой.

Пожалуй, я слишком много пишу Вам об этом, но может быть, Вам надо это знать для ориентации в московской обстановке. На собрании ВОГиС и на нашем Проблемном совете ничего особенно примечательного, мне кажется, не было.

Доклады с места, я думаю, носили довольно формальный характер. Я тоже докладывал, но в основном пересказывал содержание Ваших статей о развитии генетики животных в Советском Союзе, с некоторыми добавлениями. В Москве я просидел на этот раз в общей сложности 3 недели (с 26 ноября по 10 декабря), а так как ехал туда и обратно поездом (погода очень плохая, туманы), то в отъезде был почти месяц. Здесь сейчас куча дел, текучка, масса телеграмм и писем, на которые надо ответить: друзьям и знакомым и совсем даже неизвестным мне людям. Да и экспериментальный сезон в разгаре. Скоро начинается гон у лисиц, далее у норок. На нашей экспериментальной ферме трудности – она стала очень мала для нас. Кажется, нам удалось разобраться в некоторых интересных фактах генетики окраски у лисиц. Вы помните, может быть, белую грузинскую мутацию у лисиц? Она оказалась, так же, как и платиновая, эмбр. леталью, но бьет она еще на доимплантационных стадиях, тогда как платиновая – на постимплантационных.

Действием дополнительной подсветки во время беременности доминантную летальность удалось сдвинуть, так что гомозиготы стали рождаться, но все равно гибнут в 2–3-месячном возрасте. Лишь одна самка у нас выжила и дала потомство, и таким образом было доказано, что она гомозиготна. Конечно, эффект в данном случае осуществляется через гормоны желтого тела (прогестерон), так как свет действует на интенсивность их синтеза.

Вообще, как мне кажется, это явление «дестабилизации» онтогенезов и, как результат этого, повышенный темп формообразовательного процесса наступает часто, если отбор давит на гормональные системы, которые управляют индивидуальным развитием. Поэтому я думаю, что дестабилизирующий отбор есть реальность, но вот на всех ли уровнях эволюции он действует – это вопрос. Между прочим, я вспомнил старые, Вами проверявшиеся работы Гольдшмидта по тем же эффектам у дрозофилы. Эти работы мне хочется повторить, но не в точности по методике Гольдшмидта, а добавив в схему опыта селекцию на фоне экстремальных температур. Ведь гормональные системы насекомых конечно температурно зависимы.

Написал Вам очень большое письмо, боюсь бестолковое и утомительное. Но очень хочется с Вами пообщаться, может быть, мне заехать к Вам в Минск во время московской командировки? Не хворайте, пожалуйста, не простужайтесь.

Крепко жму Вашу руку. Ваш. 24.12.72.

5. Дорогой Петр Фомич!

Общее собрание в Москве проходило, как всегда почти, довольно скучно, интересных выступлений не было, хотя мне было приятно слышать похвалу Келдыша нашему институту за разные сорта пшеницы. Кстати, ВАСХНИЛ, Турбин, в частности, с большим раздражением относятся к нашим работам, имеющим к.-л. практические результаты. Однако совсем прекратить эти работы я не собираюсь, скорее, наоборот, хорошие думаю усилить.

Летом и осенью предстоят мне всяческие поездки: в августе, вероятно, в США на конгресс, в октябре – в ГДР, откуда пришло специальное приглашение, затем в Армению, куда я тоже давно обещал приехать, но все время обманывал. А в конце марта отправлюсь, по-видимому, в Японию в составе какой-то академической группы неизвестно зачем.

Так время и бежит, а работать как надо некогда. Должен сказать, что настроение у меня тоже не первоклассное, хотя дома все нормально. Причина же в том, что все основные силы поглощает институт, для себя почти ничего не остается, а директорская работа – неблагодарное дело. Да и характер у меня, по-видимому, не очень подходящий для директорской деятельности, мало требую с заместителей, слишком вникаю в то, на что не надо бы обращать внимания. Но это уже от генов, а от них не уйдешь.

Очень понимаю и Ваше состояние! Но будет единственная надежда на Вашу житейскую мудрость, и я уверен, что она, да Ваша преданность науке помогут Вам.

Будьте здоровы, пишите. Света Вам кланяется и шлет сердечные приветы.

Крепко жму руку. Ваш. 17.3.73.

6. Дорогой Петр Фомич!

З.С.Никоро и М.Голубовский рассказали мне кое-что о горьковском собрании; они оба очень высоко его оценивают и говорят, что все было очень хорошо и интересно. Жаль только, что не состоялось орг. заседание секции, которое я просил организовать Рычкова, чтобы обсудить работы по генетическим аспектам проблемы охраны природной среды. Но и сам Рычков, который сейчас возглавляет секцию популяционной генетики, не был на заседании. Вообще организационная работа нашего проблемного совета идет очень плохо. Надо бы составить программы координирования работы по некоторым важнейшим направлениям, (например, по генетическим аспектам злокачественного роста), но это не получается. У людей нет вкуса к совместным работам, нет желания их организовывать, каждый хочет делать свое личное дело. Я думаю, что это грубая наша ошибка: силы надо объединять, а не распылять. Успехи американской науки и ее приложений во многом связаны именно с организационной стороны дела. Для того чтобы стимулировать эту организацию, мне надо сидеть в Москве, а это, понятно, невозможно. А людей, на которых можно было бы опереться в крупном организационном деле, в Москве нет.

Будьте здоровы. Крепко жму руку. 26.5.73.

7. Дорогой Петр Фомич!

В Москве видел БЛ – дважды был у него в больнице, кажется, первым из посторонних. Он еще лежал, и лишь через несколько дней ему обещали позволить подниматься на кровати. Но его психологическая база мне показалась хорошей, он был спокоен, и я не находил у него каких-либо признаков душевной депрессии. Мы разговаривали с ним по часу–полтора, он живо интересовался событиями и не уходил от волнующих всех нас, в том числе острых вопросов. Один из них касался библиографии кольцовских работ, составленной, как Вы знаете, БЛ, который написал вводную статью о Кольцове. Эта библиография была в типографии и достигла уже стадии верстки, но к тому моменту появилось «Вечное движение». Директор

издательства «Наука» задержал выпуск этой работы, вернув ее в РИСО АН с официальным запросом: считает ли АН возможным выпуск этой работы без упоминания во вводной статье (астауровской) о факте привлечения Кольцова к суду за контрреволюционную деятельность, о чем сказано в книге Дубинина? Ученый секретарь РИСО Лихтенштейн испугался и работу задержал, о чем мне стало известно от Натальи Сергеевны, от БЛ этот факт по понятным Вам причинам скрывался. Мне удалось договориться с А.Л.Яншиным (он теперь и.о. председателя РИСО), что работа все же пойдет в печать, если в статью БЛ будет вставлен какой-то короткий текст об этом факте из жизни Кольцова. Мне пришлось завести с БЛ разговор на эту тему, и он сам предложил сделать такую вставку, хотя, конечно, и не без некоторого внутреннего сопротивления. Может быть, я напрасно пишу Вам об этом, может быть, Вы все это знаете, но мне хочется этим фактом проиллюстрировать уже практические эффекты «Вечного движения». С другой стороны – большую выдержку БЛ. Я понимаю, конечно, разговор с ним на эту тему не адекватен его состоянию, но скрывать от него факт задержки работы, в которую он вложил много сил и о которой очень заботился, было бы еще хуже. Теперь он эту вставку написал. Вообще же он слишком активен, и все попытки как-то ограничить его наталкиваются на его сопротивление и вызывают у него раздражение. Как-то он сказал Наталье Сергеевне: «Вы все хотите сохранить мне жизнь, для того чтобы лишить меня жизни». Я вполне понимаю, что без дела у него действительно нет жизни, и с этим приходится считаться.

Теперь о «Вечном движении». Об этом произведении у порядочных и знающих хоть что-то в истории генетики людей двух мнений нет. Но многим она нравится – написана хлестко, местами ярко. Удивительно не то, что эта книжица написана НП, а то, что она издана Политиздатом. По-видимому, кого-то очень устраивает развиваемая в книге версия о том, что лысенкоизм объективно подготовлен и, следовательно, исторически оправдан ошибками «лидеров» генетики. Говорят как о факте, что Лысенко подарил эту книгу Дозорцевой с такой надписью: «Дарю тебе эту книгу, автор которой возвеличил меня и опозорил себя».

Будьте здоровы, берегите себя. Крепко жму руку. 10.11.73.

8. Дорогой Петр Фомич!

Большое спасибо за подробное, хорошее письмо, полученное мною 2–3 дня тому назад. Я недавно вернулся из Армении, куда, как я говорил Вам, кажется, по телефону, ездил в связи с многократными просьбами Рухкяна и других армян помочь в конфликте, возникшем как между генетиками, так и с руководством Армянской АН. Существо дела формально сводилось к тому, что Рухкян требовал, чтобы на базе Института экспериментальной биологии Армянской АН был организован Институт генетики, фактически же президиум Армянской АН принял решение организовать Институт экспериментальной биологии. В этом институте наряду с чисто молекулярной тематикой (скорее даже физико-химической) есть и элементы генетических работ (например, генетические основы синтеза антител, изучение репарационных систем, работы по экспериментальному мутагенезу). Но армянские академики, включая и президента (очень интересный и умный астроном и астрофизик – Амбарцумян), не понимают и боятся генетики, ассоциируя ее с лысенкоизмом. Например, академик-биохимик, председатель научного совета по молекулярной биологии сказал мне, что генетика устарела и должна быть заменена молекулярной биологией. После часового разговора и моей «разъяснительной» работы этот академик отказался от своего тезиса, но искренне ли? Я в этом сомневаюсь. Боюсь, что антигенетическая по существу тенденция развивается сейчас, может быть кем-то и невольно под влиянием молекулярных увлечений. Но эта тенденция очень страшна; если она возобладает, то это будет не лучше лысенковщины. Надеюсь, однако, что этого не случится, если, конечно, мы не будем пассивны. Но наших сил немного; в частности, в Москве их совсем мало, а те, что есть, либо уже не могут работать в организационном отношении, либо не хотят это делать.

Создается очень трудная ситуация с генетическим конгрессом. Председатель нашего оргкомитета совершенно бездеятелен и бестолков, базового института, на который можно было бы возложить организационную работу по конгрессу, нет. ИОГЕН не в счет, так как директор не будет помогать, скорее, будет мешать делу. Я состою генеральным секретарем конгресса и в этом качестве должен организовывать все дело. Но функции генерального секретаря фактически взял на себя Турбин, он

хочет возглавлять программную комиссию. У меня же в Москве рабочий стол поставить негде, жить тоже негде – о какой работе может идти речь? Я уже не говорю о том, что здесь в Академгородке тоже нельзя бросить дело, а непрерывные полеты совершенно выматывают.

Смерть Н.Н.Соколова для меня – очень тяжелая потеря. Мы с ним были в очень дружеских отношениях и хотя я тоже видел, что он болен, надеялся на то, что жизненные силы возьмут верх и преодолеют недуг. Но вот ошибся, так же, как ошибся и в оценке здоровья БЛ; тоже надеялся, что он поправится. Так мало остается друзей, а с возрастом их все труднее находить. Борис Николаевич Сидоров тоже нездоров, еле ходит, за него тоже очень боюсь. Я хлопотал, чтобы Н.Н.Соколову дали приличную квартиру, ходил к Келдышу, в ЦК дважды говорил, у Чахмахчева просил и т.д. и в конце концов, выхлопотал, но вот он ее не дождался. В ИБР стало совсем плохо с генетикой, людей почти не остается. Демина провалили при избрании на новый срок, он очень плохо себя вел, поссорился со Струнниковым и даже к БЛ в последние недели его жизни отнесся бестактно. Лаборатория Н.Н.Соколова остается совсем без людей, да и у БН их мало. Держится лишь Струнников, но у него учеников не густо. У меня в институте тоже в некоторых лабораториях очень плохо с сотрудниками. Например, у Керкиса – одни девочки; ему самому скоро пора будет на пенсию, а заменить его некем. Не лучше и у ЗС, да и Вер. Вен., несмотря на то, что в лаборатории 2 доктора – замены нет. Последствия лысенковского периода сейчас сказываются более всего именно в кадровом голоде, и сразу утолить его невозможно.

Будьте здоровы, Петр Фомич. Крепко Вас обнимаю. Ваш... 13.7.75.

9. Дорогой Петр Фомич!

Уже около 10 дней тому назад вернулся я из Якутии. Поездка была крайне интересной и впечатляющей. На катере я поднялся по Лене километров на 300 к месту обитания яков, которых мы пытаемся акклиматизировать в Якутии. Часть их живет на острове, большая же часть (50 маток с молодняком) – в тайге, в 12–15 километрах от берега. Туда тоже съездили вечером на лошадях. В другой, более

южный район Якутии, где живет еще около 100 животных, не попал – туда трудно добираться, а кроме того, там было наводнение.

Удивительное это животное! Впервые они были завезены нами в Якутию 4 года назад из Бурятии; оказалось, что в якутских условиях они могут нормально жить и размножаться при самом минимальном внимании со стороны человека. Все эти годы они живут без скотных дворов и лишь при температуре ниже 45 градусов заходят под навес и ложатся на солому. На улице же при морозе ячихи телятся. Но в условиях Якутии тебеневать не могут, зато едят солому. Пастбищный сезон у них на 1,5–2 месяца длиннее, чем у крупного рогатого скота. Когда я затевал это предприятие с акклиматизацией яков в Якутии, я сильно побаивался, как бы они не передохли от морозов и гнуса. Но теперь уже вполне очевидно, что они эти испытания выдерживают. Местное якутское начальство (Совмин, обком) собираются сейчас создать специальное постановление о развитии этой отрасли животноводства. Может быть, получится неплохое дело, строить же промышленные комплексы для мясного скота в Якутии немыслимо.

Деловая цель поездки сочеталась и с развлекательной: вернувшись с верхнего течения Лены, мы на катере же отправились вниз километров на 500 и я впервые испытал, что такое настоящая фантастическая рыбалка.

31. 8. 75.

10. Дорогой Петр Фомич!

Все последние дни, например, занимался организацией Общего собрания Сибирского отделения, научная сессия которого (3 декада) на этот раз была посвящена биологии. От нашего института докладывал Корочкин: «Регуляция функциональной активности генетического аппарата» – очень хорошо. Общему собранию предшествовала специальная конференция по методологическим проблемам современной биологии в связи с научно-технической революцией. Я ее вел и произнес вступительное слово минут на 25–30, присутствовало все руководство Сибирского отделения (Марчук, Трофимук) и несколько академиков и член-корреспондентов небиологов, в том числе и Яншин. В числе докладчиков был

специально приглашенный из Ленинграда профессор-философ В.Ф.Сержантов. Я этого человека раньше не знал и работ его никогда не встречал и не читал. Пригласили его по просьбе наших философов. Доклад он сделал вполне ординарный, и настоящей философии я там не усмотрел. Но, касаясь проблем человека, он неоднократно подчеркнул, что человек есть существо социальное и в связи с этим похвалил Дубинина. Меня это взорвало, и в заключительном слове я довольно резко отчитал и самого докладчика и еще больше Дубинина. Говорил на эту тему минут 15–20, и мои сотрудники говорили мне после, что вполне убедительно. Сам же Сержантов в заключительном слове заявил, что он вполне согласен с моей позицией. На следующий же день после сессии он явился ко мне в институт и еще раз, повторив свое полное согласие со мной, предложил написать вместе книжку о социально-биологических проблемах человека. Я, понятно, отказался. Как видно, у многих философов позиция в этом вопросе вполне беспринципна и биологически безграмотна.

Очень меня беспокоит подготовка к конгрессу.

2.3.76 г.

11. Дорогой Петр Фомич!

Только что вернулся домой после длительного отсутствия: был 2 недели в Швеции, а затем почти столько же сидел в Москве по делам организации конгресса. Устал ужасно, особенно от московского сиденья.

О том, что я давно уже собирался в Швецию по приглашению Шведской Королевской Академии и менделевского общества, я Вам уже писал. Шведы пригласили меня для чтения лекций в генетических институтах страны по тематике моих работ на тему доместикации животных. На этот раз со мной ездила и Светлана, которая очень мне помогала во всех отношениях, особенно с языком. Она владеет английским, особенно разговорным, лучше, чем я.

Поездка, конечно, была очень интересной, но очень напряженной во времени. Мы посетили помимо Стокгольма и стокгольмского университета следующие генетические центры: Умеа, Упсалу, Лунд, Сфалефскую станцию. Повсюду, за

исключением Сфалефской станции, я читал лекции, а в Лунде даже две: одну о своей работе, а одну об Академгородке. Все лекции так же, как и последующие дискуссии, велись по-английски, и это при моем, вообще плохом знании языка, мне было трудно. Однако отношение всюду было самое внимательное и доброжелательное, и, как мне показалось, лекции вызывали интерес, во всяком случае, если судить по вопросам – высказываниям. Помимо официальных еженедельных, были и неофициальные встречи в ресторанах и дома. Пожалуй, самое большое впечатление произвел на нас Лунд, его университет и люди, с которыми мы там встречались. Там, конечно, элита шведской научной интеллигенции и ведущие генетики страны: Густафсон, Мюнцинг, Леван, Лима де Фария. Много очень интересной молодежи, хотя институтик у них совсем крошечный. Например, Институт генетики – 28 человек, но там и Густафсон, и Мюнцинг, и Леван. И хотя все они уже на пенсии, но все активно работают, у каждого по одному помощнику. Поразила меня Сфалефская станция замечательным научным уровнем работ, организованностью, отличным оборудованием, а главное, культурой людей. А ведь это всего лишь селекционная станция. Нам пока такое не снится. В заключение нашего пребывания в Лунде Густафсон, Мюнцинг и молодой профессор Фредга (цитогенетик животных) устроили нам небольшое автомобильное путешествие по окрестностям Лунда, показали животноводческие фермы (одна со средним удоем в 7 тыс. литров) и великолепную конюшню арабских лошадей. Всех впечатлений о поездке рассказать здесь невозможно, при свидании расскажу подробнее.

Большой интерес к нашему (будущему международному) конгрессу. И вот здесь-то дела обстоят значительно хуже. Во время московского сиденья мне с большой помощью Корочкина, которого я специально вызвал, удалось, как-будто в основном скомплектовать проект программы конгресса, но я чувствую, что он будет атакываться, прежде всего Дубининым. Уже на заседании оргкомитета он протестовал против девиза «Генетика и благосостояние человечества», предлагая свой девиз «Генетика и человек», навязывая тем самым конгрессу идеологическую окраску. Большинство (кажется, даже все) члены бюро оргкомитета высказались против нового дубининского девиза. Но как будет дальше? Этот вопрос очень принципиален, нельзя конгрессу придавать характер идеологического митинга. Далее

Дубинин возражал против Вавиловской пленарной сессии, которую мы специально запланировали. Аргументация: портреты Вавилова и так почти во всех американских учебниках, нового о нем, его работах и развитии его идей ничего не скажешь, а вопросы могут быть очень неприятными. Его в этом поддержал Цицин, но и оно было отвергнуто.

Крепко обнимаю Вас. Ваш. 20.4.76.

12. Дорогой Петр Фомич!

Теперь о другом деле, а именно об избранных произведениях Кольцова в серии «Классики науки». Перед отъездом в отпуск я еще раз просмотрел рекомендованный Вами и Б.Н.Сидоровым список работ НК, а «Генетический анализ психических особенностей» прочел. Я думаю, что эту работу печатать нельзя. Хотя она очень интересна, блестяще написана и по существу вполне правильна, ее опубликование вызвало бы бешеные нападки и на Кольцова и на нас. Рассуждения НК «Сексуальное поведение женщин» (и предложение изучать этот признак), о типологической характеристике вождей, об активности людей, особенно в связи с революцией – все это пока что не может быть опубликовано. Сократить же текст, изымать из статьи целые абзацы и даже страницы, я думаю, тоже нельзя. «Родословная наших выдвигенцев» мне кажется в этом смысле более подходяща. Посмотрите, пожалуйста, эту статью. Я поручил двум своим сотрудницам (Л.П.Зверевой и И.С.Губенко) техническую подготовку издания, и они уже начали эту работу.

Кажется, написал Вам все основное. По-прежнему меня очень беспокоит наш будущий международный конгресс. Подготовка к нему идет плохо, а за границей, особенно в США и в Англии, довольно активно действует оппозиция. Сейчас АН погрузилась полностью в предвыборную кампанию, и пока она не кончится, никаких других вопросов решить, конечно, не удастся.

Ваш. 24.9.76.

13. Дорогой Петр Фомич!

Пишу Вам в тяжелом душевном состоянии. Позавчера – 22 апреля скончалась от инфаркта В.В.Хвостова. Вслед за Натальей Сергеевной вновь потеря очень близкого человека. При некоторых всем известных неровностях характера ВВ была очень честным, цельным и светлым человеком, одним из самых близких моих друзей здесь в Академгородке. Несмотря на возраст, она тянула огромный воз дел, и теперь, когда ее нет, остается зияющая пустота.

Ваш. 24.4.77.

14. Дорогой Петр Фомич!

В сентябре, как я уже писал Вам, я побывал в Англии, точнее сказать, главным образом в Шотландии – в Эдинбурге на международной экологической конференции. Был из нашей страны лишь я один. Это создавало, конечно, и некоторые трудности, но, с другой стороны, освобождало от некоторой обязанности, которую всегда чувствуешь, когда едешь группой. Я не могу сказать, чтобы конференция была мне очень интересна: этология, понятно, все же не мой предмет, да и усваивать все на слух (по-английски) я не мог, особенно во второй половине дня. Однако обстановка на конференции была очень хорошей, вполне дружественной, и я ощущал очень доброжелательное и товарищеское отношение со стороны англичан (и не только их). Познакомился с Тинбергеном и Лоренцом – знаменитыми этологами и со многими другими менее известными, главным образом молодыми еще людьми. Мой доклад – большой (45 минут) на пленуме конференции был встречен очень хорошо, настолько, что я этого ни в коем случае не ожидал. Не говоря уже об очень оживленной дискуссии, после доклада ко мне подходило много людей с вопросами и просьбами прислать оттиски. Я докладывал на конференции свои работы по поведению и поведенческой селекции лисиц и в связи с этим известные Вам представления о дестабилизирующем отборе. Я обдумывал все время эту проблему, и сама постановка вопроса о такой форме отбора (может быть, лучше сказать функцией отбора) не кажется мне абсурдной, хотя Р.Л.Берг очень возражает в принципе против этого

понятия. Обсуждал я этот вопрос с Уоддингтоном, с которым тоже виделся в известном Вам Inst. of Animal Genetics. Насколько я мог понять его реакцию, она была положительной. Но сам Уоддингтон производит впечатление человека очень утомленного и погруженного исключительно в свои мысли. В этом же институте виделся с А.Робертсоном, Мак-Ларен, с обоими я был знаком и раньше. Хотелось познакомиться с Фалконером, но он был в отъезде – в Париже. На обратном пути 2 дня провел в Лондоне и очень жалею, что так мало. Этот город произвел на меня огромное впечатление, может быть больше всего обилием накопленных в нем ценностей культуры. Но времени было очень мало и, например, в Британском музее я почти бегом пробежал лишь Египетский отдел, а на остальное уже не было времени. Вся моя поездка была еще до нашей ссоры с Англией; может быть, если бы она была (если бы была!) после нее, то все было бы иначе.

Теперь я должен еще ехать в Чехословакию на 10 дней, читать там лекции и знакомиться с биологией. Чехи уже несколько раз меня приглашали, но я все откладывал поездку по разным причинам, но больше уже невозможно!

Очень рад за Вас, что Вы имеете возможность работать и писать. Это большое удовольствие! Я за последнее время совсем лишен возможности распорядиться собой.

Будьте здоровы, дорогой Петр Фомич, берегите себя.

Жму Вашу руку и кланяюсь Вашей семье.

Ваш. 13.11.79.

Д.К.Беляев. «Я верю в добрые начала человека...»

Вопрос. Как вы думаете, чем будет отличаться мир начала XXI в. от нынешних дней? Что человечество приобретет за полтора десятилетия и с чем распрощается навсегда?

Ответ. Хочется верить, что нашей планете к началу третьего тысячелетия удастся навсегда распрощаться с угрозой самоуничтожения. Вы спросите: возможно ли такое, когда запасы накопленного на земле ядерного оружия настолько велики, а возможность воспользоваться даже непроизвольно, настолько реальна, что третья мировая война, если она начнется, перерастет в глобальную катастрофу? И все же предотвратить самоуничтожение возможно, если все честные люди в оставшиеся годы XX в. направят свои усилия на то, чтобы с лица Земли навсегда исчезла тень атомной войны.

Если же говорить о научно-техническом прогрессе, то приметы будущих перемен видны уже сейчас.

В мирных условиях человек через полтора-два десятилетия детально изучит недра планеты, научится добывать сырье с больших глубин. Освоит околоземное космическое пространство, сможет длительное время жить и работать в условиях невесомости, создаст на орбите замкнутые экологические системы. Человек опояшет Землю скоростными магистралями, по которым будут курсировать «летающие» поезда.

Несомненны также будущие успехи в автоматизации, компьютеризации и электронизации всех сфер человеческой деятельности. Появятся ЭВМ пятого, а возможно, и шестого поколения. Это будут говорящие, думающие, самосовершенствующиеся машины. Получат широкое распространение персональные компьютеры, роботы, средства коммуникации.

Все это, верю, будет. Но каким будет сам человек, не берусь предсказать. Сделает ли эра технизации и роботизации человека более человечным? Вот вопрос.

Вопрос. И нет ли здесь опасности, что произойдут какие-то изменения в человеке на генетическом уровне?

Ответ. Данные, которые получены в нашем институте, позволяют именно так ставить вопрос.

Когда усиливается психоэмоциональное воздействие, когда нарастает частота стрессовых ситуаций (а именно это мы наблюдаем в последнее время), происходят и перестройки на генетическом уровне. Ученые уже установили несомненную связь между защитными реакциями организма и наследственным аппаратом. То, что стрессы издавна являются спутниками человека, известно. Но то, что влияние их, а следовательно, и значение возросло, – это главное учитывается недостаточно.

Поэтому, чем дальше в будущее, тем больше нужно беречь психику человека. Много зависит при этом от социального климата в обществе, от отношения людей друг к другу, от того, как будет выполнять общество свою воспитательную, гуманистическую функцию.

Хочется, чтобы в будущем, общаясь с компьютерами, человек не потерял связь с человеком.

Вопрос. Может ли к началу XXI в. появиться такое научное открытие, которое по своему значению можно было бы поставить в один ряд с законами Ньютона или теорией относительности Эйнштейна?

Ответ. Почти невозможно планировать в науке сроки появления крупных открытий. Но все же, если говорить о генетике, то, по-моему, в обозримом будущем можно ожидать два события, имеющих большое значение для познания законов жизни. Первое – будут разработаны кардинальные методы лечения злокачественных опухолей.

Второе – будет искусственно синтезирована жизнь. Я имею в виду не воспроизведение клетки на геноинженерном уровне, а как бы повторение того уникального процесса, который начался когда-то в природе: вот еще не жизнь – а вот уже жизнь! Как она началась? По этому вопросу мы имеем пока лишь различные гипотезы.

Вопрос. Решение этих важнейших задач можно было бы приблизить – откажись мир от гонки вооружений. Ведь ежегодно на эти цели расходуется около 700 миллиардов долларов. Представим, что вам доверили распределить высвободившиеся средства. Куда бы вы их направили?

Ответ. На земле голодают миллионы людей. Необходимо тщательно разрабатывать и в достаточной степени финансировать различные

продовольственные программы, прежде всего в слаборазвитых странах. Необходимо расширять медицинские исследования и значительно улучшить медицинское обслуживание.

Особенно важным я считаю также пересмотр нашего отношения (в глобальном, конечно, масштабе) к вопросам воспитания и образования. Темпы социального прогресса в значительной мере зависят от того, какими будут новые поколения людей.

Характер человека, его главные устремления формируются в раннем детстве. И с самого рождения необходимо следить за развитием тех или иных наклонностей, находить и поддерживать добрые начала. Особое внимание нужно обращать на психоэмоциональное поведение. В воспитании и образовании должно быть меньше стандартных схем, всегда нужно помнить, что каждый человек индивидуален. И психически, и генетически.

Я еще раз подчеркиваю огромное значение трудовой, нравственной, идейной, общеобразовательной, психологической подготовки подрастающих поколений людей.

Вопрос. Многие деятели на Западе изображают науку как «ящик Пандоры», полный неисчислимых страданий и несчастий, имея в виду использование научных достижений в военных целях. А каково ваше мнение? И принесет ли наука когда-нибудь человечеству счастье?

Ответ. Использование результатов научных исследований во имя добра или зла – это вопрос социальной зрелости общества. И все же, если говорить о прошлом и настоящем, то ясно, что наука принесла человечеству больше пользы, чем зла. Все, чего достигла современная цивилизация – полеты в космос, компьютеры, авиация, победы над многими болезнями, уносившими ранее миллионы жизней, и многое другое, – это результат применения научных знаний. Но в этом же ряду и порох, и военная техника, и атомная бомба, и страшная перспектива ядерной войны.

Мнение всех советских людей – от рабочего, ученого до политического деятеля: наука должна служить миру.

Вопрос. Что бы вы хотели пожелать человеку XXI в.?

Ответ. Быть добрым, т.е. социально ответственным, стремиться к взаимопониманию со всеми людьми, жить в мире. Нести подлинную ответственность за «братьев наших меньших» – весь живой мир планеты Земля. Не забывать, что человек – часть природы и должен жить с ней в единстве, изучая и постигая законы ее развития и ставя их себе на службу.

«Вопросы философии», 1986, № 4. С. 93-94.

Основные даты жизни Д.К.Беляева

Дмитрий Константинович Беляев родился 17 июля 1917 г. в селе Протасово Нерехтского района Костромской губернии (области).

1925–1927 – Учеба в сельской школе.

1927–1932 – Учеба в Москве.

1932–1933 – Учеба в вечерней школе, работа токарем на вагоноремонтном заводе.

1934–1938 – Студент Ивановского сельскохозяйственного института, окончил с отличием.

1938–1939 – Старший лаборант Центральной научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства Министерства внешней торговли СССР (ЦНИЛ).

1939–1941 – Младший научный сотрудник ЦНИЛ пушного звероводства.

1941–1945 – На фронте в рядах Советской Армии

1941–1942 – Рядовой стрелкового полка, Калининский фронт.

1942 – Начальник химической службы полка.

1942–1943 – Помощник начальника химического отдела дивизии 4-й Ударной армии.

1943–1944 – Старший помощник начальника химического отдела по оперативной и разведывательной работе полевого управления 4-й Ударной армии.

1944–1945 – Старший помощник начальника химического отдела штаба 4-й Ударной армии по оперативно-разведывательной работе. I Прибалтийский фронт.

VIII 1945–XII 1945 – Старший помощник начальника химического отдела штаба Степного военного округа по боевой подготовке.

1946 – Старший научный сотрудник отдела селекции и разведения животных ЦНИЛ пушного звероводства.

1946 – Присуждена ученая степень кандидата биологических наук за работу «Изменчивость и наследование серебристости меха серебристо-черных лисиц».

1946–1948 – Преподаватель курса и семинара по генетике пушных зверей в Московском пушно-меховом институте.

- 1946–1948 – Заведующий отделом селекции и разведения ЦНИЛ пушного звероводства.
- 1948 – Снят с работы за менделизм-морганизм.
- 1948–1952 – Назначен на должность старшего научного сотрудника отдела селекции и разведения.
- 1952–1957 – Старший научный сотрудник Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства и пантового оленеводства (ВНИЛЗО).
- 1957–1958 – Заведующий отделом разведения научно-исследовательского института пушного звероводства и кролиководства.
- 1958 – Заведующий отделом генетики животных Института цитологии и генетики СО АН СССР (ИЦиГ).
- 1958 – Заведующий лабораторией частной генетики животных ИЦиГ СО АН СССР.
- 1958 – Исполняющий обязанности заместителя директора ИЦиГ СО АН СССР.
- 1959–1965 – Исполняющий обязанности директора ИЦиГ СО АН СССР.
- 1959–1985 – Председатель ученого совета ИЦиГ, председатель теоретического семинара, председатель философского и межлабораторного семинаров ИЦиГ.
- 1961–1985 – Заведующий кафедрой биологии Новосибирского государственного университета, а с 1969 г. кафедрой цитологии и генетики НГУ.
- 1962 – Заведующий лабораторией эволюционной генетики животных ИЦиГ СО АН СССР.
- 1964 – Избран членом-корреспондентом АН СССР.
- 1965–1985 – Депутат Новосибирского Совета народных депутатов.
- 1965 – Заместитель главного редактора журнала «Генетика».
- 1965 – Утвержден в должности директора ИЦиГ СО АН СССР.
- 1966 – Вице-президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н.И.Вавилова СССР (ВОГиС).
- 1967–1977 – Председатель ВОГиС СО АН СССР.
- 1968–1985 – Председатель Научного совета по проблемам генетики и селекции при президиуме АН СССР.

- 1969–1985 – Председатель Совета ветеранов Великой Отечественной войны Советского района г. Новосибирска.
- 1972 – Избран действительным членом Академии наук СССР.
- 1973–1978 – Генеральный секретарь XIV Международного генетического конгресса в Москве.
- 1975 – Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники при Совете Министров СССР.
- 1976–1985 – Заместитель председателя президиума СО АН СССР.
- 1976–1985 – Председатель специализированного ученого совета по защите докторских диссертаций ИЦиГ СО АН СССР.
- 1977–1985 – Член комиссии ЦК ВЛКСМ по премиям Ленинского комсомола в области науки и техники.
- 1978–1985 – Организатор Алтайского экспериментального хозяйства по доместикации, гибридизации и сохранению генофонда животных и растений.
- 1978–1983 – Президент Международной генетической федерации.
- 1978–1985 – Заместитель председателя научного совета по проблемам Сибири, координатор раздела биологической программы «Сибирь».
- 1979–1985 – Член президиума СО ВАСХНИЛ.
- 1980–1985 – Председатель Объединенного ученого совета по биологическим наукам президиума СО АН СССР.
- 1983 – Президент Международной генетической федерации на XV Международном генетическом конгрессе.

Отечественные награды

1944 – Орден Красной Звезды.

1944 – Орден Отечественной войны II степени.

1945 – Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1945 – Медаль «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1948 – Медаль «В память 800-летия Москвы (1147–1947)».

1955 и 1957 – Серебряная медаль ВДНХ СССР.

1965–1985 – Юбилейные медали «20, 30, 40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

1965 и 1975 – Золотые медали ВДНХ СССР за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства.

1967 – Орден Ленина.

1967 и 1978 – Юбилейные медали «50 и 60 лет Вооруженных Сил СССР».

1970 – Медаль «За доблестный труд».

1971, 1974, 1984 – Серебряные медали ВДНХ СССР.

1975 – Орден Ленина.

1979 – Авторское свидетельство на изобретение «Способ ускорения созревания меха у норок» (совместно с Д.В.Клочковым).

1979 – Почетный знак СКВВ (Советский комитет ветеранов войны).

1980 – Памятная медаль СКВВ в честь 35-летия Победы в Великой Отечественной войне.

1982 – Премия АН СССР им. Н.И.Вавилова за серию работ по теме «Экспериментальное исследование доместикации животных» (совместно с Л.Н.Трут).

1982 – Памятная медаль в честь 25-летия Советского комитета ветеранов войны.

1982 – Орден Октябрьской Революции.

1985 – Орден Отечественной войны II степени.

1987 – Диплом II степени президиума СО АН победителя конкурса фундаментальных работ 1987 г. за работу «Генетико-эволюционные аспекты стресса» (в составе коллектива авторов ИЦиГ СО АН СССР).